А.Л. Бурков

Конвенция о защите прав человека в судах России

Wolters Kluwer
Москва
Волтерс Клувер 2010

УДК 341.64:347.9(470+571)
ББК 67.410.1(2Рос)+67.910.822-328
Б91

Сведения об авторе: Бурков Антон Леонидович — доктор юридических наук (Университет Кембриджа), магистр международного права (Университет Эссексса), кандидат юридических наук (Тюменский государственный университет).

Бурков, А.Л.
Б91 Конвенция о защите прав человека в судах России / А.Л. Бурков ; предисл. — А.И. Ковлер. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 448 с.

ISBN 978-5-466-00532-5 (в пер.)

В работе исследуется степень применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод в судах России и проблемы, с которыми юристы сталкиваются при ведении дел с использованием положений Конвенции. Также исследуется специфический инструмент российской правовой системы, которым оперируют юристы для применения Конвенции, — постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Исследование предлагает представителям академических кругов вступить в дискуссию относительно предложенного видения природы постановлений Пленума Верховного Суда РФ (скорее административный, нежели судебный акт), а также вопроса применения Конвенции в российской правовой системе.

Представители юридической профессии могут воспользоваться предлагаемыми методами применения норм Конвенции, чтобы у россиян не возникало поводов для обращения в Европейский суд по правам человека. Ученые, преподаватели, аспиранты, студенты могут воспользоваться не только выводами данной книги, но и первичными материалами, собранными в процессе проведения исследования (судебная практика, интервью).

Для преподавателей, студентов, аспирантов юридических вузов, а также для судей, адвокатов и любого, кто ведет дела в судах.

УДК 341.64:347.9(470+571)
ББК 67.410.1(2Рос)+67.910.822-328

© Бурков А.Л., 2009
© Ковлер А.И., предисл., 2009
© Волтерс Клувер, 2010

ISBN 978-5-466-00532-5

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как судья Европейского суда по правам человека я получаю от авторов немало публикаций по проблемам европейского правосудия и применения Европейской Конвенции в нашем Отечестве. Написаны они с разной степенью компетентности, но всегда заинтересованно и даже «пафосно» — проблема защиты прав человека редко кого оставляет равнодушным... Но вот беда — нередко авторы открывают для себя уже известные истины (как-никак Конвенция действует в России с 5 мая 1998 г.) и спешат поделиться своим открытием с читателем, оставляя досадное ощущение *déjà vu*.

Представляемое издание — это работа иного рода, работа зрелого автора, на счету которого уже немало интересных публикаций на заявленную тему, прежде всего в серии «Международная защита прав человека», издаваемой в Екатеринбурге и высоко ценимой специалистами и правозащитниками. В одной из них — «Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России» — автор вплотную подошел к теме предлагаемой нашему вниманию настоящей работы[1].

---

[1] См.: *Применение* Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006.

Почему автор избрал именно этот аспект — роль Постановлений (а я настаиваю на написании этого слова с заглавной буквы) Пленума Верховного Суда Российской Федерации?

Российская Федерация как участник Конвенции признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Тем самым был открыт путь реализации права граждан обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, закрепленного в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, а сама Конвенция в силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ стала составной частью правовой системы государства российского.

Инкорпорирование Европейской Конвенции в правовую систему Российской Федерации и необходимость применения национальными судами как самой Конвенции, так и прецедентной практики Европейского суда подтверждены актами высших судов Российской Федерации. Прежде всего это многочисленные Постановления и Определения Конституционного Суда РФ[1], в которых нашла отражение практика применения Конвенции по самому широкому спектру правовых проблем.

Уже в 1999 г. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в Информационном письме от 20 декабря 1999 г.[2] и в ряде последующих Постановлений изложил требования ст. 6 «Право на справедли-

---

1 См.: *Европейские* правовые стандарты в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации / отв. ред. Ю.Ю. Берестнева. М., 2003; *Зорькин В.Д.* Роль Конституционного Суда Российской Федерации в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1; *Витрук Н.В.* Практика Конституционного Суда Российской Федерации в контексте действия Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Российское правосудие. 2006. № 3; *Бурков А.Л.* Конституционный Суд Российской Федерации и прецедентная практика Европейского Суда по правам человека // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2009. № 3.

2 Информационное письмо Верховного Суда РФ от 20 декабря 1999 г. № С1-7/СМП-1341 «Об основных положениях, применяемых Европейским судом по правам человека при защите имущественных прав и права на правосудие».

вое судебное разбирательство» и ст. 1 «Защита собственности» Протокола 1 к Конвенции применительно к толкованию прецедентов Европейского суда и обязал все арбитражные суды страны принимать во внимание эти требования при рассмотрении исков[1]. Кстати, на сегодняшний день именно в системе арбитражных судов наиболее последовательно закреплен принцип правовой определенности благодаря четко выстроенной системе апелляционных и кассационных судов и единственной на всю страну надзорной инстанцией в лице Высшего Арбитражного Суда РФ.

Для любого юриста очевидно, что сердцевиной системы правосудия всегда были и остаются суды общей юрисдикции: мировые, районные, городские, областные (краевые, Верховные Суды республик), а на вершине пирамиды — Верховный Суд Российской Федерации, определяющий правоприменительную политику судов Постановлениями своих Пленумов. Именно поэтому понятно стремление автора провести своего рода «лабораторный анализ» особой природы Постановлений («квазинормативные акты в теории и практике», по мнению автора) и их значение для единообразного применения судами национального законодательства (глава 4), а также для применения международных норм по правам человека в национальной судебной практике (глава 5).

Хотелось бы напомнить, что Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указал судам общей юрисдикции, что применение ими Конвенции обязательно и должно осуществляться с учетом практики Европейского суда во избежание любых нарушений Конвенции. Отметим среди прочих важных положений Постановления положения принципиального характера: «*Выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для за-*

---

[1] См.: *Нешатаева Т.Н.* О компетенции Европейского Суда по правам человека в отношении имущественных прав // Вестник ВАС РФ. 1999. № 4; *Уроки* судебной практики о правах человека: европейский и российский опыт. М., 2007.

явителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер» (п. 11 указанного Постановления).

Работа А.Л. Буркова фундаментальна по охвату проблем применения в России Конвенции судами общей юрисдикции. Верный освоенному в Кембридже методу интервьюирования как необходимой составной части любого исследования, автор пытается выяснить путем интервью степень осведомленности судейского корпуса о положениях Конвенции, «оправдательные» причины отказа от применения этих положений в повседневной судебной практике, проблемы юридического образования и в целом заинтересованности в изучении Конвенции судьями, адвокатами, правозащитниками.

Книга провокационна по своей направленности — в изначальном смысле латинского *provocare* — будить мысль, приглашать к размышлению. Лично я не согласен с утверждениями и выводами автора в плане «недостатков» постановлений Пленумов ВС РФ, «позднего принятия» постановления Пленума 2003 г. Участвуя вместе с представителями Европейского суда и экспертами Совета Европы в обсуждении проектов постановления на Пленуме 10 октября 2003 г., могу засвидетельствовать, что каждое его положение тщательно обсуждалось и рождалось в спорах специалистов. Что касается «позднего принятия» в октябре 2003 г., то следует иметь в виду, что первое постановление по жалобам из России Европейский суд вынес по делу Бурдова 7 мая 2002 г., а к осени 2003 г. их было вынесено всего пять — было бы, мягко говоря, неразумно выносить постановление на «пустом месте». Уместно вспомнить слова Бисмарка о том, что русские долго запрягают, но быстро ездят... Хотя всегда желательнее постоянная методичная работа по стимулированию применения Конвенции всеми судами, чем скачки наперегонки. Подобное «запоздание» Верховный Суд РФ с лихвой компенсировал в послед-

ние годы, приняв ряд специальных постановлений, инициировав законопроект об ответственности и компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и исполнение судебного акта в разумный срок, проведя частичную (согласен, что пока недостаточную) реформу надзора в уголовном и гражданском судопроизводстве, приняв в октябре 2009 г. два «революционных» (это написал не склонный к подобным комплиментам «Московский комсомолец») постановления по предварительному заключению подследственных и по системе наказаний, определяемых судами, следуя букве и духу постановлений Европейского суда. Я мог бы отреагировать и на иные «придирки» автора, но не хочу навязывать здесь своего мнения и нарушать ст. 10 Конвенции «Свобода выражения мнения». Считаю при этом, что мнение автора этой интересной работы — это мнение человека неравнодушного, «болеющего душой» за правду, а это важнее всяких нюансов в оценках.

Напомню лишь, что в последнее время Верховный Суд РФ собственным примером нередко демонстрирует нижестоящим судам, каким образом применять положения Конвенции в судебной практике. Так, в Определении от 29 января 2009 г. по надзорной жалобе Управления социальной защиты г. Армавира он оставил без изменения Определение судебной коллегии по гражданским делам Краснодарского краевого суда, а надзорную жалобу — без удовлетворения, указав, что «*отмена указанного решения в порядке надзора приведет к нарушению принципа правовой определенности, который, как неоднократно указывал Европейский суд по правам человека в своих постановлениях, в частности по делу „Рябых против Российской Федерации“ от 24 июля 2003 года, среди прочего, требует, чтобы принятое судами окончательное решение не могло бы быть оспорено*». Он четко мотивировал свою позицию: «*Правовая определенность подразумевает недопустимость повторного рассмотрения однажды решенного дела. Принцип закрепляет, что ни одна из сторон не может требовать пересмотра окончательного и вступившего в законную силу постановления только в целях проведения повторного слушания и получения нового постановления. Полномочие вышестоящего суда по пересмотру дела должно осуществляться в целях исправления судебных ошибок, неправильного отправления правосудия, а не пересмотра по существу. Пересмотр не может считаться скрытой формой обжалования, в то время как лишь возможное наличие двух точек зрения по одному вопросу не может являться основанием для пересмотра. Отступления*

от этого принципа оправданны, только когда являются обязательными в силу обстоятельств существенного и непреодолимого характера». Остается пожелать, чтобы подобных Определений — хороших и разных — становилось день ото дня больше.

Мне уже приходилось отмечать определенное «сопротивление материала» (значительной части судейского корпуса) жестким европейским стандартам правосудия, оспаривание многими правоведами международной правосубъектности индивида или роли судебного прецедента как источника права, различные подходы к принципу правовой определенности и роли надзорной инстанции. Отголоски этих дискуссий читатель найдет и в работе А.Л. Буркова. Но это сопутствующие явления при встрече двух самобытных (и добавим: самодовлеющих) правовых систем, обреченных на сосуществование. Аналогичные проблемы возникали и продолжают возникать при стыковке системы Конвенции с правовыми системами других стран. Но это уже сюжет для другого исследования, на которое хочется спровоцировать автора.

Напоследок хочется сказать: за довольно «сухим» (если не сказать тоскливым) названием работы бьется мысль неординарного исследователя, вобравшего в себя традиции российского и западного правоведения, виртуозно владеющего исследуемым материалом и демонстрирующего завидную свободу суждений. А адекватное толкование и применение норм Конвенции и прецедентов Европейского суда требуют именно такого комплексного подхода.

доктор юридических наук, профессор,
Судья Европейского суда по правам человека,
избранный от Российской Федерации,
А.И. Ковлер

Посвящается
Сергею Беляеву

ОТ АВТОРА

Идея данной книги родилась в процессе ведения дел в судах судебной системы РФ юристами общественной организации «Сутяжник» (г. Екатеринбург) с применением российского законодательства таким образом, чтобы не нарушались права и интересы, закрепленные в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция). Кроме решения конкретных юридических вопросов клиентов, главной задачей ведения дел в судах было убедить судей принимать постановления, соотнося полученный при рассмотрении дела вывод с юридическими гарантиями, закрепленными в Конвенции. Кампания по стратегическому ведению дел по применению Конвенции поставила перед юристами несколько вопросов: как убедить судей обращаться к Конвенции для ее применения в национальных судебных постановлениях; как помочь юристам России (страны континентальной системы права) в их усилиях использовать Конвенцию (инструмент прецедентной системы права) для ведения дел в судах; что должны сделать государственные органы, чтобы обеспечить выполнение обязательства ст. 1 Конвенции (защита прав человека, закрепленных в Конвенции, на национальном уровне).

Воплощение идеи исследования началось с написания магистерской диссертации, представленной на защиту в 2004 г. по програм-

ме «Международные средства защиты прав человека» в Университете Эссексса. В процессе работы над диссертацией под научным руководством профессоров Франсуасы Хампсон и Кевина Бойла, рассматривалась возможность опубликования работы на русском и английском языках. Сразу после завершения диссертация была трансформирована в материалы тренинга для адвокатов и судей по вопросам исчерпания внутренних средств правовой защиты и применения Конвенции в российских судах. Материалы магистерской диссертации, проверенные в серии тренингов, были оформлены в книгу «Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России»[1].

После года тестирования выводов магистерской диссертации путем ведения судебных дел в рамках проекта ОО «Сутяжник» по стратегическому применению Конвенции в национальных судах и проведения тренингов по Конвенции было принято решение продолжить исследование проблемы применения Конвенции в российской судебной системе. На этот раз исследование было сосредоточено на одном типе российского нормативного акта, который потенциально способен привести к положительным изменениям в области применении Конвенции в судах России, — постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

В период подготовки данной книги сделанные выводы были проверены в процессе ведения дел в судах России и Европейском суде по правам человека (далее — ЕСПЧ), а также на семинарах Совета Европы по вопросам применения Конвенции, в которых автор книги выступал в качестве эксперта Совета Европы.

Данная книга применима в различных областях: судебной практики, юридической науки, преподавания, политики.

Во-первых, данная работа имеет важное практическое значение для судей, адвокатов и любого, кто ведет и (или) участвует в делах в судах общей юрисдикции. Российская судебная практика не полностью приняла концепцию применения норм международного права в национальных судебных постановлениях. Несмотря на то что действующее законодательство значительно отличается от Советского

---

1 *Применение* Европейской конвенции по правам человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006 // <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

законодательства, судебная практика все еще идет по старому пути — неприятия норм международного права. Важно не только реформировать судебную практику в сторону более активного применения Конвенции, но и найти инструмент, способный конвертировать прецеденты ЕСПЧ в юридическую форму, более удобную для восприятия рядовым юристом в России, которая является страной с континентальной системой права.

Представители юридической профессии (судьи, прокуроры, адвокаты и просто юристы, ведущие дела в судах) могут воспользоваться методами применения норм Конвенции и правовых позиций постановлений ЕСПЧ, предлагаемыми в данной работе, не дожидаясь, когда Верховный Суд РФ приступит к реформам работы судов общей юрисдикции в этой области.

Во-вторых, данная работа важна как для юридической науки, так и для изучения Конвенции в рамках преподавания и изучения профильных дисциплин в юридических вузах. Исследование предлагает представителям академических кругов вступить в дискуссию относительно предложенного, отличного от общепринятого, видения природы постановлений Пленума Верховного Суда РФ (административный, нежели судебный акт), а также относительно неоднозначного вопроса применения Конвенции в российской судебной системе. В отличие от данных, полученных в процессе проведения настоящего исследования, ученые-юристы, как правило, положительно оценивают применение Конвенции в национальных судах. По этой причине они не высказывают озабоченности относительно состояния применения гарантий Конвенции, не работают над изданием учебников по Конвенции в целом и, в частности, ее применения в судах России. Данное исследование способно внести свой вклад в изменение содержания преподавания курса по международному праву. Ученые, преподаватели, студенты могут воспользоваться не только выводами данной книги, но и первичными материалами, собранными в процессе проведения исследования (судебная практика, интервью). Последние убедительно демонстрируют, как применение Конвенции на практике может отличаться от положений законодательства.

В-третьих, но не в последнюю очередь, книга ставит вопрос перед политиками Российской Федерации и Совета Европы: в чем причина отсутствия политической воли для более широкого применения Конвенции в целом и, в частности, для принятия более качественных

постановлений Пленумом Верховного Суда РФ? В процессе работы над данным исследованием материалы исследования размещались на веб-сайте «Изучаем Европейскую конвенцию», который доказал свою востребованность среди юристов и студентов[1].

доктор юридических наук (Университет Кембриджа),
магистр права (Университет Эссексса),
кандидат юридических наук (ТюмГУ),
А.Л. Бурков
Эл. адрес: ab636@cantab.net

[1] См.: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school>.

ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Проведение данного исследования и его публикация стали возможны благодаря многим людям и организациям.

Больше всего я благодарен моему научному руководителю докторской диссертации в Университете Кембриджа, профессору Дэвиду Фэлдману. На меня оказали сильное впечатление его способности направлять студента, тщательно проверять результаты работы, давать детальные и справедливые замечания и в то же время его желание дать докторанту свободу в воплощении идей.

Искренне благодарен моим научным руководителям по магистерской диссертации профессору Франсуас Хампсон и Кевину Бойлу из Эссексского Университета, где получили первое развитие идеи настоящей работы. Часы, проведенные в ожидании у дверей профессора Хампсон во времена написания магистерской диссертации, компенсировались еще более долгими часами обсуждения проблем исследования. Встречи не заканчивались до тех пор, пока все вопросы не были обсуждены детально, даже если стрелки часов переваливали за полночь. Научные руководители из Эссексса продолжали оказывать мне свою поддержку и после окончания Эссексского Университета, каждый раз при обращении к ним за советом. Я в большом долгу перед профессором Кевином Бойлом, который дал мне нуж-

ный импульс именно в самый трудный момент работы над докторской диссертацией.

Благодарен моему научному руководителю по кандидатской диссертации доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки РФ Демьяну Николаевичу Бахраху за его моральную поддержку в течение работы над докторской диссертацией.

Особо благодарен профессору Колумбийского университета Эдвину Рикошу, рекомендовавшему меня для проведения данного исследования в Университете Кембриджа.

Также благодарен профессору Питеру Соломону из Университета Торонто, который направлял меня и обсуждал со мной первоначальный план диссертационного исследования, а также профессору Вильяму Батлеру Школы Права Диккенсона Университета штата Пенсильвания, который, как и профессор Соломон, тщательно просмотрел, рецензировал и дал свои замечания на исследовательскую работу первого года обучения в докторантуре, которая стала основой, одной из ключевых глав диссертации.

Хочется выразить благодарность профессору Брюсу Брумхоллу, директору Центра по изучению международного права и глобализации Квебекского Университета в Монреале, за гостеприимство в течение трех месяцев проведения исследования в Монреале, а также профессору Питеру Лупрехту, директору Института международных исследований Квебекского Университета в Монреале, членам Центра по изучению международного права и глобализации Квебекского Университета в Монреале: Гиёму Флери, Мари-Лоранс Хеберт-Долбек, Карин Болдук, Николасу Страпатсан. Особую благодарность выражаю моему другу Барбаре Бедонт за то, что познакомила меня с этими замечательными людьми.

Хотелось бы отметить помощь профессора Била Бауринга из Бирбекк Колледжа Университета Лондона и профессора Тюменского Университета Сергея Юрьевича Марочкина за их комментарии к главам 2 и 3 соответственно.

Благодарен судье Европейского суда по правам человека, назначенному от России, профессору Анатолию Ивановичу Ковлеру и доктору Марку Эллиотту за их тщательную оценку и оппонирование по докторской диссертации.

Это исследование не было бы осуществлено без значительной помощи моих коллег из общественной организации «Сутяжник», в частности президента организации Сергея Ивановича Беляева и

членов и юристов организации Людмилы Михайловны Чуркиной, Натальи Павловны Ермиловой, Романа Евгеньевича Качанова и Андрея Юрьевича Тверякова. Я в большом долгу перед Сергеем Ивановичем Беляевым за его проницательные комментарии, за предоставленную возможность проверить полученные результаты исследования на практике, а главное за моральную поддержку. Данная книга посвящается Сергею Ивановичу Беляеву.

Приятно осознаю свой долг перед моей замечательной коллегой Анной Валентиновной Деменевой, которая самозабвенно вычитала текст данной книги, потратив на это редких на Урале две недели теплых октябрьских вечеров.

Особое спасибо моему клиенту Валентине Николаевне Михайловой, которая стала моим другом в течение работы над судебными делами, за помощь в подборе необходимых материалов из русскоязычных юридических библиотек.

Высоко ценю комментарии Галины Юрьевны Араповой, ведущего юриста и директора Центра защиты прав СМИ, Владислава Валентиновича Быкова, бывшего юриста Фонда защиты гласности, Марджори Факрухарсон, независимого консультанта, специализирующегося на исследовании по правам человека и институционального развития в бывшем СССР, Евгения Финкова, президента Ростовской региональной общественной организации «Труды и дни», Сергея Голубка, юридического референта секретариата Европейского суда по правам человека, Кирилла Коротеева, научного сотрудника Парижского Университета 1, Татьяну Георгиевну Мерзлякову, Уполномоченного по правам человека Свердловской области; моего друга с институтской скамьи Илью Анатольевича Полуяхтова, юриста юридической фирмы Линклейтерс СНГ, Ирину Протасову, Председателя общественной организации «Человек и закон» и Илью Владимировича Сиволдаева, юриста общественной приемной при Уполномоченном по правам человека РФ в Воронежской области.

Хотелось бы поблагодарить Кембриджский Международный Фонд за присуждение мне стипендии ТНК-ВР имени Петра Капицы, что позволило мне осуществить данное исследование.

Невозможно не выразить благодарность членам моей большой семьи, которые поддерживали меня, мои идеи и проекты на протяжении всей моей сознательной жизни.

Эта публикация никогда не состоялась бы без моральной поддержки и помощи, оказанной моими друзьями: Джудит Ахренс,

Вильямом Анспак, Снейей Авророй, Эндю Блэйном, Лесли Карвелло, Елизаветой Колс, Эдвардом Клайном, Дагласом Крамером, Нилом Мессером, Клайр Моркле, Шейном Ралстоном, Мишель Сандерсон, Вэлери Сперлинг, Ники Тороуд и Галиной Вихровой. Искренне надеюсь, что главы, которые они вычитывали, были занимательными.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие III

От автора IX

Признательность XIII

Глава 1. Введение 1

1.1. Вступление России в Совет Европы 1

1.2. Влияние на правовую систему Российской Федерации: гарантии Конвенции для «внутреннего применения» 5

1.3. Предмет и структура книги 6

1.4. Методы исследования 9

Глава 2. Международное право в советской правовой системе 12

2.1. Доктрина о применении международного права в национальной правовой системе 13

2.1.1. Источники международного права 13

2.1.2. Национальный статус норм международных договоров ... 16
2.1.3. Индивиды как субъекты международного права ... 20
2.2. Конституции и законодательство СССР о международном праве ... 24
2.2.1. Первый период (1918–1924): отсутствие конституционных положений о международном праве ... 25
2.2.2. Второй период (1924–1960): законодательство о публикации международных договоров ... 26
2.2.3. Третий период (1960–1985): законодательство о статусе международного права ... 33
2.2.4. Четвертый период (1985–1993): появление конституционных положений, касающихся статуса международного права ... 37
2.2.4.1. Конституционные положения ... 37
2.2.4.2. Положения законодательства ... 45
2.3. Практика судов СССР по применению норм международного права ... 48
2.4. Заключение ... 53

Глава 3. Нормативные акты Российской Федерации о применении Конвенции о защите прав человека ... 56
3.1. Конституция РФ о статусе Конвенции о защите прав человека ... 57
3.1.1. Правозащитное содержание Конституции РФ ... 58
3.1.2. Положения Конституции РФ о международном праве ... 59
3.2. Статус практики Европейского суда по правам человека в российской правовой системе ... 66
3.2.1. Юридическая наука ... 68
3.2.2. Законодательство ... 74

3.2.3. Практика Конституционного Суда РФ 78
3.3. Заключение 85

Глава 4. Природа постановлений Пленума Верховного Суда РФ и их значение для единообразного применения национального законодательства 87

4.1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как не акты правосудия 87
4.1.1. Решения Сената как предшественники постановлений Пленума Верховного Суда РФ 89
4.1.2. Эволюция постановлений Пленума Верховного Суда РФ: несудебная природа постановлений 94

4.2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как подзаконные нормативные акты в законодательстве и на практике 106
4.2.1. Законодательство 107
4.2.2. Судебная практика 110
4.2.2.1. Содержание и форма постановлений Пленума Верховного Суда РФ как носителей новых норм права 111
4.2.2.2. Система исполнения постановлений Пленума Верховного Суда РФ 115
4.2.2.2.1. Общий надзор за исполнением постановлений Пленума Верховного Суда РФ 116
4.2.2.2.2. Пересмотр судебных постановлений 116

4.3. Заключение 125

Глава 5. Обзор постановлений Пленума Верховного Суда РФ о применении международных норм по правам человека в национальной судебной практике 127

5.1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ по международному праву 127

5.2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 130
5.2.1. Специальные постановления Пленума Верховного Суда РФ 131
5.2.2. Общие постановления Пленума Верховного Суда РФ 135
5.3. Заключение 140

Глава 6. Применение Конвенции о защите прав человека в практике судов конституционной и общей юрисдикции 142
6.1. Конституционный Суд РФ 144
6.2. Уставный суд Свердловской области..... 149
6.3. Верховный Суд РФ..... 151
6.3.1. Практика Верховного Суда РФ до Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2003 г. 152
6.3.2. Практика Верховного Суда РФ после Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2003 г. 158
6.4. Районные и областные (конституционные) суды..... 172
6.5. Заключение 222

Глава 7. Препятствия для применения Конвенции о защите прав человека и постановлений Европейского суда по правам человека в национальных судах..... 225
7.1. Отсутствие осведомленности о Конвенции о защите прав человека как главное препятствие в ее применении российскими судами 227
7.1.1. Отношение судей к Конвенции о защите прав человека 227
7.1.2. Отношение ведущих судебные дела юристов к Конвенции о защите прав человека 234

7.1.3. Причины неприменения Конвенции о защите прав человека 240

7.2. Повышение уровня знания Конвенции о защите прав человека 249

7.2.1. Высшее юридическое образование 249

7.2.2. Дополнительное образование 254

7.2.3. Самообразование 258

7.2.4. Заинтересованность в изучении Конвенции 261

7.3. Заключение 270

Глава 8. Недостатки постановлений Пленума Верховного Суда РФ, влияющие на эффективность непосредственного применения Конвенции о защите прав человека 273

8.1. Позднее принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2003 г. 274

8.2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ принимаются после вынесения Европейским судом по правам человека постановлений против России 277

8.3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняют только правовые принципы, примененные Европейским судом по правам человека по российским делам 280

8.4. Недетализированность постановлений Пленума Верховного Суда РФ 282

8.4.1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, воспроизводящие текст Конвенции о защите прав человека 283

8.4.2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие разработанные Европейским судом по правам человека принципы 286

8.5. Отсутствие ссылок на конкретные постановления Европейского суда по правам человека 292

8.6. Пленум Верховного Суда РФ медленно следует своим разъяснениям о необходимости дальнейшего принятия постановлений, разъясняющих гарантии Конвенции о защите прав человека 297

8.7. Заключение 298

Глава 9. Заключение 300

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы, необходимые для применения Конвенции и постановлений Европейского суда по правам человека в судах 311

1. Устав Совета Европы 311

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 312

3. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)4 государствам-участникам по вопросу изучения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в университетах и в рамках профессионального обучения (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии) 312

4. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)5 государствам — участникам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов

и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии) 320

5. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)6 государствам-членам относительно совершенствования внутренних средств правовой защиты (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии) 328

6. Пояснительная записка по вопросу о подписании Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней 338

7. Конституция РФ (*извлечения*) 339

8. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (*извлечения*) 342

9. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» (*извлечения*)..... 342

10. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» (*извлечения*)..... 343

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» (*извлечения*)..... 344

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 1999 г. № 79 «О ходе выполнения Постановления

Пленума Верховного Суда РФ
от 24 августа 1993 г. № 7
„О сроках рассмотрения уголовных
и гражданских дел судами РФ“» (*извлечения*)..... 346

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ
от 10 октября 2003 г. № 5
«О применении судами общей юрисдикции
общепризнанных принципов
и норм международного права
и международных договоров
Российской Федерации»..... 348

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ
от 19 декабря 2003 г. № 23
«О судебном решении» (*извлечения*)..... 359

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ
от 24 февраля 2005 г. № 3
«О судебной практике по делам
о защите чести и достоинства граждан,
а также деловой репутации граждан
и юридических лиц» (*извлечения*) 360

16. Решение Псковского городского суда
Псковской области от 28 октября 2003 г.
по делу по иску Федорова Б.А.
к Управлению социальной защиты населения
г. Пскова о понуждении к выплате сумм
возмещения вреда, а также об обязании
повышать ежеквартально суммы выплат
в возмещение вреда
(применение ст. 6 Конвенции,
решения *Бурдов против России*,
а также пункта 11 Постановления
Пленума Верховного Суда РФ
от 10 октября 2003 г. № 5
«О применении судами общей юрисдикции
общепризнанных принципов и норм
международного права
и международных договоров
Российской Федерации») 364

17. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 1 июня 2004 г. по делу по иску Администрации г. Екатеринбурга к Беляеву С.И., ЗАО «Информационное Агентство „Регион-Информ“», редакции «Областной газеты» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений (применение положений пункта 1 статьи 10 Конвенции и прецедентного права Европейского суда) 369

18. Кассационное определение Свердловского областного суда от 23 октября 2003 г. по гражданскому делу по жалобе Б. на бездействие Законодательного Собрания Свердловской области и Управление судебного департамента при Верховном суде в Свердловской области, поступившее по жалобе представителя Б. Деменевой А.В. на решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 16 июля 2003 г., которым постановлено: в удовлетворении жалобы отказать (неприменение статьи 6 Конвенции и постановления *Посохов против России*)..... 381

19. Постановление Президиума Свердловского областного суда от 13 июля 2005 г. по уголовному делу по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора РФ на приговор Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 20 ноября 2002 г. (применение части 1 статьи 6 Конвенции и постановления *Посохов против России* в части рассмотрения дела

незаконным составом суда — народными заседателями) 384

Библиография 388

1. Международные договоры и другие документы 388
2. Практика Европейского суда по правам человека 389
3. Российское законодательство и другие нормативные акты 392
4. Постановления Пленума Верховного Суда СССР и РФ 394
5. Практика российских судов 396
   5.1. Конституционный Суд РФ 396
   5.2. Верховный Суд РФ 399
   5.3. Иные суды 402
6. Интернет-ресурсы 406
7. Интервью 407
8. Литература 410

ГЛАВА 1
Введение

1.1. Вступление России в Совет Европы

6 мая 1992 г. в письме Генеральному секретарю Совета Европы Российская Федерация выразила свое желание присоединиться к Совету Европы и намерение соблюдать принципы, закрепленные в ст. 3 Устава Совета Европы[1]. 28 февраля 1996 г. Российская Федерация присоединилась к Уставу Совета Европы, не выполнив ряда требований по обеспечению прав человека, установленных в отношении государств — членов организации.

Присоединение России произошло несмотря на отрицательный специальный отчет «Отчет Выдающихся Юристов» (*Eminent Lawyers Report*), в котором эксперты пришли к заключению, что «правопорядок Российской Федерации в настоящий момент не соответствует стандартам Совета Европы, закрепленным в его Уставе и развитым учреждениями Европейской конвенции по правам человека»[2].

---

1 См. приложение 1.

2 *Bernhardt R., Trechsel S., Weitzel A. and Ermacora F.* Report on the Conformity of the Legal Order of the Russian Federation with Council of Europe Standards // Human Rights Law Journal. 1994. № 15.

Интересно, что аналогичная оценка правовой системы Российской Федерации была дана директором Правового департамента Министерства иностранных дел России А. Ходаковым в Пояснительной записке от 30 января 1996 г. по вопросу о подписании Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней. В записке отмечалось: «На настоящий момент российское законодательство, за исключением Конституции Российской Федерации, и правоприменительная практика не в полной мере соответствуют стандартам Совета Европы»[1].

Процесс вступления России в Совет Европы вызвал обширные дебаты в учреждениях Совета Европы относительно пригодности кандидата[2]. Дебаты велись в большинстве своем по поводу политической ценности вступления России для каждой стороны, нежели по поводу соответствия уровня защиты прав человека в правой системе России европейским стандартам. Вступление России в Совет Европы носило в большей степени политический характер, а права человека оставались на второстепенном плане. Этот вывод с очевидностью следует из стенограмм заседаний в Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) и Государственной Думы Российской Федерации[3]. Ни Совет Европы, ни Россия не рассматривали уровень защиты прав человека в России в качестве аргумента в пользу присоединения. Наоборот, ситуация с соблюдением прав человека рассматривалась как аргумент против присоединения. Несмотря на это, Россия вступила в Совет Европы и стала одним из самых влиятельных членов организации.

Россия стремилась к вступлению в Совет Европы с тем, чтобы получить доступ к политической трибуне (доступа к которой нет у США), чтобы продвигать внешнюю политику России. Владимир Лукин, глава делегации Российской Федерации в ПАСЕ в то время, а сегодня Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, во время ведения дебатов в Государственной Думе по вопросу вступления России в Совет Европы отметил, что во время Сталина СССР

---

1 См. приложение 6.

2 См.: *Janis M.* Russia and the ‘Legality’ of Strasbourg Law // European Journal of International Law. 1997. № 8:1.

3 Описание дебатов см.: *Право* Совета Европы и Россия: сб. док. и мат. / под ред. И.П. Скворцова. М., 1996. С. 5–22, 71–81, 95–117.

вступил «в такую организацию, как Организация Объединенных Наций, и подписал Хартию о правах человека Организации Объединенных Наций»[1], и Сталин был «человеком с очень многими пороками и даже преступлениями, но очень не глупым и в своем роде (как он это понимал) отстаивающим интересы России»[2]. Как и в случае присоединения СССР к ООН, но не применения норм конвенций по правам человека в национальной правовой системе[3], вступление России в Совет Европы в большей степени было нацелено на отстаивание политических интересов России, нежели на продвижение защиты прав человека в соответствии с принципами Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Для России как правопреемника СССР присоединение к Совету Европы было очень важной политической целью, если принять во внимание, что в 1949 г. Совет Европы начал свое существование как «своего рода социальный и идеологический двойник военного аспекта сотрудничества, представленного Организацией Североатлантического договора... мотивированный частично интересами продвижения европейского единства и частично политического желания солидарности в условиях коммунистической идеологии»[4]. Итак, российское «политическое мнение было непосредственно сфокусировано в значительной степени на национальных интересах России»[5].

Что касается обязательств по соблюдению прав человека, закрепленных в Заключении ПАСЕ № 193 (1996) от 25 января 1996 г. по запросу России о вступлении в члены Совета Европы, то они были восприняты как «рекомендации»[6]. Более того, Президент России Бо-

---

1 Вероятно, В.П. Лукин имел в виду Всеобщую Декларацию прав человека ООН, от голосования за принятие которой СССР воздержался (принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года). — *Примеч. авт.*

2 Из стенограммы заседания Государственной Думы РФ 16 февраля 1996 г. Обсуждение вопроса «О принятии России в Совет Европы» // Право Совета Европы и Россия: сб. док. и мат. / под ред. И.П. Скворцова. М., 1996. С. 103.

3 Подробнее см. в гл. 2.

4 *Brownlie I.* Basic Documents on Human Rights. 1992. P. 325.

5 *Bowring B.* Russia's Accession to the Council of Europe and Human Rights: Compliance or Cross-Purposes? // European Human Rights Law Review. 1997. P. 632.

6 Мнение В.П. Лукина. См.: Из стенограммы заседания Государственной Думы 16 февраля 1996 г. Обсуждение вопроса «О принятии России в Совет Европы» // Право Совета Европы и Россия: сб. док. и мат. / под ред. И.П. Скворцова. С. 104.

рис Ельцин отметил, что «четыре основные конвенции Совета Европы должны быть ратифицированы как можно скорее... но добавил, что Россия не сможет незамедлительно применить стандарты Совета Европы...»[1].

Совет Европы допустил Россию к присоединению к организации, применив принцип «интеграция лучше изоляции; сотрудничество лучше противостояния»[2]. Аргументы Совета Европы в пользу присоединения России не были основаны на готовности России присоединиться к Совету Европы с точки зрения соблюдения стандартов европейского правопорядка. Главные аргументы не касались даже предположения, что присоединение поможет России реформировать ее правовую систему и что Российская Федерация «четко намерена и будет способна в ближайшее время соблюсти условия членства в Совете Европы», несмотря на то, что данные условия были отражены в п. 7 Заключения № 193. Аргументы основывались на предположении, что будет лучше принять Россию, чем оставить за бортом. Действительно, дебаты в ПАСЕ по вопросу принятия России в члены Совета Европы показывают несколько иную картину, чем можно увидеть из текста Заключения № 193. Проанализировав дебаты в ПАСЕ, профессор Билл Бауринг[3] пришел к выводу, что «большинство выступавших в пользу вступления России концентрировались на европейской безопасности и будущем проекта европейского единства, нежели на защите прав человека в России»[4]. «Россия не может быть отправлена из Страсбурга как ученик, не выучивший уроки» и «произойдет политический Чернобыль, если сегодня не примут Россию» — такого рода аргументы звучали в пользу вступления России[5].

---

1 *Bowring B.* Russia's Accession to the Council of Europe and Human Rights. P. 634.

2 *Muehlemann E.* Report on Russia's Request for Membership of the Council of Europe // Human Rights Law Journal 17, no. 3–6. 1996. P. 194.

3 Отрывки из дебатов см.: *Bowring B.* Russia's Accession to the Council of Europe and Human Rights. P. 632. Более подробное описание дебатов в ПАСЕ и голосования от 25 января 1996 г. см.: *Глотов С.А.* Право Совета Европы и Россия: союз состоялся // Право Совета Европы и Россия: сб. док. и мат. / под ред. И.П. Скворцова.

4 *Bowring B.* Russia's Accession to the Council of Europe and Human Rights. P. 632.

5 См.: *Глотов С.А.* Право Совета Европы и Россия: союз состоялся // Право Совета Европы и Россия: сб. док. и мат. / под ред. И.П. Скворцова. С. 6.

В соответствии с Заключением № 193 ПАСЕ приняла во внимание не существовавший правовой порядок, а лишь «готовность» Российской Федерации принять на себя обязательства совершить реформы в будущем, после вступления в Совет Европы и, в частности, после ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Еще во время вступления России в Совет Европы делались предположения, что такое вступление будет проблематичным для будущего соблюдения Конвенции, потому что, кроме всего прочего, «принимая во внимание отсутствие опыта у России по защите прав человека на уровне национального права, вероятно, что большое число нарушений Европейских норм по правам человека будут совершены в России, и что внутренние средства защиты не будут эффективными»[1].

1.2. Влияние на правовую систему Российской Федерации: гарантии Конвенции для «внутреннего применения»

5 мая 1998 г. Конвенция вступила в силу в отношении Российской Федерации. С этого момента лица, находящиеся под юрисдикцией Российской Федерации, могут представить нарушения Конвенции для рассмотрения перед Европейским судом по правам человека, а также, что более важно, защищать свои права в национальной правовой системе с применением гарантий Конвенции.

Основная идея международного права по правам человека — «принести права человека домой»[2]. Что касается Конвенции, то ядро этой идеи представлено в ее ст. 1. В соответствии со ст. 1 Российская Федерация предприняла обязательство обеспечивать «каждому, на-

---

1 *Janis.* Russia and the 'Legality' of Strasbourg Law. P. 98.

2 *Памфилова Э.А.* Главная цель международного права — «принести права человека домой» // Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Международная защита прав человека. Вып. 6. Екатеринбург, 2006. С. 10. <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

ходящемуся под [ее] юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I... Конвенции». Статья 1[1] не просто обязывает Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивать права человека и основные свободы, но также предписывает сторонам защитить и предоставить средства правовой защиты на национальном уровне[2].

В то же время есть основания полагать, что в России ратификация Конвенции в целом понимается как признание властями Российской Федерации юрисдикции ЕСПЧ рассматривать жалобы о предполагаемых нарушениях положений Конвенции. Другими словами, ратификация Конвенции воспринимается российскими гражданами как получение права «писать в Страсбург», право обращаться с жалобой в международный орган как панацея от нарушений всех прав[3].

По причине отсутствия применения гарантий Конвенции на национальном уровне, спустя 14 лет после присоединения к Совету Европы и 12 лет после ратификации Конвенции, Россия по абсолютным показателям лидирует по числу жалоб, направленных в ЕСПЧ. По состоянию на 31 декабря 2008 г. в ЕСПЧ находилось 27 250 жалоб против России из общего числа 97 300 жалоб (28% от общего числа)[4].

1.3. Предмет и структура книги

Изначально данное исследование было направлено в целом на то, чтобы определить степень применимости Конвенции в России и проблемы, с которыми юристы сталкиваются при ведении дел с при-

---

1 См. приложение 2.

2 См.: *Ireland v. UK* (Ирландия против Соединенного Королевства). Постановление ЕСПЧ от 18 января 1978 г. 2 E.H.R.R. no. 25. § 239.

3 См.: *Деменева А.В.* Европейский суд: панацея от всех бед? // Судебная защита прав граждан в ее наиболее эффективных формах: мат. науч.-практ. конф. / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2003. С. 36. <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/sud_zaschita.pdf>.

4 См.: *Европейский* суд по правам человека. Обзор деятельности за 2008 год. Секретариат Европейского суда по правам человека. Страсбург, 2009. С. 129. <http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/D5B2847D-640D-4A09-A70A-7A1BE66563BB/0/ANNUAL_REPORT_2008.pdf>.

менением Конвенции[1]. Впоследствии работа была сконцентрирована также и на исследовании специфического инструмента российской правовой системы, который может быть использован юристами для успешного применения Конвенции — постановления Пленума Верховного Суда РФ. Главный вопрос, проставленный в данной книге, — являются ли постановления (также называемые руководящими разъяснениями) Пленума Верховного Суда РФ эффективным средством применения Конвенции в российской правовой системе.

Главный вопрос был разделен на небольшие задачи, которые решались в отдельных главах.

Глава 2 **«Международное право в Советской правовой системе»** посвящена исследованию статуса международного права в Советской России. Путем анализа развития Советской правой системы с точки зрения восприятия данной системой норм международного права, глава демонстрирует корни существующей ситуации с применением международных норм по правам человека в российских судах. Задача данной главы — дать основу для понимания восприятия международного права судьями сегодня. Данная глава также помогает нам в полной мере оценить значимость конституционных реформ в сфере статуса международных норм в национальном праве, которые предприняла постсоветская Россия.

Глава 3 **«Нормативные акты Российской Федерации о применении Конвенции о защите прав человека»** определяет существующие на сегодняшний день юридические инструменты для применения Конвенции и практики ЕСПЧ в судах России.

Глава 4 **«Природа постановлений Пленума Верховного Суда РФ и их значение для единообразного применения национального законодательства»** сфокусирована на анализе конкретного типа нормативных актов, которые могут быть использованы для применения Конвенции, — постановлениях Пленума Верховного Суда РФ. Глава освещает историю данного юридического инструмента вплоть до реформ 1860-х гг. Оцениваются характеристики постановлений, которые создают условия эффективности данного нормативного акта в обеспечении единообразия судебной практики.

---

[1] О причинах, побудивших к проведению исследования, читайте в разделе «От автора».

Глава 5 **«Обзор постановлений Пленума Верховного Суда РФ о применении международных норм по правам человека в национальной судебной практике»** исследует специфические постановления, посвященные вопросу применения норм международного права в целом и норм Конвенции в частности.

Глава 6 называется **«Применение Конвенции о защите прав человека в практике судов конституционной и общей юрисдикции»**. Установив в предыдущих главах круг нормативных актов, касающихся применения норм международного права, исследование далее концентрируется на анализе применения Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ в судебной практике судов разных уровней и юрисдикций. В отношении Конституционного Суда РФ проанализирована практика за период с 1996 по 2008 г. В отношении остальных судов — за период с 1998 по 2008 г. Цель главы состоит не только в том, чтобы установить, применяется ли Конвенция, но и в том, чтобы установить основные проблемы в области применения Конвенции судами. Глава 6 также нацелена на определение прогресса, сделанного в течение 14 лет с момента присоединения России к Совету Европы, 12 лет с момента ратификации Конвенции и, в частности, после того, как Пленум Верховного Суда РФ начал принимать постановления, тем или иным образом касающиеся вопроса применения Конвенции в судах общей юрисдикции.

Невозможно исследовать весь объем судебной практики по причине того, что большинство решений судов общей юрисдикции не публикуются и, соответственно, малодоступны. Более того, в судебных решениях содержится лишь часть необходимой для исследования информации. Частично данный пробел был восполнен проанализированной информацией, полученной непосредственно от судей, адвокатов и юристов общественных организаций.

В главе 7 **«Препятствия для применения Конвенции о защите прав человека и постановлений Европейского суда по правам человека в национальных судах»** были проанализированы специально проведенные интервью с судьями и юристами, ведущими дела в судах общей юрисдикции. Интервью проводились с целью установления качества применения Конвенции и определения причин неприменения Конвенции.

В главе 8 **«Недостатки постановлений Пленума Верховного Суда РФ, влияющие на эффективность непосредственного применения Конвенции о защите прав человека и постанов-**

лений Европейского суда по правам человека в практике судов общей юрисдикции» анализируются постановления Пленума с точки зрения выполнения ими задачи обеспечения последовательного применения Конвенции в судах общей юрисдикции, в частности, решают ли постановления вопросы преодоления препятствий, выявленных при анализе материалов в главах 6 и 7. Принимались во внимание выводы, полученные в предыдущих главах: природа постановлений, основные черты постановлений в целом и постановлений по вопросу применения Конвенции в частности, практика применения Конвенции.

В заключение глава 9 сводит воедино все выводы, сделанные в предыдущих главах.

1.4. Методы исследования

При проведении настоящего исследования было использовано три метода: исторический, аналитический и эмпирический. Все методы между собой взаимосвязаны, каждый вносит свой вклад в понимание проблемы и пути решения этой проблемы.

Исторический метод использовался в двух случаях. Во-первых, было рассмотрено развитие статуса международного права в советской правовой системе, что стало необходимым контекстом для объяснения современного отношения судей и практикующих в судах юристов к Конвенции. Во-вторых, история постановлений пленумов верховных судов царской, советской и современной России проанализирована до 1860-х гг., помогает осветить происхождение постановлений Пленума Верховного Суда РФ, что связано с гибридным положением Пленума Верховного Суда РФ как частично судебного органа, но также политического и административного органа.

Аналитический метод используется для поиска и осмысления связей и соотношения между конституциями, законами, судебными постановлениями и правовой доктрины и процедур. Имеется взаимосвязь между аналитическим и историческим методами. При анализе применения российскими судами международных договоров исторический взгляд на место международных договоров в национальной правовой системе на каждой стадии развития государства дает ценные данные для понимания отношения судей и юристов к

Конвенции. В этом случае исторический аспект анализа снабжает нас необходимыми данными для проведения эмпирического исследования, потому что большинство практикующих сегодня в России юристов и судей получили образование до того, как Конвенция стала составной частью российской правовой системы.

Использование эмпирического метода помогает исследовать практику национальных судов непосредственно с помощью анализа судебных постановлений, а также через призму понимания убеждений судей и практикующих в судах юристов, выявленных с помощью интервью.

Интервью помогли взглянуть с другой стороны на существующую ситуацию с применением Конвенции и на препятствия для ее применения, а также показали реальную юридическую силу постановлений Пленума Верховного Суда РФ, как она видится судьями и практикующими в судах юристами. Обширное использование первоисточников, полученных из собственной практики ведения дел в судах и в процессе целевого сбора материала для данного исследования, придает данному исследованию практическую направленность.

Постановления национальных судов были собраны из различных баз данных коммерческих организаций, общественных организаций и адвокатов.

Были проведены интервью с судьями (в основном председателями районных судов Свердловской области), кто и является ответственными за ежедневное применение Конвенции и постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Также интервью были проведены с практикующими в судах юристами, главным образом из Свердловской области, юристами общественных организаций, сотрудниками аппарата Уполномоченного по права человека Свердловской области.

Данная работа не анализирует вопрос, является ли существующая ситуация с применением Конвенции результатом предвзятого рассмотрения дел, коррупции или проблем правовой системы. Вместо этого вопросы интервью были сформулированы таким образом, чтобы изучить, знакомы ли судьи и юристы с механизмом Конвенции по защите прав человека и имели ли они какой-либо опыт применения Конвенции в российской правовой системе. Аналогичные вопросы были заданы и относительно постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Цель состояла в определении того, чего не хватает в правовой системе Российской Федерации для эффективного при-

менения Конвенции при разрешении дел в судах и что может быть сделано для улучшения существующей ситуации.

Автор не настаивает на том, что с помощью эмпирического исследования была получена информация, отражающая ситуацию во всех субъектах Российской Федерации. Однако собранные данные дают значительное, интересное и ценное представление об отношении к исследованному вопросу и его понимании опытными юристами и судьями в нескольких регионах России.

ГЛАВА 2
Международное право в советской правовой системе

Статус норм международного права в национальной правовой системе и история этого предмета — вопросы, с которых необходимо начать оценку применения норм международного права в национальной правовой системе. Прежде чем начать рассматривать действующий статус международного права в российской правовой системе, мы должны проанализировать наследие, которое российские юристы получили от советской правовой системы. Это поможет нам максимально осознать важность конституционных преобразований, которые Россия предприняла в течение 1980-х и 1990-х гг. относительно восприятия национальной правовой системой норм международного права.

В этой главе будет проанализирован национальный статус норм международных договоров на разных стадиях развития советской правой системы. Это позволит положить основу для понимания истоков происхождения современного отношения юристов (судей, адвокатов) к применению норм международных договоров.

2.1. Доктрина о применении международного права в национальной правовой системе

Данная часть главы охватывает три связанные между собой вопроса, которые показывают отношение советской доктрины к международному праву: источники международного права, национальный статус международного права и индивиды как субъекты международного права. Это объяснит причину, почему в большей части главы 2 говорится о международных договорах в правовой системе СССР, но не об обычном международном праве.

2.1.1. Источники международного права

Советское законодательство закрепляло в качестве источников международного права только международные договоры. Нормы обычного международного права не упоминались по следующим причинам.

Советские и западные ученые отмечали, что советское государство признавало договоры как основной источник международного права:

> …Советская теория международного права рассматривает договор, опирающийся на принципы суверенного равенства народов и уважение взаимных интересов и прав, в качестве основного источника международного права[1].
>
> …В СССР договор как таковой стал основным источником международного права… Обычай, предполагающий применение еще в досоветское время, естественно не принимается коммунистическими государственными деятелями как надежный источник[2].

---

1 См.: *Вышинский А.Я.* Международное право и международная организация // Советское государство и право. 1948. № 1.

2 См.: *Taracouzio N.A.* The Soviet Union and International Law: a Study Based on the Legislation, Treaties and Foreign Relations of the Union of Socialist Soviet Republics. New York, 1935. P. 13.

Профессор Г.И. Тункин объяснил эти естественные причины:

> С помощью [концепции преобладающей роли обычая. — *А. Б.*] капиталистические государства часто пытаются придерживаться старых, в большинстве случаев обычных, выгодных для них норм международного права, которые были созданы этими государствами, когда в мире преобладала капиталистическая система[1].

Принимая во внимание, что в советской правовой теории право, включая международное право, является инструментом государства и государство является инструментом доминирующего экономического класса, обычное международное право, созданное до и без участия Советского Союза, не может служить целям Советского государства. Профессор Дж. Хазард резюмировал:

> [СССР. — *А. Б.*] полагает, что международное право в двадцатом веке по существу является инструментом политики, выработанной и применяемой капиталистическими государствами… Вследствие этого, советские юристы принимают такую позицию, что большая часть международного права является опасным для СССР, и это не может быть принято[2].

По этой причине не является странным, что когда советское законодательство регулировало вопрос применения международного права, оно имело ввиду только международные договоры. Общепризнанные принципы и нормы международного права были полностью признаны лишь в начале 1990-х гг.[3]

Советская теория международного права была названа «наиболее крайней формой позитивизма»[4] в связи с исключением

---

1 См.: *Tunkin G.I.* Theory of International Law / ed. L.N. Shestakov, W.E. Butler, trans. W.E. Butler, 2nd ed. Wildy, 2003. P. 147. «Традиционный скептицизм» отмечается и многими другими авторами. См., напр.: *Nussberger A.* The Reseption Process in Russia and Ukraine // A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems / eds. H. Keller and A.S. Sweet. Oxford, 2008. P. 616.

2 См.: *Hazard J.N.* The Soviet Union and International Law (1) // Illinois Law Review of Northwestern University 43. 1948. № 5. P. 606.

3 См. ниже в этой главе и гл. 3.

4 *Freeman A.* Some Aspects of Soviet Influence on International Law // American Journal of International Law 62. 1968. P. 713.

> обычной практики как источника международных обязательств. [Советский позитивизм. — *А. Б.*] рассматривает международное право как охватывающее только те принципы, по отношению к которым государства выразили свое согласие через международные соглашения или иначе выразили свое согласие[1].

Несмотря на то что договор был главным источником международного права, он не являлся единственным источником международных обязательств. Обычаи играли свою роль источника международного права, хотя и ограниченную:

> Признание обычного права ограничено, тем не менее, в связи с тем, что при формулировании обычая СССР с меньшей вероятностью будет принимать участие[2].

Советские власти использовали обычное право, которое не имело капиталистической природы. Как отметил профессор Б. Бауринг,

> советская теория признала только договоры и обычаи — узко определенные, как те, которые не были ни социалистическими, ни капиталистическими, — как источники международного права[3].

Признание правил, которые были приняты на основании прямого волеизъявления государств в форме договоров, означало не только непризнание большинства обычаев как источников международного права, но также и других источников, перечисленных в п. 1 ст. 38 Статута Международного суда[4], в том числе «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями»[5]. Право международных трибуналов на принятие юридически обязательных толкований международных договоров (конвенций) не было принято. В частно-

---

1 См.: *Freeman A.* Some Aspects of Soviet Influence on International Law. P. 713.

2 См.: *Hazard.* The Soviet Union and International Law (1). P. 595.

3 См.: *Bowring B.* Positivism Versus Self-determination: the Contradictions of Soviet International Law // International Law on the Left: Re-examining Marxist Legacies / ed. S. Marks. Cambridge, 2008. P. 135–136.

4 См.: <http://www.un.org>.

5 *Freeman.* Some Aspects of Soviet Influence on International Law. P. 713–714.

сти, А.Я. Вышинский, на тот момент представитель СССР в ООН, и другие советские ученые, категорически возражали против полномочий Международного суда по толкованию Устава ООН в связи с тем, что такое толкование ограничивало суверенитет государств[1]:

> Решения Международного суда, в случае добровольного согласия на его юрисдикцию заинтересованных сторон, обязательны лишь для этих стран[2].

2.1.2. Национальный статус норм международных договоров

Проблема соотношения международного и национального права подробно обсуждалась в юридической литературе. Профессор В. Батлер написал: «В советской юридической науке лишь несколько вопросов права породили более широкий спектр разных мнений и подходов, чем соотношение международных договоров и советского законодательства»[3].

Можно выделить существование трех основных точек зрения по этому вопросу, существовавших в разное время развития советской юридической науки.

Первая точка зрения определяла рассматривать международное право как нижестоящее по отношению к национальному праву, потому что национальное право могло оказывать влияние на сущность международного права. В западной литературе высказывалась точка зрения, что советские ученые придерживались позиции влияния национального права на международное. Западные ученые ви-

---

1 См.: *Вышинский А.Я.* Международное право и международная организация. С. 10–15.

2 См.: *Вышинский А.Я.* Международное право и международная организация. С. 11. Настоящая точка зрения напоминает современную позицию относительно обязательной юридической силы толкования Конвенции о защите прав человека Европейским судом по правам человека. См. гл. 3, в частности, точку зрения, выраженную в статье: *Зимненко Б.Л.* Решения Европейского суда по правам человека и правовая система Российской Федерации // Московский журнал международного права. 2004. № 2. С. 79–80, согласно которой юридическую силу имеют только нормы Конвенции о защите прав человека, Европейский суд по правам человека не создает правовые нормы.

3 *Butler W.E.* Soviet Law. 2nd ed. London, 1988. P. 397.

дели доказательства, подтверждающие эту точку зрения, в советской юридической литературе, указывая, что советское право превалировало над международным правом[1]. В 1939 г. профессор Дж. Хазард резюмировал позицию советских ученых следующим образом:

> Рассматривая международное право как выражение национальной политики, советские теоретики были убеждены, что они могут планировать общие направления развития международного права[2].
>
> Все попытки создания мирового права, системы права, стоящего над национальным правом, рассматриваются как умаляющие международное право[3].

Согласно мнению академика А.Я. Вышинского, высказанному в 1948 г., законодательство СССР имеет приоритет над международными договорами:

> Нельзя согласиться с тем, что международное право является якобы основой национального права. Можно, наоборот, утверждать, что национальное право является источником и основой политики и методов урегулирования внешних отношений того или иного государства с другими членами так называемого международного сообщества[4].
>
> Признавая приоритет за национальным правом, построенным в соответствии с интересами народа миролюбивого, свободного и независимого государства, советская концепция национального права не противоречит и не может противоречить концепции международного права, отвечающей тем же требованиям. Более того, в таком случае она создает для международного права прочную основу и обеспечивает

---

1 См.: *Uschakow A.* Sowetunion und sowjetische Privatvolkerrecht. Koln, 1964. P. 51–52; цит. по: *Блищенко И.П.* Действие международного договора на территории СССР // Правоведение. 1968. № 6.

2 См.: *Hazard J.N.* The Soviet Concept of International Law // The Thirty-third Annual Meeting of the American Society of International Law. Proceedings No 27, May 1945 / ed. J.N. Hazard and W.B. Stern. Washington, 1939. P. 34.

3 См.: *Hazard.* The Soviet Union and International Law (1). P. 599–600.

4 См.: *Вышинский А.Я.* Международное право и международная организация. С. 17.

> ему должный авторитет, без чего невозможно успешное регулирование международных отношений между независимыми суверенными государствами[1].

Необходимо подчеркнуть, что это заявление академика А.Я. Вышинского не столько как ученого, сколько как наиболее влиятельного должностного лица органов государственной власти в 1935–1938 гг. — Генерального прокурора СССР, заместителя Министра иностранных дел СССР и представителя СССР в ООН на момент данного заявления[2]. Большинство советских ученых того времени вторили А.Я. Вышинскому:

> Как бы то ни было, пока жил А.Я. Вышинский, все научные комментарии по этому потенциально деликатному моменту были с тех пор ограничены дословным цитированием взглядов ведущего специалиста или перефразированием его официальных заявлений, с время от времени интерпретацией некоторых слов ради придания образа независимого исследования[3].

Вторая по времени после А.Я. Вышинского **точка зрения**, популярная в 1960-х гг., состояла в том, что международное право превалировало над национальным правом. Советские ученые признали, хотя и с оговорками, что международное право оказало влияние на советское право только формально, не по существу норм. Например, И. Блищенко, отметив взаимное влияние международного права и национального права, придерживался позиции, что «воздействие международного права на правопорядок социалистического государства, на наш взгляд, имеет скорее юридико-технический характер, поскольку социалистическое право содержит все общедемократические правовые институты, которые могли бы быть восприняты внутренним правом из международного[4].

---

1 См.: *Вышинский А.Я.* Международное право и международная организация. С. 22.

2 Год спустя, в 1949 г., А.Я. Вышинский был назначен Министром иностранных дел СССР.

3 См.: *Ginsburgs G.* The Validity of Treaties in the Municipal Law of the «Socialist» States // American Journal of International Law 59. 1965. P. 525.

4 См.: *Блищенко И.П.* Действие международного договора на территории СССР // Правоведение. 1968. № 6.

Это значит, что единственным вкладом, который могло бы сделать международное право, являлась форма (юридический язык, формулировки) правовых норм, не содержание. Например, утверждалось, что Основы гражданского законодательства и Основы гражданского судопроизводства СССР, принятые в 1961 г., обладали общими чертами: они содержали в себе все демократические правовые институты, которые могли бы быть восприняты внутренним правом из международного». Поэтому при решении юридических дел не было необходимости обращаться к международному праву. Все положения международного права уже были включены в национальное законодательство.

Будучи различными, эти две точки зрения, взятые вместе, предполагают, что на практике нет необходимости применения международных норм. Причины же неприменения были разные: либо нормы международного права по иерархии стояли ниже национальных норм, либо они содержали те же самые гарантии (нормы), как и внутреннее право. Обе точки зрения, с тем исключением, что вторая точка зрения допускала формальный приоритет международного права, отрицали возможность противоречия между правом международным и национальным. Отсутствие противоречия неизбежно ведет к неприменению международного права. Как можно будет убедиться в последующих главах, такое понимание до сих пор является основной причиной недостаточного применения Конвенции судами России. Сегодня необоснованное заключение об отсутствии противоречий между нормами международного и национального права является результатом незнания существующих международных гарантий прав человека. Это приводит к нарушению международных обязательств России по применению норм международного права в национальной правовой системе (ст. 1 Конвенции)[1].

Третья точка зрения, распространенная в 1960-х и 1970-х гг., состояла в том, что международное право имеет равный статус с национальным правом. Вопрос противоречия норм международного и внутреннего права был разрешен таким же путем, как конфликт между нормами национального права — превалирует положение, принятое хронологически последним.

---

[1] См. гл. 7.

Сославшись на В.Г. Биткевича[1], профессор В. Батлер резюмировал эту точку зрения советских ученых:

> Большинство советских юристов принимают, что отношения между национальным правом и международным договором не являются отношением субординации, а координации, в связи с тем, что каждое из них относится к разным правовым системам; они имеют одинаковую юридическую силу, взаимосвязаны, оказывают влияние друг на друга и не должны противоречить друг другу[2].

Г. Гинсбургс отметил:

> …Что коммунистические юристы предлагают, является своего рода *sui generis* внутреннего и международного права, соединение (*apposition*), лишенное какого-либо приоритета на стороне одной из двух правовых систем и основанное на существенном единстве двух внутри органического целого[3].

Третья точка зрения сходна со второй тем, что в случае конфликта норм она гипотетически позволяет применение норм международного права, учитывая, что они были ратифицированы позднее принятия противоречащих национальных норм. И опять же, несмотря на признание существования возможности конфликта норм, а поэтому и применения норм международного права, нет доказательств того, что применение международных норм на практике случалось регулярно. Нормы международного права в судебной практике применялись редко[4].

2.1.3. Индивиды как субъекты международного права

Советская теория международного права отрицала признание за индивидами статуса субъекта международного права:

---

1 См.: *Биткевич В.Г.* Советское право и международный договор. М., 1977. С. 66.

2 См.: *Butler.* Soviet Law. P. 397.

3 См.: *Ginsburgs.* The Validity of Treaties in the Municipal Law of the «Socialist» States. P. 527.

4 Об этом подробнее см. ниже, в этой главе в параграфе 2.3 «Практика судов СССР по применению норм международного права».

> [Советские юристы. — *А. Б.*] придерживались классической, строгой концепции, согласно которой только государства являются субъектами международного права[1].

Видение международного права связано с отношением советского государства к международному праву по защите прав человека, в частности Всеобщей декларации прав человека[2]. Представляется, что такое отношение имеет свои корни в предостережении К. Маркса «Личная свобода возможна только в коллективе»[3]. Право, будь то внутреннее или международное, рассматривается как орудие государства, гарант коллективного общества, но не орудие индивида:

> Право для советских марксистов являлось инструментом государства, которое используется государством в интересах тех, кто контролирует государство (пролетариат — *А. Б.*)… Право, будь то право местного рынка или международного места действия, рассматривалось как социальный инструмент. Оно рассматривалось не как ограничитель государства, а как слуга государства[4].

По этой причине индивиды непосредственно, не через государство, не могли применить нормы международного права.

Признание прав и свобод индивидов в соответствии с международным правом требует и признания индивидов субъектами международного права, которые могли бы требовать от государства соблюдение их прав и свобод. В соответствии с теорией К. Маркса: полная реализация индивидуальных прав может иметь место только в рамках государства, государством, не против государства и не индивидом непосредственно.

Более того, СССР возражал против применения международных конвенций по правам человека международными трибуналами,

---

1 См.: *Freeman.* Some Aspects of Soviet Influence on International Law. P. 716.

2 См.: <http://www.un.org>.

3 See «German Ideology», 4 Karl Marx, Sochineniia. 1933. P. 65. Цит. по: *Hazard.* The Soviet Union and International Law (1). P. 599.

4 См.: *Hazard J.N.* The Soviet Union and International Law (2) // Soviet Studies 1. 1950. № 3. P. 189–190.

в частности, не признавалось право индивидов обращаться в соответствующие структуры ООН[1]:

> Предложения по применению декларации по правам человека (Всеобщей декларации по правам человека. — *А. Б.*) в международных трибуналах или при обращении в ООН не находит поддержки у советских юристов. Полагается, что такое предложение нарушает неотъемлемый принцип международного права, а именно принцип суверенитета[2].

Недоверие к международным трибуналам было основано на представлении, что любой международный трибунал не может быть беспристрастным по отношению к СССР в существующей международной атмосфере[3], что мнение СССР может быть отклонено бóльшим количеством голосов оппонентов, поэтому нормы международного права будут определены за СССР несмотря на возражения СССР, что является нарушением принципа независимости государства, установленного международным правом.

Течение современной дискуссии по вопросу индивида как субъекта международного права, сопровождаемое обзором литературы, подробно дано в статье профессора А.И. Ковлера. Погружаться в анализ дискуссии не будем, тем более что это не тема настоящей книги. Отметим лишь, что обсуждение вопроса правосубъектности индивида в международном праве несколько отстает в России. В Европе дискуссия ведется уже не на тему «быть или не быть индивиду субъектом международного права» (этот вопрос, похоже, уже решен), а, скорее, на тему «в каком качестве»[4].

---

1 См.: *Hazard J.N.* The Soviet Union and the World Bill of Rights // Columbia Law Review 47. 1947. № 7. P. 1111–1112, 1116.

2 См.: *Hazard.* The Soviet Union and International Law (1). P. 599.

3 В 1922 г. заместитель народного комиссара иностранных дел РСФСР М. Литвинов сказал: «Только ангел может быть беспристрастным, оценивая Россию...» Конференция в Гааге. 26 июня — 20 июля 1922 г. Протоколы и Документы. С. 126. Цит. по: *Taracouzio.* The Soviet Union and International Law: a Study Based on the Legislation, Treaties and Foreign Relations of the Union of Socialist Soviet Republics. P. 296.

4 *Ковлер А.И.* Международная правосубъектность индивида: продолжение дискуссии // Международное право XXI века (к 80-летию И.И. Лукашука). Киев, 2006.

Как отмечает профессор А.И. Ковлер,

> «дискуссия о международной правосубъектности индивида отнюдь не завершена, более того, на постсоветском пространстве она, собственно говоря, только начинается всерьез, хотя уже в 80-е годы энергичными сторонниками международной правосубъектности индивида выступили такие ученые, как Р.А. Мюллерсон[1], Н.В. Захарова[2], Г.В. Игнатенко[3] и другие. Последний в недавно вышедшем учебнике международного права — показатель передовых позиций уральской правовой школы — отмечает: „В дискуссии, которая ведется в отечественной литературе, мы исходим из того, что прежние представления о неприложимости черт международной правосубъектности к индивидам не вполне согласуются с современным состоянием международно-правового регулирования и реальными правоотношениями“[4]. Напротив, С.В. Черниченко энергично отстаивает позицию: „Индивиды ни при каких условиях не являются и не могут быть субъектами международного права“[5]. Словом, стимулов для продолжения дискуссии более чем достаточно»[6].

И сегодня, несмотря на присоединение к Совету Европы, ратификацию Конвенции о защите прав человека и признание юрисдикции Европейского суда по правам человека на рассмотрение жалоб физических и юридических лиц, некоторые российские ученые придер-

---

1 См.: *Курс* международного права. М., 1989. Т. 1. С. 181.

2 См.: *Захарова Н.В.* Индивид — субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11.

3 См.: *Игнатенко Г.В.* Международное и советское право: Проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1.

4 *Международное* право / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. М., 2002. С. 85.

5 *Черниченко С.В.* Личность и международное право. М., 1974. С. 149. Аналогичная позиция высказана и в более поздних публикациях. См., напр.: *Черниченко С.В.* Теория международного права. Т. II: Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999. С. 384 и след.

6 *Ковлер А.И.* Международная правосубъектность индивида: продолжение дискуссии.

живаются классической теории: «Международное право регулирует отношения между независимыми государствами»[1].

2.2. Конституции и законодательство СССР о международном праве

До последнего момента существования СССР не было конституционных норм, которые бы устанавливали статус международного права в национальной правовой системе и, в частности, возможность применения норм международных договоров в национальной правовой системе. В юридической литературе отмечалось, что ни одна из советских конституций не приняла принцип, который бы провозгласил международное право частью национального права[2]. Тем не менее некоторые выводы могут быть сделаны на основе общего законодательства и судебной практики. Ситуация с применением норм международного права в национальной правовой системе не была неизменной на протяжении Советского периода. Чем позднее конституция и законодательство, тем больше в них было положений, касающихся международного права. Можно выделить четыре периода, каждый из которых характеризуется разным отношением Советского государства к международному праву:

1) первый период (1918–1924), в течение которого советская конституция не содержала каких-либо положений относительно международного права;
2) второй период (1924–1960), в течение которого конституции содержали некоторые положения относительно международного права, но не провозгласили международное право ни частью национального права, ни регулировали отношения между нормами национального и международного права;
3) третий период (1960–1985), в течение которого положения, касающиеся иерархии, и отношения между национальным и

---

1 C.P.J.I. Arrêt du 27 septembre 1927 Affaire du «Lotus», Rec. C.P.J.I., Série A. № 10. P. 18. Цит. по: *Ковлер А.И.* Международная правосубъектность индивида: продолжение дискуссии.

2 См.: *Danilenko G.* The New Russian Constitution and International Law // American Journal of International Law 88. 1994. P. 460.

международным правом появились в общем законодательстве;

4) четвертый период (1985–1993), в течение которого положения, касающиеся отношения между национальным и международным правом, начали появляться в конституционных нормах.

2.2.1. Первый период (1918–1924): отсутствие конституционных положений о международном праве

Первая советская Конституция — Конституция РСФСР, принятая в 1918 г. до создания СССР — не содержала положений, касающихся норм международного права. Не было в Конституции и положений, которые бы регулировали статус международного права в национальном праве. Конституция РСФСР 1918 г. только провозгласила фундаментальные задачи советского государства, которые сделали официальным существовавшее отношение молодого советского государства к международному праву в то время. Эти задачи звучали следующим образом:

> Уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах (пп. 1 п. 3 гл. 2).

Это положение не давало какой-либо правовой основы для установления сотрудничества с зарубежными (капиталистическими) странами, обеспечило идеологическую основу для борьбы с капиталистическими странами в целях «победы социализма во всех странах».

Отсутствие конституционных положений не означало, что Советское государство не заключало международных соглашений с иностранными государствами. В период 1921–1924 гг., международные соглашения, заключенные Советским правительством, публиковались в сборнике международных договоров — «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных РСФСР с иностранными государствами», который публиковался Народным Комиссариатом Иностранных Дел. Отмечалось, что дело с опубли-

кованием договоров в досоюзный период несколько «хромало», но с образованием СССР значительно улучшилось[1]. Несмотря на то что публикация международных договоров была не постоянной и договоры публиковались отдельно от законодательства, важным фактом относительно международных договоров, подписанных в этот период, является то, что договоры публиковались для общего сведения.

2.2.2. Второй период (1924–1960): законодательство о публикации международных договоров

С образованием СССР и устранением угрозы международной интервенции отношение к международному праву несколько изменилось. С одной стороны, Конституция СССР 1924 г. содержала только одну статью, касающуюся международного права. Она наделила полномочиями высшие органы СССР по ратификации международных договоров: «1. Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его верховных органов, подлежат... (е) ратификация международных договоров» (ст. 1). С другой стороны, раздел I Конституции СССР 1924 г. («Декларация об образовании Союза Советских Социалистических Республик») не предполагал возможности сотрудничества с капиталистическими странами. Декларация провозглашала, что «неустойчивость международного положения и опасность новых нападений делают неизбежным создание единого фронта советских республик перед лицом капиталистического окружения» (§ 8 Декларации). В § 11 Декларации закреплялось, что «новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных еще в октябре 1917 г. основ мирного сожительства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику». В очередной раз формулировки Конституции предполагают изоляцию Советского Союза от капиталистических стран. Впрочем, Конституция лишь закрепила существовавшую

---

[1] См.: *Дурбеневский В.* Международные договоры в конституционном праве Союза ССР // Советское право. 1925. № 4.

международную ситуацию. Провозглашенная в Конституции долгосрочная цель состояла в подписании международных соглашений о вступлении в Союз Советских Социалистических Республик со всеми странами, желавшими вступить в СССР.

Профессор Г. Даниленко так прокомментировал Конституцию РСФСР 1918 г. и Конституцию СССР 1924 г.:

> Цель Российской Социалистической Федеративной Советской Республики состояла в установлении «социалистической организации общества и победы социализма во всех странах (Конституция РСФСР 1918 г. пп. 1 п. 3 гл. 2). Конституция СССР 1924 г. говорила о «капиталистическом окружении» Советских республик и о декларации новым государством его намерения содействовать появлению Советских республик в других странах. Образование СССР рассматривалось «новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую Республику»[1].

Конституция СССР 1936 г. была менее декларативна — она содержала только положения, которые передавали полномочия высшим органам СССР по ратификации и денонсации международных договоров:

> Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат: а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами (ст. 14 Конституции СССР 1936 г.);
>
> …
>
> Президиум Верховного Совета СССР: м) ратифицирует международные договоры (ст. 49 Конституции СССР 1936 г.).

Конституция СССР 1936 г. не содержала декларативных статей о мировом положении, содержавшихся в Конституции СССР 1924 г. Тем не менее в Конституции СССР 1936 г. не было ни одного поло-

---

1 *Danilenko G.* The New Russian Constitution and International Law. P. 459.

жения, которое закрепляло бы статус заключенных международных договоров в национальном праве.

После 1921 г., на протяжении всей истории Советского государства международные договоры публиковались в официальном государственном издании вместе с национальными законодательными актами и актами правительства. После принятия Декрета «О порядке опубликования законов и распоряжений Правительства Союза ССР» от 22 августа 1924 г.[1] Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров СССР международные договоры публиковались вместе с законодательными актами и позднее вместе с актами исполнительного и административного характера. § 11 Декрета устанавливал, что:

> Договоры, соглашения и конвенции, заключенные Союзом ССР с иностранными государствами, подлежат опубликованию в «Собрании законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР»…[2]

Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР (далее — Собрание) состояло из двух отделов. Первый отдел содержал акты законодательного характера; второй — акты исполнительного и административного характера. Несмотря на то что Декрет не уточнял, в каком отделе Собрания должны публиковаться международные договоры, на практике международные договоры публиковались в первом отделе вместе с декретами законодательного характера. Первоначально публиковались только тексты международных договоров. Декреты о ратификации договоров в то время не публиковались. Только в некоторых текстах опубликованных договоров содержалась строка в конце текста, указывавшая, что этот международный договор был ратифицирован такого-то числа. Позднее декреты о ратификации договоров начали публиковаться в официальном издании.

Два года спустя, в 1926 г. процедура публикации международных договоров была изменена Декретом Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 10 сентября

---

1 СЗ СССР. 1924. № 7. Ст. 71.

2 См.: *Дурбеневский В.* Международные договоры в конституционном праве Союза ССР. С. 27–28.

1926 г. «Об изменениях статьи 1 Декрета Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров СССР от 22 августа 1924 года „О порядке опубликования законов и распоряжений Правительства Союза ССР“»[1]. В соответствии с изменениями международные договоры публикуются в отделе II вместе с исполнительными и административными актами советского правительства, таким образом, отделено от законодательных актов, которые, в свою очередь, публикуются в отделе I Собрания.

> Все декреты и постановления Съезда Советов Союза ССР, ЦИК Союза ССР, его президиума, СНК Союза ССР и Совета Труда и Обороны, за исключением перечисленных в статье 2 настоящего постановления, подлежат опубликованию в Собрании Законов и Распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Союза ССР, причем постановления законодательного характера, за исключением международных договоров, соглашений и конвенций Союза ССР, публикуются в первом отделе, а прочие постановления, равно как и международные договоры, соглашения и конвенции Союза ССР — во втором отделе упомянутого «Собрания»[2].

Тем не менее какое-то время после принятия вышеуказанных изменений опубликование международных договоров продолжалось в отделе I Собрания[3].

После 1938 г., когда опубликование Собрания было прекращено, международные договоры СССР стали публиковаться в Ведомостях Верховного Совета СССР (далее — Ведомости), вместе со всеми законами, декретами и постановлениями Верховного Совета и его Президиума[4]. Например, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1955 г. «О ратификации договора „О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между народной республикой Албанией, народной республикой Болгарией, Венгерской народной республикой, ГДР, Польской народной республикой, Румынской на-

---

1 СЗ СССР. 1926. № 61. Ст. 454.

2 Там же.

3 См., напр.: СЗ СССР. 1926. № 69. Ст. 528–530.

4 См.: *Triska J.F. and Slusser R.M.* The Theory, Law, and Policy of Soviet Treaties. Stanford, Calif., 1962. P. 108.

родной республикой, СССР и Чехословацкой республикой“» был опубликован в Ведомостях № 8 (826) от 8 июня 1955 г. Текст договора[1] был опубликован в Ведомостях № 9 (827) от 20 июня 1955 г. Только к 1958 г. нормативная база о порядке опубликования международных договоров была приведена в соответствие с существующей практикой.

19 июня 1958 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «О порядке опубликования и вступления в силу законов СССР, постановлений Верховного Совета СССР, указов и постановлений Президиума Верховного Совета СССР», которое закрепило в ст. 4:

> Договоры, соглашения и конвенции, заключенные СССР с иностранными государствами и ратифицированные в установленном порядке, и соответствующие указы о ратификации публикуются в «Ведомостях» по представлению Министерства иностранных дел СССР Президиуму Верховного Совета СССР[2].

Примечательно, что данный Указ, в отличие от Указов 1924 и 1926 гг., уточнил, что в Ведомостях публикуются не только международные договоры, соглашения и конвенции, заключенные СССР с иностранными государствами и ратифицированные в соответствии с установленной процедурой, но также и соответствующие указы о ратификации договоров. В соответствии с Декретом 1926 г. декреты (указы) о ратификации договоров не публиковались. Публиковались только тексты международных договоров, соглашений и конвенций. Новый порядок опубликования договоров демонстрирует, что процедура публикации стала схожей с процедурой публикации актов национального законодательства, в соответствии с которой указы об утверждении тех или иных положений публиковались вместе с текстом самих постановлений. Например, Положение «О прокурорском надзоре в СССР» было утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. «Об утверждении Положения „О прокурорском надзоре в СССР“». В случае международного договора акт утверждения (ратификации) будет в форме ратификации. И положение, и указ об утверждении положения были официально опу-

---

1 Договор от 14 мая 1955 г.

2 Ведомости Верховного Совета СССР. 1958. № 14. Ст. 275.

бликованы[1]. Таким же образом публиковались и указы о ратификации международных договоров, и сами тексты договоров. Последние обычно публиковались отдельно друг от друга: сначала текст международного договора, с последующей публикацией указа о ратификации спустя некоторое время.

Международные договоры и соглашения, а также указы о ратификации публиковались в разделе I Ведомостей. Раздел I содержал акты Верховного Совета СССР и Президиума, которые обладали характером нормативности и общезначимости. Другими словами, Указ 1958 г. вернулся к существовавшей до 1924 г. практике опубликования международных договоров вместе с законодательными актами. Например, Ведомости № 9 (827) от 20 июня 1955 г. содержат Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. «Об утверждении Положения „О прокурорском надзоре в СССР“» и само положение, а также Договор от 14 мая 1955 г. «О дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между народной республикой Албанией, народной республикой Болгарией, Венгерской народной республикой, ГДР, Польской народной республикой, Румынской народной республикой, СССР и Чехословацкой республикой». Раздел II Ведомостей содержал акты не нормативного (не законодательного) характера, такие как указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении конкретного лица. Раздел III Ведомостей содержал информационные отчеты, такие как отчеты (информационные письма) о конкретных встречах депутатов Верховного Совета СССР и деятельности Верховного Совета РСФСР.

Некоторые Советские ученые утверждали, что официальная процедура опубликования международных договоров, в частности их публикация вместе с законодательными актами или нормативными актами правительства, косвенно предполагает, что международные договоры имеют статус, равный с актами национального законодательства. В советской литературе авторы настаивали, что после того, как международный договор был заключен СССР, ратифицирован законодательным органом и опубликован в официальном источнике, договор становится законом Советского государства, обязательным для применения. Например,

---

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. 1956. № 1. Ст. 20.

> …исходя из того, что всякий международный договор является также актом государственной власти, имеющим нормативное значение, грани между ним и внутренним законом стираются в том смысле, что договор, объявленный для всеобщего сведения, превращается в закон, обязательный к исполнению гражданами данного государства[1].

Это утверждение осталось теоретическим. Как мы увидим ниже, оно не получило какого-то подтверждения в судебной практике.

Другие авторы высказывали противоположную точку зрения. Профессор Хлестов обобщил довоенное отношение к международному праву:

> Как известно, перед Второй мировой войной отношение СССР к международному праву было сдержанным. Международное право рассматривалось как сформировавшееся под влиянием капиталистических государств и содержащее положения, не отвечающие подходу Советского Союза. К обычным нормам международного права отношение было еще более настороженное[2].

Относительно позиции юридической науки 1960-х гг. о статусе международных договоров профессор Е.Т. Усенко заявил:

> «Международный договор не может действовать на территории государства, ибо это сфера исключительной компетенции национального права»[3].

---

1 См.: *Кожевников Ф.И.* Некоторые вопросы теории и практики международного договора // Советское государство и право. 1954. № 2; Аналогичная точка зрения была высказана в: *Колчановский Н.П.* Организационные формы, международно-правовые основы и техника современной дипломатии // История дипломатии / под ред. В.П. Потемкина. Т. 3. М., 1941. С. 812.

2 См.: *Хлестов О.Н.* Международное право и Россия // Московский журнал международного права. 1994. № 4.

3 *Усенко Е.Т.* Формы регулирования социалистического международного разделения труда. М., 1965. С. 158. Цит. по: *Абдулаев М.И.* Согласование внутригосударственного права с международным (теоретические аспекты) // Правоведение. 1993. № 2.

В связи с отсутствием положений по международному праву в конституциях СССР четкий статус международных договоров не может быть установлен. Тем не менее, принимая во внимание, что международные договоры публиковались вместе с актами разного характера, от законодательных актов до исполнительных и административных постановлений, можно заключить, что международные договоры получили статус национального права. По крайней мере теоретически, судя по статусу источника, в котором опубликовались международные договоры, они могут быть помещены в иерархии нормативных актов между законами СССР и постановлениями исполнительного и административного характера. Как будет продемонстрировано ниже, это иерархическое положение остается теоретическим, так как судебная практика доказывает, что международное право не часто применялось судами.

2.2.3. Третий период (1960–1985): законодательство о статусе международного права

Отношение к международному праву, которое существовало на протяжении второго периода (1924–1960), охарактеризованное профессором Хлестовым как «сдержанное», значительно изменилось. В 1960 г. сторонником изменений в законодательстве был сам глава государства Н.С. Хрущев:

> Советский Союз всегда выполнял и впредь будет свято выполнять свои международные обязательства. Мы глубоко сознаем, что без соблюдения норм международного права, без выполнения принятых обязательств в отношениях между государствами не может быть доверия, а без доверия не может быть мирного сосуществования[1].

1 мая 1962 г., после заявления Н.С. Хрущева, вступили в силу Основы гражданского законодательства СССР. Статья 129 Основ

---

[1] См.: *Хрущев Н.С.* Мир без оружия — мир без войн. М., 1960. С. 26. Цит. по: *Мешера В.Ф.* О международном договоре как источнике Советского права // Правоведение. 1963. № 1.

гражданского законодательства СССР содержала правило о коллизии между законами:

> Если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве, то применяются правила международного договора.

Статья 64 Основ гражданского судопроизводства СССР, так же как ст. 569 ГК РСФСР 1964 г. и другие законы[1], содержала аналогичные положения.

Принимая во внимание отсутствие конституционных положений относительно статуса международного права, значение данных изменений в обычном законодательстве не должно быть недооценено. В общем законодательстве Советское государство официально признало, что отношения между субъектами права в СССР могут регулироваться международными договорами и что в случае конфликта между национальным правом и международным приоритет отдается международному. Эти положения оставались единственными нормами о национальном статусе международного права в советском праве до конца 1980-х гг., когда начали происходить значительные изменения в конституционном законодательстве.

Следующий документ предполагает, что положения основ законодательства СССР, касающиеся международных договоров, применялись на практике. Пленум Верховного Суда СССР в п. 14 Постановления от 11 апреля 1969 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при рассмотрении споров, возникающих из перевозки грузов и багажа» (с изменениями от 27 ноября 1981 г.)[2] дал специальные руководящие разъяснения для судей по этому вопросу:

---

[1] Профессор Вильям Батлер приводит в качестве примера Таможенный кодекс, Кодекс торгового мореплавания, Основы законодательства СССР и Союзных республик о браке и семье, Основы законодательства СССР и Союзных республик об образовании, Основы законодательства СССР и Союзных республик о здравоохранении, Основы законодательства СССР и Союзных республик о недрах. См.: *Butler W.E.* Soviet Law. London, 1988. P. 398.

[2] См.: *Сборник* постановлений Пленумов Верховных судов СССР и РСФСР (РФ) по гражданским делам. М., 1994.

> Судам необходимо иметь в виду, что если международным договором СССР установлены иные правила, чем те, которые содержатся в советском гражданском законодательстве или в советском законодательстве о гражданском судопроизводстве, то при разрешении споров, возникающих из договоров о международных перевозках, применяются правила международного договора (ст. 129 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, ст. 64 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Название Постановления № 2 указывает на то, что оно регулирует вопросы применения международных договоров экономического характера, не касающихся прав человека.

Конституция СССР 1977 г., в дополнение к обычным полномочиям Президиума Верховного совета СССР по ратификации и денонсированию международных договоров СССР (ст. 121), установила, что Совет Министров СССР

> осуществляет общее руководство в области отношений с иностранными государствами, внешней торговли, экономического, научно-технического и культурного сотрудничества СССР с зарубежными странами; принимает меры к обеспечению выполнения международных договоров СССР; утверждает и денонсирует межправительственные международные договоры (п. 6 ст. 131).

Смысл этого конституционного положения состоит в том, что Конституция наделяет полномочиями применения международных договоров только правительство. Суды как органы, уполномоченные применять нормы международных договоров, не упоминались в Конституции. Тем не менее обычное законодательство продолжило наделять суды юрисдикцией по применению норм международных договоров при принятии ими решений.

Статья 29 Конституции СССР 1977 г. также содержала общее положение о том, что отношения СССР с другими государствами строятся на основе «добросовестного выполнения обязательств, вытекающих из общепризнанных принципов и норм международного права, из заключенных СССР международных договоров».

Несмотря на то что Конституция СССР 1977 г. уделяла больше внимания статусу международного права в советской правовой системе, чем предыдущие конституции, принцип приоритета норм

международного права над нормами национального, который уже существовал в законодательстве с 1962 г., не был включен в положения Конституции. Это значит, что принцип применения норм международного права в национальной правовой системе имел законодательный, но не конституционный статус.

Закон СССР от 6 июля 1978 г. «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР»[1] в целом последовал по направлению Конституции СССР 1977 г. и поэтому не внес ничего принципиально нового для разрешения вопроса о соотношении между нормами национального и международного права. Как и в Конституции СССР 1977 г., Закон не указал, что международное право является правом, применяемым в России. В отличие от Основ законодательства СССР 1962 г., Закон 1978 г. не содержал какого-либо положения, которое бы затрагивало вопрос конфликта между нормами национального законодательства и международных договоров.

Часть III «Исполнение международных договоров СССР» Закона 1978 г. представляет особенный интерес. В очередной раз в соответствии со ст. 20, 22 указанного закона суды не указывались к качестве уполномоченного органа, принимавшего участие в исполнении международных договоров. Только Совет Министров (ст. 20 «Обеспечение выполнения международных договоров СССР»), отдельные министерства (ст. 21 «Выполнение обязательств по международным договорам СССР») и Министерство иностранных дел (ст. 22 «Общее наблюдение за исполнением международных договоров СССР») были уполномочены исполнять международные договоры. Принимая во внимание отсутствие у судов полномочий по исполнению договоров, можно прийти к выводу, что международное право рассматривалось как право, которое регулирует отношения только между государствами, и что физические лица не рассматривались как субъекты международного права. Поэтому суды не обладали юрисдикцией в разрешении споров между государством и физическим лицом как носителем прав и свобод в соответствии с международными конвенциями по правам человека. По той же причине, в связи с тем, что международное право регулировало только действия государств как единственных субъектов международного права, судебные орга-

---

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 28. Ст. 439.

ны не были наделены полномочиями в области исполнения международных договоров.

2.2.4. Четвертый период (1985–1993): появление конституционных положений, касающихся статуса международного права

2.2.4.1. Конституционные положения

Развитие статуса международного права в 1980–1990-е гг. было тесно связано с политическими событиями, в частности с распадом СССР и позднее — с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. В связи с политическими изменениями в СССР во второй половине 1980-х — начале 1990-х гг. концепция международного права была подвергнута радикальным, даже революционным изменениям.

Переломный момент наступил во времена «перестройки». В своей концепции правового государства М.С. Горбачев, Генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии СССР, уделил значительное внимание отношениям между национальным и международным правом, где приоритет отдавался международному. Данная идея была выражена через приоритет международного права в политике[1]. Профессор Л.Ф. Дамрош отметил, что «Направление, выбранное Горбачевым, придерживающееся „системы всеобщего права и порядка, обеспечивающего приоритет международного права в политике“[2], также очевидно относится к международному праву прав человека»[3].

Позднее правительство М.С. Горбачева выразило намерение привести национальное законодательство к уровню международного права[4]. В письме Генеральному Секретарю ООН от 28 февраля

---

1 См.: *Гинзбургс Дж.* Соотношение международного и внутреннего права в СССР и в России // Государство и право. 1994. № 3.

2 Правда. 1987. 17 сент.

3 См.: *Damrosch L.F.* International Human Rights Law in Soviet and American Courts // Yale Law Journal 100 (1990–1991). P. 2324.

4 См.: *Горбачев М.С.* Реальности и гарантии безопасного мира. М., 1987. С. 13. Приведено по: *Гинзбургс Дж.* Соотношение международного и внутреннего права в СССР и в России.

1989 г. Министр иностранных дел СССР Эдуард Амвросиевич Шеварднадзе написал:

> СССР — за укрепление международного правопорядка, обеспечивающего примат права в политике. Выступая за примат международного права, подчеркнул министр иностранных дел, мы считаем, что «международно-правовые нормы и обязательства государства имеют преимущественную силу над их внутренними установлениями» (Известия. 1989. 9 марта)[1].

Вскоре после политических изменений, 1 декабря 1988 г. Конституция СССР 1977 г. была изменена[2]. В частности, согласно ст. 125 Конституции создается Комитет конституционного надзора СССР (далее — ККН). Несмотря на то что ст. 125 не предоставляла ККН полномочия применять международные нормы по правам человека, принятый Съездом Народных Депутатов СССР Закон от 23 декабря 1989 г. «О конституционном надзоре СССР»[3], который последовал за изменениями Конституции, косвенно закрепил не только возможность прямого применения норм международного права, но также и механизм их непосредственного применения. Квазисудебный орган, ККН был наделен полномочиями применения норм международного права в национальных решениях.

В соответствии со ст. 10 данного Закона ККН обладал юрисдикцией по рассмотрению вопросов соответствия проектов законов, законов и других нормативных актов, принятых Советскими властями, а также отдельные положения вышеуказанных актов, Конституции СССР. Международные договоры, которые могут быть использованы в качестве инструментов конституционного надзора, не были непосредственно указаны ни в законе в целом, ни в ст. 10, в частности.

Возможность применения положений международного права была косвенно закреплена в ст. 18 и 21 Закона. Пункт 1 ст. 18 закре-

---

1 См.: *Верещетин В.С., Даниленко Г.М., Мюллерсон Р.А.* Конституционная реформа в СССР и международное право // Государство и право. 1990. № 5.

2 Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 727.

3 Ведомости СНД СССР. 1989. № 29. Ст. 572.

плял, что, рассматривая дела, ККН может аргументировать свое заключение не только на основании Конституции или законов СССР, но и на основании международных обязательств СССР. Анализ соответствия положений международного права положениям национального законодательства излагался в заключениях ККН. Пункт 1 ст. 18 и п. 3 ст. 21 звучат соответственно:

> В заключении Комитета конституционного надзора СССР содержится вывод о соответствии или несоответствии рассматриваемого акта, проекта акта или их отдельных положений Конституции СССР или законам СССР, а в надлежащих случаях также международным обязательствам СССР. Заключение должно быть аргументированным.
>
> Заключение Комитета конституционного надзора СССР, констатирующее, что каким-либо нормативным правовым актом или его отдельными положениями нарушаются основные права и свободы человека, закрепленные в Конституции СССР и в международных актах, участником которых является СССР, влечет за собой утрату силы такого акта или его отдельных положений с момента принятия заключения Комитета.

Это законодательное положение было применено на практике в большинстве дел ККН.

> За время своего недолгого существования Комитет конституционного надзора СССР проделал значительную работу по определению соответствия внутреннего законодательства общепризнанным стандартам международного права[1].

В 9 из 18 заключений[2] ККН обращался к «международным актам по правам человека». Среди них Всеобщая декларация прав человека, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Например, в первом заключении от 21 июня 1990 г. № 2-2 «О несоответствии норм законодательства, исключающих

---

1 См.: *Гинзбургс Дж.* Соотношение международного и внутреннего права в СССР и в России.

2 Из доступных в базе данных СПС «КонсультантПлюс».

для ряда категорий работников судебный порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров, положениям Конституции СССР, законов СССР, международных актов о правах человека»[1] ККН признал неконституционными несколько законодательных актов, исключавших некоторые трудовые споры из юрисдикции судов. ККН, в дополнение к ст. 58 Конституции СССР 1977 г., «принял во внимание» ст. 7[2] и ст. 8[3] Всеобщей декларации прав человека и пп. «b» п. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах[4].

Несмотря на то что ККН использовал разные формулировки для описания способа применения положений конституционного («исходя из того, что ст. 58 Конституции СССР...») и международного права («принимая во внимание положения пп. «b» п. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах...»), имеются основания полагать, что в Заключении положения национального и международного права были применены на равных началах. В первом параграфе заключения указывалось, что ККН рассмотрел «вопрос о соответствии норм законодательства, исключающих судебный порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров, положениям статьи 58 Конституции СССР и международных актов о правах человека». Инициатива ККН по непосредственному применению международных норм основана не на каком-либо положении Конституции СССР 1977 г., а на положениях Закона «О конституционном надзоре в СССР».

---

1 Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 27. Ст. 524.

2 «Все люди равны перед законом и имеют право, без всякого различия, на равную защиту закона. Все люди имеют право на равную защиту от какой бы то ни было дискриминации, нарушающей настоящую Декларацию, и от какого бы то ни было подстрекательства к такой дискриминации».

3 «Каждый человек имеет право на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случаях нарушения его основных прав, предоставленных ему конституцией или законом».

4 «Каждое участвующее в настоящем Пакте Государство обязуется... b) обеспечить, чтобы право на правовую защиту для любого лица, требующего такой защиты, устанавливалось компетентными судебными, административными или законодательными властями или любым другим компетентным органом, предусмотренным правовой системой государства, и развивать возможности судебной защиты».

Несмотря на то что ККН являлся лишь квазисудебным органом[1], его практика по непосредственному применению конституционных норм и норм международного права стала значительным шагом вперед и отличным примером для последующей судебной практики. К этой практике ККН обращались как ученые, так и судьи Конституционного Суда РФ в своих определениях[2] и постановлениях[3].

Начало конституционных реформ 1990-х гг. характеризуется введением принципа непосредственного применения международного права в Конституцию. 12 июня 1990 г. Съезд Народных Депутатов РСФСР принял Декларацию № 22-1 «О государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики[4]. В ст. 10 и 14 РСФСР заявила о своей приверженно-

---

1 Заключения ККН не были юридически обязательными, так как Совет Народных Депутатов СССР мог отклонить любое заключение двумя третями голосов от общего числа народных депутатов СССР (ст. 19 Закона «О конституционном надзоре в СССР»). В. Савицкий считает, что заключения ККН не были обязательными ни для кого (*Savitskii V.M.* Will There Be a Judicial Power in the New Russia? // Review of Central and East European Law 19. 1993. № 6. P. 651). Не российские авторы, например, профессор Билл Бауринг (в личном общении) и Г. Ван Ден Берг (*Van Den Berg G.* Human Rights in the Legislation and the Draft Constitution of the Russian Federation // Review of Central and East European Law 18. 1992. № 3. P. 207), не согласились с таким мнением, указав, что ККН «обладал намного большими полномочиями, чем большинство конституционных судов в мире...».

2 См.: Определение Конституционного Суда РФ № 93-О от 21 мая 1999 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Науменкова Валентина Павловича о нарушении его конституционных прав решением Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 1993 года». В этом определении Конституционный Суд РФ обратился к заключению ККН от 21 июня 1990 г. № 2-2 «О несоответствии норм законодательства, исключающих для ряда категорий работников судебный порядок рассмотрения индивидуальных трудовых споров, положениям Конституции СССР, законов СССР, международных актов о правах человека».

3 См.: Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П от 4 февраля 1992 г. «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 1. В этом постановлении Конституционный Суд РФ обратился к заключению ККН № 20 от 4 апреля 1991 г. «О положениях законодательства, ограничивающих равенство возможностей граждан в области труда и занятий». В самом Заключении ККН была применена ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах.

4 Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.

сти общепризнанным принципам международного права и что всем гражданам и лицам без гражданства, проживающим на территории РСФСР, гарантируются права и свободы, предусмотренные Конституцией РСФСР, Конституцией СССР и общепризнанными нормами международного права.

22 ноября 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Декларацию прав и свобод человека и гражданина[1]. В ч. 2 ст. 1 Декларация провозгласила принцип непосредственного применения и приоритет международного права, закрепив, что «общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами РСФСР и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР». Есть несколько моментов относительно принятия Декларации, на которых нужно остановиться подробнее.

Во-первых, очень важно, что положение о непосредственном применении международного права было помещено в первую статью Декларации. Расположение данной нормы подчеркивает важность, которую авторы Декларации придали принципу непосредственного применения международных норм по правам человека. Содержание ст. 1 предполагает, что приоритетным источником норм по правам человека являются нормы международного права. Формулировка ч. 2 ст. 1 Декларации «общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами РСФСР и непосредственно порождают права и обязанности граждан РСФСР» и формулировка ч. 1 ст. 2 «перечень прав и свобод, закрепленных настоящей Декларацией, не является исчерпывающей и не умаляет других прав и свобод человека и гражданина» подчеркивают, что в дополнение к Декларации права и свободы также содержатся в международных нормах. Профессор И.И. Лукашук истолковал похожее положение ч. 1 ст. 55 Конституции РФ 1993 г.[2] следующим образом:

> Это значит, что общепризнанные нормы международного права о правах человека включаются в правовую систему

---

1 Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

2 «Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина».

страны даже в том случае, если они не указаны ни в Конституции, ни в ином законе. Все это говорит о том, что главным источником основных прав и свобод человека стало международное право[1].

Во-вторых, несмотря на то что данный документ носит название «декларация», он обладает обязательной силой. Декларация была одобрена Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина»[2], которое является юридически обязательным нормативным актом законодательного характера. Декларация непосредственно применялась судами. Например, 1 ноября 1991 г. Президиум Верховного Суда РСФСР в конкретном деле постановил, что в соответствии со ст. 2 Декларации положения Декларации имеют прямое действие и обязательны к исполнению всеми государственными органами, должностными лицами, общественными организациями, гражданами. Все права и свободы, закрепленные в Декларации, подлежат судебной защите[3]. Более того, в п. 2 Постановления от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 Верховного Совета РСФСР предписал трем комитетам Верховного Совета РСФСР «подготовить предложения по приведению законодательства РСФСР в соответствие с положениями настоящей Декларации и внести их на рассмотрение Верховного Совета РСФСР». В заключение пять месяцев спустя, 21 апреля 1992 г., положения ст. 1 Декларации были включены в ст. 32 Конституции РСФСР 1978 г.[4] путем внесения изменений в Конституцию Законом Российской Федерации № 2708-I:

---

1 См.: *Лукашук И.И.* Конституция России и международное право // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва. 24 декабря 2002 г.) / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и А.В. Сычевой. М., 2004. С. 45.

2 Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 52. Ст. 1865.

3 См.: *Гук П.А.* Судебный прецедент как источник права. Пенза, 2003. С. 138.

4 Конституция РСФСР 1978 г. служила в качестве Конституции РСФСР, как независимого государства, в течение двух лет, с момента прекращения существования СССР 12 декабря 1991 г. (Указ Верховного Совета РСФСР от 12 декабря 1991 г. «О денонсации договора об образовании СССР») до принятия Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г.

> Общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, имеют преимущество перед законами Российской Федерации и непосредственно порождают права и обязанности граждан Российской Федерации.

Закон РСФСР № 1599-1 «О Конституционном Суде РСФСР» от 12 июля 1991 г.[1] и Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[2], которые регулировали статус и деятельность преемников ККН (Конституционного Суда РСФСР и позднее Конституционного Суда РФ соответственно), не содержали положений, касающихся полномочий Конституционного Суда по применению норм международного права. Однако это не было препятствием для Конституционного Суда для применения норм международного права в его постановлениях. Ко времени начала функционирования Конституционного Суда РСФСР[3], норма о том, что международные нормы по правам человека являются составной частью национального права, была включена в Декларацию прав и свобод человека и гражданина и позднее в Конституцию РСФСР 1978 г. (с изменениями от 21 апреля 1992 г.).

В период, когда Конституция РСФСР 1978 г. не содержала каких-либо положений о применении международного права в национальной правовой системе (до внесения изменений в Конституцию РСФСР Законом от 21 апреля 1992 г.), Конституционный Суд РСФСР дал расширительное толкование Конституции РСФСР относительно применения международного права. В Постановлении от 4 февраля 1992 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР» Конституционный Суд РСФСР установил правило применения норм международного права судами:

> Суды обязаны также оценивать подлежащий применению закон с точки зрения его соответствия принципам и нормам междуна-

---

1 Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1017.

2 СЗ РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

3 Первое постановление Конституционного Суда РСФСР датировано 14 января 1992 г.

родного права, поскольку, согласно Конституции, признается необходимость добросовестного выполнения вытекающих из них обязательств, а Декларация прав и свобод человека и гражданина от 22 ноября 1991 года, конкретизируя эти конституционные положения, в полном соответствии с ними установила, что общепризнанные международные нормы, относящиеся к правам человека, непосредственно порождают права и обязанности граждан России[1].

2.2.4.2. Положения законодательства

Законодательство последовало направлением общей политики государства и конституционных реформ. 17 мая 1991 г. Верховный Совет СССР принял Закон № 2170-1 «О Высшем арбитражном суде СССР»[2]. Статья 6 Закона содержала две части.

Часть 1 уполномочивала Высший арбитражный суд СССР применять международные договоры:

> Высший арбитражный суд СССР руководствуется в своей деятельности Конституцией СССР, настоящим Законом, другим законодательством СССР, законодательством республик, соглашениями Союза ССР и республик, многосторонними и двусторонними договорами и соглашениями между республиками, международными соглашениями.

Часть 2 статьи регулировала ситуацию коллизии нормативных актов разных уровней. К сожалению, данное положение Закона не упомянуло, какой акт Высший арбитражный суд должен использовать, если национальный нормативный акт противоречит международному договору. Также не указывалось, какое место в иерархии нормативных актов занимают международные договоры. Часть 2 ст. 6 устанавливает:

> Высший арбитражный суд СССР, установив в связи с разрешением хозяйственного спора несоответствие акта органа государственного управления, решения местного органа самоуправления,

---

1 Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 1.

2 Ведомости Верховного Совета СССР. 1991. № 23. Ст. 651.

> его исполнительного и распорядительного органа Конституции СССР, законам СССР, конституциям республик, законам республик, другим актам высших органов государственной власти, изданным в пределах их полномочий, принимает решение на основании Конституции СССР, законов СССР, конституций республик, законов республик, других актов высших органов государственной власти Союза ССР и республик.

Два месяца спустя Верховный Совет РСФСР принял Закон РСФСР от 4 июля 1991 г. № 1543-1 «Об арбитражном суде»[1]. Относительно законодательства, применяемого судами, содержание Закона РСФСР «Об арбитражном суде» было аналогично содержанию Закона СССР «О Высшем арбитражном суде СССР». Статья 8 «Законодательство, применяемое при разрешении дел арбитражным судом» Закона РСФСР «Об арбитражном суде» закрепляет, что арбитражный суд разрешает дела, руководствуясь в том числе международными договорами. Но ч. 2 ст. 8 не указывает, что должен делать судья в случае коллизии норм национального и международного права.

АПК РФ от 5 марта 1992 г.[2] в ч. 1 ст. 11 «Законодательство, применяемое при разрешении споров» также упоминает международные договоры и соглашения как часть законодательства, применяемого арбитражными судами:

> Арбитражный суд разрешает споры, руководствуясь Конституцией РСФСР, законами Российской Федерации и иным законодательством, действующим на территории Российской Федерации, конституциями, законами и иным законодательством республик в составе Российской Федерации, межгосударственными соглашениями, международными договорами.

Судя по заголовку статьи, она содержит список актов, которые классифицируются как законодательство и применяются арбитражными судами при разрешении споров. Международные соглашения и договоры перечислены наряду с законодательными актами федерального уровня (Конституция РСФСР, законы Российской Феде-

---

1 Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 30. Ст. 1013.

2 Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16. Ст. 836.

рации и другое законодательство, действующее на территории Российской Федерации) и регионального уровня (конституции, законы и иное законодательство республик в составе Российской Федерации).

АПК РФ 1992 г. напрямую не касался проблемы коллизии норм национального и международного права. Тем не менее анализ ее ст. 11 показывает, что международные соглашения и договоры должны рассматриваться как составная часть законодательства, которое применяется судами арбитражной юрисдикции. Другими словами, международные договоры рассматривались как составная часть права государства. Часть 2 ст. 11 устанавливала правила, которыми должны руководствоваться судьи при разрешении конфликта между «законодательством» и «нормативными актами государственного или иного органа». В данном случае судья обязан применить «законодательство». В то же время АПК РФ 1992 г. непосредственно не предложил способа решения конфликта между «нормативным актом государственного или иного органа», с одной стороны, и актами международного права, с другой стороны. Но ст. 11 АПК РФ 1992 г. предполагает, что суды обязаны применять международное право, так как термин «законодательство» включает в себя международные договоры и соглашения наряду с национальными актами. Кодекс также умалчивает о возможном конфликте между национальным законодательством и международным правом.

Материальные нормы (в дополнение к тем, которые содержат процессуальные нормы, регулирующие процесс отправления правосудия) также начали включать нормы, касающиеся применения норм международного права. Например, ст. 6 Закона РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности»[1] установила:

> Законодательные основы обеспечения безопасности составляют Конституция РСФСР, настоящий Закон, законы и другие нормативные акты Российской Федерации… международные договоры и соглашения, заключенные или признанные Российской Федерацией.

---

[1] Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

2.3. Практика судов СССР по применению норм международного права

Необходимо отметить два момента относительно фактического применения международных договоров судами СССР.

Что касается непосредственно судебной практики, то, действительно, суды применяли международное право. Тем не менее практика применения международных договоров по правам человека отличалась от практики применения других международных договоров. Точнее, первая отсутствовала — судами применялись только международные договоры, не касающиеся вопросов защиты прав человека. Советские конституции и законодательство не проводили различие между международными договорами по правам человека и другими договорами. Нормы национального права ссылались на международные договоры в общем, без акцентирования внимания на характере международных договоров (по правам человека, коммерческих договорах или договорах о правовой помощи). До конца 1980-х гг. не было случая, чтобы национальное право выделяло международные нормы по правам человека как специальный вид норм, которые могут быть применены в рамках национальной правовой системы. Только ближе к концу 1980-х гг. советское конституционное право начало отличать международные нормы по правам человека и устанавливать их приоритет[1].

Несмотря на то что национальное законодательство не отличало договоры, касающиеся прав человека, от других международных договоров, в судебной практики отношение к ним было различно. В редких случаях, когда нормы международного права применялись судами, таковыми международными договорами были только договоры и соглашения, не касающиеся прав человека. В судебной практике отсутствуют примеры применения международных норм по правам человека до момента создания Комитета Конституционного Надзора СССР и Конституционного Суда РСФСР.

В связи с тем что Советская правовая система принадлежала к континентальной правовой семье, судебные решения нижестоящих судов и Верховного Суда СССР, как правило, не публиковались, соот-

---

[1] См. ст. 1 Декларации прав и свобод человека и гражданина и идентичную ст. 32 Конституции РСФСР 1978 г.

ветственно, не были доступны. Было одно исключение, когда Верховный Суд СССР публиковал в Бюллетене Верховного Суда СССР выдержки из практики, собственной и нижестоящих судов, а также обзоры, обобщения и руководящие разъяснения по вопросам судебной практики в форме постановлений Пленума Верховного Суда РФ в качестве примера следования для нижестоящих судов[1]. Единственный способ получить доступ к практике советских судов — обратиться к Бюллетеню Верховного Суда СССР, а также к вторичным ресурсам, таким как юридическая литература.

Советские суды получили возможность применять международные нормы по правам человека в конце 1960-х гг. Первым международным инструментом ООН по правам человека, ратифицированным СССР 6 марта 1969 г., стала Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации[2], за которой последовала ратификация Международного пакта о гражданских и политических правах и других многосторонних конвенций ООН. Но с того времени до момента принятия первого заключения Комитета Конституционного Надзора в 1990 г. ни Верховный Суд СССР, ни нижестоящие суды не применяли международные нормы по правам человека. С 1957 по 1991 г. Бюллетень Верховного Суда СССР[3] не содержал ни выдержек из практики Верховного Суда СССР и нижестоящих судов, ни постановлений Пленума Верховного Суда СССР, из которых бы следовало, что суды применяли международные нормы по правам человека. Отсутствие руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР по данному вопросу означает, что Верховный Суд СССР не обобщал судебной практики нижестоящих судов, что, в свою очередь, свидетельствует об отсутствии такой практики в судах нижестоящего уровня.

---

1 Постановления Пленума Верховного Суда СССР и РФ подробно обсуждаются в гл. 4, 5 и 8.

2 Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 25. Ст. 219. Конвенция вступила в силу в отношении СССР 4 января 1969 г. СССР признал юрисдикцию Комитета по ликвидации всех форм расовой дискриминации в соответствии со ст. 14 Конвенции 5 июля 1991 г. Постановлением Верховного Совета СССР от 5 июля 1991 г. № 2306-1.

3 С 1957 по 1990 г. Верховный Суд СССР издавал Бюллетень Верховного Суда СССР. В течение 1991 г. Верховный Суд СССР издавал Вестник Верховного Суда СССР.

В то же время Пленум Верховного Суда СССР принял несколько постановлений по вопросу применения международных договоров. Они касались применения международных договоров о предоставлении правовой помощи иностранными государствами по гражданским, семейным и уголовным делам — Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. № 2 «О вопросах, связанных с выполнением судами договоров с иностранными государствами об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» (с изменениями от 11 июля 1972 г.)[1] и применения норм международных договоров по делам о международных перевозках — Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1969 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при рассмотрении споров, возникающих из перевозки грузов и багажа» (с изм. от 27 ноября 1981 г.)[2]. Например, текст Постановления от 30 мая 1967 г. № 5 «О выполнении судебными органами обязательств, вытекающих из договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных СССР с социалистическими государствами»[3] показывает, что существует практика применения некоторых международных договоров. В частности, в этом постановлении Пленум Верховного Суда СССР положительно оценил работу нижестоящих судов по применению международных договоров:

> Обсудив практику советских судебных органов по выполнению обязательств, вытекающих из договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных СССР с другими социалистическими государствами, Пленум Верховного Суда СССР отмечает, что советскими судами проведена значительная работа по выполнению указанных договоров; поручения, поступающие из юридических учреждений социалистических государств, выполняются своевременно и в полном соответствии с договорами.

Данные документы доказывают существование судебной практики по применению международных договоров не правозащитного характера.

---

1 Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1986. М., 1987.

2 Там же.

3 Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967. № 5. С. 11–12.

Что касается юридической литературы, статьи российских ученых показывают, что международное право редко применялось судами. В 2003 г. профессор С.Ю. Марочкин написал: «Раньше ссылки на международные договоры можно было встретить, в основном, в материалах судебных дел, да и то далеко не всегда»[1]. Советские ученые приводили небольшое количество примеров по применению международного права. Немногочисленные примеры были оценены следующим образом:

> В то время как советские ученые утверждали, что не совсем верно говорить, что советские суды *никогда* не применяли международное право, небольшое количество противоположных примеров применения международного права приведут западного юриста к очевидному выводу, что примеры являются неубедительными[2].

В дополнение к тому, что советские ученые приводили небольшое количество примеров по применению норм международного права, примеры касались только применения международных договоров не правозащитного характера:

> У нас широко распространено мнение, будто советские суды вообще не выносят решений на базе норм международного права. Да, до сих пор в силу определенной автаркичности нашего общества в целом и «непроницаемости» нашего правопорядка в частности это происходило нечасто, но по вопросам международных перевозок или оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам и наши суды принимали решения на основе норм международных договоров[3].

---

1 *Марочкин С.Ю.* Применение судами России норм международного права: Десять лет после принятия Конституции РФ // Российский ежегодник международного права. СПб., 2003. С. 62.

2 См.: *Damrosch L.F.* International Human Rights Law in Soviet and American Courts. P. 2320.

3 См.: *Верещетин В.С., Даниленко Г.М., Мюллерсон Р.А.* Конституционная реформа в СССР и международное право // Государство и право. 1990. № 5.

СССР ратифицировал многие международные договоры, в том числе договоры по правам человека. Например, в 1960-е гг. Советское государство заключало более 600 договоров и соглашений в год[1]. На 1 марта 1990 г. СССР присоединился к 14 из 24 инструментов ООН[2], «к более 16 000 договорам»[3] и являлся «членом почти всех общих международных организаций»[4]. Не многие из них были инкорпорированы в национальное право. Профессор Б. Бауринг указывает, что «...СССР был, возможно, наиболее прилежной страной в плане ратификации инструментов ООН, но никогда не позволял ратифицированным документам иметь какой-либо серьезный внутренний эффект»[5]. Профессор Г.М. Даниленко отметил аналогичную черту, указав, что «Советский Союз был способен подписать многочисленные международные договоры, включая договоры по правам человека, и продолжать избегать применения некоторых или всех положений данных договоров в национальной правовой системе»[6]. Он также отметил, что «отсутствие конституционного положения, устанавливающего прямую инкорпорацию международного права в советское национальное право, было не случайным»[7] и может быть объяснено общей внешней политикой РСФСР и СССР и «долгой изоляционной тенденцией советского общества в целом и советской правовой системы в частности» и «превалирующей идеологией, которая была нацелена на разрушение существующего мирового порядка»[8].

---

1 См.: *Блищенко И.П.* Действие международного договора на территории СССР // Правоведение. 1968. № 6.

2 См.: Центр ООН по правам человека. Права человека: статус международных инструментов. 1 марта 1990 г. С. 12–13, U.N. Doc. ST/HR/5, U.N. Sales № E.87.XIV.2 (1987 & chart 1990). Цит. по: *Damrosch L.F.* International Human Rights Law in Soviet and American Courts. P. 2318, footnote 15.

3 *Lukashuk I.* Russia's Conception of International Law // The Parker School Journal of East European Law 2. 1995. P. 8.

4 Там же.

5 *Bowring B.* Russia in a Common European Legal Space. Developing effective remedies for the violations of rights by public bodies: compliance with the European Convention on Human Rights // The Uppsala Yearbook of East European Law. 2005. P. 95.

6 *Danilenko G.* The New Russian Constitution and International Law. P. 458.

7 Там же.

8 Там же.

2.4. Заключение

На протяжении советского периода четыре основные момента характеризовали восприятие международного права советской правовой системой. Во-первых, международные договоры являлись главным источником международного права. Во-вторых, обычное международное право признавалось только частично. Общая позиция заключалась в том, что признание источниками права обычаев и толкований международного права (включая договоры) международными судами не сочеталось с принципом независимости государств, так как суверенная воля государства не обязательно отражается при формулировании обычных норм или постановлений международного трибунала. В-третьих, по причине того же принципа независимости государства приоритет международного права над национальным правом не признавался. В-четвертых, индивиды не рассматривались как носители прав в соответствии нормами международного права по правам человека или как субъекты международного права. Международное право рассматривалось как отрасль права, регулирующая отношения только между государствами.

Первоначально положения советских конституций и законодательства не регулировали вопросы применения международного права в национальной правовой системе. Конституции содержали положения, устанавливающие, что международная политика должна была вестись в соответствии с нормами международного права. В лучшем случае конституционные нормы закрепляли, что полномочия по заключению международных договоров с иностранными государствами принадлежали определенному государственному органу. Законодательство содержало больше положений о статусе международных договоров в национальной правовой системе. Имелось несколько национальных законов, которые закрепляли правила, устанавливавшие процедуру ратификации международных договоров, соглашений и конвенций и процедуру их опубликования в официальных изданиях.

После Второй мировой войны в законодательстве и в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР начали появляться нормы, касавшиеся вопроса разрешения конфликта между национальными законами и международными договорами. Тем не менее определение

национального статуса международного права и механизм применения международных норм в национальной правовой системе до сих пор отсутствовали в конституциях.

В связи с тем что международное право рассматривалось как система норм, которые регулировали только отношения между государствами, и индивиды не рассматривались в качестве субъектов международного права, не имелось каких-либо национальных актов, позволявших гражданам воспользоваться применением международных норм по правам человека в национальной правовой системе. До конца 1980-х гг. права и свободы человека являлись внутренним делом[1], несмотря на то что СССР ратифицировал большинство конвенций ООН по правам человека. Признавалось, что внутреннее право было самодостаточным для закрепления гарантий защиты прав человека. Судебная практика применения международных норм по правам человека отсутствовала. Функция обеспечения выполнения международных договорных обязательств принадлежала исполнительным органам власти.

Законодательство не проводило различия между нормами международного права в целом и международными нормами по правам человека в частности. Законодательство использовало общие термины «международное право» или «международные договоры, соглашения и конвенции», нежели «международные нормы по правам человека» или «международные договоры по правам человека». В отличие от международных договоров по правам человека, международные договоры не правозащитного характера применялись национальными судами. Конституционного положения о прямом применении норм международного права не существовало до 1990-х гг.

Только после конституционных реформ в начале 1980-х гг. и начале 1990-х гг. Комитет Конституционного Надзора СССР и Конституционный Суд РСФСР начали применять международные нормы по правам человека. Впервые принцип непосредственного применения норм международного права по правам человека в национальной правовой системе был введен в судебную практику не законодателем, а Комитетом Конституционного Надзора СССР.

---

[1] См.: *Верещетин В.С., Даниленко Г.М., Мюллерсон Р.А.* Конституционная реформа в СССР и международное право // Государство и право. 1990. № 5.

Конституционный Суд РСФСР, в свою очередь, широко истолковал положения Конституции РСФСР 1978 г., установив, что нормы международного права применяются непосредственно. Только после апробации применения международных норм по правам человека в судебной практике принцип непосредственного применения норм международного права появился в конституционных нормах.

ГЛАВА 3

Нормативные акты Российской Федерации о применении Конвенции о защите прав человека

В главе 3 анализируется национальный статус норм международного права в целом и Конвенции в частности в современной юридической системе Российской Федерации. Цель главы состоит в том, чтобы продемонстрировать степень изменений в восприятии российской правовой системой норм международного права, произошедших с 1980-х гг., особенно в период после принятия Конституции РФ 1993 г. до момента вступления России в Совет Европы и современного членства в данной организации, а также продемонстрировать действующий национальный статус Конвенции и практики ЕСПЧ.

В этой главе будет рассмотрено развитие законодательства о статусе международного права с точки зрения намерения РФ вступить в Совет Европы. Это потребует проведения анализа норм Конституции РФ, законодательства и практики Конституционного Суда РФ с учетом влияния международного права в целом и Конвенции в частности, несмотря на то, что Конвенция была ратифицирована намного позже.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ играют особую роль в применении национального законодательства и потенциально — в применении Конвенции. В связи с тем что постановления со-

ставляют специальный вид актов, отличных от законодательства и судебной практики, и являются главным предметом исследования данной работы, постановления будут проанализированы в отдельных главах 4, 5 и 8.

3.1. Конституция РФ о статусе Конвенции о защите прав человека

Российская Федерация в письме от 6 мая 1992 г., адресованном Генеральному секретарю Совета Европы, выразила желание получить приглашение стать членом Совета Европы и выразила готовность соблюдать принципы, закрепленные в ст. 3 Устава Совета Европы[1]. На следующий день в процессе обмена мнениями с министрами, посетившими 90-ю сессию Комитета Министров 7 мая 1992 г., Министр иностранных дел РФ отметил, что «Россия будет готова, как любое другое государство, присоединиться к организации, ратифицировать Европейскую конвенцию по правам человека», признать право индивидуальных жалоб и обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека, а также выполнять обязательства в соответствии с Конвенцией на всей территории России на всех уровнях ее администрации[2].

В течение процесса принятия России в Совет Европы разрабатывались проекты законов, которые учитывали нормы международного права и нормы Конвенции в частности. Например,

> В период работы Конституционного совещания, подготовившего проект Конституции РФ, вынесенный затем на референдум, все его участники были снабжены текстами важнейших международно-правовых актов в области прав человека, в том числе и текстом Конвенции. Это позволило участникам Совещания соотнести проект соответствующих консти-

---

1 Резолюция (92) 27 по Российской Федерации (принята Комитетом Министров 25 июня 1992 г. на 478 встрече заместителей министров).

2 Там же.

туционных установлений с общепризнанными принципами и нормами международного права[1].

Российская Конституция от 12 декабря 1993 г., законодательные акты, судебная практика Конституционного Суда РФ и «руководящие разъяснения», закрепленные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, образуют нормативную базу для определения национального статуса международного права в целом и Конвенции в частности.

Конституция РФ учитывает международные нормы по правам человека. Это прослеживается в содержании Конституции, отражающем принципы защиты прав человека, и нормах, регулирующих применение международного права в российской правовой системе.

3.1.1. Правозащитное содержание Конституции РФ

Правозащитное содержание Конституции РФ поддерживает тот аргумент, что Конвенция должна быть непосредственно применима в национальной правовой системе.

Во-первых, ст. 2 и 18 Конституции РФ отражают обязательство, закрепленное в ст. 1 Конвенции — обеспечивать каждому, кто находится под юрисдикцией Российской Федерации, права и свободы[2]. Статья 2 Конституции РФ устанавливает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Статья 18 Конституции РФ гарантирует непосредственное применение прав и свобод, закрепленных в гл. 2 Конституции: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

---

1 Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации (сравнительный анализ). Н (98)7, 1998. С. 10.

2 Эта аналогия была отмечена в сравнительном анализе 1998 г., подготовленном российскими правоведами по запросу Совета Европы. См.: *Европейская* Конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации (сравнительный анализ). Н (98)7, 1998. С. 10.

Во-вторых, гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ содержит перечень прав и свобод, защищаемых Конституцией РФ. Проект Конституции готовился с учетом прав и свобод Конвенции. Глава 2 уже содержит гарантии Конвенции (ст. 17–64 Конституции РФ). Более того, в отличие от Конституций СССР и РСФСР[1], права, закрепленные в Конституции 1993 г., непосредственно применимы. Это было отмечено в исследовании, проведенном группой «Группа выдающихся юристов» (*Eminent Lawyers Group*)[2] в 1994 г.:

> Настоящая Конституция… содержит… детальный каталог прав и свобод человека и гражданина. Этот каталог гарантирует традиционные права человека и также отражает положения международных инструментов по правам человека, включая Европейскую конвенцию по правам человека. Гарантии прав человека, содержащиеся в Конституции, могут быть применены лицами при обращении в государственные органы или против государственных органов, а также они могут быть применены и должны соблюдаться всеми российскими судами[3].

3.1.2. Положения Конституции РФ о международном праве

В соответствии с ч. 3, 4 ст. 15 Конституции РФ международные договоры становятся частью «российской правовой системы» после ратификации, или, если более точно, после официальной публикации закона о ратификации договора[4]. В отличие от Конституций СССР

---

1 См. гл. 2 настоящей работы.

2 «Группа выдающихся юристов» — это группа экспертов по правам человека, созданная Советом Европы с тем, чтобы установить, соответствует ли правовой порядок Российской Федерации стандартам прав человека Совета Европы, в целях рассмотрения вопроса о вступлении Российской Федерации в Совет Европы.

3 См.: *Bernhardt R., Trechsel S., Weitzel A. and Ermacora F.* Report on the Conformity of the Legal Order of the Russian Federation with Council of Europe Standards. P. 250.

4 «Законы подлежат официальному опубликованию. Неопубликованные законы не применяются. Любые нормативные правовые акты, затрагивающие права,

и РСФСР[1], Конституция РФ в ч. 4 ст. 15 четко устанавливает национальный статус международного права в Российской Федерации:

> Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Данная конституционная норма устанавливает в том числе юридическую силу международных договоров, ратифицированных Российской Федерацией. Поэтому не требуется издание национального нормативного акта, инкорпорирующего нормы международного договора, с тем, чтобы судья применил положения международного договора. Например, Конвенция вступила в силу в отношении Российской Федерации после официальной публикации Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» в Российской газете[2] и сдачи на хранение Генеральному секретарю Совета Европы (п. 3 ст. 59 Конвенции).

Этот принцип российского права — принцип непосредственного применения норм международного права — был позитивно оценен учеными: «Впервые в российской истории отношения между международным правом и национальной системой права закреплены в Конституции и в соответствии с современными стандартами»[3]. Другой российский ученый, профессор Г.М. Даниленко, отметил, что российская Конституция, как и другие конституции стран СНГ, представляет «собой важный шаг в сторону широкого применения международного права в национальной правовой системе этих государств»[4].

свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения».

1 См. гл. 2 настоящей работы.

2 РГ. 1998. 7 апр. См.: Приложение 10.

3 *Lukashuk I.* Russia's Conception of International Law. P. 14.

4 *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice // European Journal of International Law 1. 1999. P. 53; <http://www.ejil.org/journal/Vol10/No1/100051.pdf>.

Профессор С.Ю. Марочкин отметил, что

> …В истории российского конституционного развития еще никогда не было такого радикального положения; оно недвусмысленно закрепило, что на территории Российской Федерации правила других юридических систем вступают в силу без каких-либо дополнительных законодательных процедур инкорпорации[1].

Еще большее значение имеет тот факт, что принцип непосредственного применения норм международного права закреплен в гл. 1 Конституции РФ «Основы конституционного строя». Такое местоположение нормы в конституционной системе означает, что ни одна другая норма Конституции РФ, не говоря уже про другие правовые акты, не может противоречить толкованию нормы ч. 4 ст. 15 Конституции РФ[2]. В соответствии с ч. 1 ст. 135 Конституции РФ положения гл. 1, 2 и 9 Конституции РФ не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием. Часть 2 и 3 ст. 135 устанавливает специальный порядок, в соответствии с которым указанные главы могут быть изменены. Процесс внесения изменений включает в себя поддержку тремя пятыми голосов от общего числа членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, созыв Конституционного Собрания в соответствии с федеральным конституционным законом с целью подтвердить неизменность Конституции Российской Федерации, либо разработать проект новой Конституции Российской Федерации. Проект новой конституции должен получить поддержку двух третей голосов от общего числа членов Конституционного Собрания или быть утвержден большинством голосов на всенародном голосовании. Отсюда следует, что и конституционный статус Конвенции может быть изменен только путем применения специальной сложной процедуры, которая может даже потребовать проведения национального референдума.

Профессор С.Ю. Марочкин подчеркнул важность гл. 1 Конституции РФ и ее ст. 15:

---

1 См.: *Marochkin S.Yu.* International Law in the Courts of the Russian Federation: Practice of Application // Chinese Journal of International Law 6. 2007. № 2. P. 330.

2 См.: *Lukashuk I.* Russia's Conception of International Law. P. 14.

> …Это не обычная конституционная норма; она содержит в себе один из основных конституционных принципов России, сформулированных в первой главе Конституции[1].

Термин «российская правовая система» значительно шире, чем термин «российское законодательство». Первый, как более общий феномен, включает в себя последний, а также российскую юридическую практику (практику судебных и административных органов) и юридическую доктрину. Профессор С.Ю. Марочкин определил понятие «российская правовая система» следующим образом:

> Правовая система РФ представляется как комплекс всех явлений правовой действительности — не только внутригосударственных, но и связанных с МП. Она включает правовые нормы, действующие в стране (право РФ, а также нормы МП и иностранного права с санкции государства), правовую деятельность (деятельность всех органов, учреждений и иных субъектов по созданию и/или реализации действующих в стране правовых норм) и правовые идеи, представления, теории, взгляды, доктрины (правосознание в широком смысле слова[2].

Важность определения термина «российская правовая система» состоит в том, что Конституция РФ признает, что недостаточно влияния международного права только на законодательство. Ратифицированные международные договоры должны учитываться в процессе разработки законопроектов, как в свое время учитывались при разработке Конституции РФ. Будущие законы должны разрабатываться в соответствии с признанными принципами международного права. Доктрина также должна быть подвергнута влиянию норм международного права. Кроме того, очень важно, чтобы применение законодательства судебными органами соответствовало международным договорам, ратифицированным Российской Федерацией.

---

1 См.: *Marochkin.* International Law in the Courts of the Russian Federation: Practice of Application. P. 330.

2 См.: *Марочкин С.Ю.* Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998. С. 31.

Часть 4 ст. 15 Конституции РФ должна применяться с учетом других конституционных норм, в частности ее ч. 3 ст. 46:

> Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Данная статья, как и аналогичное положение ст. 63 Конституции РСФСР 1978 г. (с изменениями от 21 апреля 1992 г.), закрепляет, что, когда международные гарантии не соблюдаются национальными органами власти в рамках российской правовой системы, жертва нарушения имеет право обратиться с жалобой в международный орган. Поэтому ч. 4 ст. 46 Конституции РФ также косвенно предписывает, чтобы международные принципы прав человека соблюдались в первую очередь на национальном уровне.

Вопрос статуса Конвенции в системе актов федерального законодательства четко не определен и ожидает своего решения в судебной практике национального или международного уровня.

На вершине пирамиды национальных нормативных актов Российской Федерации стоит Конституция со следующими за ней федеральными конституционными законами и затем федеральными законами. Где находится Конвенция? Второе предложение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ поместило нормы международного права на уровне федеральных законодательных актов с приоритетом международных договоров в случае конфликта норм национального и международного права[1].

Термин «закон», используемый в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, может означать один из следующих законодательных актов: Конституция РФ, федеральный конституционный закон или федеральный закон. Все эти законодательные акты имеют различную процедуру принятия и различный статус в национальной правовой системе. В юридической доктрине, определяя национальный статус норм международных договоров, ученые, как правило, не проводят различия между федеральным конституционным законом и федеральным законом.

---

[1] Аналогичные положения закреплены в ч. 2 ст. 1 ГПК РФ и ч. 3 ст. 1 УПК РФ.

Например, профессор Г.М. Даниленко написал, что российская Конституция «установила более высокий иерархический статус договоров по отношению к не соответствующему им национальному праву»[1]. Он утверждал, что международные договоры находятся ниже по статусу по сравнению с Конституцией и конституционными законами:

> Так как Конституция, как правило, точно упоминает «конституционные законы» в других положениях, неуказание их в части 4 статьи 15 может быть истолковано таким образом, что нормы договоров не находятся выше норм «конституционных законов»[2].

Второе предложение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ означает, что в случае конфликта между законом (федеральным конституционным законом или федеральным законом) и международным договором последний превалирует. Не имеет значения, был ли принят закон перед или до ратификации международного договора, как в одно время признавалось в советском праве[3]. Толкование слова «закон» как федеральный закон предполагает, что положения Конвенции как договора, ратифицированного Российской Федерацией, превалирует только над обычным федеральным законом.

Поэтому можно сказать, что Конвенция находится между федеральными конституционными законами и федеральными законами.

В юридической литературе есть предположения, что на основании ч. 1 ст. 17 Конституции РФ[4] международные нормы по правам человека либо обладают приоритетом над Конституцией РФ[5], либо

---

1 *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 64.

2 *Danilenko G.* The New Russian Constitution and International Law. P. 466.

3 См. гл. 2.

4 «В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией».

5 См.: *Комментарий* к Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации» / под ред. В.П. Звекова и В.И. Осминина. М., 1996. С. 17; *Butler W.E.* The Russian Law of Treaties. 1997. P. 26. Приведено по: *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 64.

равным статусу Конституции РФ[1]. Профессор Г.М. Даниленко назвал данную идею «очень смелым предложением, которое на сегодня не нашло своего подтверждения в судебной практике»[2]. Положение ст. 22 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» предполагает, что международные нормы по правам человека не обладают приоритетом над нормами Конституции РФ. В соответствии с этим положением в случае, когда договоры содержат правила, которые требуют внесение изменений в Конституцию РФ, соответствующие изменения в Конституцию РФ должны быть внесены до ратификации договора[3].

Определить статус Конвенции невозможно только на основании положений Конституции РФ и законодательства без обращения к судебной практике. На сегодня такая практика не выработана в достаточной мере. Есть практика Конституционного Суда РФ, которая выявляет смысл ч. 4 ст. 15 Конституции РФ[4]. Но не было ни одного постановления, которое бы решало вопрос иерархии между Конституцией РФ и Конвенцией.

Тем не менее вероятно, что дело, которое установит статус Конвенции с большей определенностью, может появиться в ближайшее время. Например, ч. 3 ст. 32 Конституции РФ устанавливает: «Не имеют права избирать и быть избранными граждане... содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда». В деле Хёрст против Соединенного Королевства (2) (*Hirst v. the United Kingdom (2)*)[5] ЕСПЧ постановил, что автоматический и безоговорочный запрет избирать

---

1 См.: *Лукашук И.И.* Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997. С. 39–40. Приведено по: *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 64.

2 *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 64.

3 Статья 22 «Особый порядок выражения согласия на обязательность для Российской Федерации международных договоров»: если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке.

4 Данные постановления будут проанализированы ниже.

5 См.: *Hirst v. The United Kingdom* (№ 2) (Хёрст против Соединенного Королевства (2)) Постановление Большой Палаты ЕСПЧ от 6 октября 2005 г.

и быть избранным не служит какой-либо законной цели по Конвенции и, в любом случае, несоразмерен какой бы то ни было преследуемой цели[1], нарушает ст. 3 Протокола № 1 к Конвенции. В случае с существующим в Российской Федерации запретом ни Конституция РФ, ни законодательство РФ, ни доктрина не устанавливают какого-либо логического оправдания существования такого абсолютного запрета[2]. Будущие дела в Конституционном Суде РФ или ЕСПЧ, вероятно, дадут ответ на вопрос, обладает ли Конвенция более высоким иерархическим статусом, чем Конституция РФ, а также о возможном пути разрешения конфликта между положениями Конституции и Конвенции.

Независимо от решения вышеуказанного вопроса, согласно Конституции РФ не имеется отличия между Конвенцией и, например, ГПК РФ с точки зрения применимости данных актов в российских судах. Более того, второе предложение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ предоставляет приоритет Конвенции в случае конфликта между нормами федерального закона и Конвенции.

3.2. Статус практики Европейского суда по правам человека в российской правовой системе

Прежде чем начать непосредственный анализ судебной практики по применению Конвенции, необходимо определить существующий механизм применения законов, в том числе механизм применения Конвенции. Необходимо ответить на вопрос, хорошо ли сконструирован данный механизм и адекватен ли он потребностям юридической системы страны.

Необходимость существования механизма реализации конституционного положения о непосредственном применении норм международного права может быть объяснен особенностью истории предыдущих конституций СССР и РСФСР. Эти конституции никогда не

---

1 См.: *Коротеев К.* Право голоса для заключенных: опасность конституционных ограничений // Бюллетень Мемориал-EHRAC. 2005. № 3. С. 14 (<http://ehracmos.memo.ru/files/bulletin-ru-3.pdf>).

2 Для более детального анализа см.: *Коротеев К.* Право голоса для заключенных: опасность конституционных ограничений. С. 14.

обладали статусом непосредственно применимого акта[1]. Для применения какого-либо положения предыдущих конституций необходимо было принять соответствующий нормативный акт. В связи с тем, что положения советских законов формулировались не четко, подзаконные акты — например, приказ Министра внутренних дел РФ, постановление Пленума Верховного Суда РФ[2] – были основным источником права в СССР. Такая практика существует до сих пор: судьи предпочитают применять подзаконные нормативные акты, такие как постановления Пленума Верховного Суда РФ[3] или даже так называемые методические письма вышестоящих судов[4], чем Конституцию РФ, не говоря уже о Конвенции. Объясняется это просто — подзаконные нормативные акты сформулированы подробно, избавляют судью от ответственности применения общих норм Конституции РФ, требующего принятия ответственных решений при разрешении дела. Эта особенность российской правовой системы — традиция основного источника права — должна учитываться.

---

1 См. гл. 2.

2 См. гл. 4, 5 и 8.

3 См. гл. 7 и 8.

4 Природа такого инструмента, как методическое письмо, очень сходна с постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, с тем исключением, что методические письма не имеют ни конституционной, ни законодательной основы. Методические письма — разъяснения по определенным вопросам законодательства и практики его применения. В связи с тем, что их существование не закреплено в законодательстве, они официально не публикуются и служат как документы «для внутреннего пользования». Например, такое методическое письмо было принято Свердловским областным судом в связи с постановлением ЕСПЧ по делу Ракевич против России. Это методическое письмо упоминается в Интернет-интервью с Председателем Свердловского областного суда Иваном Кирилловичем Овчаруком «Судья должен знать все», Информационное агентство УралПолит.Ru. 30 августа 2004 г. <http://www.uralpolit.ru/regions/svr/30-08-2004/page_29757.html> и <http://www.sutyajnik.ru/rus/news/2004/09/6-1.htm>. Вероятно, методическим письмом, на которое ссылается Председатель Свердловского областного суда, является «Справка по результатам обобщения практики рассмотрения дел о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар (о продлении срока принудительной госпитализации) и принудительном психиатрическом освидетельствовании» от 23 сентября 2004 г., изданная Судебной коллегией по гражданским делам Свердловского областного суда. Документ доступен на веб-сайте Свердловского областного суда: <http://www.ekboblsud.ru/show_doc.php?id=15023>.

Тем не менее это не так своеобразно, как может показаться с первого взгляда. Например, невозможно применить Конвенцию без обращения к соответствующей судебной практике ЕСПЧ. Такая же ситуация в отношении применения Конституции РФ существует и в российской правовой системе — обращение к постановлениям и определениям Конституционного Суда РФ неизбежно. Российскому юристу кроме Конституции РФ или Конвенции требуется система нормативных актов, развивающих конституционные или конвенционные положения. Если в российской правовой системе отсутствует система судебного прецедента, подзаконные нормативные акты должны разъяснить детали способа применения Конвенции.

Как было продемонстрировано выше, в соответствии с Конституцией РФ Конвенция составляет часть правовой системы России, и ее национальный статус выше любого другого федерального закона. Чего не затронула Конституция РФ — это статус практики договорных органов, таких как ЕСПЧ, в российской правовой системе. Обзор развития законодательства и подзаконных нормативных актов (которые, с моей точки зрения, включают в себя практику Конституционного суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ) устранит этот пробел.

3.2.1. Юридическая наука

В российской юридической науке имеется спектр мнений относительно статуса практики ЕСПЧ. Профессор Г.М. Даниленко считает, что из содержания ч. 4 ст. 15 Конституции РФ следует, что практика ЕСПЧ должна учитываться при применении Конвенции:

> В соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции 1993 года возможно не только применить правила договоров в национальных судах, но также основываться на толковании таких договоров международными органами. Как следствие этого, принимая во внимание тот факт, что Россия ратифицировала Европейскую конвенцию по правам человека, не имеется препятствий для внутригосударственного использования толкования Конвенции Европейским судом по правам человека. Прецедентная практика Европейского суда, таким об-

разом, может быть постепенно трансформирована в российскую судебную практику[1].

Я.С. Кожеуров выразил мнение, что постановления ЕСПЧ являются юридически обязательными для Российской Федерации, но ограничил круг данных постановлений теми, которые были вынесены в отношении России. Он указал, что постановления против других государств «должны учитываться», что по юридической силе отличается от обязательности постановлений против России. В соответствии с толкованием Кожеуровым терминов «юридически обязательный» и «должен учитываться», последний не выражает юридическую обязательность[2].

> …Решения Европейского суда по делам с участием России, содержащие толкование положений Конвенции, не просто должны учитываться судами, они для них обязательны… Что касается остальных решений Европейского суда, то здесь более уместен термин «учитываются», поскольку формально решения Европейского суда обязательны только для сторон, однако подходы, концепции и критерии, выработанные Судом по одному делу, используются им при разрешении последующих аналогичных дел...[3]

Авторы отчета 1998 г. «Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации (сравнительный анализ)» придерживаются аналогичной позиции:

> …Формально и безусловно обязательными для Российского государства являются только решения, вынесенные по делам, в которых РФ является стороной…

---

1 См.: *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 68.

2 См.: *Кожеуров Я.С.* О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Журнал международного частного права. 2004. № 1.

3 См.: Там же.

> Судебный прецедент может служить индикативным образцом толкования нормативного правового акта, не обязательным, но достаточно авторитетным…
>
> Строго юридически российское государство и его органы, включая суд, не обязаны следовать созданному ЕСПЧ прецеденту. Однако, если они не будут принимать во внимание то, каким образом норма Конвенции и Протоколов истолкована в ЕСПЧ и его указаниям о путях ее реализации, они рискуют натолкнуться в случае рассмотрения поданной против РФ конкретной жалобы с осуждением со стороны контрольных органов Конвенции по мотивам и основаниям, которые уже были использованы или применены в аналогичных или схожих делах[1].

В качестве примера более консервативной точки зрения можно привести позицию, выраженную профессором Б.Л. Зимненко. Зимненко не согласен с положением, что ЕСПЧ создают юридические нормы:

> Если даже предположить, что Европейский суд по правам человека создает правовые нормы, то последние не являются обязательными для государств — участников Конвенции[2].

Заключение автора основано на идее, согласно которой суверенные государства могут быть связанными только ратифицированными ими текстами договора и что нормы международного права могут быть созданы только субъектами международного права, под которыми Б.Л. Зимненко понимает только независимые государства[3].

Необходимо разграничивать понятия «должны учитываться» и «юридически обязательные». Если посмотреть на Конвенцию, можно найти моменты, поддерживающие позицию, согласно которой

---

1 См.: *Кожеуров Я.С.* О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

2 См.: *Зимненко Б.Л.* Решения Европейского суда по правам человека и правовая система Российской Федерации. С. 79–80.

3 См.: Там же.

только постановления в отношении Российской Федерации являются юридически обязательными. Во-первых, даже ЕСПЧ не связан своими собственными решениями. Почему в таком случае должна быть связана ими Россия? Во-вторых, согласно Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязаны следовать только окончательным решениям по делам, в которых они являются сторонами. Статус остальной массы решений в Конвенции не определен. Пункт 1 ст. 46 Конвенции устанавливает, что «Высокие Договаривающиеся стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами». Данное положение не указывает, что стороны обязаны руководствоваться всеми постановлениями ЕСПЧ.

Должны быть серьезные основания для того, чтобы требовать от российских судов соблюдения принципов, изложенных в постановлениях ЕСПЧ, которые не являются обязательными для Российской Федерации. Вопрос состоит в том, как далеко Россия готова пойти, признавая толкование Конвенции ЕСПЧ. Должна ли Россия принять правовые позиции ЕСПЧ, содержащиеся только в постановлениях против России или также в постановлениях против других государств? В данной работе отстаивается позиция, согласно которой нелогичным является мнение, что российские власти обязаны соблюдать только текст Конвенции, и не целесообразно считать, что российские власти обязаны соблюдать только решения против России. Другими словами, дела в отношении России являются юридически обязательными для России в плане ее резолютивной части (присуждения компенсации) и правовых позиций; правовые позиции постановлений против других государств должны учитываться.

Есть хорошие практические причины, на основании которых нужно предписывать судам следовать толкованию ЕСПЧ. Если спросить, что является обязательным для государства, очевидно, что согласно п. 1 ст. 46 Конвенции только Конвенция и постановления ЕСПЧ, в которых Российская Федерация является стороной, обязательны для Российской Федерации. С другой стороны, это дает только частичное понимание состояния толкования Конвенции. Это значит, что если пытаться предсказывать, какое постановление вынесет ЕСПЧ, если аналогичное дело поступит из России, то часто невозможно будет прийти к правильному выводу только на основании дел, разрешенных только в отношении России. Это означает, что нецелесообразно игнорировать другие дела. Нецелесообразно не при-

нимать во внимание правовые позиции из других дел, потому что они предлагают России и государственными органам руководство к действию в определенной ситуации для избежания возможных в будущем отрицательных постановлений ЕСПЧ.

Прецедентная практика ЕСПЧ по применению Конвенции начала формироваться задолго до того, как Российская Федерация присоединилась к Совету Европы и ратифицировала Конвенцию. Правовые принципы, содержащиеся в постановлениях и решениях, вынесенных в отношении России, — далеко не полный каталог правовых позиций (прецедентов), выработанных ЕСПЧ. Более того, постановления в отношении России основаны на ранее вынесенных постановлениях ЕСПЧ и Европейской комиссии по правам человека против других государств — участников Конвенции. Если Российская Федерация признает только принципы, отраженные в решениях по жалобам против России, и не признает остальную прецедентную практику, это значит, что Российская Федерация очень часто будет иметь дело только с «голым» текстом Конвенции. Как хорошо известно, только из текста Конвенции можно уяснить немного. Значение конкретных положений Конвенции постоянно развивается:

> ...Гарантии Конвенций, как они понимаются Судом (ЕСПЧ. — *А. Б.*) развиваются. Суд неоднократно подтверждал, что Конвенция должна толковаться в динамичной манере, принимая во внимание развитие общества. Так как общество меняется, согласованные 50 лет назад конвенционные права и свободы должны пониматься и применяться в новом свете. Недавний пример — дело *Paeffgen GmbH v. Germany...* где Суд установил, что эксклюзивное право на использование интернет домена представляет собой «собственность» (*possession*) в значении, придаваемом понятию в статье 1 Протокола 1 к Конвенции[1].

Этот феномен дает Конвенции второе название — «живой инструмент»[2]. Это значит, что Конвенция — это

---

[1] Foreword by the Registrar on the occasion of the 100th issue of the Case-Law of the Court Information Note No 100 August/September 2007.

[2] «В устном выступлении на круглом столе Международной ассоциации конституционного права, проведенном Организацией сравнительных исследований конституций, свобод и государств Университета имени Монтескье (Бордо IV) [D'étu-

«живой инструмент, который должен пониматься в свете современных условий» (см.: *Tyrer v. the United Kingdom*, постановление от 25 апреля 1978 г. Series A № 26. С. 15–16. § 31, и последующая прецедентная практика)[1].

Принятие во внимание других, нежели только против России, постановлений ЕСПЧ будет содействовать предотвращению будущих нарушений. С этой точки зрения не является целесообразным игнорирование судебной практики ЕСПЧ против других государств. Это не является противоречащим Конвенции. Но это не целесообразно.

Точка зрения Б.Л. Зимненко о том, что практика ЕСПЧ не является юридически обязательной, основана на принципе взаимности (*reciprocity principle,* англ.). С момента вступления в силу Конвенции, чья «природа, как инструмента, направленного на установление общественного порядка (*ordre public*, фр.), определенная предметом Конвенции, защитой основных прав»[2], классический принцип взаимности более не применяется в международном праве по правам человека. По этому вопросу пришли к соглашению в европейской доктрине[3] и прецедентной практике ЕСПЧ еще в 1960-е гг. В 1961 г.

---

des a de recherches comparatives sur les constitutions, les libertés and l'Etat at L'Université Montesquieu (Bordeaux IV).] 15 и 16 октября 2004 г., судья Европейского суда Зупанчич сказал, что при решении вопроса, относится ли дело к компетенции Европейского суда, судьи Европейского суда главным образом обращаются не к тексту Конвенции, а к прецедентному праву Европейского суда. В изданном по результатам круглого стола сборнике докладов (*Ferdinand Melin-Soucramanien* (ed.) «L'Interpretation Constitutionelle». Paris: Dalloz, 2005) судья Зупанчич опубликовал абсолютно другую, не имеющую никакого отношения к его устному выступлению статью по вопросу толкования уголовных кодексов. Тем не менее устные тезисы судьи зафиксированы Ф. Делпери (*F. Delperee*) в его статье, опубликованной в том же сборнике, на с. 245, О. Пферсманном (*O. Pfersmann*) на с. 87 и другим судьей Европейского суда Гарлички (*Garlicki*) на с. 140. Материал судьи Гарлички сам по себе является интересным отражением задач, поставленных перед судьями, интерпретирующими Конвенцию». Сведения почерпнуты из моего интервью с профессором Кембриджского университета Д. Фелдманом от 10 марта 2006 г.

1 *Vo v. France*, постановление от 8 июля 2004 г. Параграф 82.

2 *Human* Rights in National and International Law // The Second International Conference on the European Convention on Human Rights Held in Vienna under the Auspices of the Council of Europe and the University of Vienna, 18–20 October 1965 / ed. A.H. Robertson. P. 134.

3 См.: Op. cit. P. 100.

ЕСПЧ в своем решении относительно приемлемости дела по жалобе № 788/60, Австрия против Италии, заключил на основании анализа Устава Совета Европы и преамбулы Конвенции, что

> …цель ратификации Конвенции Высокими Договаривающимися Сторонами не в том, чтобы уступить друг другу взаимные права и обязанности, достигая свои индивидуальные национальные интересы, а чтобы реализовать намерения и идеи Совета Европы, закрепленные в Уставе, и установить общий общественный порядок свободных европейских демократий с целью защиты их общего наследия политических традиций, идей, свободы и законности[1].

Сейчас мы должны увидеть, какое в этом отношении развитие получили законодательство и подзаконные нормативные акты России.

3.2.2. Законодательство

Сначала необходимо посмотреть, какие правила российского законодательства, обращенные непосредственно к судьям, содержат обязательство применять положения международных договоров и, в частности, практику договорных органов (судов). Другими словами (хоть это и может показаться необычным), какие нормы законодательства устанавливают обязанность судьи по применению ч. 4 ст. 15 Конституции РФ?

Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[2] (далее — Закон 1995 г.) был принят в период между выражением Российской Федерацией намерения вступить в Совет Европы и непосредственно вступлением. Закон 1995 г. повторяет конституционные положения относительно национального статуса международных договоров. Преамбула и п. 1 ст. 5 Закона 1995 г. устанавливает, что в соответствии с Конституцией РФ международные договоры являются составной частью право-

---

1 *Yearbook* of the European Convention on Human Rights. The European Commission and European Court of Human Rights. 1961. Martinus Nijhoff, 1962. P. 138.

2 СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757. См. приложение 9.

вой системы. Пункт 2 ст. 5 повторяет конституционное положение о возможном противоречии между нормами международного права и нормами национальных законов.

Раздел IV Закона 1995 г. представляет интерес относительно понимания роли, придаваемой национальным судам по применению положений международных договоров. Четыре статьи раздела IV посвящены юрисдикции Президента и Правительства РФ, федеральных органов исполнительной ветви власти и государственных органов субъектов Российской Федерации по выполнению международных договоров. В дополнение к общему языку этих положений (сложно понять из текста положений, в чем точно состоят функции указанных органов власти) текст раздела IV, как и весь текст Закона 1995 г., не закрепляет юрисдикции национальных судов по применению норм международных договоров. В этом отношении Закон 1995 г. аналогичен Закону СССР от 6 июля 1978 г. «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР»[1].

Отсутствие указания судебной юрисдикции в отношении международных договоров позволяет предположить, что Закон 1995 г. был подготовлен с позиции, что международное право основывается на принципе взаимности, в соответствии с которым индивиды не являются субъектами международного права. Закон 1995 г. касается международных договоров, которые не требуют вмешательства судебной власти в процесс выполнения международных договоров. Это значит, что Закон 1995 г., в частности раздел IV, был разработан для тех договоров, в которых индивиды не являются субъектами или выгодополучателями международного договора, которые могли бы обратиться в судебные инстанции для принудительного исполнения международных договоров по правам человека. Частные лица (физические или юридические лица) могут инициировать принудительное выполнение обязательств международного договора только путем возбуждения судебного дела относительно соблюдения прав, закрепленных в международных договорах. Другими словами, Закон 1995 г. был разработан для выполнения не правозащитных международных договоров, которые не предусматривают непосред-

---

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 28. Ст. 439. См. гл. 2.

ственного участия частных лиц в качестве субъектов международного договора.

Признав отсутствие положений, адресованных судам, некоторые российские ученые не видят в этом намерение законодателя исключить судей из процесса исполнения международных договоров. Отсутствие соответствующих положений Закона 1995 г. объясняется дефектом, недоработкой, упущением[1].

В 1996 году конституционные положения о статусе международного права были продублированы в Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[2] (далее — Закон 1996 г.). В соответствии со ст. 3 Закона 1996 г. все суды обязаны применять общепризнанные принципы и нормы международного права и международных договоров Российской Федерации. В очередной раз Российская Федерация подчеркнула национальный статус международных договоров, ратифицированных Россией. Главной чертой данного закона является тот факт, что впервые в Российском законодательстве было закреплено, что судьи обладают юрисдикцией по применению норм международного права.

В 2001 и 2002 гг. положения, аналогичные норме второго предложения ч. 4 ст. 15 Конституции РФ[3], были включены в ч. 2 ст. 1 ГПК РФ и ч. 3 ст. 1 УПК РФ. До этого единственное положение, касающееся конфликта между нормами международного договора и национального права, содержалось в ГПК РСФСР с изменениями от 7 августа 2000 г.[4] До этого данное положение содержалось в ст. 64 Основ гражданского судопроизводства СССР[5]. УПК РСФСР не содержал такого положения. Что касается других законов, после Кон-

---

1 См.: *Игнатенко Г.В., Марочкин С.Ю., Суворова В.Я.* Федеральный закон о международных договорах Российской Федерации // Российский юридический журнал. 1995. № 4.

2 РГ. 1997. 6 янв. См.: Приложение 8.

3 «Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

4 Это положение было включено Федеральным законом от 7 августа 2000 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР» // СЗ РФ. 2000. № 33. Ст. 3346.

5 См. гл. 2.

ституции РФ большинство новых законов содержали формулировку ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. К концу 1990-х гг. было принято около 90 таких законов[1].

Большой шаг в сторону развития механизма применения норм международных договоров в национальной правовой системе был предпринят в Федеральном законе от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней»[2] (далее — Закон 1998 г.). Несмотря на то, что Конституция РФ и многие другие акты национального законодательства содержат положения о национальном статусе международных договоров, практика интерпретации международных договоров органами, учрежденными международными договорами, не упоминалась в качестве источника права. В соответствии с последним абзацем ст. 1 Закона 1998 г. Российская Федерация признает обязательной юрисдикцию ЕСПЧ в отношении толкования и применения Конвенции. Закон 1998 г. был первым актом, который признал постановления международного суда по толкованию международного договора обязательными. Последний абзац ст. 1 гласит:

> Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

Остается ответить на вопрос, признает ли Российская Федерация правовые принципы, выработанные ЕСПЧ в решениях против других государств — участников Конвенции, юридически обязательными для органов власти России. Ссылка в Законе 1998 г. на ст. 46 Конвенции («Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами») ограничивает область обязательности пре-

---

1 См.: Профессор С.Ю. Марочкин. Интервью провел А.Л. Бурков 7 октября 2008 г.

2 РГ. 1998. 7 апр. См.: Приложение 10.

цедентной практики ЕСПЧ для российских властей. Статья 1 Закона 1998 г. предполагает, что российские властные органы обязаны следовать только тем постановлениям ЕСПЧ, которые были приняты в отношении Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ истолковал ч. 4 ст. 15 Конституции РФ таким образом, что вся практика ЕСПЧ была признана источником российского права.

3.2.3. Практика Конституционного Суда РФ

Конституционный Суд РФ внес значительный вклад в развитие принципа непосредственного применения норм международного права. Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ является единственным органом, который дает официальное толкование Конституции РФ. Его постановления обязательны на всей территории Российской Федерации для всех органов законодательной, исполнительной и судебной власти. Большинство российских ученых-правоведов считают постановления Конституционного Суда РФ источником российского права, которые могут не только изменить закон, но и обладают равным с Конституцией РФ статусом.

Первым постановлением Конституционного Суда РФ относительно применения норм международного права в национальной правовой системе было Постановление от 4 февраля 1992 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР». Конституционный Суд РФ постановил, что суды «обязаны также оценивать подлежащий применению закон с точки зрения его соответствия принципам и нормам международного права...».

Вероятно, не является простым совпадением тот факт, что данное постановление было вынесено спустя три месяца после направления Российской Федерацией Генеральному Секретарю Совета Европы письма от 6 мая 1992 г., в котором выражалось желание быть приглашенным стать членом Совета Европы.

После принятия Конституции РФ Конституционный Суд РФ принял несколько важных постановлений, дав широкое толкование ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, касающейся права на обращение в меж-

дународные органы. В своем Постановлении от 2 февраля 1996 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 части второй статьи 371, части третьей статьи 374 и пункта 4 части второй статьи 384 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан К.М. Кульнева, В.С. Лалуева, Ю.В. Лукашова и И.П. Серебренникова»[1] Конституционный Суда РФ сказал:

> …Решения межгосударственных органов могут приводить к пересмотру конкретных дел высшими судами Российской Федерации и, следовательно, открывают дорогу для полномочий последних по повторному рассмотрению дела в целях изменения ранее состоявшихся по нему решений, в том числе принятых высшей внутригосударственной судебной инстанцией[2].

Конституционный Суд РФ признал, что решения международных судов могут привести к пересмотру дел, рассмотренных в нарушение норм международного права. Этот вывод Конституционного Суда РФ идет намного дальше конституционного положения, согласно которому международные договоры являются частью российской правовой системы. Это значит, что Конституционный Суд РФ признал решения международных судов, принятых в отношении России, юридическими фактами, достаточными для пересмотра решений национальных судов. Другими словами — источниками российского права. Решения российских судов могут быть пересмотрены на основании постановления ЕСПЧ. Это новый подход для Российской Федерации, страны континентальной системы права, где практика судов, как правило, не рассматривается в качестве источника права.

В следующем предложении абз. 2 п. 7 Постановления Конституционный Суд РФ далее развивает свое толкование положений Конституции:

> Было бы нелогично отрицать указанные полномочия в случаях, когда необходимость изменения судебных решений может быть выявлена без подключения межгосударственных органов.

---

1 Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

2 Абзац 2 п. 7.

Это предоставляет правовые основания для непосредственного применения норм международного права российскими судами до того, как конкретное дело будет рассмотрено международным судом. Постановление четко признает обязательство российских судов применять нормы международного права в своих решениях. Это важно делать до того, как дело будет направлено в международный суд и им рассмотрено. В 1999 г. профессор Г.М. Даниленко отметил, что данное Постановление Конституционного Суда РФ «установило обязательство придавать непосредственное действие в национальном праве решениям международных органов, включая Европейский суд по правам человека»[1].

Вероятно, не является простым совпадением тот факт, что эта правовая позиция появилась спустя лишь 26 дней после даты вступления Россией в члены Совета Европы.

После присоединения к Совету Европы и ратификации Конвенции аналогичные правовые принципы были отражены во многих других постановлениях Конституционного Суда РФ.

Следующие два постановления Конституционного Суда РФ должны быть проанализированы вместе с тем, чтобы понять прогресс, сделанный в толковании конституционного принципа о национальном статусе международного права (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ). В своем Постановлении от 25 января 2001 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» (далее — дело Богданова)[2] Конституционный Суд РФ в очередной раз подчеркнул значение конституционного положения, указав, что Конвенция является частью российской правовой системы, и значение положения последнего абзаца ст. 1 Закона 1998 г. о ратификации Конвенции, которое установило, что Российская Федерация признает юрисдикцию ЕСПЧ, указав, что

> Конвенция о защите прав человека и основных свобод ратифицирована Российской Федерацией, вступила в силу на ее терри-

---

1 *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 68.

2 Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 3.

> тории и, следовательно, является составной частью ее правовой системы. При этом Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека и обязалась привести правоприменительную, в том числе судебную, практику в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней[1].

Конституционный Суд РФ развил толкование ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, в очередной раз подтвердив, что в соответствии с этим конституционным положением Российская Федерация взяла на себя обязательство привести в соответствие с Конвенцией не только законодательство, но также судебную и другую правоприменительную практику национальной правовой системы. Это является прямым признанием обязательства применять Конвенцию в национальном правоприменительном процессе. Тем не менее Конституционный Суд РФ не уточнил, является ли признание юрисдикции ЕСПЧ принятием толкования Конвенции, данным ЕСПЧ, или только признанием юрисдикции ЕСПЧ на рассмотрение жалоб против Российской Федерации.

Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан»[2] не ограничило обязательную юридическую силу прецедентной практики ЕСПЧ только постановлениями, вынесенными против Российской Федерации. Конституционный Суд РФ также признал, что лица, находящиеся под российской юрисдикцией, могут аргументировать свои дела в судах России на основании прецедентной практики ЕСПЧ. Конституционный Суд РФ в обсуждаемом Постановлении шире истолковал конституционное положение по сравнению с делом Богданова. В частности абз. 2 п. 2.1 Постановления содержит следующее:

---

1 Абзац 4 п. 6.

2 Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 1.

Ратифицируя Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов (Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ). Таким образом, как и Конвенция о защите прав человека и основных свобод, решения Европейского Суда по правам человека — в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, — являются составной частью российской правовой системы, а потому должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и правоприменительными органами при применении соответствующих норм права.

Эта правовая позиция Конституционного Суда РФ пошла дальше положения ст. 1 Закона 1998 г. о ратификации Конвенции и ранее проанализированных постановлений. В отличие от законодателя, Конституционный Суд РФ не отграничил юридическую силу постановлений ЕСПЧ только по делам, в которых Россия является стороной. Выражение, используемое Конституционным Судом РФ, недвусмысленно говорит о том, что толкование Конвенции ЕСПЧ является обязательным для правоприменительных органов вне зависимости от того, в каком постановлении или решении находится то или иное толкование Конвенции. Конституционный Суд РФ пришел к заключению, что, в дополнение к тексту Конвенции, решения ЕСПЧ составляют часть правовой системы Российской Федерации. Другими словами, решения ЕСПЧ были признаны источниками российского права и правоприменительной практики, таким образом, они должны приниматься и учитываться при рассмотрении дел российскими судами. Вывод Конституционного Суда РФ соответствует положениям п. 1 ст. 32[1] и п. 1 ст. 47[2] Конвенции.

---

[1] «В ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34 и 47».

[2] «Суд может по просьбе Комитета министров выносить консультативные заключения по юридическим вопросам, касающимся толкования положений Конвенции и Протоколов к ней».

Имеются точки зрения, что словосочетание «должны учитываться» в целом[1] и в контексте дела Богданова[2] означает, что правовые нормы, которые «должны учитываться», не имеют юридической силы, для правоприменителя это словосочетание означает «принимать во внимание, но не обязательно следовать»[3] (*to have regard to, but not be obliged in any way to follow*)[4].

Необходимо обратить внимание на существующие переводы на английский язык словосочетания «должны учитываться». Авторы статьи *«Judgment of the Russian Constitutional Court on Supervisory Review in Civil Proceedings: Denial of Justice, Denial of Europe»* («Постановление Конституционного Суда РФ по надзору в гражданском процессе: отказ в правосудии, отрицание Европы»), а также авторы перевода на английский язык Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (абз. 3 п. 10)[5] перевели на английский слово «должны» как *«should»*, которое употребляется для выражения морального долга или совета, не выражающего юридическое обязательство. Представляется, что этот перевод не отражает обязательного значения слова «должны». Оно должно

---

1 См.: *Кожеуров Я.С.* О постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

2 *Koroteev K. and Golubok S.* Judgment of the Russian Constitutional Court on Supervisory Review in Civil Proceedings: Denial of Justice, Denial of Europe // Human Rights Law Review 7 (2007). P. 624. Перевод на русский язык см.: *Коротеев К., Голубок С.* Постановление Конституционного Суда об институте надзора в гражданском процессе: отказ в правосудии, отрицание Европы // <http://ehracmos.memo.ru/files/Koroteev-Golubok-HRLR.pdf>.

3 «Иметь отношение, но не быть обязательным к исполнению» (в переводе авторов).

4 Там же.

5 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12. См. приложение 13. Перевод Постановления Пленума Верховного Суда РФ на английский язык. См.: *Burkov A.* The Impact of the European Convention on Human Rights on Russian Law. Stuttgart, 2007. С. 130 или в: Human Rights Law Journal 25. 2004. № 1–4. P. 108–111. <http://www.supcourt.ru/EN/resolution.htm>.

быть переведено как *«shall»* или *«are obligated to»*, что подчеркивает обязательность требования.

Во-первых, термин «должны учитываться» необходимо понимать не столько с точки зрения его лингвистического значения, сколько с точки зрения контекста (практики Конституционного Суда РФ), в котором используется этот термин. Конституционный Суд РФ не просто говорит, что постановления ЕСПЧ «должны учитываться» судами, но и учитывает (применяет) постановления ЕСПЧ (и не только постановления против России) в своей собственной практике. Судьи Конституционного Суда РФ, употребляя словосочетание «должны учитываться», имели ввиду обязательное использование правовых позиций ЕСПЧ, содержащихся и в решениях против России, и против других государств просто потому, что в своей собственной практике Конституционный Суд РФ применяет положения решений ЕСПЧ, вынесенных не только против России. Более того, Конституционный Суд РФ ссылается на данные решения ЕСПЧ[1]. Поэтому Конституционный Суд РФ, употребляя словосочетание «должны учитываться», имеет ввиду не рекомендацию, а юридическую обязанность.

Во-вторых, выражение «должны учитывать» часто используется в российской правовой литературе. Не выражение имеет первоочередное значение. Первостепенное значение имеет статус органа власти, которым используется выражение. Исторически в России юридически обязательными документами являлись постановления, приказы или даже «рекомендательные письма» министерств. Существование последних не имело какой-либо правовой основы. С одной стороны, форма «письма» и стиль «рекомендации», использованный в письмах, предполагал отсутствие обязательной силы данного документа. Это, в свою очередь, являлось основанием для отказа тем, чьи права были нарушены «рекомендательными письмами», в их оспаривании в судебном порядке. С другой стороны, несмотря на форму и стиль данных документов, на практике они воспринимались как юридически обязательные[2]. Другой пример. Пленум Вер-

---

1 Более подробно см. гл. 6.

2 Более подробно о проблеме судебной защиты прав, нарушенных юридическими актами, которые официально не обладают юридической силой, но на практике являются обязательными, см.: *Бурков А.Л.* Судебная защита прав граждан, нарушенных недействующими нормативными актами // Правоведение. 2004. № 1

ховного Суда РФ использует выражение «суды должны учитывать» практически в каждом своем постановлении. Это не делает постановления менее юридически обязательными. Как будет показано далее, несмотря на официально не обязательную юридическую силу постановлений и использование выражения «должны учитывать», на практике они имеют юридическую силу и обладают большей обязательностью для судей и адвокатов, чем какой-либо закон. В то же время постановления Пленума Верховного Суда РФ не могут быть оспорены в судебной порядке[1]. Значение выражения «должны учитывать» имеет нормативный характер.

Таким образом, Конституционный Суд РФ дал широкое толкование положению ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Конституционный Суд РФ признал прецедентную практику ЕСПЧ (не только Конвенцию) составной частью российской правовой системы, источником российского права. Более того, правовая позиция Конституционного Суда РФ состоит в том, что при применении Конвенции суды должны учитывать (применять) все постановления ЕСПЧ (не только вынесенные в отношении России), которые развивают токование Конвенции. Как будет показано в главе 6, Конституционный Суд РФ следует данной практике и во многих случаях применяет постановления ЕСПЧ, в том числе вынесенные против других стран, нежели Российская Федерация.

3.3. Заключение

Конституция РФ готовилась под влиянием международных договоров по правам человека, включая тогда еще не ратифицированную Конвенцию. Конституция РФ содержит полный перечень прав человека и положительно отражает принцип применения норм международного права в национальной правовой системе. Конституция закрепила национальный статус всех ратифицированных международных договоров, а также их приоритет над национальным законодательством. Некоторые неопределенности относительно конкрет-

---

(<http://www.sutyajnik.ru/rus/library/articles/2004/zaschita_ot_nedeystvuyschih.pdf>).

[1] См. гл. 4.

ного места Конвенции в иерархической системе законодательства остались. Нет единства во мнениях о том, должна ли Конвенция превалировать над Конституцией РФ. Судебная практика должна разрешить данный спор. Конституция РФ не урегулировала статус прецедентной практики международных судов.

Законодательство не только повторяет положения Конституции РФ, но пошло дальше при ратификации Конвенции. Оно признало постановления ЕСПЧ юридически обязательными в целях толкования положений Конвенции. Представляется, что список постановлений ограничивался законодателем теми решениями, которые были вынесены по делам, в которых стороной являлась Россия.

Конституционные нормы, регулирующие вопросы применения международных договоров, были далее развиты и истолкованы Конституционным Судом РФ. Несмотря на то что юридическая доктрина не единогласна по вопросу юридической силы постановлений ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ дал широкое толкование Конституции РФ и обязательствам Российской Федерации, вытекающим из ратификации Конвенции, закрепив, что постановления ЕСПЧ (принятые не только против России) должны учитываться при применении Конвенции российскими судами.

ГЛАВА 4

Природа постановлений Пленума Верховного Суда РФ и их значение для единообразного применения национального законодательства

В российской правовой системе есть еще уникальный инструмент, который не является законодательством как таковым, но выполняет нормотворческую функцию и используется для единообразного применения национального законодательства. Это постановления Пленума Верховного Суда РФ (далее — ППВС). Далее будет отстаиваться позиция, согласно которой ППВС обладают всеми необходимыми свойствами для единообразного применения российского законодательства и являются эффективными в выполнении этой функции на практике. Поэтому данный механизм может и должен быть использован для полного и единообразного применения Конвенции национальными судами.

С тем чтобы увидеть нормативный характер ППВС, необходимо исследовать российскую историю права, действующее законодательство и судебную практику. Отношение судей и адвокатов к ППВС также имеют важное значение.

4.1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как не акты правосудия

Во-первых, ППВС — необычный элемент механизма применения национального законодательства. ППВС являются обобщени-

ями судебной практики, основанными на обзоре и анализе практики Верховного Суда РФ и нижестоящих судов. ППВС содержат абстрактные нормы, являющиеся обязательными для всех нижестоящих судов, обобщающие практику судов и разъясняющие порядок применения конкретного положения закона. Это позволяет нижестоящим судам однообразно применять положения законодательства. Правовой статус ППВС закреплен в ст. 126 Конституции РФ[1].

Царская, Советская и постсоветская российские правовые системы, как относящиеся к континентальному праву, не признавали прецедента в качестве источника права или как инструмента для придания единообразия судебной практике. Наоборот, с тем, чтобы выработать единообразие судебной практики, данные правовые системы выработали специальный механизм, который создает правила поведения не через разрешение дел, а через обобщение уже разрешенных дел. Несмотря на то что российским судам официально не было разрешено заниматься правотворческой деятельностью, какой-либо другой государственный орган не способен более эффективно заниматься вопросами единообразия судебной практики, чем Верховный Суд. Советское правительство предоставило Пленуму Верховного Суда СССР полномочия по принятию нормативных постановлений. Представляется, что для этого имелось три основных причины. Во-первых, контролировать членов Пленума Верховного Суда СССР было гораздо легче, чем судей всей судебной системы. Во-вторых, механизм работы постановлений, подобных ППВС, был уже испытан на предыдущем этапе истории судебной системы (практика Сената). В-третьих, работа Пленума не имеет ничего общего с судебной деятельностью. Как будет показано далее, ППВС являются административными, нежели актами правосудия. ППВС эффективны в создании юридически обязательных норм именно потому, что они не являются актами правосудия: на практике они обязательны для нижестоящих судов как нормативные акты с юридической силой ниже уровня законов.

Исследование истории ППВС, процесс их разработки показывает, что ППВС не являются судебными актами, как обычно понима-

---

[1] Данная функция Верховного Суда СССР на всем протяжении истории была закреплена в конституциях СССР разных лет.

ются. Верховный Суд принимает постановления не в процессе отправления судебных полномочий, а действует как специальный нормотворческий орган, который состоит из судей Верховного Суда.

4.1.1. Решения Сената как предшественники постановлений Пленума Верховного Суда РФ

Трудно представить, чтобы советские ученые сравнивали существовавшие советские правовые институты с институтами царской России. Это связано с существовавшей официальной идеологией, согласно которой советская юридическая система была абсолютно новая, построенная на развалинах империалистической юридической системы.

> Безусловной обязанностью пролетарской революции было не реформировать судебные учреждения… а — совершенно уничтожить, смести до основания весь старый суд и его аппарат. Эту необходимую задачу Октябрьская революция выполнила успешно[1].

К 1918 г. все суды старого режима были ликвидированы[2] и использование законов царской России и Временного правительства было запрещено[3].

Несмотря на утверждение о том, что все советские институты являются новыми, это было не совсем так. Многие советские правовые явления, включая постановления Пленума Верховного Суда СССР, имели свои корни в правовой истории царской России. Причина тому была очень проста. Что касается ППВС, то их возрождение произошло в связи с тем, что новое государство столкнулось с теми же

---

1 См.: *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. Т. 36. С. 162–163. Цит. по: *Темушкин О.П., Добровольская Т.Н.* Становление и развитие Советской судебной системы // Суд в СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1977. С. 67–68.

2 Статья 1 Декрета о Суде № 1 от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. См.: *Декреты* Советской власти. Т. 1. М., 1957.

3 Постановление о народных судах от 30 ноября 1918 г. запретило обращение к законам «свергнутого правительства». См.: *Марченко М.Н.* Источники права: учеб. пособ. М., 2005. С. 53.

проблемами, через которые правительство царской России прошло во второй половине XIX века. Это были недостатки законов, пробелы в законодательстве и необходимость сделать практику судов единообразной[1]. Аналогичные проблемы решались похожими средствами. Российская правовая история уже была знакома с явлением постановлений верховного суда страны.

Начиная со второй половины XIX века, которая была отмечена отменой крепостного права и резким развитием капитализма в России, царская Россия вступила в стадию «неадекватности законодательных положений, регулирующих частное право»[2].

Законодательство не успевало за экономическим развитием как страны, так и мира в целом. В 1864 г., в течение реформы правовой системы, с принятием гражданского и уголовного кодексов ситуация относительно актов правосудия как источников права существенно изменилась. Утверждалось, что ко времени Октябрьской революции судебная практика стала важным источником частного права в России[3].

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. содержал в себе три логически взаимосвязанные положения, которые предоставили Сенату полномочие давать обязательное официальное толкование законов. В ст. 9 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. содержалось положение, которое запрещало судьям отказывать в вынесении решения по делу по причине неясности закона. Такое же положение содержалось и в ст. 12–13 Устава уголовного судопроизводства 1864 г.[4] Устав гражданского судопроизводства 1864 г. предписывал использовать «общий смысл законов». В целях единообразия толкования и применения закона установление общего смысла законов не могло быть отдано судьям всех судов империи. Поэтому ст. 813 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. судебным органам было предписано руководство-

---

1 О пробелах в Советском законодательстве см.: *Gsovski V.* Soviet Civil Law. Vol. 1. Michigan Legal Studies. Ann Arbor, 1948. P. 256–260.

2 Там же. С. 256.

3 См.: Там же. С. 259.

4 См.: *Чистякова О.И.* Судебная реформа. Т. 8. Российское законодательство X–XX веков. М., 1985–1994. С. 121.

ваться заключениями Сената, разъясняющими точное значение законов[1].

Уильям Вагнер охарактеризовал обязательную силу актов Гражданского и Уголовного департаментов Сената:

> В дополнение [к мнениям Сената], кассационные департаменты [Сената] могли издавать предупреждения или замечания судьям, чьи решения содержат серьезные процессуальные ошибки, и сенаторы из кассационного департамента составляли суд, который заслушивал дисциплинарные дела против судей. …Нижестоящие суды, как правило, признавали авторитет Гражданского Кассационного Департамента и руководствовались его прецедентами, хотя иногда неохотно[2].

В качестве последнего шага в сторону придания обязательности толкованию, такие официальные мнения относительно «общего смысла законов» подлежали опубликованию для всеобщего сведения в качестве руководства в целях единообразного толкования и применения законов (ст. 815 Устава гражданского процессуального кодекса 1864 г.). Практика Сената публиковалась в специализированных государственных изданиях и неофициальных (юридических журналах, юридических учебниках), а также в общей прессе, которая делала практику широко известной среди судебного персонала и практикующих юристов[3].

Непосредственно сам Сенат регулярно постановлял, что его толкование законов является обязательным для всех судов по всем делам, по существу схожим с делом, по которому было принято решение Сената[4]. В. Гзовский сделал заключение, что в действительности решения Правящего Сената вполне обладали характером судебного

---

1 «813. В разъяснении точного разума закона судебные установления обязаны подчиняться суждению Сената, и кассационные жалобы против постановленного на этом основании второго решения ни в коем случае не приемлются».

2 См.: *Wagner W.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994. P. 41, 44.

3 См.: Там же. С. 46.

4 Правительствующий Сенат, Гражданский Кассационный Департамент, Решения № 1598 of 1870, № 106 and 107 of 1889, № 86 of 1893, № 82 of 1909. Цит. по: *Gsovski.* Soviet Civil Law. P. 258.

прецедента, несмотря на противоположное мнение некоторых профессоров права[1]. Уильям Вагнер назвал имперскую судебную систему «гибридной системой, состоящей из континентальной и общей систем права», и в какой-то степени Гражданский Кассационный Департамент Сената обладал «даже большей властью и гибкостью, нежели Англо-Американские суды»[2].

Ситуация повторилась в советской и постсоветской правовых системах. Несмотря на официальную позицию правительства, законодательные положения и мнения ученых-правоведов, на практике постановления, издаваемые Пленумом Верховного Суда СССР и позднее Верховным Судом России, имели характер квазиисточника права.

Как и в случае с постановлениями Пленума Верховного Суда СССР, во многих случаях Сенат в своем толковании законодательства затрагивал фундаментальные вопросы. Это толкование часто переходило черту разъяснения смысла законов, превращаясь в создание новых норм[3]. Как будет видно ниже в этой главе, правовая природа постановлений Сената очень схожа с природой постановлений верховных судов СССР и России. Есть одна основная черта, которая отличает постановления Сената от постановлений Пленума Верховного Суда. В отличие от постановлений Пленума Верховного Суда СССР, которые были основаны на обобщении практики судов, разъяснения Сената являются прецедентами, так как они содержатся в решениях, вынесенных по существу конкретного спора. Как подметил В. Гзовский, «Сенат также начал проводить отличие между *ratio decidendi* и *obiter dicta* (Правительствующий Сенат, Гражданский Кассационный Департамент, решение № 59 от 1882 г., № 75 от 1910 г.)»[4]. Что касается ППВС, то они являются абстрактными мнениями, основанными на кратком обобщении практики Верховного Суда и нижестоящих судов, без какого-либо указания фактов конкретного дела. Председатель Верховного Суда СССР В.И. Теребилов

---

1 См.: *Gsovski.* Soviet Civil Law. P. 258.

2 *Wagner*. Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. P. 45.

3 За примером создания Сенатом новых норм можно обратиться к книге М.Н. Марченко. См.: *Марченко М.Н.* Источники российского права: вопросы теории и истории: учеб. пособие. М., 2005. С. 259.

4 *Gsovski.* Soviet Civil Law. P. 258.

различал решения, выносимые Пленумом Верховного Суда по конкретному делу, от постановлений Пленума. В отличие от решений по конкретным делам, которые являются обязательными только в отношении сторон по данному конкретному делу, ППВС

> …обязательны не только для разрешения конкретного уголовного или гражданского дела, но и для других дел, где применяется соответствующая норма. В связи с тем, что пленарное заседание дает разъяснения правовых норм, которыми должны руководствоваться все суды при отправлении правосудия, данные разъяснения также являются юридически обязательными для органов следствия и все тех, кто участвует в судебных разбирательствах[1].

Профессор Дж. Хазард дал определение ППВС с точки зрения ученого-правоведа системы общего права:

> Указания[2] являются краткими изложениями нормы, «дистиллированны» от конкретной ситуации, без отражения фактов дела. Поэтому указания предназначены для общего применения. Нельзя легко определить, к какой ситуации они применяются, как в случае, где имелся бы полный набор фактов для анализа[3].

Таким образом, судебная практика Сената играла важную роль источника частного права накануне Великой октябрьской революции. Как отметил В. Гзовский, судебная практика «создавала новое право, являлась правом судебного прецедента»[4].

Сам по себе описанный факт не представлял бы интереса для данной книги, если бы Пленум Верховного Суда СССР не унаследовал бы от Правящего Сената функцию принятия решений, обязательных для всех. Несмотря на то, что ППВС впитали в себя большинство черт решений Правительствующего Сената, они выносились не

---

1 См.: *Terebilov V.* The Soviet Court. Moscow, 1973. P. 132.

2 В разное время ППВС в законах определялись как «разъяснения» и как «указания». Последнее называние придавало ППВС более обязательный характер.

3 См.: *Hazard J.N.* The Soviet Court as a Source of Law // Washington Law Review 24. 1949. № 1. P. 85.

4 *Gsovski.* Soviet Civil Law. P. 258–259.

в процессе разрешения дел по существу (отправления правосудия). Последний момент превратил ППВС в акты, еще менее похожие на судебные акты, которыми они были в эпоху царской России в форме решений Сената. В советской правовой системе они стали административными подзаконными нормативными актами, издаваемыми судьями Верховного Суда СССР, что более подробно будет исследовано ниже.

Некоторые ученые отмечали, что Уставы 1864 года[1], которые инициировали знаменитые правовые реформы второй половины XIX в. в России, начали тенденцию осуществления российскими судами необычной для судов континентальной системы права функции по созданию юридических норм.

Обзор законодательства и практики деятельности Пленума Верховного Суда СССР и Пленума Верховного Суда РФ показывает, что Пленум продолжил традицию создания правовых норм. Интересен тот факт, что положения, созданные пленумами верховных судов СССР и Российской Федерации, не являются нормами правосудия.

4.1.2. Эволюция постановлений Пленума Верховного Суда РФ: несудебная природа постановлений

История развития ППВС показывает, что эти акты возникли из деятельности Правящего Сената и позже стали административными решениями судебного органа. Чтобы акт был актом правосудия, недостаточно, чтобы он был издан судьями. Должны быть соблюдены некоторые обязательные критерии, в том числе следование специальным судебным процедурам. Чтобы доказать данный аргумент, будет исследовано развитие института постановлений Пленума Верховного Суда.

Впервые в истории советского права идея руководящих разъяснений высшего судебного органа, издаваемых в целях придания единообразия судебной практике, была выражена В.И. Лениным в Декрете «О суде» № 2, принятом 15 февраля 1918 г. Всероссий-

---

[1] Было принято четыре устава: Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Учреждение судебных установлений и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.

ским Центральным Исполнительным Комитетом Советов Рабочих, Крестьянских и Казачьих Депутатов. В проект Декрета № 2 В.И. Ленин внес следующие поправки относительно руководящих разъяснений:

> Статья 6. В целях достижения единообразия кассационной практики как съездов местных народных судей, так и областных народных судов, учреждается в Петрограде Верховный судебный контроль…
>
> Верховный судебный контроль, в случае отмеченных им противоречий в толковании законов различными кассационными инстанциями, выносит объединяющие принципиальные решения, которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству.
>
> …Отменять решения Верховного судебного контроля может только законодательный орган Советской власти[1].

Несмотря на тот факт, что данные положения и поправки В.И. Ленина к изначальной редакции Декрета не были реализованы на практике и Верховный судебный контроль создан не был, было отмечено, что «ленинская идея о цели судебного контроля — установлении единообразия судебной практики — является основополагающей и по сей день»[2]. Есть основания полагать, что идея верховного контроля и руководящих разъяснений была заимствована из практики Правящего Сената.

Впервые идея руководящих разъяснений, издаваемых верховным контролирующим органом, была применена на практике после того, как Народному Комиссариату Юстиции было передано полномочие по осуществлению высшего судебного контроля над решениями народных судов[3]. Был издан специальный акт о Высшем судебном контроле[4], который наделил полномочиями Народный комисса-

---

1 См.: *Декреты* Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 466–474.

2 *Темушкин О.П., Добровольская Т.Н.* Становление и развитие Советской судебной системы. С. 71.

3 См.: Постановление от 21 октября 1920 г. «О народных судах РСФСР» // Собрание Узаконений РСФСР. 1920. № 83. Ст. 407.

4 См.: Постановление о Высшем судебном контроле было утверждено Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных

риат юстиции по изданию руководящих разъяснений и инструкций по применению Советского законодательства[1].

Как было точно отмечено авторами статьи «Становление и развитие Советской судебной системы» О.П. Темушкиным и Т.Н. Добровольской,

> …Высший Судебный Контроль был административным органом, поскольку функционировал на правах отдела Народного комиссариата юстиции. Такое совмещение административных и судебных обязанностей сохранялось вплоть до принятия 31 октября 1922 г. Положения о судоустройстве РСФСР, которым все суды (в том числе революционные трибуналы) объединялись в единую систему с возложением судебного контроля за их работой на Верховный Суд РСФСР[2].

Таким образом, появившись в Практике Правящего Сената[3], в течение Советского периода ППВС возродились в рамках деятельности административного органа — Народного Комиссариата Юстиции. Они были результатом административной деятельности: издавались исполнительным органом, вне рамок судебных процедур, вне рамок рассмотрения конкретного дела. Поэтому ранние квази-ППВС были документами административного характера. Несмотря на то что позднее функция судебного надзора была передана от Наркомюста судебному органу (Верховному Суду), ППВС так и не стали носителями положений «судебного права» (норм, источником которых был суд) и продолжали оставаться административными актами.

В отличие от Верховного Суда РСФСР, а также верховных судов других союзных республик, которые периодически теряли и получали полномочия издавать постановления, Верховный Суд СССР осуществлял данную функцию с момента его создания.

Комиссаров РСФСР от 10 марта 1921 г. // Собрание Узаконений РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

1 См.: *Темушкин О.П., Добровольская Т.Н.* Становление и развитие Советской судебной системы. С. 73.

2 См.: Там же.

3 А.Н. Верещагин сделал аналогичный вывод. См.: *Верещагин А.Н.* Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М., 2004. С. 142.

Первые постановления Пленарных заседаний[1] Верховного Суда СССР, в которых содержались руководящие разъяснения судебной практики, были похожи на решения Правительствующего Сената. Заместитель начальника отдела Верховного Суда СССР Х.Б. Шейнин, опубликовавший много работ о ППВС:

> Первое руководящее разъяснение было принято 3 ноября 1924 г. на 3-м Пленарном заседании (Верховного Суда СССР. — *А. Б.*). Оно было посвящено вопросу, возможна ли замена подлежащего конфискации имущества денежной суммой, равной стоимости этого имущества[2].

Интерес представляет тот факт, что Постановление от 3 ноября 1924 г. появилось в результате рассмотрения конкретного дела Верховным Судом СССР, что соответствовало практике Правительствующего Сената. Рассмотрев конкретное дело, хотя и в отсутствие сторон, Верховный Суд СССР принял руководящее разъяснение, адресованное неопределенному кругу судей для дальнейшего применения выраженных принципов права в их последующей практике. Все последующие руководящие разъяснения издавались на основании обобщения судебной практики по многим делам без какого-либо упоминания фактов обобщенных дел.

С 29 декабря 1922 г.[3] до сегодняшнего дня было принято около 14 законов и подзаконных нормативных актов, регулирующих порядок издания руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда. С течением времени ППВС становились все более административными и менее судебными по своей природе. Анализируя законы и практику издания ППВС, приходишь к выводу, что их важность как нормативных актов постоянно возрастала. Даже в соответствии с первым Положением ЦИК СССР о Верховном Суде от 23 ноября 1923 г. и Конституцией СССР 1924 г. полномочие по изданию руководящих

---

1 Первоначально не было как такового «Пленума» как органа Верховного Суда, собирались «Пленарные заседания».

2 *Шейнин Х.Б.* Руководящие разъяснения Верховного Суда СССР — важное средство укрепления социалистической законности // Верховный Суд СССР / под ред. Л.Н. Смирнова, В.В. Куликова и Б.С. Никифорова. М., 1974. С. 142.

3 Дата утверждения Договора о создании Союза Советских Социалистических Республик первым съездом Советов СССР. В этом документе Верховный Суд СССР и его юрисдикция были закреплены впервые.

разъяснений и толкованию общесоюзного законодательства значилось первым в перечне функций Верховного Суда СССР. Несмотря на то что позднее в законодательстве функция по принятию руководящих разъяснений была отнесена в конец перечня[1], на практике деятельность суда по изданию руководящих разъяснений не превратилась во второстепенную. Наиболее важный вывод, который можно сделать, изучая развитие постановлений Пленума Верховного Суда СССР и позднее — Верховного Суда РФ, состоит в том, что они являются в меньшей степени судебными и в большей степени административными актами, несмотря на то, что их авторами являются судьи Верховного Суда, высшей судебной инстанции СССР и Российской Федерации.

Феномен административных актов, издаваемых судьями, не является чем-то необычным, если учитывать изначальную природу Верховного Суда СССР, существовавшую на момент предоставления Пленуму полномочия по принятию руководящих разъяснений. Процедура принятия ППВС, их структура и содержание также указывают на то, что ППВС являются административными актами, принимаемыми судьями (административными актами суда), но не актами правосудия.

Во-первых, Верховный Суд СССР находился под юрисдикцией Центрального Исполнительного Комитета СССР (ЦИК СССР).

Во-вторых, его главная функция состояла не в рассмотрении дел, а в осуществлении так называемого общего надзора. В первую очередь в юрисдикции Верховного Суда СССР находилось полномочие издавать постановления по применению законодательства, изначально по запросу ЦИК СССР, и принятие «заключений» относительно конституционности законов республик СССР по запросу ЦИК СССР[2]. Л.Н. Смирнов, председатель Верховного Суда СССР с 1962 г. по 1972 г., не рассматривал «общий надзор» как судебную деятельность, указывая, что Верховный Суд СССР функционирует не только как судебный орган, ему также были предоставлены пол-

---

1 См. ст. 75 Закона СССР «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» от 16 августа 1938 г.

2 Более подробно о функции Верховного Суда СССР 1924–1933 гг. по осуществлению конституционного надзора см.: *Митюков М.А.* Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М., 2005. С. 208.

номочия по осуществлению функции общего надзора[1]. Х.Б. Шейнин, признал, что

> функция дачи судами руководящих разъяснений хотя и осуществляется судебным органом, но не является осуществлением правосудия. Поэтому если при рассмотрении Пленумом конкретных дел могут участвовать только члены Верховного Суда СССР, то при рассмотрении проектов разъяснений это ограничение не действует[2].

В-третьих, до 1972 г. Верховный Суд СССР кроме всего прочего осуществлял исключительно административную функцию «организационного руководства» судами. После создания Министерства Юстиции СССР эта функция перешла указанному Министерству.

Принимая во внимание тот факт, что официальная политика отрицала существование в СССР «судебного права» и что основным источником советского права были административные нормативные акты, рассмотрев административную природу ППВС, можно прийти к выводу, что ППВС представляли собой «юридически обязательный» документ в условиях правовой системы СССР и Российской Федерации. Свойства ППВС и судебная практика показывают, что ППВС обладают не меньшей юридической силой, чем постановления, вынесенные, например, Советом Народных Комиссаров (позднее Советом Министров), или чем законы парламента сегодня.

Подчеркнув, что советские суды были частью государственной администрации, Генеральный Прокурор СССР 1937–1939 гг. А.Я. Вышинский отметил два момента, которые отличают суды от исполнительной ветви правительства: суды действуют в рамках судебных процедур; где активная роль принадлежит сторонам спора[3].

Действительно, процесс принятия ППВС не имеет ничего общего с судебным процессом. Первоначально процедура принятия по-

---

1 См.: *Смирнов Л.Н.* 50 лет Верховного Суда СССР // Верховный Суд СССР / под ред. Л.Н. Смирнова, В.В., Куликова и Б.С. Никифорова. М., 1974. С. 9.

2 См.: *Шейнин Х.Б* Руководящие разъяснения Верховного Суда СССР — важное средство укрепления социалистической законности. С. 171.

3 См.: *Вышинский А.Я.* Советское конституционное право. М., 1938. С. 448. Цит. по: *Gsovski.* Soviet Civil Law. P. 251.

становлений, содержащих руководящие разъяснения, не отличалась от процедуры принятия постановлений по конкретному делу[1]. С течением времени процедура издания ППВС стала больше похожа на законодательный процесс. Но были редкие исключения, когда конкретное дело служило основанием для принятия руководящих разъяснений[2]. В связи с тем что при рассмотрении проекта постановлений Пленум не разрешал конкретные споры, стороны не присутствовали на слушании[3]. Отсутствие какой-либо процедуры, закрепленной в процессуальных кодексах, которой бы следовал Пленум, заседания Пленума нельзя называть слушаниями.

Процедура проведения заседаний Пленума не была закреплена ни в одном из 14 нормативных актов, посвященных деятельности Верховного Суда. По состоянию на 2010 г. нет закона о Верховном Суде РФ. Только юрисдикция Пленума Верховного Суда СССР и основные процессуальные вопросы (членство Пленума, круг лиц, полномочных выступать с инициативой проекта постановления, процедура голосования) были закреплены в законодательстве. Все другие процессуальные вопросы определялись на практике. Только 30 ноября 1979 г. практика подготовки и принятия ППВС была закреплена в Законе СССР «О Верховном Суде СССР». И даже в этом законе только ст. 38 касалась организационных и процессуальных вопросов деятельности секретариата Пленума[4].

В разное время инициатива по принятию ППВС могла исходить от ЦИК, Генеральной прокуратуры, Министерства Юстиции, верховных судов республик, самого Верховного Суда СССР и даже Центрального Комитета Коммунистической Партии. Позднее (в 1970-е гг.), Верховный Суд СССР стал единственным органом, имевшим полномочия

---

1 См.: *Шейнин Х.Б.* Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и контроль за их выполнением // Высший судебный орган в СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1984. С. 99.

2 Для примера можно обратиться к: *Братусь С.Н.*, *Венгеров А.Б.* Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в Советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М., 1975. С. 57.

3 Даже на первом слушании Пленарного заседания Верховного Суда СССР, на котором рассматривалось конкретное дело, стороны спора также отсутствовали. См.: *Шейнин Х.Б.* Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и контроль за их выполнением. С. 93.

4 См.: Там же. С. 97.

предлагать проект нового постановления Пленума. Все вышеназванные органы могли принимать участие в процессе обсуждения проекта ППВС. Если приходили к заключению о том, что необходимо издать ППВС, создавался специальный комитет для работы над проектом. Могли представляться альтернативные проекты. За проект ППВС должны были проголосовать большинство членов Пленума[1].

В какое-то время важную роль в процессе разработки и принятия ППВС играл Центральный Комитет Коммунистической Партии. Профессор П. Соломон, основываясь на анализе архивных материалов, касающихся подготовки руководящих разъяснений, пришел к следующему выводу:

> С середины 1930-х до как минимум середины 1950-х большинство проектов руководящих разъяснений были подготовлены в аппарате Центрального Комитета Коммунистической Партии. В определенной степени были задействованы и судьи, но данные акты воспринимались как выражение политики партии, направленной судам. В период после Сталина роль Центрального Комитета уменьшалась и к 1970-м постановления стали аутентичными заявлениями политики и позиций, развитых в Верховном Суде, обычно на основании глубокого изучения конкретных аспектов судебной практики[2].

Аналогичную точку зрения выразил и Т. Фоглесонг:

> В ранний период советские судьи находились под надзором, давлением, инструктировались и даже подвергались воздействию со стороны в большинстве случаев официальных лиц из Коммунистической Партии и Министерства Юстиции…[3]

---

1 Подробнее о процедуре принятия ППВС см.: *Шейнин Х.Б.* Руководящие разъяснения Верховного Суда СССР — важное средство укрепления социалистической законности. С. 141–178; *Шейнин Х.Б.* Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и контроль за их выполнением. С. 93–102.

2 Профессор П. Соломон. Интервью провел А.Л. Бурков 20 октября 2006 г. См. также: *Solomon P.H.* Soviet Criminal Justice Under Stalin. Cambridge, 1996. P. 416–418.

3 См.: *Foglesong T.* The Reform of Criminal Justice and Evolution of Judicial Dependence in Late Soviet Russia // Reforming Justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order / ed. P. Solomon. Armonk, N.Y., London, 1997. P. 283.

и профессор В. Вагнер:

> «Руководящие решения» Верховного Суда СССР после 1938 года всегда проверялись и часто готовились государственными и партийными официальными лицами[1].

С течением времени происходили изменения в подчинении, а также усложнялась процедура:

> В 1980-х в результате кампании по либерализации уголовного правосудия взгляды и желания непосредственных судебных руководителей доминировали над подходами российских судей к применению права и отправлению правосудия[2].

Уже в своей ранней практике Пленум Верховного Суда СССР начал принимать постановления, основываясь на анализе, обобщении многих дел. Это отличалось от практики работы первых пленарных заседаний, где единичное дело или закон без какого-либо анализа последующей судебной практики ложились в основу постановлений.

ППВС могут действовать неограниченный период времени. В любое время они могут быть изменены последующим ППВС. В 1970 г. была осознана необходимость кодификации ППВС. Пленум Верховного Суда СССР принял несколько постановлений, кодифицирующих (консолидирующих) и изменяющих (приводящих в соответствие с требованиями времени) ранее принятые постановления[3]. Это сегодня является обычной практикой.

Структура ППВС определяется процедурой их принятия. В связи с тем, что ППВС являются результатом обобщения многих дел Верховного Суда и нижестоящих судов, их внутренняя структура отличается от структуры обычных судебных решений.

Р.З. Лившиц охарактеризовал структуру ППВС следующим образом:

---

1 См.: *Wagner W.* Civil Law, Individual Rights, and Judicial Activism in Late Imperial Russia // Reforming Justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order / ed. P. Solomon. Armonk, N.Y., London, 1997. P. 42, footnote 41.

2 См.: *Foglesong.* The Reform of Criminal Justice and Evolution of Judicial Dependence in Late Soviet Russia. P. 283.

3 См.: *Братусь С.Н., Венгеров А.Б.* Понятие, содержание и формы судебной практики. С. 56.

> разъяснения Пленума — наиболее директивные и наименее судебные акты во всей судебной практике. В разъяснениях нет типичной для суда формы приговора или решения, в них отсутствуют конкретные обстоятельства того или иного дела. Разъяснения внешне выглядят как типичный акт органа законодательства или управления, в них можно при желании обнаружить, как в правовой норме, гипотезу, диспозицию и санкцию[1].

В юридической доктрине отмечалось, хотя это и не была широко обсуждаемая точка зрения, что работа по разъяснению вопросов судебной практики в форме постановлений, принимаемых Пленумом Верховного Суда СССР, не могла быть отнесена к судебной деятельности и должна быть квалифицирована как административная деятельность. Большинство споров велось по вопросу, имеют ли ППВС обязательную силу и могут ли они называться «прецедентами».

Советская правовая теория не принимала судебные решения как источник права (право, основывающееся на судебных прецедентах). Генеральный Прокурор СССР 1935–1939 гг. А.Я. Вышинский, который в большей степени определял юридическую доктрину источников права 1930-х и 1940-х гг.[2], часто заявлял, что советские суды являются правоприменительными органами, и они не должны создавать права[3]. Только небольшое число правоведов (например, С.Н. Братусь, А.Б. Венгеров, П.Е. Орловский) пытались отстаивать позицию, что отдельно взятое решение Верховного Суда СССР могло рассматриваться как источник права.

Споры относительно природы ППВС велись более активно. В 1939–1940 гг. некоторыми учеными, в числе которых был П.Е. Ор-

---

1 См.: *Лившиц Р.З.* Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. М., 1997. С. 5. Похожий анализ структуры постановлений Пленума Верховного Суда СССР в 1870-е гг. давал Х.Б. Шейнин. См.: *Шейнин Х.Б.* Руководящие разъяснения Верховного Суда СССР — важное средство укрепления социалистической законности. С. 172.

2 А.Я. Вышинского называли «лидером движения нового социалистического права». См.: *Berman H.J.* The Spirit of Soviet Law // Washington Law Review 23. 1948. P. 160.

3 См.: *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 2-е изд. М., 1946. С. 7. Цит. по: *Строгович М.С.* Критика и библиография // Социалистическая законность. 1946. № 11–12.

ловский, член Верховного Суда СССР с 1938 г. и заместитель Председателя Верховного Суда СССР с 1948 по 1950 г., была предпринята первая попытка определить правовую природу постановлений Пленума Верховного Суда СССР[1]. Изменения произошли в 1943 г., когда новый материал С.И. Вильнянского о судебной практике как источнике права[2] был готов к опубликованию. В целях обоснования правотворческой деятельности Верховного Суда СССР автор использовал материально-диалектический закон Гегеля о трансформации количественных изменений в качественные. Обращаясь к ленинской и сталинской интерпретации данного закона, С.И. Вильнянский пришел к выводу, что несмотря на то, что в СССР нет оснований для признания обязательной силы прецедента, так называемый множественный прецедент (постановление Пленума Верховного Суда, обобщающее судебную практику) может привести к качественным изменениям (изменениям в праве). Когда много судебных решений обобщены, проанализированы и оформлены в ППВС, создается «множественный прецедент», который необходимо принимать как источник права[3].

Представляется, что данная идея была официально одобрена государством. Работа С.И. Вильнянского, готовая к опубликованию еще в 1943 г.[4], была опубликована только 4 года спустя, в 1947 г., после состоявшегося в 1946 г. общего собрания Московского юридического института[5]. Профессор Дж.Н. Хазард предложил вариант возможного заключения, достигнутого на собрании:

---

1 См.: *Вильнянский С.И.* К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права: ученые труды ВИЮН. 1938. № 4–5; *Орловский П.* Значение судебной практики в развитии советского государственного права // Советское государство и право. 1940. № 8–9.

2 См.: *Вильнянский С.И.* Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН IX. 1947.

3 См.: Там же. С. 244–245.

4 Как указывает профессор Дж.Н. Хазард, в редакторской заметке к книге, где была опубликована работа С.И. Вильнянского, говорится, что все материалы были готовы для опубликования еще в 1943 г. См.: *Hazard.* The Soviet Court as a Source of Law. P. 81.

5 Кроме преподавательского состава Московского юридического института, на собрании присутствовали также представители Всесоюзного института юридических наук, Института государства и права Академии Наук СССР, Министерства Юстиции и Верховного Суда. См.: *В юридических* институтах. Научная сессия

> Представляется, что в результате обсуждения участники дискуссии пришли к выводу о признании статуса суда, так как учебник 1947 года (Институт права Академии наук СССР, Основы советского государства и права. Москва, 1947) принял позицию, согласно которой по крайней мере руководящие инструкции по вопросу судебной практики, изданные полным составом (пленумом) Верховного Суда СССР… могут рассматриваться как источники права[1].

Дискуссия продолжилась в течение 1950-х гг. Большинство ее участников поддерживали идею о том, что постановления Пленума Верховного Суда являются источниками права. Кульминацией научного спора стала редакционная статья в журнале «Государство и право»[2]. Вывод редактора журнала состоял в том, что точка зрения большинства авторов писем и статей, направленных в журнал, сводилась к тому, что постановления Пленума Верховного Суда СССР являются одним из подзаконных источников советского права[3].

Современная практика Верховного Суда Российской Федерации похожа на практику Верховного Суда СССР. Прежде чем тот или иной вопрос возникает на повестке дня Пленума, проводится исчерпывающее исследование судебной практики Верховного Суда и нижестоящих судов. Полученное обобщение анализируется специалистами из разных министерств и профессорами университетов. Проект документа может быть направлен нижестоящим судам для комментариев. Разные отделы и Научно-консультативный совет при Верховном Суде обсуждают проекты постановлений. Только после того, как комментарии были приняты во внимание, проект постановления представляется на обсуждение Пленума. Процесс принятия постановления заканчивается его опубликованием в официаль-

---

в Московском юридическом институте // Социалистическая законность. 1946. № 9.

1 *Hazard*. The Soviet Court as a Source of Law. P. 81.

2 Учебник 1947 года и журнал были изданы тем же институтом — Институтом права Академии наук СССР.

3 См.: *О юридической* природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР // Советское государство и право. 1956. № 8.

ном периодическом издании Верховного Суда «Бюллетень Верховного Суда СССР» и позднее Российской Федерации[1].

Текущее обсуждение вопроса судебной практики как источника права не отличается от предыдущих споров за одним исключением. Сегодня ведется намного больше обсуждений проблемы прецедента как источника права. Сторонники судебной практики (в большей степени практики издания постановлений Пленума Верховного Суда) как источника права находятся в значительном большинстве[2]. Примечательно, что председатели высших судов Российской Федерации принадлежат большинству[3]. Большинство практикующих в судах юристов и ученых придерживаются позиции, что ППВС являются актами правосудия. Практически не ведется обсуждения вопроса, можно ли считать ППВС административными актами.

4.2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ как подзаконные нормативные акты в законодательстве и на практике

В дополнение к свойствам ППВС, характеризующих их как несудебные акты, издаваемые Верховным Судом, их юридическая природа определяется статусом, закрепленным в Конституции РФ и федеральном законодательстве (*de jure*) и в судебной практике (*de facto*). Все эти факторы вместе взятые определяют статус ППВС в российской правовой системе. В этой части главы предметом обсуждения

---

1 Описание процедуры было главным образом почерпнуто из статьи: *Демидов В.* О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3.

2 См.: *Судебная* практика как источник права / под ред. Б.Н. Топорнина. М., 1997; *Судебная* практика как источник права / под ред. Б.Н. Топорнина. М., 2000.

3 Точка зрения Председателя Верховного Суда РФ выражена в статье: *Лебедев В.М.* Судебная практика и развитие законодательства // Законодательство России в XXI веке. М., 2002. С. 44; мнение бывшего Председателя Высшего Арбитражного Суда СССР и РФ (1991–2005) В.Ф. Яковлева см. в статье: *Добрачев Д.В.* Роль судебной практики в современном арбитражном процессе // Правоведение. 2003. № 6.

является утверждение, что, несмотря на нечеткое закрепление в законодательстве статуса ППВС, на практике они являются больше, чем всего лишь рекомендации, и рассматриваются практикующими юристами как квазизаконодательные акты, подзаконные нормативные акты, не являются актами правосудия. Статус ППВС на практике значительно отличается от статуса, закрепленного в законе.

4.2.1. Законодательство

Действующее законодательство не устанавливает точного статуса ППВС. Статья 126 Конституции РФ закрепляет, что Верховный Суд РФ «дает разъяснения по вопросам судебной практики». С одной стороны, данное положение устанавливает конституционный статус постановлениям Пленума Верховного Суда РФ (акты, содержащие разъяснения по вопросам судебной практики). С другой стороны, Конституция РФ четко не устанавливает, являются ли ППВС юридически обязательными документами. Последний момент стал предметом споров в процессе подготовки проекта Конституции РФ.

25 июня 1993 г. участники Конституционного совещания при Президенте РФ обсуждали проект ст. 126 Конституции РФ (ст. 122 проекта). Обсуждение главным образом сводилось к тому, обладают ли ППВС юридически обязательной силой, должно ли такое положение быть закреплено в новой Конституции Российской Федерации. Одна группа, состоявшая из ученых и других участников, не имеющих отношения к судебной деятельности, настаивала на том, что ППВС не могут быть юридически обязательными для судей в связи с тем, что судьи должны подчиняться только Конституции РФ и федеральным законам (со ссылкой на ч. 1 ст. 120 Конституции РФ — ст. 117 проекта). Другая группа, состоявшая в большинстве своем из судей, членов Администрации Президента РФ и Правительства РФ, настаивали на том, что на практике ППВС воспринимаются как обладающие обязательной юридической силой независимо от того, отражено это в Конституции РФ или нет. В.И. Радченко, первый заместитель Председателя Верховного Суда РФ с 1989 г., заявил на Конституционном совещании следующее:

> Мы [Пленум Верховного Суда] даем судам руководящие разъяснения. [Судья] должен придерживаться каких-то разъяснений, которые дают вышестоящие суды. Это вопрос, который

> уже настолько в практике решен, что не вызывал никаких вопросов, только в теории спорят[1].

С.А. Филатов, Председатель Конституционного совещания и Глава Администрации Президента РФ, отметил:

> Верховный Суд все равно отменит [решение], если кто-нибудь поступит вопреки Пленуму [Верховного Суда]. И все. И это обязательным будет практически[2].

Судья Конституционного Суда РФ Ю.Д. Рудкин высказал мнение и Председатель Конституционного совещания согласился, что на практике право прецедента (включая ППВС) существует, несмотря на то что оно не закреплено в Конституции[3].

Как результат, в ст. 126 Конституции РФ в словосочетании «Верховный Суд РФ... дает разъяснения по вопросам судебной практики» не содержится прилагательного «руководящие» или иные слова, которые каким-либо образом подчеркивали обязательный характер ППВС.

Краткий обзор федерального законодательства показывает, что оно не единообразно относительно статуса ППВС.

Статья 56 Закона РСФСР от 8 июля 1981 г. «О судоустройстве РСФСР», действующего на сегодняшний день с изменениями от 20 августа 2004 г., предоставляет Верховному Суду РФ полномочие давать «*руководящие разъяснения*», которые являются обязательными «для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение» (выделено мной. — *А. Б.*). Данная формулировка сохранилась с момента принятия указанного Закона.

Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» с последними изменениями от 5 апреля 2005 г. устанавливает, что «Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения по вопросам судебной практики» (ч. 5 ст. 19).

---

1 См.: *Конституционное* совещание: стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г. Т. 11. М., 1996. С. 41.

2 См.: Там же. С. 44.

3 См.: Там же. С. 48.

В то же время законодательство о Высшем Арбитражном Суде РФ прямо указывает на обязательный статус постановлений Пленума этого суда. Несмотря на то что ст. 127 Конституции РФ идентична ст. 126 Конституции РФ, последующее законодательство четко устанавливает обязательность постановлений Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ.

Часть 2 ст. 13 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»[1] устанавливает:

> По вопросам своего ведения Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации принимает постановления, обязательные для арбитражных судов в Российской Федерации.

Более того, законодатель прямо предоставляет полномочие ссылаться на постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ. Часть 5 ст. 170 АПК РФ закрепляет:

> В мотивировочной части решения могут содержаться ссылки на постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики.

Несмотря на то что в соответствии с Конституцией РФ Верховный Суд РФ и Высший Арбитражный Суд РФ обладают равным статусом, юридическая сила главного документа данных судов отличается в соответствии с федеральными законами. Данное различие выглядит необычно, принимая во внимание тот факт, что часто пленумы Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ принимают совместные постановления.

В одном из своих постановлений ЕСПЧ в том числе косвенно дал оценку правовому статусу постановлений Верховного Суда РФ. В деле Бакланов против России[2] заявитель указывал на то, что он лишен своих денег (250 000 американских долларов) судебным решением, которое не содержало правовых оснований конфискации. Заявитель попросил своего знакомого В. доставить деньги в Москву. На эти деньги заявитель планировал купить квартиру. В. не задекла-

---

1 СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

2 *Baklanov v. Russia* (Бакланов против России). Постановление ЕСПЧ от 9 июня 2005 г.

рировал деньги на таможне и был обвинен в контрабанде и позднее осужден. Российский суд постановил конфисковать денежные средства как объект контрабанды.

В ЕСПЧ заявитель ссылался на то, что на момент рассмотрения дела в национальном суде не имелось правового основания конфискации. Единственным нормативным актом, который регулировал вопрос конфискации, являлось Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 3 февраля 1978 г. № 2 «О судебной практике по делам о контрабанде», п. 7 которого допускал конфискацию объектов контрабанды, но в то же время указывал, что конфискация должна осуществляться в соответствии с действующим законодательством. На момент рассмотрения дела в УК РФ и в УПК РФ отсутствовало положение, которое устанавливало бы возможность проведения конфискации объектов контрабанды. Отметив, что «остается неясным, какое правовое положение послужило основанием конфискации, за исключением постановления Пленума Верховного Суда СССР, которое, тем не менее, полагаем, содержит ссылку на недействующее законодательство»[1], ЕСПЧ установил, что «рассматриваемый закон („*law*“) [постановление Пленума Верховного Суда СССР. — *А. Б.*] не был сформулирован с такой четкостью, которая позволила бы заявителю предвидеть последствия своих действий»[2].

Представляется, что в своем постановлении ЕСПЧ расценил постановление Пленума Верховного Суда СССР как «закон», как этот термин понимается в Конвенции (акт органа государственной власти, содержащий нормы права).

4.2.2. Судебная практика

Несмотря на описанную ситуацию относительно законодательного статуса ППВС, на практике ППВС являются еще более авторитетными, чем федеральные законы.

Каким бы спорным ни был этот вопрос с точки зрения юридической теории, ППВС порой содержат нормы права, которые изменяют законы. ППВС являются обязательными не только для нижесто-

---

1 *Baklanov v. Russia* (Бакланов против России). Постановление ЕСПЧ от 9 июня 2005 г. Параграф 44.

2 Там же. Параграф 46.

ящих судов, но также в отношении других органов государственной власти, частных и юридических лиц, руководствующихся истолкованными в постановлениях законами. Судьи и другие органы рассматривают их как основание для легитимной профессиональной критики в случае, если они не станут следовать содержащимся в них разъяснениям.

Обязательность ППВС обеспечивается системой применения ППВС после их принятия. Данная система не закреплена в законодательстве, однако имеется четкая практика, показывающая, что судьи и стороны процесса относятся к ППВС таким образом, что говорит об обязательном характере ППВС. Неприменение судьей ППВС поставит под сомнение законность его решения и может стать основанием для успешного кассационного обжалования. Чтобы исследовать данное явление, в рамках подготовки данной книги были проведены интервью с практикующим юристами (15 судей и 15 адвокатов и представителей общественных организаций) по вопросу их личного отношения к ППВС[1]. Полученные ответы подтверждают взгляды, выраженные в этой главе.

Начнем с содержания ППВС, в частности, с некоторых примеров ППВС, которые закрепляют правила, отличающиеся от содержащихся в законах.

4.2.2.1. Содержание и форма постановлений Пленума Верховного Суда РФ как носителей новых норм права

Пленум Верховного Суда РФ издает постановления в форме, аналогичной актам, которые, бесспорно, являются юридически обязательными, когда издаются Правительством и другими органами исполнительной власти. Форма ППВС напоминает и формат законов. Официально в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ содержится толкование смысла законов «на основании и во исполнение законов» так же, как это делают обычные подзаконные нормативные акты. Какое-то время ППВС публиковались в одном печатном органе вместе с нормативными правовыми актами министерств и других органов государственной власти — в Бюллетене нормативных актов

[1] Более детально о составе проинтервьюированных лиц см. начало гл. 7.

министерств и ведомств СССР[1]. Позднее они стали публиковаться и публикуются сегодня в ежемесячном Бюллетене Верховного Суда СССР (РФ).

Все проинтервьюированные в ходе исследования юристы признали, что ППВС могут содержать новые нормы права, заполняющие пробелы в законах или изменяющие закон. Президент общественной организации «Сутяжник» (далее — ОО «Сутяжник») С.И. Беляев отметил, что юридические проблемы, с которыми часто сталкиваются граждане, содержатся не в законах, а в ППВС. Имеется много случаев, когда толкование закона Пленумом Верховного Суда РФ изменяет правовое регулирование отношений таким образом, что это существенно изменяет права граждан. Например, абз. 8 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»[2] ввел в действие положение, согласно которому «истечение сроков привлечения к административной ответственности [как правило, два месяца со дня совершения административного правонарушения — часть 1 статьи 4.5 КоАП РФ] на время пересмотра постановления не влечет за собой его отмену и прекращение производства по делу». Это разъяснение привело к тому, что привлечение к административной ответственности стало возможным не в течение двух месяцев, как это предписано в ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ, а в течение неопределенно долгого периода, если дело до истечения двухмесячного срока с момента совершения правонарушения попадало в кассационную инстанцию.

Это положение заставило ОО «Сутяжник» начать кампанию стратегического обращения в Конституционный Суд РФ для признания не соответствующим Конституции РФ положения ч. 1 ст. 4.5 КоАП РФ как оно толкуется в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. С 2005 г. было подано более 10 жалоб[3]. Конституционный Суд РФ во всех случаях отказал рассматривать жалобы, сославшись на отсутствие полномочий на рассмотрение данного вопроса.

---

1 См.: *Братусь С.Н., Вергеров А.Б.* Понятие, содержание и формы судебной практики. С. 55.

2 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

3 С.И. Беляев, Президент ОО «Сутяжник». Интервью провел А.Л. Бурков 9 января 2008 г.

Случаи изменения законодательных положений постановлениями Пленума Верховного Суда СССР и РФ присутствовали на протяжении всей истории правовой системы СССР и Российской Федерации.

Хороший пример изменений закона, сделанных через ППВС, приводится профессором Д.Н. Хазардом. В своей статье «Советский суд как источник права» Д.Н. Хазард показал, как преступление «спекуляция» было истолковано Пленумом Верховного Суда РСФСР в течение 1930–1940-х гг.[1] В 1932 г. определение спекуляции, содержавшееся в ст. 107 УК РСФСР 1926 г. в редакции 1932 г., было сформулировано как скупка и перепродажа продуктов сельского хозяйства и предметов массового потребления в целях наживы. На протяжении следующих 15 лет это определение было изменено несколько раз. В большинстве случаев это было сделано постановлениями Пленума Верховного Суда РСФСР. К 1946 г. определение спекуляции охватывало:

1) лица, не изъявшие продовольственные карточки у рабочих, которые были уволены, или лица, выдавшие продовольственные карточки незаконно, если данные действия сопровождаются спекуляцией товарами, полученными с помощью карточек;
2) богатые крестьяне (кулаки), не поставившие государству необходимое количество зерна в течение установленного периода (изменения Комиссариата Юстиции);
3) лица, продающие вино, алкоголь и другие спиртные напитки по ценам, превышающим установленные;
4) приписка рабочих дней, если осуществляется систематически;
5) покупка государственных обязательств по цене ниже номинальной в целях перепродажи;
6) строительство скрытых мукомолен мельниц, даже приводимых в действие вручную, для целей извлечения прибыли;
7) скупка сырья для производства алкоголя в домашних условиях («самогона») и его последующая продажа или приобретение алкоголя для перепродажи.

---

[1] См.: *Hazard*. The Soviet Court as a Source of Law. С. 80–90.

Более того, Верховный Суд РСФСР указал, что если не имеется прямых доказательств приобретения товаров для перепродажи для получения прибыли, суд может основывать свое решение на косвенных доказательствах, указывающих на количество, ассортимент, нужды обвиняемого и его семьи в приобретенных товарах для собственного потребления и других обстоятельствах дела[1]. Данные обстоятельства не указывались в УК РСФСР 1926 г.

Имеется много примеров изменений законодательства, сделанных с помощью ППВС. Пример изменения срока давности привлечения к административной ответственности был приведен выше. Пример, приводимый ниже, скорее всего, положительный. Он демонстрирует применение принципов Конвенции в опережение законодателя. С момента вступления в силу ГК РФ 1 января 1995 г. не было ясности, предоставляет ли ст. 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации» право на компенсацию морального (нематериального) вреда юридическому лицу. Пункт 5 ст. 152 ГК РФ устанавливает: «Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением». Пункт 7 ст. 152 ГК РФ распространил действие ст. 152 ГК РФ на защиту деловой репутации юридических лиц: «Правила настоящей статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица». Имеются судебные решения, постановившие, что п. 5 ст. 152 ГК РФ не применяется в отношении юридических лиц (юридическое лицо не имеет права на компенсацию морального вреда), потому что юридическое лицо по определению не может испытывать морального вреда. Другие суды применяли п. 5 ст. 152 ГК РФ к юридическим лицам. Практика последних судов противоречила практике ЕСПЧ, которая допускает компенсацию нематериального вреда юридическим

---

[1] Пример взят из: *Hazard*. The Soviet Court as a Source of Law. P. 85–88. Другие примеры квазизаконодательных положений ППВС по уголовным делам см.: *Hazard J.N.* Understanding Soviet Law Without the Cases // Soviet Studies. 1955. Другие примеры квазизаконодательных положений ППВС по гражданским делам см.: *Barry D.D. and Barner-Barry C.* The USSR Supreme Court and Guiding Explanations of Civil Law, 1962–1971 // Contemporary Soviet Law: Essays in Honor of J.N. Hazard / ed. D.D. Barry, W.E. Butler and G. Ginsburg. The Hague, 1974. P. 69–83.

лицам[1]. 24 февраля 2005 г. Пленум Верховного Суда РФ последовал в европейском направлении, установив правило о компенсации нематериального вреда юридическом лицам в абз. 1 п. 15 Постановления ППВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[2].

Другая черта ППВС, добавляющая юридического веса данному акту, состоит в том, что ППВС, в отличие от законов или актов Правительства и Президента, не могут быть оспорены в Конституционном Суде РФ. Конституционный Суд РСФСР обладал подведомственностью на рассмотрение вопроса конституционности ППВС. Но с принятием нового закона о Конституционном Суде РФ в подведомственность Конституционного Суда РФ не были включены дела об оспаривании ППВС. Тем не менее Конституционный Суд РФ полномочен рассматривать конституционность положений федеральных законов как они понимаются в судебной практике, в том числе в ППВС. Но на практике это происходит крайне редко.

4.2.2.2. Система исполнения постановлений Пленума Верховного Суда РФ

Отношение судей к ППВС, почерпнутое из проведенных с судьями интервью, напоминает отношение к ППВС участников Конституционного совещания. Несмотря на то что в соответствии с Конституцией РФ ППВС не являются юридически обязательными, они строго исполняются. Обязательность ППВС обеспечивается в том числе системой исполнения. Эта система не закреплена в законодательстве. Она была разработана на практике и состоит из двух основных элементов:

1) общий надзор за исполнением ППВС, осуществляемый Пленумом Верховного Суда;

---

1 См.: *Presidential Party of Mordovia v. Russia* (Президентская партия Мордовии против России), Постановление ЕСПЧ от 5 октября 2005 г. Параграф 2(а) резолютивной части постановления. Перевод данного постановления, как и многих других постановлений по делам против России, доступен на сайте ОО «Сутяжник»: <http://sutyajnik.ru/rus/echr/school/judg_v_russia.html>.

2 РГ. 2005. 15 марта. См.: Приложение 15.

2) пересмотр судебных постановлений по конкретным делам вышестоящими судами на основании неприменения ППВС судами первой и второй инстанции.

4.2.2.2.1. Общий надзор за исполнением постановлений Пленума Верховного Суда РФ

После того как ППВС было издано, Верховный Суд контролирует его исполнение, осуществляя общий надзор. Как часть надзорного механизма Пленум Верховного Суда начал издавать постановления о применении законодательства и даже ранее принятых ППВС. Собирается и обобщается практика применения ППВС разными судами. Иногда оценка применения ППВС осуществляется вместе с оценкой применения законодательства. В таком случае названия ППВС звучат как, например, «О выполнении судами *законодательства* и *руководящих разъяснений* Пленума Верховного Суда при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних»[1]. Иногда ППВС принимались по вопросам применения конкретного или нескольких ППВС. Пленум Верховного Суда СССР активно принимал такие постановления до 1983 г. С 1967–1977 гг. Пленум Верховного Суда СССР проанализировал применение руководящих разъяснений более чем в 60 случаях[2]. Недавнее постановление такого рода было принято 18 ноября 1999 г.[3]

4.2.2.2.2 Пересмотр судебных постановлений

Этот элемент механизма применения ППВС, в свою очередь, состоит из двух частей:

1) неприменение ППВС является основанием для отмены судебного постановления;

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 9 июля 1982 г. № 5 (выделение — *А. Б.*)

[2] См.: *Куликов В.В.* Верховный Суд Союза ССР // Суд в СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1977. С. 176.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 1999 г. № 79 «О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 7 „О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации“» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1.

2) судьи, чьи решения были отменены, могут быть подвергнуты дисциплинарному наказанию (ответственность судей).

Отмена судебных постановлений

Несмотря на то что ни гражданский процессуальный, ни уголовно-процессуальный кодексы не содержат такого основания для отмены судебного решения, как неприменение ППВС, на практике такое основание применялось в советской правовой системе и применяется сегодня в российской правовой системе как бесспорное правило[1]. Каждый проинтервьюированный судья отметил, что ППВС являются для них обязательными для исполнения в процессе отправления правосудия, что сборники ППВС являются их настольной книгой. Если судья вынес решение без учета положения ППВС, это значит, что с большой вероятностью его решение будет отменено вышестоящим судом. Председатель Пензенского районного суда П.А. Гук указывает:

> Обязательность постановлений Пленума Верховного Суда РФ обусловлена тем, что в случае игнорирования постановления Пленума при рассмотрении дела решение суда может быть отменено вышестоящей судебной инстанцией[2].

Секретарь Пленума Верховного Суда РФ В.В. Демидов, резюмируя свою статью о роли постановлений Пленума Верховного Суда РФ, отметил:

> Как свидетельствует практика рассмотрения дел в кассационной и надзорной инстанциях, игнорирование разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по применению федерально-

---

1 См.: *Шейнин Х.Б.* Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и контроль за их выполнением; *Братусь С.И.* Предисловие // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.И. Братуся. М., 1975. С. 6; *Смирнов Л.В.* Деятельность судов РФ как источника права // Журнал российского права. 2001. № 3.

2 П.А. Гук, Председатель Пензенского районного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 1 декабря 2008 г.

го законодательства неминуемо приводит к постановлению ошибочных судебных решений[1].

По крайней мере так называемые кураторы районных судов[2] позвонят конкретному судье (встретятся при очередном визите в районный суд) и предостерегут, что такое-то решение в следующий раз не пройдет кассационную инстанцию, если судья повторит свою ошибку и не примет во внимание такое-то ППВС[3].

В соответствии с цифрами, полученными в рамках работы над этой книгой[4], в 58,27% случаев неприменение ППВС вело к отмене судебного решения; в 11,15% случаев — к другим негативным для судей последствиям; в 5,4% случаев — к дисциплинарным расследованиям. Эти цифры подчеркнуты другой статистикой: 97,84% юристов используют ППВС и считают их очень полезными для своей работы. Интересно, что только 41,73% опрошенных изучали ППВС будучи студентами. Однако, начав юридическую практику, больший процент респондентов начал изучать ППВС — 72,68%. Все названные цифры предполагают, что ППВС являются важным инструментом в правоприменительной практике.

Несмотря на то что ППВС является важным средством определения существа законодательных положений, часто судьи четко не показывают, что решение было принято на основании ППВС. Судьи первых инстанций отмечают, что, принимая во внимание ППВС, они не ссылаются на примененные в деле руководящие разъяснения.

---

1 См.: *Демидов В.* О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации. С. 24.

2 Система кураторов не закрепляется ни в одном из двух законов о судебной системе Российской Федерации. Судьи областных (конституционных судов республик) судов, работающие в кассационной инстанции прикреплены к конкретным районным судам для осуществления надзора за деятельностью суда.

3 Л.Н. Руденко, председатель Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью провел А.Л. Бурков 29 августа 2007 г.; А.Г. Валтер, председатель Серовского районного суда Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 4 сентября 2007 г.

4 Статистика была получена путем сбора и обработки 278 опросных листов. Опросные листы распространялись в электронном виде на веб-сайте и в распечатанном виде. Таким образом были опрошены 70 судей и 202 адвоката, юрисконсультов юридических фирм, коммерческих, общественных организаций и государственных учреждений.

Они могут принять во внимание ППВС и даже использовать в своем решении формулировку, взятую из текста ППВС, но, как правило, судья не признает данного факта. В решении может не быть какой-либо ссылки на номер, дату и название ППВС.

Однако в юридической литературе отмечалось, что после вступления в силу Закона 30 ноября 1979 г. «О Верховном Суде СССР»[1] ссылки на ППВС в судебных решениях стали обычной практикой[2]. Сегодня, несмотря на то что абсолютное большинство опрошенных судей настаивают на том, что они не указывают в своих решениях (приговорах) положения ППВС, принятые во внимание, обзор судебных постановлений показывает, что практика не совсем соответствует информации, полученной с помощью интервью — в судебных решениях встречаются ссылки на использованные в деле ППВС.

Каких-либо причин отсутствия ссылок на ППВС судьями не называлось. Председатель Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга М.А. Валова дала следующее объяснение:

> Я никогда этого не делаю по одной простой причине, что я считаю, что суд не должен этого делать. Знать обязан[3].

Вышестоящие суды, включая Верховный Суд РФ, категорично или формально не требуют от судей первых инстанций ссылаться на ППВС в своих постановлениях.

Когда неприменение ППВС является причиной отмены судебного постановления, суда кассационной инстанции, как правило, не будет указывать на то, что постановление не соответствует ППВС, но вместо этого сошлется на «нарушение или неправильное применение норм материального права или норм процессуального права» (ст. 362 ГПК РФ).

Ни законы, ни ППВС не запрещают ссылки на ППВС, но практика идет по пути неупоминания ППВС. Председатель Серовского районного суда А.Г. Вальтер отметил:

---

1 <http://Lawrussia.ru>.

2 См.: *Шейнин Х.Б.* Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и контроль за их выполнением. С. 101.

3 М.А. Валова, председатель Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью провел А.Л. Бурков 12 сентября 2007 г.

> Нет, в наших решениях мы не ссылаемся на номер, дату или название постановлений Пленума Верховного Суда РФ. Не стоит засорять этим приговор. Судья может взять из пленума определенное выражение, словосочетание, которые содержат правовую позицию Верховного Суда. Но мы не даем ссылок на конкретное постановление пленума, из которого была взята правовая позиция. В конце концов, сам Пленум Верховного Суда не указывает, должны ли судьи ссылаться на конкретные постановления[1].

Как отметил судья Вячеслав Николаевич Курченко:

> Как правило, в своих кассационных определениях Верховный Суд РФ не ссылается на постановления Пленума Верховного Суда, только пишет «по смыслу закона...». Этот «смысл закона» толкуется в постановлениях Пленума[2].

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что судьям «необходимо учитывать» его постановления, но не упомянул о том, что судьи должны ссылаться или цитировать ППВС, которые были приняты во внимание при вынесении решения. В частности, абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»[3] указал:

> При установлении противоречий между нормами права, подлежащими применению при рассмотрении и разрешении дела, судам также *необходимо учитывать* разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации... (выделено мной. — *А. Б.*)

В пп. «б» п. 4 указанного постановления Пленум закрепил, что судам необходимо учитывать не только постановления Конституционного Суда РФ и ЕСПЧ, но также:

---

1 А.Г. Валтер, председатель Серовского районного суда Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 4 сентября 2007 г.

2 В.Н. Курченко, судья Свердловского областного суда, председатель Квалификационной коллегии судей Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 21 сентября 2007 г.

3 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2. См.: Приложение 14.

> постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятые на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации и содержащие разъяснения вопросов, возникших в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих применению в данном деле.

Представляется, что это является общим курсом Верховного Суда РФ. Тем не менее Верховный Суд РФ четко не требует от нижестоящих судов ссылаться ни на практику ЕСПЧ (это будет показано в главе 8), ни на ППВС.

При этом есть различия в точках зрения высшего руководства Верховного Суда РФ относительно вопроса цитирования ППВС. Бывший заместитель председателя Верховного Суда РФ В.М. Жуйков, отметив, что ППВС всегда принимаются во внимание в судебной практике, выразил точку зрения, что судьи не должны ссылаться на ППВС[1]. В то же время Председатель Верховного Суда РФ В.М. Лебедев, высказав точку зрения, согласно которой ППВС не могут рассматриваться как первичный источник права, отметил, что это не исключает возможности ссылки на ППВС в решении по конкретному делу[2].

Интересный факт упомянула Е.В. Романова, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов:

> Во многих определениях Верховный Суд РФ указывает то обстоятельство, что ссылка на постановление Пленума считается незаконной, так как это не закон, а лишь рекомендации, а в нашей стране не прецедентное право. В ППВС такая позиция не отражена[3].

Важно отметить, что, в отличие от ППВС, кассационные определения Верховного Суда РФ официально не публикуются в Бюллетене Верховного Суда РФ.

---

1 См.: *Жуйков В.М.* Судебная защита прав граждан. М., 1997. С. 145.

2 См.: *Лебедев В.М.* Судебная власть в современной России. СПб., 2001. С. 214.

3 Е.В. Романова, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 4 мая 2008 г.

Большинство опрошенных судей объяснили отсутствие ссылок на ППВС тем, что ППВС не являются источниками права в стране с континентальной системой права[1]. В то же время они указывают на то, что ППВС не могут игнорироваться, потому что вышестоящий суд отменит решение, если соответствующее ППВС не было принято во внимание. Судьи в целом объясняют это противоречие «общепринятой практикой», не указывая на какой-либо закон, предписывающий такую практику.

В отличие от судей адвокаты и юрисконсульты общественных организаций открыто говорят, что они рассматривают ППВС как источник права и что они используют ППВС в своей юридической практике. Более того, в своих письменных обоснованиях суду они ссылаются на конкретные ППВС, на которых основана позиция стороны.

Председатель Свердловской областной коллегии адвокатов А.М. Митин отметил:

> Мы проверили обязательный характер постановлений Пленума Верховного Суда и считаем эту характеристику очень нужной. Закон, он потому и закон, что он в полной мере не может обеспечить потребности судебной практики. Поэтому разъяснения высшего судебного органа, конечно же, обязательны. Так и практика об этом говорит, что спорить. Любой практикующий юрист, в частности любой адвокат, судья, просто обязан знать постановления Пленума Верховного Суда. Все практикующие юристы, судьи в частности, считают постановления Пленума обязательными. Я лично тридцать с лишним лет моей практики ссылаюсь на постановления Пленума Верховного Суда[2].

В целом эта точка зрения отражает общую позицию, выраженную в интервью адвокатами и другими юристами, практикующими

---

[1] Аналогичная причина отмечена судьями относительно отсутствия ссылок на практику ЕСПЧ. См. гл. 8.

[2] А.М. Митин, заместитель председателя Адвокатской палаты Свердловской области, председатель Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

в судах. Заместитель председателя Свердловской областной коллегии адвокатов И.Н. Федоров добавил, что

«судьи предпочитают постановления Пленума законам»[1].

Результаты интервью с практикующими юристами подтверждают точку зрения, что, несмотря на, казалось бы, необязательный характер ППВС как документов «только для внутреннего пользования» судебных работников, ППВС играют значительную роль при отправлении правосудия. Очевидно, что ППВС являются имеющими значительную юридическую силу нормативными правовыми актами, «серым кардиналом», реальным, но несколько скрытым источником права. Верховный Суд поощряет использование ППВС без ссылок на них. Это представляется странным: обращение к источнику права, использованному в судебном решении, — золотое правило юридической техники. Если судья использует ППВС в дополнение к закону, почему бы не отразить этот факт в решении? Должны быть весомые аргументы в оправдание такой практики.

Представляется, что Верховный Суд не желает показывать свои истинные правотворческие полномочия. Если судья берет правовую позицию из ППВС, использует этот текст в своем решении, но без ссылки на ППВС, откуда была почерпнута эта правовая позиция, то в таком случае судебное решение является результатом применения закона, истолкованного судьей самостоятельно. Так делается большинством судей. В результате мы получаем «единообразное применение» законов, в то время как применяются нормы ППВС. Официально, на поверхности применение ППВС выглядит как применение законов. Но в действительности применяются не законы, а ППВС. В соответствии с Конституцией РФ законодателем является Государственная Дума РФ. На практике официальный законодатель действует вместе с другим, еще более оперативным правотворцем — Пленумом Верховного Суда РФ.

Цель настоящей работы — не установить причины существования такой практики Верховного Суда РФ. Это не является задачей юриспруденции, и для ее решения потребуется доступ к внутренним секретам системы. Тем не менее важно быть осведомленным о дей-

---

[1] И.Н. Федоров, заместитель председателя Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

ствительной практике российских судов и о реальной роли ППВС как источника российского права. Это поможет показать потенциал использования ППВС для целей применения Конвенции, к чему мы вернемся позже.

Ответственность судей за неисполнение положений постановлений Пленума Верховного Суда РФ

Точное и последовательное применение ППВС обеспечивается ответственностью судей за принятые ими решения. И практикующие в судах юристы, и судьи в своих интервью четко подчеркнули важность того, чтобы решения судей отменялись как можно реже. Судьи осознают, что применение правовой позиции Верховного Суда, выраженной в постановлениях Пленума, является гарантией того, что их решения не будут отменены[1].

Это явление имеет свою историю. На протяжении советского периода (это актуально и сегодня) качество отправления правосудия измерялось устойчивостью решений. Т. Фоглесонг объяснил эту ситуацию:

> Уровень производительности судьи, премии, профессиональная репутация и будущая карьера близко зависели от количества отмененных приговоров, или наоборот, от «стабильности приговоров». Стабильность приговоров и решений являлась основной мерой качества работы судьи. …Также была масса «организационных мероприятий», которые могли быть проведены в отношении судей, чьи решения слишком часто отменяются — такие как дисциплинарное производство, «разбор» на президиуме регионального суда и иногда даже отзыв полномочий судьи. Таким образом, пересмотр решений в советской России в своей основе являлся принудительным. Это создавало значительные и реальные стимулы для судей предвидеть и следовать правовым позициям региональных судов[2].

---

1 А.В. Деменева, консультант аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 27 сентября 2007 г.

2 См.: *Foglesong.* The Reform of Criminal Justice and Evolution of Judicial Dependence in Late Soviet Russia. P. 287.

Ответственность может быть разных уровней. Судебные решения с большой вероятностью будут отменены, если судьи не принимают во внимание правовые позиции, выраженные в ППВС. При прочих равных условиях, чем чаще пересматриваются судебные решения конкретного судьи, тем меньше вероятности повышения и поощрения судьи; судья даже может быть лишен полномочий или его полномочия не будут продлены. Последствия отсутствия знаний положений ППВС четко изложила председатель Октябрьского районного суда М.А. Валова:

> Судьи должны знать и изучать постановления Пленума Верховного Суда РФ. Если судьи не знакомы с постановлениями Пленума, они просто перестают быть судьями[1].

4.3. Заключение

Во-первых, природа ППВС, практика их принятия и исполнения показывает, что они должны признаваться источниками права, квазинормативными актами, содержащими толкование законов, но часто идущие за пределы толкования, не являющимися актами правосудия. ППВС — это нормативные административные акты, издаваемые судьями, но не в процессе отправления правосудия.

Этот вывод, казалось бы, необычный на первый взгляд, имеет под собой основание. Судьи Верховного Суда РФ близко знакомы с судебной практикой, сложностями, возникающими в области толкования и применения законов. Поэтому они лучше всего вооружены для решения проблемы последовательного применения законодательства. В соответствии с традицией континентального права в Российской Федерации и особенно в соответствии с традициями советского права, где административные органы, еще даже более, чем законодательные, играли важную роль в процессе создания норм права, ППВС как административные нормативные правовые акты являются наиболее подходящей формой актов органов государственной власти для целей единообразного применения законодательства.

---

[1] М.А. Валова, председатель Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью провел А.Л. Бурков 12 сентября 2007 г.

Во-вторых, несмотря на то, что законодательство четко не устанавливает обязательный статус ППВС и что до сих пор ведутся научные споры относительно вопроса обязательной юридической силы ППВС, на практике судьи и адвокаты относятся к ППВС как к нормативным правовым актам, обязательным для применения. Профессор М.Н. Марченко высказал мнение, что вопрос официального признания судебной практики как источника права не только или не столько вопрос теории, сколько практики[1].

Как мы видели из анализа практики, юристы относятся к ППВС как к источнику права. Основания для этого вывода следующие: в условиях континентальной системы права несудебная природа ППВС как нормативных актов является более приемлемой для практикующих юристов, нежели если бы эти нормативные постановления возникли бы из надзорных, кассационных или решений первой инстанции Верховного Суда; содержащиеся в ППВС положения могут изменить содержащиеся в законах нормы права; имеется эффективная система обеспечения применения ППВС, включающая общий надзор и кассационный контроль за исполнением ППВС нижестоящими судами, а также неблагоприятные профессиональные последствия для судей, которые не руководствуются положениями ППВС.

Применение судьями нижестоящих судов ППВС, но в то же время неотражение этого в решениях, за некоторыми исключениями, является установкой Верховного Суда РФ. Это превращает ППВС в «скрытый» источник права, эффективный для целей обеспечения единообразного толкования законодательства национальными судами, и, более того, часто изменяющий нормы законодательства. Остается один вопрос: используется ли данный инструмент в отношении применения Конвенции и постановлений ЕСПЧ или может ли он быть использован более полно и эффективно для этих целей? Это будет рассмотрено в следующих главах.

---

[1] См.: *Марченко М.Н.* Источники права: учеб. пособие. М., 2005. С. 385.

ГЛАВА 5

Обзор постановлений Пленума Верховного Суда РФ о применении международных норм по правам человека в национальной судебной практике

В главе 5 дается обзор постановлений Пленума Верховного Суда РФ, регулирующих вопросы применения норм международного права по правам человека в целом и Конвенции в частности. Критический анализ ППВС, касающихся применения Конвенции, будет дан в специально посвященной для этого главе 8, после исследования применения Конвенции в практике российских судов и анализа интервью практикующих юристов.

5.1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ по международному праву

В 1994–1995 гг. Пленум Верховного Суда РФ в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ дважды проинструктировал нижестоящих судей о необходимости обращения к нормам международного права при рассмотрении дел. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 сентября 1994 г. № 6 «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 „О практике судебной проверки законности и обоснован-

ности ареста или продления срока содержания под стражей“»[1], кроме ссылки на ч. 1 ст. 15 Конституции РФ, специального проинструктировал нижестоящие суды о непосредственной применимости ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее — МПГПП):

> Разъяснить судам, что в соответствии со ст. 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, вступившего в силу 23 марта 1976 г., нормы которого в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью правовой системы Российской Федерации и имеют верховенство над ее внутренним законодательством, каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, принадлежит право на разбирательство его дела в суде, чтобы этот суд мог безотлагательно вынести постановление относительно законности его задержания и распорядиться о его освобождении, если задержание незаконно. Исходя из этого, жалоба лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, его защитника или законного представителя относительно законности и обоснованности задержания должна приниматься судом к производству и разрешаться по существу применительно к порядку и по основаниям, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

Абзац 1 п. 5 Постановления ПВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»[2] проинструктировал нижестоящие суды применять международное право и обратился к тексту ч. 4 ст. 15 Конституции РФ:

> Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 1.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 2. См.: Приложение 11.

> и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

В указанных ППВС Верховный Суд РФ лишь повторил содержание ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Верховный Суд РФ обратил внимание нижестоящих судов на конституционную обязанность применять международное право, но не разъяснил, как применять акты международного права, как судам определять содержание, объем и сферу применения международных норм, новых для национального законодательства. Данные ППВС являются не чем иным, как перефразированием, пересказом содержания ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Поэтому значимость указанных ППВС состояла только в том, что они повторили обязанность применения норм международного права национальными судами, уже закрепленную в Конституции РФ.

Для сравнения, в тех же самых постановлениях Пленум Верховного Суда РФ дал детальное разъяснение по вопросу применения ст. 75 УПК РФ. Статья 75 содержит список видов недопустимых доказательств, которые не могут быть использованы для поддержания обвинения. Список не является исчерпывающим. Пункт 3 ч. 2 ст. 75 УПК РФ в том числе указывает, что недопустимыми доказательствами являются и «иные доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса». УПК РФ не содержит каких-либо указаний на то, какие это могут быть нарушения. Необходимо разъяснение данного положения УПК РФ. В обстоятельствах отсутствия в судебной системе России традиции и возможности обращения к судебной практике для выявления смысла того или иного положения законодательства, например, о «других доказательствах», ППВС приобретают важное значение. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, какие нарушения УПК РФ превращают полученные доказательства в недопустимые (п. 16–18 ППВС РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»). Председатель Свердловской областной коллегии адвокатов А.М. Митин называл данное ППВС «судьбоносным» в связи с детальностью ППВС. Это

ППВС содержит конкретные примеры нарушений, при наличии которых использование доказательств недопустимо[1].

Можно предположить, что особенность ППВС давать практикующим юристам дополнительную информацию будет способствовать тому, что Пленум в своих разъяснениях поступит так же и в отношении разъяснения Конвенции. Вместо национального законодательства и практики национальных судов Пленум Верховного Суда РФ будет обобщать, анализировать практику ЕСПЧ.

5.2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ по Конвенции о защите прав человека и основных свобод

С момента ратификации Конвенции Пленум Верховного Суда РФ принял несколько постановлений, в которых так или иначе был затронут вопрос применения Конвенции в национальных судах.

Важно в настоящей главе дать более детальный анализ следующих двух ППВС, потому что мы будем обращаться к ним регулярно на протяжении всей работы. ППВС РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (далее — ППВС 2003 г.)[2] и ППВС РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[3] (далее — ППВС 2005 г.).

Практика Верховного Суда РФ, проанализированная в следующей главе, будет разделена на две части. Критерием деления служит момент принятия постановления Верховным Судом РФ — до или после принятия ППВС 2003 г. Практика других судов также будет проа-

---

1 А.М. Митин, заместитель председателя Адвокатской палаты Свердловской области, председатель Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

2 См.: Приложение 13.

3 РГ. 2005. 15 марта. См.: Приложение 15.

нализирована с точки зрения, были ли указанные ППВС применены для установления нарушений Конвенции.

Чтобы дать общий обзор ППВС по Конвенции, можно выделить два вида ППВС, содержащие гарантии Конвенции:

1) специальные ППВС — принятые по вопросу рассмотрения конкретных видов дел или по вопросам какой-либо отрасли национального права;
2) общие ППВС — принятые по вопросу применения международного права в российской правовой системе.

5.2.1. Специальные постановления Пленума Верховного Суда РФ

Первый вид ППВС составляет большую часть ППВС. Они приняты по отдельным вопросам применения российского права, что может повлечь параллельное применение гарантий Конвенции. Можно привести пример ППВС РФ от 18 ноября 1999 г. № 79 «О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 г. № 7 „О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации“»[1] (далее — ППВС 1999 г.). В этом ППВС, посвященном вопросам своевременности правосудия, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил лишь, что несоблюдение сроков рассмотрения уголовных и гражданских дел, установленных в законе, нарушает п. 1 ст. 6 Конвенции. Каких-либо других разъяснений дано не было.

Это ППВС является характерным для первого вида ППВС — в нем лишь указывается, что Конвенция является составной частью российской правовой системы, без указания на то, как это может способствовать разрешению судебных споров, какие существуют особенности применения Конвенции, отличные от национального законодательства, и какие новые для российской правовой системы гарантии и принципы содержит Конвенция. Другие ППВС этого вида: ППВС РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»[2] и ППВС РФ

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 3.

от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях»[1]. Эти постановления содержат только номера статей Конвенции без какого-либо детального анализа.

Тем не менее имеется одно ППВС, которое положительно отличается от рассмотренных. 24 февраля 2005 г. Пленум Верховного Суда РФ принял Постановление № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (ППВС 2005 г.). В нем непосредственно было разъяснено нижестоящим судам, что

> положения [статьи 10 Конвенции] должны толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского Суда по правам человека, выраженной в его постановлениях[2],

и что

> при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в силу статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» учитывать правовую позицию Европейского суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего статьи 10), имея при этом ввиду, что используемое Европейским судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации[3].

Данные положения ППВС 2005 г. являются значительным прорывом по сравнению с предыдущими ППВС этого вида. В отличие от номера статьи Конвенции или копирования текста статьи Конвен-

---

1 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

2 Последнее предложение абз. 3 Преамбулы ППВС 2005 г. // РГ. 2005. 15 марта.

3 Абзац 5 п. 1 ППВС 2005 г.

ции, ППВС 2005 г. разъяснило, как должна применяться Конвенция, разъяснило золотое правило механизма применения Конвенции, согласно которому Конвенция должна применяться как она понимается в практике ЕСПЧ[1].

Это правило ранее было закреплено в Рекомендации Комитета министров Совета Европы:

> 3. Необходимое условие эффективной защиты прав человека в Европе с помощью Конвенции состоит в том, что государства применяют Конвенцию в своих правовых системах, как она понимается в практике Европейского суда. Это предполагает, в особенности, обеспечение государствами соответствия законов и правоприменительной практики Конвенции[2].

Также ППВС 2005 г. разъясняет, какие отсутствующие в российском законодательстве принципы содержит Конвенция и практика ЕСПЧ. Разъясняя нижестоящим судам толкование положений российского законодательства о защите чести, достоинства и деловой репутации, ППВС 2005 г. использует два правовых принципа, выработанных ЕСПЧ. Несмотря на вывод, содержащийся в ППВС 2005 г., согласно которому «используемое Европейским Судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации», Пленум Верховного Суда РФ указал, что ст. 152 должна пониматься в свете ст. 10 Конвенции.

Во-первых, в абз. 3 п. 9 ППВС 2005 г. дана ссылка на принцип, закрепленный в ст. 10 Конвенции, в соответствии с которым суды должны различать факты от мнений:

---

1 Правило применения Конвенции, как она понимается в практике ЕСПЧ, было выражено и ранее в ППВС 2003 г., по избранной в данном исследовании классификации ППВС второго вида, анализ которого будет дан позднее в данной главе.

2 Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)5 государствам — участникам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (принята Комитетом Министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии). См.: Приложение 4.

> В соответствии со ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ст. 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке ст. 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Во-вторых, в следующем абзаце п. 9 Пленум Верховного Суда РФ обратился к другому принципу, закрепленному в ст. 10 Конвенции, и на этот раз без ссылки на конкретное постановление ЕСПЧ:

> Судам следует иметь в виду, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета Министров Совета Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

В-третьих, в абз. 1 п. 15 ППВС 2005 г., приняв во внимание практику ЕСПЧ (однако без ссылки на конкретное постановление ЕСПЧ), Пленум Верховного Суда РФ закрепил возможность взыскания компенсации морального вреда не только в пользу физических, но и юридических лиц:

> Статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляет гражданину, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, право наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда. Данное правило в ча-

сти, касающейся деловой репутации гражданина, соответственно применяется и к защите деловой репутации юридических лиц (пункт 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации). Поэтому правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица[1].

Данные разъяснения имеют важное значение, так как такие правовые нормы отсутствуют в российском законодательстве, почерпнуты из практики ЕСПЧ, на которую, к сожалению, Пленум Верховного Суда РФ не сослался.

5.2.2. Общие постановления Пленума Верховного Суда РФ

На сегодняшний день имеется одно такое постановление Пленума Верховного Суда РФ — Постановление от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[2] (далее — ППВС 2003 г.).

Во-первых, в ППВС 2003 г. Пленум Верховного Суда РФ в очередной раз подчеркнул конституционный принцип непосредственного применения международных договоров, в частности Конвенции, и их приоритета над национальными законами (абз. 1 ст. 2).

Во-вторых, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что согласно пп. «b» п. 3 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. «при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования» (абз. 2 п. 10). Одним абзацем ниже ППВС 2003 г. уточняет, что применение судами Конвенции «должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (абз. 2 п. 10). В п. 16 Пле-

---

1 Это положение более детально было проанализировано в предыдущей главе.

2 См.: Приложение 13.

нум Верховного Суда РФ рекомендовал судам в случае возникновения затруднений при толковании общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации «использовать акты и решения международных организаций».

Этот принцип работы с практикой ЕСПЧ был далее разъяснен спустя два месяца в другом ППВС. В п. 4 Постановления от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»[1] Пленум Верховного Суда РФ подчеркнул обязанность судов указывать в мотивировочной части решения суда материальные и процессуальные законы, примененные в деле. Позднее в данном пункте ППВС указывается:

> Суду также следует учитывать: ...в) постановления Европейского суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле.

Возвращаясь к ППВС 2003 г., необходимо отметить, что Пленум Верховного Суда РФ признал обязательными только постановления ЕСПЧ, принятые в отношении России:

> В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти *постановления в отношении Российской Федерации*, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов (п. 11) (выделено мной. — *А. Б.*).

В-третьих, в ППВС 2003 г. отмечается, что неприменение международного договора (включая неприменение подлежащей применению нормы международного права; применение не подлежащей применению нормы международного права; неправильное толкование нормы международного права) может повлечь такие же последствия, как неприменение национального права, а именно отмену или изменение судебного решения (п. 9).

В-четвертых, в п. 12–15 ППВС 2003 г. дается краткий обзор практики ЕСПЧ по ст. 3, 5 и 6 Конвенции с приведением правовых позиций ЕСПЧ в целом, без ссылки на конкретные постановления ЕСПЧ.

---

[1] См.: Приложение 14.

В абз. 1–4 п. 12 Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, какие сроки уголовного (включая предварительное следствие) и гражданского судебного разбирательства (исполнение судебного решения) принимаются во внимание ЕСПЧ при выяснении вопроса, были ли соблюдены гарантии своевременности рассмотрения судебного дела[1]. Далее, в абз. 5 п. 12 ППВС 2003 г. перечислены возможные факторы, которые должны приниматься во внимание при определении длительности разбирательства в соответствии с ч. 1 ст. 6 Конвенции:

> При определении того, насколько срок судебного разбирательства являлся разумным, во внимание принимается сложность дела, поведение заявителя (истца, ответчика, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), поведение государства в лице соответствующих органов.

В п. 13 ППВС 2003 г. разъясняется, что содержащееся в п. 1 ст. 6 Конвенции понятие «суд, созданный на основании закона» в соответствии с постановлениями ЕСПЧ охватывает не только судей федеральных судов и мировых судей, но и присяжных заседателей, которыми являются граждане Российской Федерации, включенные в списки присяжных заседателей и призванные в установленном законом порядке к участию в осуществлении правосудия[2].

Пункт 14 ППВС РФ 2003 г. разъясняет гарантию п. 3 ст. 5 Конвенции: право каждого задержанного или заключенного под стражу незамедлительно быть доставленным к судье, право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Обращаясь к правовым позициям ЕСПЧ в целом, Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, какие периоды должны учитываться при определении продолжительности срока содержания подсудимого под стражей; что не только «наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление»,

---

1 Принципы были взяты из *Burdov v. Russia* (Бурдов против России), постановление от 7 мая 2002 г., Reports of Judgments and Decisions 2002-III (ст. 6 Конвенции и п. 1 ст. 1 Протокола № 1 Конвенции); *Kalashnikov v. Russia* (Калашников против России), постановление от 15 июля 2002 г., Reports of Judgments and Decisions 2002-VI (ст. 3, п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 6 Конвенции).

2 Принцип был взят из *Posokhov v. Russia* (Посохов против России), постановление от 4 марта 2003 г., Reports of Judgments and Decisions 2003-IV (п. 1 ст. 6 Конвенции).

но и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества, являются обязательными условиями для законности ареста; обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, т.е. подтверждаться достоверными сведениями[1]. Пункт 14 звучит следующим образом:

> При разрешении вопросов о продлении срока содержания под стражей судам надлежит учитывать, что согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию, имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.
>
> В соответствии с правовыми позициями Европейского суда по правам человека при установлении продолжительности срока содержания подсудимого под стражей учитывается период, начинающийся со дня заключения подозреваемого (обвиняемого) под стражу и заканчивающийся днем вынесения приговора судом первой инстанции.
>
> Следует учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста. Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями.
>
> При этом указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями. В случае продления сроков содержания под стражей суды должны указывать конкретные обстоятельства, оправдыва-

---

[1] Принцип был взят из *Kalashnikov v. Russia*; *Smirnova v. Russia* (Смирнова против России), Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г., Reports of Judgments and Decisions 2003-IX (п. 1 и 3 ст. 5, п. 1 ст. 6 Конвенции).

ющие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств.

Пункт 15 ППВС 2003 г. посвящен раскрытию закрепленного в ст. 3 Конвенции понятия «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение» относительно условий содержания в заключении. Это понятие отсутствует в российском законодательстве и российской судебной практике.

Абзац 3 п. 15 ППВС 2003 г. определяет «бесчеловечное обращение» как обращение, которое,

как правило, носит преднамеренный характер, имеет место на протяжении нескольких часов или когда в результате такого обращения человеку были причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания.

Абзац 5 п. 15 ППВС 2003 г. определяет «унижающее достоинство обращение» как,

в частности, такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности.

В абз. 4 п. 15 ППВС 2003 г. уточняется, что при определенных обстоятельствах условия содержания могут быть квалифицированы как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение:

Следует учитывать, что в соответствии со статьей 3 Конвенции и требованиями, содержащимися в постановлениях Европейского суда по правам человека, условия содержания обвиняемых под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству.

В абз. 6 и 7 п. 15 Пленум Верховного Суда РФ дает критерии определения существования незаконного обращения с заключенными:

При этом лицу не должны причиняться лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а здоровье и благополучие лица должны быть гарантированы с учетом практических требований режима содержания.

Оценка указанного уровня осуществляется в зависимости от конкретных обстоятельств, в частности от продолжительности не-

правомерного обращения с человеком, характера физических и психических последствий такого обращения. В некоторых случаях принимаются во внимание пол, возраст и состояние здоровья лица, которое подверглось бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

В заключение в п. 17, 18 ППВС 2003 г. закрепил за Судебным департаментом при Верховном Суде РФ[1] в сотрудничестве с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека обязанность по обучению международному праву. Обязанность состоит в обеспечении информирования судей «о практике Европейского суда по правам человека, в особенности по поводу решений, касающихся Российской Федерации, путем направления аутентичных текстов и их переводов на русский язык»; регулярном и своевременном обеспечении «судей аутентичными текстами и официальными переводами международных договоров Российской Федерации и иных актов международного права». Также Российской академии правосудия предлагалось «обращать особое внимание на изучение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, регулярно анализировать источники международного и европейского права, издавать необходимые практические пособия, комментарии, монографии и другую учебную, методическую и научную литературу».

Сегодня не имеется ППВС, посвященного исключительно применению Конвенции в судах России. Толкование автономных понятий большинства статей Конвенции не раскрыто в существующих ППВС.

5.3. Заключение

В этой главе было показано, что Пленум Верховного Суда РФ принял ряд постановлений, которые касаются применения Кон-

---

[1] В соответствии с Федеральным законом от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации» Судебный департамент является органом, осуществляющим поддержку верховных судов республик, краев и областных судов, а также федеральных городских судов, судов автономных областей и автономных округов, военных и специальных судов и других органов судебной системы // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 223.

венции российскими судами. Можно предположить, что ППВС могут быть использованы как инструмент для улучшения применения в судебной практике гарантий прав человека, закрепленных в Конвенции. Анализ судебной практики в главе 6 покажет, являются ли ППВС на сегодняшний день эффективным средством для применения Конвенции в практике российских судов.

ГЛАВА 6

Применение Конвенции о защите прав человека в практике судов конституционной и общей юрисдикции

Как хорошо известно, практика значительно отличается от теории. Это относится и к непосредственному применению Конвенции в российских судах.

> Реальный статус международного права [в России] определяется и будет определяться не только соответствующими конституционными положениями, но также желанием судей национальных судов пользоваться этой отраслью права[1].

Даже если бы российское законодательство полностью соответствовало стандартам Совета Европы, это само по себе не было бы гарантией того, что Конвенция будет применяться на практике. В своем постановлении по делу Саади против Италии (*Saadi v. Italy*) ЕСПЧ выразил позицию, что ЕСПЧ не столько интересуется тем, что закреплено в законодательстве, сколько тем, что происходит на практике:

Существование национальных законов и присоединение к международным договорам, гарантирующим уважение основопола-

---

[1] См.: *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 53.

> гающих прав в принципе само по себе не является достаточным гарантом адекватной защиты от риска незаконного обращения, в ситуации, когда, как в настоящем деле, надежные источники сообщили о существовании практики, к которой прибегали или дозволяли власти и которая явно противоречит принципам Конвенции[1].

Это приводит к необходимости рассмотрения применения Конвенции в практике российских судов. В этой главе продемонстрирован существующий разрыв между законодательством, постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и практикой применения Конвенции в судах. Рассмотрено, применяют ли российские суды Конвенцию при разрешении дел, и если применяют, то в какой степени, и можно ли выявить общее направление развития применения Конвенции. В этой главе проанализировано десять лет судебной практики, с 1998 по 2008 г. В целях обнаружения возможного прогресса в применении Конвенции, исследуемый период времени был разделен на две части: с 1998 по 2004 г. и с 2004 по 2008 г. Что касается практики судов общей юрисдикции, то она анализируется с той точки зрения, имели ли ППВС какое-либо влияние на применение Конвенции.

Получение доступа к практике российских судов — непростой процесс. В связи с тем что российская правовая система относится к системе континентального права, какого-либо механизма опубликования решений судов не существует, за некоторым исключением. Отобранная практика Верховного Суда РФ неофициально публикуется на различных коммерческих сайтах и в коммерческих базах данных[2]. Верховный Суд РФ ежемесячно публикует ограниченное количество извлечений из своей собственной практики и практики нижестоящих судов в Бюллетене Верховного Суда РФ. При исследовании практики нижестоящих судов главным образом использовалась информация, полученная от юристов и сотрудников общественных организаций и адвокатов.

---

[1] См.: *Saadi v. Italy* (Саади против Италии), постановление ЕСПЧ от 28 февраля 2008 г. Параграф 147.

[2] Например, СПС «КонсультантПлюс».

Практика арбитражных судов была рассмотрена в других работах[1].

6.1. Конституционный Суд РФ

До сентября 2004 г. Конвенция упоминается в 54 постановлениях[2] из 215 постановлений Конституционного Суда с момента его создания 12 июля 1991 г.[3], из 166 постановлений с момента присоединения Российской Федерации к Уставу Совета Европы 28 февраля 1996 г. и из 116 — с момента вступления Конвенции в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 г.

Конституционный Суд начал ссылаться на Конвенцию (но не правовые позиции ЕСПЧ) после вступления Российской Федерации в Совет Европы, за год до ратификации Конвенции. В этот период было вынесено три постановления, в которых содержались ссылки на Конвенцию. Первое постановление со ссылкой на Конвенцию, на ее ст. 2 Протокола № 4 «Свобода передвижения», датируется 4 апреля 1996 г.

До момента ратификации Конвенции Конституционный Суд не применял правовые позиции, выраженные в постановлениях ЕСПЧ. Обращение Конституционного Суда РФ к Конвенции ограничивалось лишь цитированием статей документа. Например, в Постановлении от 16 марта 1998 г. № 9-П Конституционный Суд РФ применил ст. 6 Конвенции вместе со ст. 7, 8 и 10 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., лишь пересказав содержание статей и в очередной раз констатировав, что указанные положения «как относящиеся к общепризнанным принципам и нормам международного права, согласно

---

1 См.: *Применение* Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006. (Междунар. защита прав человека; Вып. 6); *Burkov A.* The Impact of the European Convention on Human Rights on Russian Law: Legislation and Application in 1996–2006. Vol. 45. Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Stuttgard, 2007.

2 Эта и последующая статистика получена из анализа базы данных постановлений Конституционного Суда Российской Федерации на веб-сайте: <http://www.consultant.ru/online>.

3 Дата принятия Закона РСФСР «О Конституционном Суде РСФСР».

статье 15 (часть 4) Конституции Российской Федерации, являются составной частью правовой системы Российской Федерации»[1].

С течением времени и после ратификации Конвенции порядок применения норм Конвенции постепенно менялся. Так, анализ практики Конституционного Суда РФ на сентябрь 2004 г. показывает, что в период с 5 мая 1998 г. по сентябрь 2004 г. уже в 12 постановлениях[2] из 54 постановлений, в которых Конституционный Суд упомянул

---

[1] См. п. 4 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан»// СЗ РФ. 1998. № 12. Ст. 1459.

[2] См. абз. 11 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969; абз. 4 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года „О свободе совести и о религиозных объединениях“ в связи с жалобами религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения Христианская церковь Прославления» // СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6363; п. 3, абз. 2 и 3 п. 5 Постановления Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“ в связи с жалобой компании „*Timber Holdings International Limited*“» // СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2258; абз. 5 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882; абз. 2 п. 1.3 Постановления Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“, касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций“, а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» // СЗ РФ. 2001. № 12. Ст. 1138; абз. 2 п. 2 Постановления Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона „Об исполнительном производстве“ в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества „Разрез «Изыхский»“» // СЗ РФ. 2001.

Конвенцию, содержится обращение к практике ЕСПЧ. Остальные 42 случая цитирования Конвенции нельзя назвать ее применением.

№ 32. Ст. 3412; абз. 6 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2001 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы „Об основах платного землепользования в городе Москве“ в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской» // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 2). Ст. 5014; абз. 3 п. 4 Постановления Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ и статьи 92 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 626; абз. 7 п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 24 января 2002 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального закона „О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности“ в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово» // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 745; п. 8.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 19 июня 2002 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС“ (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), федеральных законов от 12 февраля 2001 года „О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»“, от 19 июня 2000 года „О минимальном размере оплаты труда“ и от 7 августа 2000 года „О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации“ в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев» // СЗ РФ. 2002. № 27. Ст. 2779; п. 2, 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358; абз. 8 п. 5.2 Постановления Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона „Об акционерных обществах“, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании „Кадет Истеблишмент“ и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830. Извлечения из данных постановлений доступны на веб-сайте «Изучаем Европейскую конвенцию»: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/con_court/judg_with_case_law.htm>.

В указанных 12 случаях применения норм практики ЕСПЧ имелись формальные технические недостатки. Так, 10 из 12 постановлений Конституционного Суда РФ, в которых имеются ссылки на постановления ЕСПЧ, не содержат указания на конкретный пункт постановления ЕСПЧ, из которого было процитировано конкретное примененное положение. В двух постановлениях Конституционного Суда РФ не указывается название постановления ЕСПЧ и одно постановление содержит неправильную дату вынесения постановления ЕСПЧ[1]. Данные обстоятельства могут создавать препятствия для юриста или судьи, желающего глубже изучить примененные Конституционным Судом РФ положения практики ЕСПЧ.

После 2004 г. произошли изменения в практике применения Конвенции Конституционным Судом РФ. Например, в период с августа 2004 г. по январь 2008 г. Конституционный Суд РФ обращался к Конвенции чаще, чем в период с 28 февраля 1996 г. по 1 августа 2004 г. При этом качество обоснования применимости Конвенции улучшилось[2].

В этот период Конституционный Суд РФ принял 41 постановление. Можно отметить четыре момента.

1. Применение норм Конвенции стало более частым. Конституционный Суд РФ обратился к Конвенции в 24 из 41 постановления (в 58,2% постановлений). Для сравнения, в 1996–2004 гг. в 46,5% постановлений (45 из 116) содержалась ссылка на Конвенцию.
2. Наиболее значимое изменение состоит в том, что Конституционный Суд РФ обратился к практике ЕСПЧ в 15 из 24 постановлений, в которых была ссылка на Конвенцию (62,5%). В 36,5% всех рассмотренных по существу дел за рассматриваемый период содержится ссылка на прецедентную практику ЕСПЧ. Для сравнения, в 1996–2004 гг. Конституционный

---

[1] Извлечения из данных постановлений доступны на сайте «Изучаем Европейскую конвенцию»: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/con_court/judg_with_case_law.htm>.

[2] К. Коротеев пришел к выводу, что «распределение ссылок Суда [Конституционного Суда РФ] на Конвенцию в целом стабильно по годам». См.: *Коротеев К.* Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в постановлениях Конституционного Суда РФ (московский период) // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4.

Суд РФ обращался к прецедентной практике ЕСПЧ в 10,34% из общего числа постановлений и в 22,22% постановлений, в которых была ссылка на Конвенцию.

3. В 2004–2008 гг. обращения к прецедентной практике ЕСПЧ были более обоснованные (с более подробным анализом позиций ЕСПЧ), чем в 1996–2004 гг.
4. Конституционный Суд РФ продолжил обращаться к постановлениям ЕСПЧ, вынесенным против других стран, нежели только против России.

Анализ практики Конституционного Суда РФ показывает, что Конституционный Суд РФ обращается к прецедентной практике ЕСПЧ с тем, чтобы извлечь смысл того или иного положения Конвенции. Например, в Постановлении от 1 февраля 2005 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона „О политических партиях“ в связи с жалобой общественно-политической организации „Балтийская республиканская партия“»[1] Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что, несмотря на то что международные договоры, включая Конвенцию, под правом граждан на объединение не понимают право на вступление в политические партии, ЕСПЧ неоднократно указывал на то, что политические партии также находятся под защитой ст. 11 Конвенции[2]. С тем чтобы установить содержание права граждан на объединение, Конституционный Суд РФ обратился к практике ЕСПЧ, в частности, к делу «Объединенная коммунистическая партия Турции против Турции» [*United Communist Party v. Turkey*][3].

Конституционный Суд РФ обращается к принципам Конвенции с тем, чтобы обосновать свои заключения о толковании положений Конституции. Как правило, Конституционный Суд РФ использует фразы «Европейский Суд по правам человека придерживается аналогичной позиции», «сделанные заключения соответствуют практи-

---

1 СЗ РФ. 2005. № 6. Ст. 491.

2 См. абз. 3 ч. 2 Постановления.

3 Постановление от 30 января 1998. П. 25. К сожалению, и здесь Конституционный Суд РФ не указал конкретный пункт постановления ЕСПЧ.

ке Европейского Суда по правам человека», «позиция Европейского Суда по правам человека соответствует такому пониманию» и др.[1]

6.2. Уставный суд Свердловской области

Сейчас рассмотрим судебную практику конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации (далее — уставный суд). Статья 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» устанавливает лишь возможность создания уставных судов в субъектах Российской Федерации[2]. Данные суды независимы от Конституционного Суда РФ, обладают аналогичной юрисдикцией, рассматривая дела о соответствии законов субъектов Российской Федерации, а также других нормативных актов органов субъекта Российской Федерации и органов местного самоуправления конституции (уставу) соответствующего субъекта Российской Федерации. Изучение судебной практики показало, что Уставный суд Свердловской области[3] не применяет Конвенции.

Интересный факт имел место в Уставном суде Свердловской области при рассмотрении дела о соответствии п. 4.6 Положения о порядке организации и проведения в г. Екатеринбурге митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, утвержденного Решением Екатеринбургской городской думы от 22 мая 2001 г. № 3/4[4]. Заявители оспаривали положение, в котором устанавливалось, что ответственные за организацию массовой акции обязаны получить разрешение от органов местного самоуправления на ее проведение.

---

1 Анализ практики применения Конвенции Конституционным Судом РФ см. также: *Nussberger A.* The Reseption Process in Russia and Ukraine // A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems / eds. H. Keller and A.S. Sweet. Oxford, 2008. P. 619–622.

2 См.: РГ. 1997. 6 янв. См.: Приложение 8.

3 На 19 октября 2009 г. Уставным судом Свердловской области было вынесено 75 постановлений.

4 См.: Постановление Уставного суда Свердловской области от 25 января 2002 г. // Областная газета. 2002. 30 янв. См. также: *Конституция* России: 10 лет применения / под ред. А.В. Деменевой, А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2004 // <www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/konst_10_let_primen>.

Их аргументы были основаны на ст. 31 Конституции РФ, соответствующей статье Устава Свердловской области, а также на п. 1 ст. 11 Конвенции с подробным анализом соответствующей практики ЕСПЧ. Несмотря на то что постановление Уставного суда Свердловской области было вынесено в пользу заявителей, Уставный суд не рассмотрел аргументы, основанные на Конвенции. Более того, даже в описательной части постановления Уставный суд Свердловской области при очень кратком описании аргументов сторон не указал на то, что заявители основывали свои доводы в том числе на Конвенции и постановлениях ЕСПЧ. Единственная фраза в постановлении Уставного суда Свердловской области, которая хоть как-то указывает на то, что заявители ссылались на положения международного права, звучит следующим образом: «По мнению заявителя, данная норма принята городской думой в нарушение требований Устава Свердловской области, так как ограничивает его, закрепленное статьей 31 Конституции Российской Федерации и признанное *мировым сообществом* (выделено мной. — *А. Б.*), право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование» (п. 1 Постановления). Остается только предполагать, что под словосочетанием «мировое сообщество» Уставный суд имел в виду Совет Европы, Конвенцию и постановления ЕСПЧ.

Практика Уставного суда Свердловской области не изменилась и к завершению полномочий судей в 2010 г. Единственный раз Уставный суд Свердловской области сослался на постановление ЕСПЧ в Постановлении от 12 октября 2009 г. по делу о соответствии Уставу Свердловской области ст. 37 Закона Свердловской области «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области»[1]. К сожалению, ссылка на постановление ЕСПЧ состояла только в указании даты постановления (от 24 июня 2004 г.) без указания существа дела, рассмотренного в ЕСПЧ, правовой позиции постановления и даже названия постановления ЕСПЧ[2].

Практику применения Конвенции, проанализированную в настоящем параграфе, нельзя признать удовлетворительной. Все об-

---

[1] Постановление Уставного суда Свердловской области доступно на: <http://sutyajnik.ru/documents/2973.html>.

[2] 24 июня 2004 г. ЕСПЧ принял 14 постановлений против разных стран, в числе которых нет России.

щие правила о внутригосударственном статусе Конвенции и необходимости ее применения российскими судами в полной мере относятся и к уставным судам, без каких-либо исключений. Безусловно, при разрешении дел уставные суды должны выносить постановления, основываясь на конституции или уставе соответствующего субъекта Российской Федерации. Тем не менее ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, признающая международное право частью национальной правовой системы, должна соблюдаться и уставными судами. Соблюдение данного принципа особенно важно для уставных судов в связи с тем, что они являются не федеральными судами, а судами субъектов Российской Федерации. Основанием для этого служит ст. 3 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которой единство судебной системы обеспечивается применением в том числе международных договоров всеми российскими судами.

6.3. Верховный Суд РФ

Профессор Г.М. Даниленко отмечал, что «суды общей юрисдикции обладают меньшим опытом применения международного права, чем Конституционный Суд РФ»[1]. Как уже упоминалось, Пленум Верховного Суда РФ издал несколько постановлений, разъясняющих нижестоящим судам необходимость и способ применения международного права в целом и Конвенции в частности, а также разъяснил несколько положений Конвенции в свете постановлений ЕСПЧ. В этих документах Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что, применяя положения Конвенции, судьи должны принимать во внимание последующую практику применения Конвенции ЕСПЧ. Сейчас обратимся к анализу практики применения Конвенции судами общей юрисдикции.

В данном разделе главы рассматривается, применяет ли Верховный Суд РФ Конвенцию при разрешении конкретных дел и в какой степени. С помощью данных с сайта Верховного Суда РФ[2] была проанализирована практика рассмотрения дел Верховным Судом РФ

---

1 См.: *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS State. P. 58.

2 См.: <http://www.supcourt.ru>.

в течение двух периодов: до и после принятия ППВС 2003 г. Была проанализирована практика Верховного Суда РФ как суда первой инстанции[1], так и кассационной инстанции[2] и суда надзорной инстанции[3].

6.3.1. Практика Верховного Суда РФ до Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2003 г.

В целом было исследовано 3911 судебных решений Верховного Суда РФ по состоянию на сентябрь 2004 г. Из них только в 12 судебных решениях упоминалась Конвенция: в 8 судебных решениях содержалась лаконичная оценка Верховным Судом РФ соответствия Конвенции тех или иных действий стороны процесса, в остальных четырех случаях Верховный Суд РФ лишь очень кратко указывает аргументы стороны, основанные на Конвенции, но не дает какой-либо оценки данным аргументам.

В указанных восьми случаях применения Конвенции решения Верховного Суда РФ не содержат какой-либо ссылки на постановления ЕСПЧ. Способ применения Конвенции очень краткий. Как правило, только указывается номер статьи. В лучшем случае Верховный Суд РФ пересказывает слово в слово содержание статьи, в худшем — указывает, что то или иное действие, нормативный акт государственного органа не противоречит Конвенции в целом[4].

Верховный Суд РФ не различает юридическую силу Конвенции, Международного пакта о гражданских и политических правах и Всеобщей декларации прав и свобод человека, ссылаясь на данные документы одновременно в поддержку той или иной позиции. В практике Верховного Суда РФ отсутствует какой-либо анализ фактов относи-

---

1 В делах, рассмотренных в этой главе, решения были вынесены судьей единолично.

2 В составе трех судей.

3 В составе трех судей или до 13 судей в случае рассмотрения дела Президиумом Верховного Суда РФ.

4 См.: Подборка постановлений Верховного Суда РФ, в которых были применены нормы Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, доступен на сайте ОО «Сутяжник»: <http://sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/sup_court/judg_with_case_law.htm>.

тельно положений Конвенции. И это неслучайно, так как невозможно дать оценку каким-либо фактам относительно их соответствия нормам Конвенции без непосредственного обращения к судебной практике ЕСПЧ, разъясняющей содержание положений Конвенции.

Более подробно обратимся к практике Верховного Суда РФ по применению Конвенции и проанализируем некоторые из тех восьми решений Верховного Суда РФ, в которых содержалась оценка Верховным Судом РФ соответствия тех или иных действий стороны процесса положениям Конвенции.

В решении от 16 ноября 2000 г. по делу по жалобе Профсоюза сотрудников милиции г. Москвы о признании частично недействительной (незаконной) Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом Министерства внутренних дел Российской Федерации от 14 декабря 1999 г. № 1038[1], Верховный Суд РФ указал, что «перемещение сотрудников органов внутренних дел без их согласия на другое постоянное место службы подпадает под определение принудительного труда, приведенное в пункте 2 статьи 4 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированной Российской Федерацией 5 мая 1998 года». Однако достаточно лишь обратиться к тексту Конвенции, чтобы обнаружить, что в ней не содержится какого-либо определения принудительного труда. Более того, ЕСПЧ в одном из решений установил абсолютно противоположное, а именно: «Статья 4 не определяет, что понимается под словами „принудительный или обязательный труд“, и в документах Совета Европы по подготовке текста Конвенции также отсутствуют какие-либо разъяснения по этому поводу»[2]. ЕСПЧ использует определение принудительного и обязательного труда, данное Международной организацией труда[3], только в качестве ориентира, «отправной точки толкования статьи 4»[4].

---

1 Дело № ГКПИ 00-1195 // Бюллетень ВС РФ. 2001. № 7.

2 *Van der Mussele v. Belgium* (Ван дер Мусселе против Бельгии), постановление ЕСПЧ от 23 ноября 1983 г., Series A № 70, параграф 32.

3 См. ст. 2 Конвенции № 29 Международной организации труда о принудительном или обязательном труде.

4 *Van der Mussele v. Belgium*, постановление ЕСПЧ от 23 ноября 1983 г., Series A № 70, параграф 32.

Абсолютно неясно, пришел бы Верховный Суд РФ к такому же выводу, если бы он учел практику ЕСПЧ. Например, в деле, подобном делу Профсоюза сотрудников милиции г. Москвы, а именно *Иверсен против Норвегии*[1], Европейская комиссия по правам человека решила большинством в шесть голосов против четырех, что обращение является неприемлемым[2]. Четыре члена Европейской комиссии пришли к мнению, что служба Иверсена (будучи дантистом, он был обязан заниматься практикой в течение одного года в государственной поликлинике), очевидно, не является принудительным или обязательным трудом в соответствии с ч. 2 ст. 4[3]. Другие два члена Европейской комиссии из состава большинства признали, что дело Иверсена подпадает под сферу действия ст. 4 Конвенции, однако также признали дело Иверсена неприемлемым, так как требуемая от него годовая служба в государственной поликлинике является объективно необходимой по обстоятельствам дела. Рассуждение четырех членов Комиссии из состава большинства состояло в следующем: чтобы признать нарушение п. 2 ст. 4 Конвенции (т.е. признать труд принудительным или обязательным), притом что в общем допускается принудительный труд, труд:

- должен быть несправедливым или деспотическим (*oppressive*);
- должен применяться в течение продолжительного периода времени без соответствующего вознаграждения;
- должен включать в себя принуждение к труду, который не соответствует профессии того или иного работника;
- должен использоваться до того, как информация о вакансии должным образом была доведена до сведения общественности;
- должен быть дискриминационным, произвольным или карательным использованием полномочий[4].

При таких квалифицирующих признаках представляется сомнительным, что перемещение сотрудников милиции может быть ква-

---

1 См.: *Iversen v. Norway* (Иверсен против Норвегии), решение ЕСПЧ по вопросу приемлемости от 17 декабря 1963 г. № 1468/62, 6 Yearbook 278.

2 См.: *Ovey C. and White R.* Jacobs and White, the European Convention on Human Rights. Oxford, 2002. P. 92.

3 См.: Там же. С. 93.

4 См.: Там же.

лифицировано Верховным Судом РФ как нарушение п. 2 ст. 4 Конвенции.

В данном деле российское законодательство предоставляет лучшую, чем Конвенция, защиту сотрудникам милиции, устанавливая, кроме всего прочего, что подзаконные нормативные акты не могут ограничивать права сотрудников милиции, предоставленные Законом РФ от 18 апреля 1991 г. № 1026-1 «О милиции» (ч. 7 ст. 17)[1]. В данном случае обращение Верховного Суда РФ к Конвенции является неправильным.

В деле Габидуллиной и др. Верховный Суд РФ, рассматривая дело по существу, решил, что приказ Министерства внутренних дел, которым запрещалось фотографироваться на паспорт в головном уборе, не нарушал право на свободу совести и религии, закрепленное во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах и Конвенции, так как в общем «ношение верующими женщинами-мусульманками платка для покрытия волос оспариваемым нормативным правовым актом не запрещается», приказ не дискриминирует женщин-мусульманок, так как он применяется в отношении всех[2].

В случае обращения Верховного Суда РФ к судебной практике ЕСПЧ вывод мог бы быть противоположным.

Во-первых, согласно практике ЕСПЧ дискриминацией считается и одинаковое правовое регулирование правового положения разных лиц, чей правовой статус, обстоятельства, в которых они находятся, значительно отличаются от правового положения других лиц, без

---

1 См.: Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 503.

2 Решение Верховного Суда РФ от 5 марта 2003 г. по делу по заявлению Ф.К. Габидуллиной, Г.Ф. Юнусовой, Ф.М. Кабировой, Г.Ш. Муратовой, Г.Г. Гамировой, Р.Г. Латыповой, М.З. Камаловой, Г.Г. Шафигуллиной, Г.А. Хайруллиной, Г.М. Хатбиллиной об оспаривании пункта 14.3 Инструкции о порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 сентября 1997 г. № 605, в части слов «без головного убора» (в части, исключающей право граждан, религиозные убеждения которых не позволяют показываться перед посторонними лицами без головных уборов, представлять для получения паспорта гражданина Российской Федерации личные фотографии с изображением лица строго в анфас). Дело № ГКПИ 03-76. Документ доступен на сайте ОО «Сутяжник»: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/sup_court/5_03_2003_platki.html>. Решение отменено определением кассационной инстанции от 15 мая 2003 г.

объективных и обоснованных на то причин[1]. В таком случае можно говорить о нарушении ст. 14 Конвенции.

Во-вторых, ограничение права на свободу совести и религии вполне допустимо на основании обстоятельств и в порядке, закрепленных в п. 2 ст. 9 Конвенции. Данные ограничения возможны только в соответствии с законом, должны быть необходимы в демократическом обществе и должны осуществляться в определенных интересах. Другими словами, чтобы определить, имелось ли незаконное ограничение права на свободу совести и религии, суд должен осуществить так называемый тройной тест, первой составляющей которого является соблюдение правила об ограничении права только в соответствии с законом. В данном случае также необходимо определиться с автономным значением слова «закон», существующим в практике ЕСПЧ. Законом, в толковании последнего, считается любой исходящий от власти документ, включая нормативный акт по статусу ниже уровня акта парламента[2]. Согласно Конвенции таким нормативным актом, которым возможно ограничить право на свободу совести и религии, может быть и приказ Министерства внутренних дел. Поэтому в данном случае ч. 3 ст. 53 Конституции РФ предоставляет большую юридическую защиту, чем ст. 9 Конвенции, так как говорит о неконституционности ограничения прав подзаконным нормативным актом, в том числе приказом МВД.

Не вдаваясь в дальнейшее исследование двух оставшихся критериев: существующей необходимости ограничения в демократическом обществе и круга защищаемых интересов, — Верховный Суд РФ должен был вынести решение в пользу заявителей с учетом толкования ЕСПЧ понятия дискриминации на основании Конституции РФ[3].

---

1 См.: *Thlimmenos v. Greece* (Тлимменос против Греции), постановление ЕСПЧ от 6 апреля 2000 г. № 34369/97, ECHR 2000-IV, параграф 47.

2 См.: *Leyla Sahin v. Turkey* (Лейла Сахин против Турции), № 44774/98, постановление ЕСПЧ от 29 июня 2004 г., параграф 77.

3 Отметим, что в кассационной инстанции решение Верховного Суда РФ от 5 марта 2003 г. было отменено и вынесено новое решение о признании п. 14.3 приказа МВД незаконным на том основании, что приказ, не являясь законом, ограничивал право на свободу религии граждан в нарушение ч. 3 ст. 53 Конституции РФ. Также указывалось на дискриминационный характер оспоренного положения приказа. Несмотря на то что заявители и в кассационной инстанции ссылались на нарушение Конвенции, кассационная инстанция вообще умолчала о данном фак-

В другом деле Верховный Суд РФ применил ст. 14 Конвенции как самостоятельную статью. В деле по заявлению М.А. Колоткова о признании недействующими некоторых нормативных актов Правительства РФ[1], касающихся возмещения государственным служащим расходов, связанных с переездом, Верховный Суд РФ применил в пользу правительства ст. 14 Конвенции, указав, что из обстоятельств дела следует, что не имелось какой-либо дискриминации по признаку места работы. Не касаясь по существу вопроса фактического наличия или отсутствия дискриминации в анализируемом деле, отметим, что вообще сам факт применения Верховным Судом РФ ст. 14 как самостоятельной статьи не в связи с нарушением какого-либо права, закрепленного в одной из статьей раздела II Конвенции, является следствием необращения Верховного Суда РФ как к практике ЕСПЧ, так и вообще к тексту ст. 14 Конвенции. Статья 14 «запрещает дискриминацию, но не как таковую, а только в контексте нарушения прав и свобод, закрепленных в Конвенции»[2]. Данная статья применима в следующих случаях:

1) если имелось нарушение какого-либо конкретного права, защищаемого Конвенцией;

те и не дала анализа аргументов, основанных на Конвенции. См.: Определение Верховного Суда РФ от 15 мая 2003 г. о признании недействующим и не подлежащим применению со дня вынесения настоящего решения пункта 14.3 Инструкции о порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина РФ, утвержденной приказом МВД России от 15 сентября 1997 г. № 605 // Бюллетень ВС РФ. 2004. № 2.

[1] См.: Решение Верховного Суда РФ от 13 марта 2003 г. по гражданскому делу № ГКПИ03-97 по заявлению Колоткова Михаила Анатольевича о признании недействующими п. 1 Постановления Правительства РФ от 10 июля 1999 г. № 788 «О порядке исчисления и выплаты денежного содержания федеральных государственных служащих, замещающих государственные должности федеральной государственной службы в представительствах Российской Федерации и представительствах федеральных органов исполнительной власти за рубежом, в дипломатических представительствах и консульских учреждениях Российской Федерации» и абз. 11 п. 3, пп. «в» п. 4, пп. «б» и «д» п. 5 «Правил предоставления гарантий и компенсаций работникам, направляемым на работу в представительства Российской Федерации за границей», утв. Постановлением Правительства РФ от 20 декабря 2002 г. № 911 (Дело № ГКПИ 03-97). <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/sup_court/13_03_2003_art14.html>.

[2] *Ovey C. and White R.* Jacobs and White, the European Convention on Human Rights. P. 348.

2) если хоть и не имелось нарушения какого-либо конкретного права, но может быть нарушение ст. 14 Конвенции, рассматриваемой с учетом какого-либо конкретного права, закрепленного в разделе I Конвенции (ситуация, когда право, о нарушении которого заявители обратились в суд, находится под защитой Конвенции, но в деле установлено, что оно не нарушается государством, но тем не менее имеются основания считать наличие дискриминации этого права)[1].

В деле М.А. Колоткова Верховный Суд РФ применил ст. 14 Конвенции при рассмотрении вопроса о нарушении права, не защищаемого Конвенцией.

Таким образом, Верховный Суд РФ не только применяет Конвенцию в очень редких случаях и без обращения к толкованию Конвенции в практике ЕСПЧ, Верховный Суд РФ также применяет Конвенцию при обстоятельствах, когда ее применение невозможно, а также отказывается применять Конвенцию, когда это необходимо. Из приведенного анализа судебной практики видно, что используемый Верховным Судом РФ метод применения Конвенции неправильный и, более того, противоречит постановлениям Пленума Верховного Суда РФ. Применение юридически обязательной Конвенции как таковой, без обращения к практике ЕСПЧ, неизбежно ведет к ошибочному толкованию и неправильному применению и сводит на нет все попытки Верховного Суда РФ по применению Конвенции.

Необходимо отметить, что все вышеописанные случаи неправильного применения Конвенции явились следствием необращения Верховного Суда РФ к практике ЕСПЧ.

6.3.2. Практика Верховного Суда РФ после Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2003 г.

Ситуация с применением Конвенции в практике Верховного Суда РФ значительно не изменилась после 10 октября 2003 г., даты

---

[1] См.: *Ovey C. and White R.* Jacobs and White, the European Convention on Human Right. P. 348–349; См. также: Grandrath v. Federal Republic of Germany (Грандрас против Федеративной Республики Германии), № 2299/64, решение Комитета министров от 29 июня 1967 г., (1967) 10 Yearbook 629.

принятия ППВС 2003 г. Как и при исследовании первого периода, используя полученные с сайта Верховного Суда РФ[1] данные, была проанализирована практика Верховного Суда РФ суда первой, кассационной и надзорной инстанции по гражданским делам. Было исследовано 3723 постановления с 1 августа 2004 г. по 1 января 2008 г.

Можно выделить несколько характерных особенностей, которые характеризуют практику Верховного Суда РФ по применению Конвенции после принятия ППВС 2003 г.

1. Как и до ППВС 2003 г., Верховный Суд РФ обращался к Конвенции редко. Из общего количества постановлений Верховного Суда РФ, доступных на веб-сайте, только в 32 постановлениях есть ссылка на Конвенцию. Действительно, Верховный Суд РФ не мог во всех 3723 делах применить Конвенцию по причине того, что большое количество рассматриваемых Верховным Судом РФ дел напрямую не касается вопросов, регулируемых Конвенцией. Но исследуя вопрос достаточности количества случаев применения Конвенции, мы должны иметь ввиду подсудность дел Верховному Суду РФ. Как суд первой инстанции, Верховный Суд РФ действует подобно Конституционному Суду РФ, выполняющему функцию судебного контроля за актами правительства. В соответствии со ст. 27 ГПК РФ рассматривает заявления от физических и юридических лиц о признании незаконными действий (бездействия) и решений органов государственной власти, например, Президента РФ, палаты Федерального Собрания, министерства и ведомства, в связи с предполагаемым нарушением прав, свобод и законных интересов граждан и организаций. Верховный Суд РФ также рассматривает дела о ликвидации партий и всероссийских и международных общественных организаций. Верховный Суд РФ как суд кассационной инстанции в том числе рассматривает кассационные жалобы на решения судов субъектов Федерации по делам об оспаривании действий (бездействия) и решений органов государственной власти субъектов федерации (ст. 26 ГПК РФ). В делах, сторонами которых являются физические и юридические лица с одной стороны и государственные органы с другой стороны, Конвенция скорее всего будет применима. Верховный Суд РФ, как суд кассационной инстанции и как суд надзорной инстанции, рассматривает постановления нижестоящих судов с точки

---

[1] См.: <http://www.supcourt.ru>.

зрения соблюдаются ли гарантии справедливости судебного разбирательства (были ли нарушения норм процессуального права). Имея ввиду вышесказанное, 32 случая применения Конвенции в 3723 постановлениях Верховного Суда РФ не говорит о существовании значительной практики применения Конвенции Верховным Судом РФ. Оценка существующей ситуации с применением Конвенции должна быть еще более строгой, если принять во внимание способ применения Верховным Судов РФ практики ЕСПЧ в тех 32 случаях применения Конвенции, о чем речь пойдет ниже.

2. Можно сказать, что была применена Конвенция, только в том случае, если суд для интерпретации Конвенции обратился к практике ЕСПЧ. Чтобы выяснить, была ли Конвенция применена правильно, необходимо проанализировать те 32 случая упоминания в судебных решениях Конвенции с точки зрения обращения Верховного Суда РФ к постановлениям ЕСПЧ для выяснения смысла положений Конвенции. В отличии от предыдущего периода, после ППВС 2003 г. Верховный Суд РФ начал применять практику ЕСПЧ. Однако это происходило слишком редко и с ошибками. Верховный Суд РФ обратился к практике ЕСПЧ только в шести из 32 постановлений, в которых упоминалась Конвенция. Шесть случаев по сравнению с отсутствием такой практики в период до ППВС 2003 г., безусловно, является положительным развитием ситуации. Но это должно быть только началом. Необходимо срочно улучшить качество и повысить количество случаев применения практики ЕСПЧ. В целом можно сказать, что, как и до ППВС 2003 г., Верховный Суд РФ не применяет практику ЕСПЧ в значительном объеме, чтобы повлиять на ситуацию с применениям Конвенции нижестоящими судами.

Заключение об отсутствии учета Верховным Судом РФ практики ЕСПЧ не является формальным замечанием. Выводы Верховного Суда РФ по некоторым делам могли быть иными, если бы толкование Конвенции, содержащееся в практике ЕСПЧ, было принято во внимание. Например, в деле № ГКПИ06-1415 от 27 февраля 2007 г. заявитель В. обжаловал абз. 11 п. 15 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений[1]. Заявитель указывал, что «оспариваемые положения нормативного правового акта противоречат нор-

---

[1] Внутренние правила утверждены приказом Министерства юстиции РФ от 3 ноября 2005 г. № 205.

мам Уголовно-исполнительного кодекса РФ и нарушают его права на охрану здоровья и защиту от жестокого обращения», так как оно не позволяет заключенным без разрешения администрации находиться на спальных местах в не отведенное для сна время. Верховный Суд РФ постановил, что «оспариваемые положения нормативного правового акта, содержащие запрет осужденным без разрешения администрации находиться на спальных местах в не отведенное для сна время, не могут рассматриваться как пытка, бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, поскольку не имеют целью причинение осужденному физических или душевных страданий, не нарушают право осужденного на отдых».

Из практики ЕСПЧ следует, что цель незаконного обращения с человеком может иметь юридическое значение для установления возможного нарушения ст. 3 Конвенции. Например, в деле Калашников против России отмечается:

> Решая вопрос, было ли обращение унижающим в смысле ст. 3, Суд будет рассматривать, было ли целью такого обращения унизить и оскорбить человека и, что касается последствий, повлияли ли они на его личность не сопоставимым со ст. 3 способом[1].

Тем не менее в том же параграфе ЕСПЧ пишет, что «однако, отсутствие таких целей не может приводить к безусловному выводу об отсутствии нарушения статьи 3»[2]. В частности, в деле Калашникова ЕСПЧ отметил: несмотря на то что в данном деле не было прямого умысла на унижающее и бесчеловечное обращение с заявителем, условия содержания под стражей, где заявитель провел примерно 4 года и 10 месяцев, должны были привести к значительным нравственным страданиям, унижающим его достоинство и чувство беспомощности и унижения[3]. Степень отношения (пытки, жестокое или унижающее обращение) к человеку определяется исходя из уровня интенсивности такого обращения или наказания, не из намерений тех, кто применяет незаконное обращение.

---

1 *Kalashnikov v. Russia.* Параграф 95. Перевод данного постановления, как и многих других постановлений по делам против России, доступен на сайте ОО «Сутяжник»: <http://sutyajnik.ru/rus/echr/school/judg_v_russia.html>.

2 Там же.

3 См.: Там же. Параграф 101.

Таким образом, чтобы Верховному Суду РФ придти к выводу о нарушении ст. 3 Конвенции, судьям необходимо провести анализ на основании критериев, разработанных ЕСПЧ. Верховный Суд РФ должен был рассмотреть, можно ли считать запрет заявителю без разрешения администрации находиться на спальных местах в не отведенное для сна время условиями, которые не соответствуют уважению человеческого достоинства, подвергают его страданиям или лишениям, превышающим неизбежный уровень страданий, связанный с заключением под стражу, и, принимая во внимание требования заключения под стражу, можно ли считать, что его здоровье и благополучие должным образом защищены. Состояние здоровья заявителя должно было быть принято во внимание, так же как и условия камеры, где содержится заявитель, такие как наличие стула, на котором он мог бы сидеть (не только железная кровать, в которой на время бодрствования постельное белье и матрац убираются). В соответствии с практикой ЕСПЧ для разрешения правового вопроса имеют значение условия содержания под стражей, цели бесчеловечного или унижающего достоинство обращения, причиненного условиями под стражей, второстепенны.

В аналогичном деле, рассмотренном Верховным Судом РФ, заявитель А. обжаловал п. 159 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений[1]. Пункт 159 закрепляет, что постельные принадлежности осужденным, водворенным в штрафные изоляторы, переведенным в помещения камерного типа, ЕПКТ (единые помещения камерного типа), одиночные камеры, выдаются только на период сна. Заявитель настаивал, что данной нормой он был принужден сидеть на металлической кровати в течение дня, потому что в камере не было другой мебели, кроме металлической кровати. Верховный Суд РФ отклонил аргумент заявителя:

Утверждения заявителя о необходимости в дневное время сидеть на железных кроватях являются необоснованными. Действующими нормативными актами предусмотрено оборудование ЕПКТ скамейками для сиденья.

---

[1] См.: Приказ Министерства юстиции РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.

Верховный Суд РФ даже не проверил, в действительности применялось ли процитированное им правило на практике — была ли такая скамейка установлена в камере заявителя[1]. Верховный Суд РФ не только не обратился к практике ЕСПЧ, но и при обосновании отказа в заявлении сослался на статью Конвенции, на которую заявитель не ссылался и которая к делу неприменима. Несмотря на то что заявитель сослался, что «оспариваемые положения нормативного правового акта противоречат федеральному законодательству, нормам международного права и нарушают его права на здоровье, свободу от пыток и дурного обращения», по неизвестным причинам Верховный Суд РФ пришел к выводу, что в данном деле не было нарушения ст. 6 Конвенции («Право на справедливое судебное разбирательство»).

3. Анализ Верховным Судом РФ практики ЕСПЧ не всегда отвечает требованиям аргументированности. В следующем деле Верховный Суд РФ не сослался на конкретные постановления ЕСПЧ, хотя очевидно, что Верховный Суд РФ заимствовал примененные им в деле принципы из практики ЕСПЧ. Что еще более важно, Верховный Суд РФ применил выработанные в практике ЕСПЧ принципы к фактам, которые не охватываются Конвенцией и практикой ЕСПЧ.

В 2001 г. З. была назначена пенсия. В 2005 г. при проверке пенсионного дела работниками Управления Пенсионного фонда РФ в г. Рязани (далее — Управление) сумма пособия по беременности и родам была исключена из расчета, что привело к уменьшению страховой части пенсии. Управление произвело соответствующий перерасчет пенсии. З. обратилась в суд с иском к Управлению. По мнению З., действия Управления Пенсионного фонда РФ в г. Рязани о перерасчете пенсии, получаемой бессрочно с 4 сентября 2001 г., и ее снижении с 1 сентября 2005 г. являются незаконными, в связи с чем просила удовлетворить заявленные требования: пересчитать пенсию и возвратить недополученную пенсию. Нижестоящие суды отказали в удовлетворения иска на том основании, что пересчет пенсии был произведен на основании законодательства. Судебная коллегия Верховного Суда РФ нашла, что приведенные выводы суда

---

[1] Решение Верховного Суда РФ от 3 октября 2007 г. № ГКПИ07-1079 по гражданскому делу по заявлению А. о признании недействующим пункта 159 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 3 ноября 2005 г. № 205 // <http://www.sutyajnik.ru/documents/2318.html>.

первой, второй и надзорной инстанций основаны на нормах материального права, но решения инстанций отменила, установив нарушение права, закрепленного в п. 1 ст. 6 Конвенции, — право на справедливый суд, в частности в связи с нарушением принципа «правовой определенности»[1].

В соответствии с принципом правовой определенности окончательное решение суда не должно подвергаться сомнению[2]. ЕСПЧ выработал этот принцип только относительно применения его к «процессуальным» вопросам при отправлении правосудия в целях установления стабильности судебного решения. В деле З. Верховный Суд РФ применил данный принцип к материальным вопросам. В деле отсутствовало какое-либо решение суда, которое бы определяло размер пенсии З. По вопросу перерасчета размера пенсии было лишь решение Управления. По существу, Верховный Суд РФ сказал, что если при расчете пенсии административным органом была допущена ошибка, размер пенсии должен оставаться неизменным, в противном случае будет иметь место нарушение права на справедливое судебное разбирательство. Однако не может идти речи о нарушении гарантии на справедливое судебное разбирательство, потому что суд не был вовлечен в перерасчет размера пенсии. Судебного процесса по вопросу первоначального изменения размера пенсии не было.

Таким образом, Верховный Суд РФ неправильно применил правовой принцип ЕСПЧ. Нельзя назвать положительным моментом тот факт, что государственные органы не могут исправить свои ошибки.

4. Типичные черты применения Конвенции в 26 делах, в которых Верховный Суд РФ не обратился к практике ЕСПЧ, следующие:

---

1 Определение Верховного Суда РФ от 2 ноября 2007 г. № 6-В07-28 по гражданскому делу по иску З. к государственному учреждению — Управлению Пенсионного фонда РФ в г. Рязани о перерасчете назначенной пенсии и взыскании задолженности по надзорной жалобе З. на решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 16 мая 2006 г., которым в удовлетворении иска отказано, определение судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 12 июля 2006 г. и постановление президиума Рязанского областного суда от 24 апреля 2007 г., оставившие решение суда без изменения. См.: <http://sutyajnik.ru/documents/2898.html>.

2 *Ryabykh v. Russia* (Рябых против России). Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г., *Reports of Judgments and Decisions 2003-IX*. Параграф 51. См.: <http://sutyajnik.ru/rus/echr/school/judg_v_russia.html>.

4.1. Верховный Суд РФ упоминает аргументы заявителей, основанные на Конвенции, без указания конкретных постановлений ЕСПЧ, на которые ссылались заявители в своих исках, жалобах и обоснованиях. Возьмем, например, Решение Верховного Суда РФ от 7 апреля 2006 г. № ГКПИ06-367 по гражданскому делу по заявлению Ш. о признании недействующим пункта 5.1 Типовых правил внутреннего распорядка судов, утвержденных Постановлением Совета судей Российской Федерации от 18 апреля 2003 г. № 101. Как отметила А.Ю. Котова[1], представитель Ш., кроме непосредственно заявления судье Верховного Суда РФ (дело рассматривалось судьей единолично) было предоставлено письменное обоснование. Оба документа содержали в себе ссылки на постановления ЕСПЧ. В решении Верховного Суда РФ был отражен факт ссылки заявителя на Конвенцию и постановления ЕСПЧ, но конкретные постановления ЕСПЧ не были указаны, проанализированы не были.

4.2. Зачастую Верховный Суд РФ только кратко указывает аргументы сторон, основанные на Конвенции, но не дает им существенной оценки[2], или эти аргументы полностью игнорируются[3].

---

1 А.Ю. Котова, представитель заявителя Ш. Интервью провел А.Л. Бурков 7 апреля 2006 г. Решение Верховного Суда РФ от 7 апреля 2006 г. № ГКПИ06-367 по гражданскому делу по заявлению Ш. о признании недействующим пункта 5.1 Типовых правил внутреннего распорядка судов, утвержденных Постановлением Совета судей Российской Федерации от 18 апреля 2003 г. № 101 // <http://sutyajnik.ru/documents/2899.html>.

2 См.: Решение Верховного Суда РФ от 7 апреля 2006 г. № ГКПИ06-367 по гражданскому делу по заявлению Ш. о признании недействующим пункта 5.1 Типовых правил внутреннего распорядка судов, утвержденных Постановлением Совета судей Российской Федерации от 18 апреля 2003 г. No 101 // <http://sutyajnik.ru/documents/2899.html>.

3 См.: Определение Верховного Суда РФ от 16 августа 2005 г. по делу № 4-Г05-23 по кассационной жалобе представителя межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия» Вариводы В.В. на решение Московского областного суда от 29 июня 2005 г., которым ликвидирована межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия» с исключением из Единого государственного реестра юридических лиц // <http://sutyajnik.ru/documents/2900.html>.

4.3. Верховный Суд РФ может проигнорировать основанные на Конвенции аргументы, если они противоречат выводам суда. Так, Верховный Суд РФ применяет принцип правовой определенности при рассмотрении одной надзорной жалобы, но отказывает в применении этого же принципа при рассмотрении другого, аналогичного дела. Например, при рассмотрении надзорной жалобы по делу по иску Н. к Государственному учреждению — Главному управлению Пенсионного фонда РФ № 5 по г. Москве и Московской области о перерасчете назначенной трудовой пенсии, не дав каких-либо объяснений своему заключению, Верховный Суд РФ постановил, что при рассмотрении дела в надзорном порядке не было нарушения принципа правовой определенности, обосновав свой вывод лишь тем, что необходимо исправить судебную ошибку[1]. Но в деле по иску Ф., Ф.В. к Министерству финансов РФ, Управлению Федерального казначейства РФ по Липецкой области о взыскании долга и возмещении ущерба Верховный Суд РФ отказал стороне в рассмотрении дела в надзорном порядке для исправления ошибки в судебном решении. Суд обосновал свой отказ ссылкой на Конвенцию и практику ЕСПЧ, указав, что пересмотр решения суда после вступления его в силу нарушает принцип правовой определенности[2].

---

[1] Определение Верховного Суда РФ от 2 марта 2007 г. по делу № 4-В07-1 по иску Н. к Государственному учреждению — Главному управлению Пенсионного фонда РФ № 5 по г. Москве и Московской области о перерасчете назначенной трудовой пенсии по надзорной жалобе Государственного учреждения — Главного управления Пенсионного фонда РФ № 5 по г. Москве и Московской области на решение Химкинского городского суда Московской области от 28 декабря 2004 г., которым исковые требования удовлетворены, определение судебной коллегии по гражданским делам Московского областного суда от 28 марта 2005 г. и постановление президиума Московского областного суда от 11 октября 2006 г., оставившими решение без изменения // <http://sutyajnik.ru/documents/2901.html>.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 31 октября 2006 г. по делу № 77-В06-18 по иску Ф., Ф.В. к Министерству финансов РФ, Управлению Федерального казначейства РФ по Липецкой области о взыскании долга и возмещении ущерба по надзорной жалобе Управления Федерального казначейства по Липецкой области на решение Советского районного суда г. Липецка от 16 апреля 2003 г., определение судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда от 27 сентября 2004 г. и постановление президиума Липецкого областного суда от

В некоторых делах, когда стороны поднимают вопрос применения Конвенции, Верховный Суд РФ использует конституционное положение п. 4 ст. 15 Конвенции («*Если* международным договором Российской Федерации установлены *иные* правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (выделено мной. — *А. Б.*)) для объяснения отказа в применении Конвенции. При этом не дается анализа различий между нормами национальными и международными. Верховный Суд РФ указывает, что в российском законодательстве имеются положения, аналогичные положениям Конвенции:

> Однако по данному делу необходимости применения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации не усматривается, поскольку правоотношения сторон надлежаще урегулированы нормами российского законодательства[1].

Верховный Суд РФ не поддержал данное заявление каким-либо сравнительным анализом положений российского законодательства и положений Конвенции в свете практики ЕСПЧ, несмотря на то, что на этом настаивал кассатор. Отказ провести юридический анализ, указать правовые основания отказа или удовлетворения аргументов стороны, основанных на Конвенции, является отказом Верховного Суда РФ следовать своему собственному ППВС 2003 г., в соответствии с п. 9 которого

> при осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что по смыслу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, ст. 369, 379, ч. 5 ст. 415 УПК РФ, ст. 330, 362–364 ГПК РФ неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм между-

---

15 декабря 2005 г., которыми заявленные исковые требования удовлетворены частично // <http://sutyajnik.ru/documents/2902.html>.

[1] Определение Верховного Суда РФ от 19 октября 2004 г. по делу № 45-Г04-35 по кассационной жалобе Свердловского областного регионального отделения политической партии «Российская партия труда» на решение Свердловского областного суда от 29 июля 2004 г. по иску Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области к Свердловскому областному региональному отделению политической партии «Российская партия труда» о приостановлении деятельности // <http://www.sutyajnik.ru/documents/1538.html>.

народного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права.

Каждый случай отказа применить определенную норму права должен быть мотивированным. В противном случае отказ применить закон без указания на то оснований может быть квалифицирован как нарушение гарантий справедливого судебного разбирательства:

если национальные суды отказываются рассматривать аргументы, основанные на Конвенции, которые к тому же были ясно и полно изложены перед ними, то это само по себе может стать нарушением Конвенции. В деле *Хиро Балани против Испании*[1] Европейский суд установил, что отказ высшей судебной инстанции рассмотреть в своем решении главное основание апелляции был нарушением прав на справедливое разбирательство по ст. 6 Конвенции[2].

Судья Верховного Суда РФ, рассматривая надзорную жалобу на решения нижестоящих инстанций по данному делу, отказал в применении Конвенции и практики ЕСПЧ по тем же основаниям[3], что и кассационная инстанция Верховного Суда РФ.

---

1 *Hiro Balani v. Spain* (Хиро Балани против Испании). Постановление ЕСПЧ от 9 декабря 1994 г., Series A. № 303-B.

2 См.: *Холинер Д.* Ведение дел в российских судах в расчете на разбирательство в Страсбурге // Обращение в Европейский суд по правам человека / под ред. Ф. Лича. М., 2006. С. 5; <http://sutyajnik.ru/rus/echr/school/books/EHRAC_training_manual.pdf>.

3 Определение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2005 г. об отказе в истребовании дела по надзорной жалобе Свердловского областного регионального отделения политической партии «Российская партия труда» на решение Свердловского областного суда от 29 июля 2004 г.; определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 октября 2004 г. в связи с неприменением норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод // <http://www.sutyajnik.ru/rus/cases/judgments/sup_court/minust_v_RPT_23_09_05_protest.htm>.

5. В соответствии с информацией, полученной с сайта Верховного Суда РФ, ППВС 2003 г. впервые было процитировано Верховным Судом РФ 31 октября 2006 г., т.е. спустя более трех лет после вступления в силу ППВС 2003 г. По состоянию на 2008 г. выявлено два случая применения Верховным Судом РФ ППВС 2003 г. Несмотря на то что только в нескольких постановлениях Верховного Суда РФ использовалось ППВС 2003 г., качество применения данного ППВС является очень высоким. Очень важно, что Верховный Суд РФ повторил вывод, сделанный Конституционным Судом РФ в отношении юридического статуса практики ЕСПЧ в российской правовой системе[1]. Основываясь на ППВС 2003 г., Верховный Суд РФ пришел к выводу, что практика ЕСПЧ является составной частью российской правовой системы и поэтому должна учитываться.

> В силу п. 10 названного Постановления (ППВС 2003 г. — *А. Б.*) Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод[2].

---

1 Пункт 2.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан». См. подроб.: *Бурков А.Л.* Конвенция о защите прав человека и основных свобод и практика Европейского суда по правам человека в российской правовой системе // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4(71).

2 Этот абзац идентично был приведен в двух постановлениях Верховного Суда РФ: Определении Верховного Суда РФ от 31 октября 2006 г. по делу

Несмотря на то что в этих постановлениях не проводится различий между постановлениями ЕСПЧ против России и против других Высоких Договаривающихся Стран с точки зрения их юридической силы, Верховный Суд РФ не применил ни одного постановления, кроме постановлений против России.

6. Можно выделить два разных уровня недостатков. С одной стороны, Верховный Суд РФ неправильно понимает Конвенцию и способ ее применения (описано выше). С другой стороны, Верховный Суд РФ не дает надлежащих ссылок на Конвенцию и практику ЕСПЧ. Применяя Конвенцию, Верховный Суд РФ допускает неточности, такие как: не указывает название постановления ЕСПЧ, из которого был заимствован примененный в деле правовой принцип; или даже в случае указания названия постановления ЕСПЧ, Верховный Суд РФ не указывает дату, конкретный параграф постановления ЕСПЧ; или даже путает институты «Европейского сообщества» с институтами Совета Европы:

Заявитель в жалобе ссылался на допущенные судом нарушения ряда норм Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако приводимые в связи с этим доводы нельзя признать обоснованными, так как они не нашли подтверждения в материалах дела. Принятое судом решение о ликвидации Центра «Диалектика» Республики Башкортостан согласуется с практикой принятия решений в подобных случаях в Европейском сообществе (см.: Eur. Comission. H.R. Application 3798/68 Church

---

№ 77-В06-18 по иску Ф., Ф.В. к Министерству финансов РФ, Управлению Федерального казначейства РФ по Липецкой области о взыскании долга и возмещении ущерба по надзорной жалобе Управления Федерального казначейства по Липецкой области на решение Советского районного суда г. Липецка от 16 апреля 2003 г., определение судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда от 27 сентября 2004 г. и постановление президиума Липецкого областного суда от 15 декабря 2005 г., которыми заявленные исковые требования удовлетворены частично; и Определении Верховного Суда РФ от 2 ноября 2007 г. № 6-В07-28 по гражданскому делу по иску З. к государственному учреждению — Управлению Пенсионного фонда РФ в г. Рязани о перерасчете назначенной пенсии и взыскании задолженности по надзорной жалобе З. на решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 16 мая 2006 г., которым в удовлетворении иска отказано, определение судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 12 июля 2006 г. и постановление президиума Рязанского областного суда от 24 апреля 2007 г., оставившие решение суда без изменения.

of X v. the United Kingdom, Decision of 17 December 1968 Yearbook. 1969. No XII. P. 306; Eur. Court. H.R. Belgian Linguistic Case, Judgment of 23 July 1968. Series A. № 6)[1].

Верховный Суд РФ не изменил свою практику применения Конвенции после ППВС 2003 г.

Такая практика Верховного Суда РФ не является хорошим примером для нижестоящих судов. Важно, чтобы Верховный Суд РФ во всех необходимых случаях рассматривал практику ЕСПЧ при вынесении решений, основанных на Конвенции. Лучшим примером применения Конвенции является практика самого ЕСПЧ, который, анализируя значение положений Конвенции, в каждом случае обращается к соответствующей практике (постановлениям) ЕСПЧ и делает это подробно.

Еще в 1999 г., анализируя Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»[2] с точки зрения применения норм международного права, профессор Г.М. Даниленко отметил, что Верховный Суд РФ следует методу «простого обращения к тексту международных конвенций»[3]. Практика Верховного Суда РФ значительно не изменилась с момента принятия ППВС 1995 г., несмотря на тот факт, что Пленум Верховного Суда РФ принял ППВС 2003 г. и другие постановления по вопросу применения Конвенции.

Несмотря на некоторые положительные изменения с применением Конвенции, такие как применение практики ЕСПЧ в нескольких делах, ситуация остается неудовлетворительной, какой она была до принятия ППВС 2003 г. Верховный Суд РФ продолжает применять Конвенцию редко и в большинстве случаев делает это без обращения к анализу практики ЕСПЧ. Очевидно, что если Верховный Суд РФ при рассмотрении аргументов сторон, основанных на Конвенции, обратился бы к практике ЕСПЧ, выводы в постановлениях в таких

---

1 Определение Верховного Суда РФ от 21 мая 2004 г. № 49-Г04-48 по заявлению Прокурора Республики Башкортостан о ликвидации общественной организации Центр «Диалектика» Республики Башкортостан // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 11.

2 См.: Приложение 11.

3 *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS State. P. 63.

случаях были бы отличными, привели бы к другого рода последствиям по соответствующим делам. Даже в тех случаях, когда Верховный Суд РФ обращается к Конвенции или даже к постановлениям ЕСПЧ, он делает ошибки в интерпретации и, как следствие, в применении этих документов. Верховный Суд РФ игнорирует (умалчивает) аргументы сторон, основанные на Конвенции, или не отвечает на данные аргументы, представленные сторонами. Также Верховный Суд РФ зачастую отрицает необходимость применения Конвенции, указывая, что российское законодательство исчерпывающе регулирует ситуацию, однако суд не проводит какого-либо сравнительного анализа для достижения данного вывода.

Сравнивая нормотворческую деятельность Пленума Верховного Суда РФ с рассмотрением дел по существу, очевиден существующий разрыв между постановлениями Пленума Верховного Суда РФ и практикой применения Конвенции по конкретным делам. Состояние практики Верховного Суда РФ по применению Конвенции необходимо признать неудовлетворительным, несмотря на то что многие ученые, не говоря уже о работниках судебной системы, не согласятся с этим мнением[1].

6.4. Районные и областные (конституционные) суды

В этом разделе проведен анализ опыта работы российских некоммерческих организаций (НКО) и адвокатов, которые оказывали юридическую помощь истцам. В список НКО входят: Фонд защиты гласности (Москва), Уральский центр конституционной и международной защиты прав человека общественной организации «Сутяжник» (Екатеринбург), Йошкар-Олинская городская общественная организация «Человек и Закон», региональная негосударственная правозащитная организация «Ассоциация жертв судебного произ-

---

[1] Например, Б.Л. Зимненко настаивал на том, что Верховный Суд РФ обладает хорошей практикой применения Конвенции. Б.Л. Зимненко, профессор Дипломатической Академии Министерства иностранных иел, член Научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ. Интервью провел А.Л. Бурков 28 февраля 2008 г.

вола» (Санкт-Петербург), межрегиональная общественная организация «Комитет против пыток» (Нижний Новгород), Фонд «Защиты матери», Центр Защиты Прав СМИ (Воронеж) и Общественная приемная в Воронежской области при Уполномоченном по правам человека в РФ. Практика районных и вышестоящих судов, рассмотренная через призму опыта указанных организаций и адвокатов, представляет интерес с точки зрения возможности увидеть взаимозависимость между основанными на Конвенции и практике ЕСПЧ аргументами сторон, настойчивости сторон и качеством применения Конвенции судами, а также развитие ситуации с применением Конвенции в судах.

В отличие от Верховного Суда РФ, нижестоящие суды обращаются к практике ЕСПЧ для установления возможного нарушения Конвенции. Тем не менее необходимо согласиться с выводом юристов Фонда защиты гласности (далее — Фонд)[1], основанным на анализе применения ст. 10 Конвенции («Свобода выражения мнения»), что довольно сложно на сегодняшний день в суде применить Конвенцию и, в частности, практику ЕСПЧ[2]. Тем не менее можно привести несколько хороших примеров, когда суд толковал положения Конвенции на основании практики ЕСПЧ. Исследованная судебная практика районных и областных судов позволяет сделать вывод о том, что регулярное использование сторонами процесса прецедентов ЕСПЧ при обосновании позиции по делу является ключевым моментом для изменения ситуации в области применения Конвенции судами.

Эксперты Фонда пришли к выводу, что в большинстве дел о защите права на свободу выражения мнения (дела о защите чести и достоинства, ответчиками по которым являются, как правило,

---

[1] Основная цель Фонда — содействие сохранению и развитию правового пространства, в котором работают отечественные печатные и электронные СМИ, а через них — содействие демократизации информационной среды, науки, политики, образования в современной России // <http://www.gdf.ru>.

[2] См.: *Быков В., Шишкин Д.* Статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека в гражданских процессах о защите доброго имени // Обращения в Европейский суд по правам человека: руководство для журналистов / под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М., 2004. С. 291. Материал доступен также на сайте Института проблем информационного права: <http://www.medialaw.ru/publications/books/book45/33.html>.

представители средств массовой информации) Конвенция предоставляет реальную защиту по делам, в которых применяются принципы, разработанные практикой ЕСПЧ, с целью установить баланс между правом на свободу выражения мнения и, например, защитой деловой репутации[1]. С другой стороны, неприменение разработанных ЕСПЧ принципов баланса конкурирующих прав (например, свободы религии и свободы слова) приводит к невыполнению Россией как Высокой Договаривающейся Стороной взятых на себя обязательств по обеспечению каждому находящемуся под ее юрисдикцией прав и свобод, определенных в разделе I Конвенции (см. ст. 1 Конвенции), а соответственно, и к появлению потенциального дела в ЕСПЧ.

Фонд организовал кампанию по стратегическому ведению дел с целью применения ст. 10 Конвенции во всех делах о защите чести, достоинства и деловой репутации, в которых принимали участие юристы Фонда. Было отмечено, что судебные процессы, где аргументы строились только на основании Конвенции, без применения постановлений ЕСПЧ, не завершались применением разработанных в международном праве фундаментальных принципов защиты права на свободу выражения мнения. Юристы Фонда тактику простого цитирования Конвенции в представляемых в суд обоснованиях изменили на представление по каждому делу исчерпывающих обоснований (письменных объяснений, ходатайств), содержащих в себе разъяснение относительно непосредственного применения Конвенции, а также прецедентного права ЕСПЧ. Цель данных представлений состояла в том, чтобы убедить суд, что Конвенция обладает статусом федерального закона и что попытки применить Конвенцию без учета прецедентного права ЕСПЧ ни к чему не приведут[2].

Отличительной чертой решений районных судов по делам с участием представителей Фонда является то, что районные суды применяли постановления ЕСПЧ. Обращения районных судов к прак-

---

1 См.: *Быков В.* Механизм действия статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в процессах о защите репутации в российских судах // Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006. С. 98. <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

2 См.: Там же.

тике ЕСПЧ были вызваны представлением сторонами процесса исчерпывающих обоснований. Например, в двух решениях районных судов — Ракитянского и Нижегородского[1] — можно обнаружить явное цитирование принципов свободы выражения мнения, разработанных ЕСПЧ в делах Хендисайд против Великобритании[2] и Лингенс против Австрии[3]. Однако районные суды ни в одном из дел не только не указали параграфы постановлений ЕСПЧ, но и вообще не сослались на конкретные судебные решения, положения которых они применили в своих решениях. В решении Ракитянского районного суда по делу по иску В.А. Водяниковой к редакции газеты «Наша жизнь» указано, что практика ЕСПЧ допускает использование в отдельных случаях оскорбительных или шокирующих выражений, а также отмечено, что «свобода журналиста включает обращение к некоторой дозе преувеличения и даже провокации...», со ссылкой на «т. 199983 I 92, report of 29 November 1995, paragraph 63». Каких-либо объяснений относительно природы и источника опубликования процитированного документа не последовало. Тем не менее рассуждение судьи районного суда напоминает положение одного из постановлений ЕСПЧ, а именно:

...Свобода выражения мнения является одним из важнейших основ демократического общества, одним из основных условий его прогресса и развития каждого человека. С учетом положений ч. 2 ст. 10 принципы свободы выражения мнения относятся не только к «информации» или «идеям», которые положительно воспринимаются или рассматриваются как неоскорбительные или

---

1 См.: Решение Ракитянского районного суда Белгородской области от 28 января 2002 г. по делу по иску В.А. Водяниковой к редакции межрайонной газеты «Наша жизнь» и корреспонденту Н.Н. Осенней о защите чести и достоинства и взыскании компенсации морального вреда. <http://sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/distr/vodyanikova_6_02_2002.html>; Решение Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода от 20 декабря 2002 г. по делу по иску А.В. Санникова к редакции газеты «Весело живем», ЗАО РИА «Лоцман» и автору публикации о защите чести, достоинства, деловой репутации, компенсации морального вреда // <http://sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/distr/sannikov_20_12_2002.html>.

2 См.: *Handyside v. UK* (Хэндисайд против Соединенного Королевства), Постановление ЕСПЧ от 7 декабря 1976 г.

3 См.: *Lingens v. Austria* (Лингенс против Австрии), Постановление ЕСПЧ от 8 июля 1986 г.

являются нейтральными, но и к «информации» и «идеям», которые оскорбляют, шокируют или тревожат государство или какую-либо часть населения[1].

В деле Санникова против редакции газеты «Весело живем» и др. Нижегородский районный суд привел в своем решении параграф 41 из постановления ЕСПЧ Лингенс против Австрии[2]. При этом какой-либо ссылки на постановление ЕСПЧ дано не было.

Можно отметить положительный момент в судебной практике районных судов в части применения постановлений ЕСПЧ. В.В. Быков так прокомментировал эти позитивные изменения:

Сегодня ситуация иная. Уже нет явной необходимости представления обоснования внутригосударственного статуса Конвенции. Судьи сами читают лекции и имеют представление о Конвенции. Поэтому я просто цитирую защищаемое Конвенцией право и обращаюсь к соответствующему положению прецедентного права, не уделяя особого внимания вопросу внутригосударственного статуса Конвенции. Тем не менее, если у судьи есть «намерение» вынести решение против ответчика, судья сознательно не обращает внимания на приводимые в судебном заседании аргументы, основанные на положениях прецедентного права Европейского суда и применяет исключительные ограничения права на свободу выражения мнения, закрепленные в ч. 2 ст. 10 Конвенции. Тот факт, что действительное значение исключений ч. 2 ст. 10 Конвенции может быть выявлено только при обращении к прецедентному праву Европейского суда и что недопустимо применение Конвенции без учета судебной практики ее применения, не смущает судей, и они продолжают применять Конвенцию как таковую[3].

Как отмечает Г.Ю. Арапова, «сегодня статья 10 Конвенции является наиболее часто и правильно цитируемой судьями статьей

---

1 *Handyside v. UK*. Параграф 49.

2 См.: *Lingens v. Austria*. Параграф 41.

3 В.В. Быков, юрист Фонда защиты гласности. Интервью провел А.Л. Бурков 20 августа 2004 г.

Конвенции»[1]. Судьи разных регионов Российской Федерации не просто обращаются к тексту Конвенции, но также используют постановления ЕСПЧ, как правило, постановления Хендисайд против Великобритании и Лингенс против Австрии. После 2005 г. районные суды начали применять первое российское дело, рассмотренное ЕСПЧ по статье 10, — дело Гринберг против России[2].

Аналогичную, но не совсем оптимистичную ситуацию с применением Конвенции можно обнаружить при анализе практики Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека общественного объединения «Сутяжник»[3]. ОО «Сутяжник» не ставил перед собой цель направить в ЕСПЧ как можно больше обращений. С самого начала его существования главной задачей ОО «Сутяжник» было применение Конвенции в каждом деле, рассматриваемом при участии юристов ОО «Сутяжник» в российских судах, с тем чтобы избежать обращения в ЕСПЧ в связи с невыполнением Российской Федерацией взятых на себя обязательств по обеспечению каждому находящемуся под ее юрисдикцией прав и свобод, определенных в разделе I Конвенции (ст. 1 Конвенции).

В соответствии с внутренними правилами ОО «Сутяжник» юристы обязаны по каждому делу, где это возможно, ходатайствовать перед судом о применении положений Конвенции и постановлений ЕСПЧ, в частности путем представления суду обоснований, в которых содержатся исчерпывающие объяснения относительно статуса Конвенции и практики ЕСПЧ в правовой системе России, обязанности судьи по применению Конвенции и положений практики ЕСПЧ, а также разъяснения действительного смысла того положения Кон-

---

1 Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью провел А.Л. Бурков 29 января 2008 г.

2 См.: *Grinberg v. Russia* (Гринберг против России), Постановление ЕСПЧ от 21 июля 2005 г.

3 Уральский центр конституционной и международной защиты прав человека был основан в 2000 г. в результате совместного проекта общественного объединения «Сутяжник» и Международного центра юридической защиты прав человека «Интерайтс» (Лондон) «Обучение юристов применению Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод». <http://sutyajnik.ru/rus/echr>. С момента основания, кроме ведения стратегических дел, юристы организации регулярно по вопросу применения Конвенции публикуют статьи в юридических журналах и серию книг «Международная защита прав человека». См.: <http://www.sutyajnik.ru/news/2006/06/497.html>.

венции, о применении которого ходатайствует сторона процесса. ОО «Сутяжник» осуществляет данную практику с 2000 г., что привело к следующим результатам.

В целом не было зарегистрировано ни одного случая применения Конвенции, не говоря уже о практике ЕСПЧ, по инициативе суда. Со стороны судей отмечалось стойкое нежелание применять Конвенцию. Как правило, Конвенция применялась теми судьями, которые регулярно сталкивались с необходимостью оценки аргументов сторон, основанных на положениях Конвенции. При первом столкновении с необходимостью применения Конвенции судьи старались избежать упоминания ее в судебных решениях даже в тех случаях, когда положения Конвенции и практики ЕСПЧ поддерживали решение в пользу заявителя. Судьи старались вынести решение по делу на основании только российского законодательства. В лучшем случае судьи упоминали статью Конвенции без обращения к анализу постановлений ЕСПЧ, представленного стороной процесса.

Тем не менее с течением времени те судьи, которые регулярно сталкивались с ситуацией необходимости оценки аргументов сторон, основанных на Конвенции, начинали применять Конвенцию, обращаясь, что наиболее важно, к постановлениям ЕСПЧ. Имеются примеры, когда судьи применяли принципы, выраженные в практике ЕСПЧ, с указанием названий постановлений ЕСПЧ. В тех случаях, когда заявитель по делу ссылается только на статью Конвенции, решение суда ограничивается упоминанием Конвенции в целом или ее статьи, обращение к постановлениям ЕСПЧ отсутствовало[1].

---

[1] См. решение Нижнесалдинского городского суда Свердловской области от 25 апреля 2001 г. по жалобе Н.А. Топиро на действия Министерства юстиции РФ и профсоюзного комитета ОАО «Салдинский металлургический завод» и положения Устава горно-металлургического профсоюза России, согласно которому «члены профсоюза... не могут быть на учете в других профсоюзах» (документ доступен на сайте ОО «Сутяжник»: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/distr/topiro_25_04_2001.htm>), а также определение Свердловского областного суда от 12 июля 2001 г. об отмене решения Нижнесалдинского городского суда Свердловской области от 25 апреля 2001 г. по жалобе Н.А. Топиро на действия Министерства юстиции РФ и профсоюзного комитета ОАО «Салдинский металлургический завод» и положения Устава горно-металлургического профсоюза России (документ доступен на сайте ОО «Сутяжник»: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/obl/topiro_obl_12_07_01.htm>). Городской и областной

Одним из первых дел, в котором юрист ОО «Сутяжник» обратился в суд с ходатайством о применении Конвенции, является дело по жалобе П.Ю. Скакунова на действия Областной Думы Законодательного Собрания Свердловской области в части признания недействующим и не подлежащим применению пп. 12 п. 2 ст. 3 Областного закона от 27 ноября 1998 г. № 40-ОЗ «О налоге с продаж»[1], рассмотренное Свердловским областным судом. Заявитель жаловался в том числе на нарушение его права собственности (п. 1 ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции) и на нарушение его права пользоваться правом собственности без какой бы то ни было дискриминации на том основании, что он является студентом частного вуза (ст. 14 Конвенции). Заявитель в отличие от студентов государственных вузов обязан был платить пятипроцентный налог с продаж с суммы стоимости обучения. Позиция заявителя основывалась на практике ЕСПЧ. В 2000 г. переводы постановлений ЕСПЧ еще не были широко доступны ни в публикациях, ни в Интернете[2]. В связи с возражениями со стороны ответчика относительно отсутствия перевода соответствующих постановлений ЕСПЧ заявитель в дополнение к письменному обоснованию представил суду переводы постановлений, осуществленные собственными силами.

Не вдаваясь в детали дела, отметим, что Свердловский областной суд в составе одного судьи вынес решение в пользу Областной Думы, не ссылаясь на постановления ЕСПЧ. Суд ограничился лишь ссылкой на ст. 1 Протокола № 1 Конвенции:

> Доводы жалобы заявителя о противоречии оспариваемой нормы Областного закона нормам Конвенции о защите прав человека и основных свобод, поскольку положение закона носит *дис-*

суды в приведенных постановлениях со ссылкой на статью 11 Конвенции пришли к противоположным выводам.

1 См.: Решение Свердловского областного суда от 16 ноября 2000 г. по делу по жалобе П.Ю. Скакунова на действия Областной Думы Законодательного Собрания Свердловской области в части признания недействующим и не подлежащим применению подпункта 12 пункта 2 статьи 3 Областного закона от 27 ноября 1998 г. № 40-ОЗ «О налоге с продаж» // <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/obl/skakunov_16_11_2000.html>.

2 Один из первых сборников судебной практики Европейского суда был издан в 2000 г. См.: *Европейский* суд по правам человека: Избр. решения: в 2 т. / пред. ред. кол., д-р юрид. наук, проф. В.А. Туманова. М., 2000.

криминационный характер по отношению к частым учебным заведениям[1], суд находит несостоятельными и во внимание не принимает.

В соответствии со ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, ратифицированного Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему предоставляются необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов.

Далее суд указал, что в соответствии с национальным законодательством именно образовательное учреждение, а не заявитель как физическое лицо, является субъектом налога с продаж. По этой причине права заявителя не нарушены, он не вправе обращаться в суд за их защитой, заявитель может обратиться в суд только против университета, который включил дополнительные пять процентов налога с продаж в счет оплаты за обучение, который заявитель обязан оплатить.

Позднее дело по заявлению С.И. Беляева о признании противоречащим федеральному законодательству и недействующим п. «п» ст. 7 Областного закона от 8 июня 1995 г. № 17-ОЗ «Об основах жилищной политики в Свердловской области»[2], схожее с делом по жа-

---

1 Заявитель в жалобе указывал, что положения закона дискриминируют его как студента частного университета (выделено мной. — *А. Б.*)

2 См.: Решение Свердловского областного суда от 22 июня 2004 г. по делу по заявлению С.И. Беляева о признании противоречащим федеральному законодательству и недействующим п. «п» ст. 7 Областного закона от 8 июня 1995 г. № 17-ОЗ «Об основах жилищной политики в Свердловской области» // <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/obl/beliaev_v_obl_duma_22_06_2004.html>.

лобе П.Ю. Скакунова на действия Областной Думы в части применения ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции и разрешенное тем же судьей Свердловского областного суда, значительно отличается от предыдущего. В деле Беляева о признании незаконным областного закона истец утверждал, что положение областного закона нарушало его право собственности в части распоряжения имуществом, в частности право решать вопрос о статусе принадлежащего ему жилого помещения (о переводе жилого помещения из статуса жилого в статус нежилого). Его позиция по делу основывалась в том числе на положениях п. 1 ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции и некоторых постановлениях ЕСПЧ, которые содержали толкование положений Конвенции[1]. В отличие от дела Скакунова, в решении по данному делу суд отразил позицию ЕСПЧ относительно толкования ст. 1 Протокола № 1, обратившись к параграфам 63 и 64 постановления по делу *Маркс против Бельгии*[2]. Вынося решение против заявителя, судья принял свое решение на основании толкования ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции, отличного от толкования, представленного заявителем. Для этого судья обратился к прецедентному праву ЕСПЧ. Более того, ответчик по делу, а также соответчик, представитель губернатора Свердловской области, подписавшего оспоренный областной закон, обосновывали свои позиции по делу также на положениях практики ЕСПЧ. Наиболее интересный момент состоит в том, что кассационная жалоба заявителя, а также возражения ответчика и соответчика против кассационной жалобы почти полностью были основаны на практике ЕСПЧ.

В требованиях заявителя по делу Беляева также было отказано. Но несмотря на исход дела, представляется очень важным тот факт, что все действующие лица судебного дела главным образом использовали практику ЕСПЧ для обоснования своей позиции по делу. Спустя четыре года и несколько десятков судебных заседаний в Свердловском областном суде с участием тех же лиц заявления юристов ОО «Сутяжник» о применении положений Конвенции уже не вызы-

---

1 См.: *Marckx v. Belgium* (Маркс против Бельгии), Постановление ЕСПЧ от 13 июня 1979 г., Series A № 31. Параграф 63; *Sporrong and Lonnroth v. Sweden* (Спорронг и Лоннрос против Швеции), Постановление ЕСПЧ от 23 сентября 1982 г., Series A № 52. Параграфы 61, 69.

2 См.: *Marckx v. Belgium,* Постановление ЕСПЧ от 13 июня 1979 г., Series A № 31.

вали удивления, не говоря уже о требованиях ответчика предоставить соответствующие переводы постановлений ЕСПЧ.

Почти одновременно с делом Беляева другой, только что назначенный судья Свердловского областного суда вынес решение по делу по иску Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области к Свердловскому областному региональному отделению политической партии «Российская партия труда» о приостановлении деятельности отделения[1], абсолютно проигнорировав аргументы ответчика, основанные на Конвенции и практике ЕСПЧ. Заявитель обратился в Свердловский областной суд с требованием приостановить деятельность ответчика, интересы которого представляли юристы ОО «Сутяжник», на том основании, что ответчиком по требованию истца при проведении проверки деятельности политической партии не были представлены заявления членов партии о вступлении в партию.

Защита ответчика строилась на следующих основаниях:

1) заявителем был нарушен досудебный порядок разрешения спора;
2) заявитель не доказал существование необходимости приостановления деятельности ответчика, чего требуют п. 2 ст. 11 Конвенции и соответствующие положения постановлений ЕСПЧ;
3) Федеральный закон «О политических партиях», который в толковании Министерства юстиции РФ закрепляет обязанность партии представить личные заявления членов партии о вступлении в партию по требованию Министерства юстиции РФ противоречит ст. 8 Конвенции, так как такие заявления содержат конфиденциальные данные (паспортные данные, дата и место рождения, домашний адрес и телефон), которые могут быть представлены только с согласия члена партии.

В обосновании ответчика содержались объяснения относительно статуса Конвенции в правовой системе Российской Федерации,

---

[1] См.: Решение Свердловского областного суда от 29 июля 2004 г. по делу по иску Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области к Свердловскому областному региональному отделению политической партии «Российская партия труда» о приостановлении деятельности // <http://www.sutyajnik.ru/rus/cases/judgments/obl_sud_minust_v_rpt_29_07_2004.html>.

а также относительно положений соответствующих постановлений ЕСПЧ, подлежащих применению в настоящем деле. Суд вынес решение в пользу ответчика только на основании первого аргумента, оставив без какого-либо внимания аргументы, основанные на Конвенции.

Можно предположить две причины отсутствия анализа аргументов стороны, основанных на международном праве: 1) судья не обладал знаниями и опытом применения Конвенции; 2) решение могло повлечь значительные правовые последствия. Решение суда, вынесенное не на основании процессуальных нарушений, а в связи с нарушением материального права, а именно права на частную жизнь, права на свободу объединения, могло повлечь значительные правовые последствия в отношении действий Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области и, возможно, в отношении всех отделений политических партий, зарегистрированных в Свердловской области, которые в то время все проходили соответствующие проверки и представляли заявления членов партии о вступлении в партию. Неизбежно был бы поднят вопрос о законности требования представления персональных данных членов партии и приостановления деятельности партий в случае невыполнения требований Министерства юстиции РФ[1]. Верховный Суд РФ рассмотрел кассационную жалобу и постановил следующее: «...По данному делу необходимости применения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации не усматривается, поскольку правоотношения сторон надлежаще урегулированы нормами российского законодательства»[2].

---

1 «Россия была спасена от возможного поражения в Страсбурге». Интервью руководителя Свердловского регионального отделения политической партии «Российская партия труда» Информационному агентству «Сутяжник-пресс» от 29 июня 2004 г. // <http://www.sutyajnik.ru/rus/news/2004/07/29.html>.

2 Определение Верховного Суда РФ от 19 октября 2004 г. по делу по иску Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области к Свердловскому областному региональному отделению политической партии «Российская партия труда» о приостановлении деятельности по кассационной жалобе Свердловского областного регионального отделения политической партии «Российская партия труда» на решение Свердловского областного суда от 29 июля

Представляется, что толкование российского законодательства, изложенное в Определении Верховного Суда РФ от 19 октября 2004 г., противоречит Конституции РФ и позиции Пленума Верховного Суда РФ, выраженной в Постановлении от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[1].

Согласно п. 8 названного постановления «правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации. Пункт 5 Постановления указывает на прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации международных договоров. Также указывается, что международные нормы должны быть применимы судами при разрешении гражданских дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем законом Российской Федерации, который регулирует отношения, ставшие предметом судебного рассмотрения.

В определении Верховного Суда РФ об отказе в истребовании дела по надзорной жалобе судья повторил определение кассационной инстанции Верховного Суда РФ, указав, что «довод ответчика в надзорной жалобе о том, что мотивировочная часть решения Свердловского областного суда от 29 июля 2004 года подлежит изменению в связи с неприменением судом материальных норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод, является необоснованным, поскольку по данному делу правоотношения сторон надлежащим образом урегулированы нормами российского законодательства и необходимости в применении положений указанной Конвенции, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации не имеется»[2].

2004 г. // <http://www.sutyajnik.ru/rus/cases/judgments/sup_court/minust_v_RPT_19_10_04.htm>.

[1] См.: Приложение 13.

[2] Определение Верховного Суда РФ от 23 сентября 2005 г. об отказе в истребовании дела по надзорной жалобе Свердловского областного регионального отделения политической партии «Российская партия труда» на решение Свердловского

Представляется, что в данном случае Верховный Суд РФ, чью практику применения Конвенции мы видели на примерах в предыдущей главе, не разделяет два понятия: «надлежащим образом урегулировано российским правом» (формулировка Верховного Суда РФ) и конституционный принцип «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (п. 4 ст. 15 Конституции РФ). Безусловно, для вынесения решения в пользу ответчика было достаточно российского законодательства. Однако для полного восстановления прав ответчика и устранения будущих нарушений закона этого уже недостаточно. В частности, истец по делу и после завершения дела продолжал настаивать на представлении заявлений членов партии о вступлении в партию.

Непосредственно отказ суда в рассмотрении материальных доводов ответчика (о нарушении истцом ст. 8 и 11 Конвенции) нарушает право на справедливое судебное разбирательство, закрепленное в п. 1 ст. 6 Конвенции. Положение п. 1 ст. 6 Конвенции было истолковано в практике Европейской комиссии по правам человека и ЕСПЧ, обязательной для судов России. В соответствии с пп. «в» п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» «суду также следует учитывать... постановления Европейского суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле»[1]. Неоднократно Европейский суд постановлял, что для соблюдения требований «справедливого» судебного разбирательства национальные суды обязаны «определить с достаточной четкостью основания, на которых они выносят свои решения» (гарантия мотивированного решения)[2]. Если сторона процесса основывает свои доводы на по-

---

областного суда от 29 июля 2004 г., определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 октября 2004 г. в связи с неприменением норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод // <http://www.sutyajnik.ru/rus/cases/judgments/sup_court/minust_v_RPT_23_09_05_protest.htm>.

[1] См.: Приложение 14.

[2] См.: *Hadjianastassiou v. Greece* (Хаджианастассиоу против Греции), Постановление ЕСПЧ от 16 декабря 1992 г., Series A № 252, параграф 33; *Van de Hurk v. the*

ложениях Конвенции, у суда появляется обязанность «проводить соответствующее исследование представленных доводов, аргументов и доказательств»[1]. В связи с этим решение Свердловского областного суда, не содержавшее оценки представленных аргументов стороны, основанных на Конвенции, не соответствует требованиям «справедливого» судебного разбирательства, выраженным в п. 1 ст. 6 Конвенции[2].

С 2000 по 2004 г. ОО «Сутяжник» вел кампанию по ведению дел в судах с целью решения структурной проблемы российской правовой системы — законности народных заседателей. В соответствии с Федеральным законом от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[3] (далее — ФЗ «О народных заседателях») народными заседателями являлись обычные граждане, которые призывались к отправлению правосудия наравне с профессиональным судей однажды в год на 14 дней. Граждане обладали при этом всеми процессу-

---

Netherlands (Ван де Хурк против Нидерландов), Постановление ЕСПЧ от 19 апреля 1994 г., Series A № 288 параграф 61; *Hiro Balani v. Spain*, Постановление ЕСПЧ от 9 декабря 1994 г., Series A № 303-B, параграф 28; *Ruiz Torija v. Spain* (Руиз Торийа против Испании), Постановление ЕСПЧ от 9 декабря 1994 г., Series A № 303-A, параграф 30.

1 *Kraska v. Switzerland* (Краска против Швейцарии), Постановление ЕСПЧ от 19 апреля 1993 г., Series A № 254-B.

2 См. кассационную жалобу на решение Свердловского областного суда от 29 июля 2004 г. об отказе в удовлетворении иска Главного управления Министерства юстиции по Свердловской области к Свердловскому областному региональному отделению политической партии «Российская партия труда» о приостановлении деятельности // <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/drafts/minust_v_RPT_kassation.htm>, надзорную жалобу на определение Верховного Суда РФ от 19 октября 2004 г. с требованием определение отменить, решение Свердловского областного суда от 29 июля 2004 г. в его мотивировочной части изменить, учитывая возражения ответчика, основанные на ст. 8, 11 Конвенции // <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/drafts/minust_v_RPT_nadzor.htm>.

3 СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 158. Федеральным законом от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» признан утратившим силу с 1 февраля 2003 г. в части, касающейся гражданского судопроизводства // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4531; Федеральным законом от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ Федеральный закон «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» признан утратившим силу с 1 января 2004 г. в части, касающейся уголовного судопроизводства // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4924.

альными правами судей при вынесении решений и приговоров. Судебные заседания проводились с участием одного профессионального судьи и двух народных заседателей. Проблема с отправлением правосудия народными заседателями состояла в том, что в нарушение ФЗ «О народных заседателях» они, как правило, служили на постоянной основе в течение одного–двух лет вместо законных 14 дней в год. Такая ситуация существовала около одного–двух лет. Это значит, что в течение этого периода все решения, принятые с участием народных заседателей, являются незаконными и не имеют юридической силы.

В нескольких делах заявители, чьи интересы представляли юристы Центра, жаловались на нарушение их прав на справедливый суд, ссылаясь на то, что их дела не были рассмотрены «судом, созданным на основании закона» (п. 1 ст. 6 Конвенции) — их дела были рассмотрены судом в составе профессионального судьи и народных заседателей, которые исполняли свои обязанности годами, вместо 14 положенных дней в году. Как выяснилось, данная ситуация сложилась в связи с тем, что районные суды не получали списки народных заседателей от законодательных органов субъектов Федерации. Центр организовал кампанию с целью изменить сложившуюся ситуацию с помощью национальных средств правовой защиты.

Во-первых, юристы Центра подали несколько заявлений в Верховный Суд РФ, а впоследствии в районные суды г. Екатеринбурга о признании незаконным Указа и.о. Президента РФ В.В. Путина от 25 января 2000 г. № 103 «О продлении срока полномочий народных заседателей федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[1] (далее — Указ Президента РФ 2000 г.). Полномочия народных заседателей указом продлялись бессрочно, что нарушало 14-дневный срок, установленный ФЗ «О народных заседателях». Заявления были оставлены без рассмотрения как неподсудные Верховному Суду РФ. В свою очередь, районные суды отказали в рассмотрении данных заявлений в связи с тем, что процессуальной возможности обжаловать данный указ российское законодательство не

---

[1] РГ. 2000. 9 февр. Ранее полномочия народных заседателей продлевались Указом Президента РФ от 22 марта 1995 г. № 299 «О продлении срока полномочий народных заседателей районных (городских) судов» // РГ. 1995. 29 марта.

предусмотрело, в связи с чем заявителям было отказано в принятии жалоб как не подлежащих рассмотрению в судах РФ на тот момент.

Во-вторых, в каждом процессе, в котором принимали участие народные заседатели, юристы ОО «Сутяжник» заявляли отвод народным заседателям на основании нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции (право на справедливое судебное разбирательство судом, созданным на основании закона). Ни один отвод удовлетворен не был.

В-третьих, все решения районных судов, вынесенные в незаконном составе народных заседателей, были обжалованы в кассационном порядке в вышестоящий суд по тем же основаниям, что заявлялись отводы. Суды полностью проигнорировали аргументы сторон, основанные на Конвенции.

В-четвертых, юристы ОО «Сутяжник» от имени заявителей обращались с запросами в Законодательное Собрание Свердловской области и Управление судебного департамента при Верховном Суде РФ в Свердловской области, которые являлись органами, ответственными за составление списков народных заседателей. Безуспешно[1].

В-пятых, после постановления ЕСПЧ по делу Посохов против России[2], в котором ситуация с народными заседателями была признана не соответствующей нормам Конвенции, развитие кампании получило свою развязку в деле по жалобе С.И. Беляева на бездействие Законодательного Собрания Свердловской области и Управления судебного департамента при Верховном Суде РФ в Свердловской области в части непредставления судам списков народных заседателей[3].

---

1 Более детально о проведенной кампании см.: *Деменева А.В.* Защита права на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона: практика применения статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском судебном процессе // Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006. С. 115–129 // <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

2 *Posokhov v. Russia.* ОО «Сутяжник» не участвовало в ведении дела Посохова. См.: <http://sutyajnik.ru/rus/echr/school/judg_v_russia.html>.

3 См.: Кассационное определение Свердловского областного суда от 23 октября 2003 г. по делу по жалобе Б. на бездействие Законодательного Собрания Свердловской области и Управления судебного департамента при Верховном Суде РФ в Свердловской области, вынесенное по кассационной жалобе представителя Б. Деменевой А.В. на решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 16 июля 2003 г. См.: Приложение 18.

Прежде чем перейти к делу С.И. Беляева, остановимся на главных деталях дела Посохов против России.

Посохов был привлечен к уголовной ответственности судом с участием народных заседателей, чьи полномочия к моменту рассмотрения дела истекли. На протяжении рассмотрения дела судом Посохов заявлял, что народные заседатели не вправе рассматривать дела в связи с тем, что их срок полномочий истек. ЕСПЧ постановил, что дело заявителя не было рассмотрено судом, созданным на основании закона, поэтому его право на справедливое рассмотрение дела было нарушено и ему была присуждена компенсация. Дело Посохова должно было быть применено в каждом деле, которое затрагивает вопрос законности участия народных заседателей.

Дело по жалобе С.И. Беляева на бездействие Законодательного Собрания Свердловской области и Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Свердловской области служит примером неправильного понимания применимости постановлений ЕСПЧ или предвзятого рассмотрения дела. Заявитель жаловался на то, что ни один из районных и городских судов Свердловской области не могут считаться «судами, созданными на основании закона», так как они были созданы в нарушение Федерального закона от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Нарушение закона о народных заседателях было вызвано тем, что районные и городские суды не получили списки народных заседателей от Законодательного Собрания Свердловской области и Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ в Свердловской области, ответственных за создание и представление списков народных заседателей. Заявитель построил свою позицию на основании дела *Посохов против России*, из положений которого следовало, что несоблюдение требований закона о народных заседателях, в частности отсутствие списков народных заседателей, которые обязаны были быть представлены ответчиками по делу, является нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции[1].

Суд не установил нарушения права на суд, так как, несмотря на то, что списки народных заседателей, действительно, отсутствовали, дела, в том числе и дело заявителя, рассматривались в соответ-

---

[1] См.: *Posokhov v. Russia*. Параграф 41.

ствии с Указом Президента РФ от 25 января 2000 г. № 103 «О продлении срока полномочий народных заседателей федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации»[1], который продлил законный срок полномочий народных заседателей «до представления в соответствующие суды общих списков народных заседателей». Тем не менее именно данных обстоятельств было достаточно ЕСПЧ для установления нарушения п. 1 ст. 6 Конвенции по делу *Посохов против России.* Свердловский областной суд не принял во внимание ссылку заявителя на дело *Посохов против России* в качестве основания для вынесения решения по схожему делу с аналогичным вопросом права, постановив:

> Ссылка кассатора на решение Европейского суда не может служить основанием для удовлетворения жалобы Б., так как Посохов защищал свое нарушенное право по конкретному делу, рассмотренному судом в незаконном составе, Б. обжаловал бездействие Законодательного Собрания СО [Свердловской области. — *А. Б.*] и Управления Судебного департамента[2].

Такое понимание природы прецедента неверно. Применить прецедент значит разрешить дело на основании правового принципа, установленного в предшествующем деле, который по фактам или правовым принципам (вопросам) является сходным с рассматриваемым делом[3]. При применении прецедента нет требования идентичности дел по всем аспектам.

В *Посохов против России* ЕСПЧ постановил, что рассмотрение дела с участием народных заседателей, выполняющих свои обязанности более 14 дней в году, является нарушением п. 1 ст. 6 Конвенции. С.И. Беляев в районном и областном судах заявлял о применении данного принципа к отношениям с участием органов, ответствен-

---

1 СЗ РФ. 2000. № 5. Ст. 473.

2 Кассационное определение Свердловского областного суда от 23 октября 2003 г. по гражданскому делу по жалобе Б. на бездействие Законодательного Собрания Свердловской области и Управления судебного департамента при Верховном Суде РФ в Свердловской области, вынесенное по кассационной жалобе представителя Б. Деменевой А.В. на решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 16 июля 2003 г. См.: Приложение 18.

3 См.: *Black's Law Dictionary with Pronunciations.* 6th ed.; 8th reprint. Saint-Paul, Minnesota, 1998. P. 814.

ных за составление списков народных заседателей — несоставление списка ведет к рассмотрению дел с участием народных заседателей с истекшими полномочиями, а следовательно, к нарушению п. 1 ст. 6 Конвенции, как данная норма понимается ЕСПЧ в деле *Посохов против России*. Не имеется каких-либо оправданий неприменения положений постановления *Посохов против России*.

Можно предположить две основные причины неправильного применения прецедентного права в настоящем деле:

1) искреннее непонимание природы прецедента;
2) неспособность (отсутствие политической воли) рассмотреть дело в соответствии с положениями практики ЕСПЧ, что могло привести к признанию факта, что в течение длительного времени на территории всей Российской Федерации дела с участием народных заседателей рассматривались незаконными составами судей.

Тем не менее настойчивость юристов ОО «Сутяжник» привела к результатам. 13 июля 2005 г. Президиум Свердловского областного суда (надзорная инстанция) отменил приговор в отношении П. в связи с нарушениями п. 1 ст. 6 Конвенции, подробно процитировав и сославшись на дело *Посохов против России*[1]. Дело П. по процессуальным моментам аналогично делу Посохова — приговор районного суда был вынесен в составе профессионального судьи и двух народных заседателей. Было установлено, что последние исполняли свои обязанности дольше предусмотренного законом срока[2].

Тем не менее дело П. лишь единственный пример, который удалось обнаружить, где национальный суд применил гарантию п. 1 ст. 6 Конвенции, аналогичной примененной в деле Посохова[3].

---

1 См.: Приложение 19.

2 Подробнее см. обзор данного дела в материале представителя П. Деменева А.В.: *Защита* права на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона: практика применения статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском судебном процессе // Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова (Международная защита прав человека. Вып. 6). Екатеринбург, 2006. С. 128–129.

3 Из интервью с С.Ю. Поповым, одним из двух заявителей по делу Попов и Воробьев против России, поступила информация, что Верховный Суд РФ все рассматриваемые в порядке надзора уголовные дела, если по первой инстанции данные дела рассматривали народные заседатели, отменяет по п. 1 ст. 6 Конвенции,

Следующее дело показывает общую ситуацию, существовавшую с оспариванием незаконного участия в процессах народных заседателей — суды полностью игнорировали существовавшую проблему отправления правосудия народными заседателями, аргументы сторон, основанные на Конвенции и практике ЕСПЧ.

Пушкинский федеральный районный суд г. Санкт-Петербурга в своем решении от 29 мая 2002 г. постановил, что завещание Е.М. Радионовой от 9 февраля 2000 г. на имя А.М. Бельчиковой является недействительным[1]. Данное дело было рассмотрено в составе судьи и двух народных заседателей.

После рассмотрения дела *Посохов против России* Бельчикова выяснила, что народные заседатели участвовали в рассмотрении ее дела в нарушение ФЗ «О народных заседателях» и п. 1 ст. 6 Конвенции — народные заседатели не были избраны в соответствии с процедурой, установленной в законе, и исполняли свои обязанности в течение срока, превышающего 14 дней. Бельчикова дважды обращалась с заявлением о пересмотре дела по вновь открывшимся обстоятельствам, в частности в связи с открытием информации о незаконном участии народных заседателей при рассмотрении дела (ст. 392 ГПК РФ). В дополнение к национальному законодательству представители Бельчиковой сослались на принцип п. 1 ст. 6 Конвенции о праве на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона, как он понимается в постановлениях ЕСПЧ *Посохов против России* и *Федотова против России*[2] (дело, аналогичное делу Посохова). Судье,

---

как она понимается в деле Посохов против России. С.Ю. Попов, заявитель по делу Попов и Воробьев против России. Интервью провел А.Л. Бурков 12 августа 2009 г.

[1] См.: Решение Пушкинского федерального районного суда г. Санкт-Петербурга от 29 мая 2002 г. в составе судьи и 2 народных заседателей о признании недействительным завещания, составленного Е.М. Родионовой на имя А.М. Бельчиковой // <http://www.sutyajnik.ru/documents/2210.html>. При рассмотрении заявления о рассмотрении дела по вновь открывшимся обстоятельствам интересы А.М. Бельчиковой представляли члены региональной негосударственной правозащитной организации «Ассоциация жертв судебного произвола» (Санкт-Петербург). А.А. Шумилов, член региональной негосударственной правозащитной организации «Ассоциация жертв судебного произвола». Интервью провел А.Л. Бурков 3 ноября 2007 г.

[2] *Fedotova v. Russia* (Федотова против России). Постановление ЕСПЧ от 13 апреля 2006 г.

рассматривавшему заявление о возобновлении производства по делу по вновь открывшимся обстоятельствам, были предоставлены тексты указанных двух постановлений ЕСПЧ на русском языке. В заявлении указывалось, что в соответствии с гарантиями п. 1 ст. 6 Конвенции гражданин имеет право на суд, созданный на основании закона, что относится не только к регламентации самого существования суда в силу закона, но также и к законности состава суда в каждом деле[1]. В связи с тем что дело Бельчиковой было рассмотрено судом, созданным в нарушение ФЗ «О народных заседателях», имело место нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции. Поэтому ее дело должно быть пересмотрено судом в законном составе суда. Пушкинский федеральный районный суд г. Санкт-Петербурга (суд первой инстанции) и Санкт-Петербургский городской суд (суд кассационной инстанции) отказал в удовлетворении заявления в обоих случаях. Суды постановили, что обстоятельства, указанные заявителем относительно народных заседателей, не являются «вновь открывшимися обстоятельствами, которые существенно могли бы повлиять на содержание решения суда»[2]. Суды полностью проигнорировали аргументы заявителя, основанные на Конвенции.

С точки зрения защиты принципа правовой определенности приведенный аргумент суда является законным. Если бы судья возобновил производство по делу Бельчиковой, необходимо было бы возобновить дела по заявлениям других граждан, чьи дела были рассмотрены незаконным составом суда с участием народных заседателей. Это было бы нарушением принципа правовой определенности, в то время как исход дела оставался бы неизменным. Не все нарушения ст. 6 Конвенции приводят к пересмотру дела, но только в тех случаях, когда нарушение могло бы повлечь изменения по существу дела.

Проблема состоит в том, что оба суда проигнорировали аргументы сторон, основанные на Конвенции и практике ЕСПЧ. Представляется, суд должен был признать нарушение ст. 6 Конвенции — на-

---

1 *Posokhov v. Russia*. Параграф 37.

2 Определение Пушкинского федерального районного суда г. Санкт-Петербурга от 13 декабря 2005 г. об отказе в удовлетворении заявления А.М. Бельчиковой о пересмотре решения Пушкинского районного суда Санкт-Петербурга от 29 мая 2002 г. по вновь открывшимся обстоятельствам // <http://sutyajnik.ru/documents/2210.html>.

личие незаконного состава суда участвовавшими в процессе народными заседателями. Однако рассмотрение дела имело место два года назад. За это время в Российской Федерации были рассмотрены десятки тысяч дел с аналогичными нарушениями. Если все данные судебные решения пересматривать, это приведет к нарушению принципа правовой определенности, что само по себе является нарушением ст. 6 Конвенции. В данном случае суд должен принять сбалансированное решение, взвешивая право Бельчиковой и принцип правовой определенности, права других граждан и ограниченность ресурсов. Суд должен был бы отказать в пересмотре решения, признав нарушение Конвенции, но указав на приоритет принципа правовой определенности в данном деле при решении вопроса о пересмотре решения. Право на справедливый суд не является абсолютным правом. Это квалифицированное право. При определенных обстоятельствах оно может быть ограничено. Само по себе признание факта нарушения ст. 6 Конвенции, как неоднократно указывал ЕСПЧ, будет достаточным средством правовой защиты.

Ситуация с народными заседателями была исправлена только устранением института народных заседателей с 1 января 2004 г. по уголовным делам и с 1 февраля 2003 г. по гражданским делам, что даже было отражено в резолюции Комитета министров Совета Европы[1]. Неприменение Конвенции в российских судах по делам о незаконности судебных составов с участием народных заседателей, в частности по делу С.И. Беляева[2], приводит к обращению граждан в ЕСПЧ. Все эти дела идентичны делу *Посохов против России.* Нежелание Российской Федерации признать нарушение права на справедливое судебное разбирательство по делам с участием народных заседателей в рамках применения внутригосударственных средств защиты привело к появлению дел, аналогичных делу *Посохов против России.* В частности, в 2004 г. Европейский суд признал нарушения

---

[1] См. резолюцию ResDH(2004)46 относительно постановления Европейского суда по правам человека от 4 марта 2003 г. (вступившего в силу 4 июня 2003 г.) по делу Посохов против России (принято Комитетом министров 20 июля 2004 г. на 891-й встрече заместителей министров) // <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/res_com_of_min/posohov_v_russia_20_06_2004.htm>.

[2] Необходимо отметить, что в решении суда первой инстанции (Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга) по делу вообще не содержится анализа аргументов заявителя, основанных на Конвенции.

в деле *Федотова против России*[1], *Шабанов и Трень против России*[2], *Ларягин и Аристов против России*[3].

Данные судебные дела демонстрируют сложившуюся ситуацию, когда суды, действующие от имени Российской Федерации (что отражено в заголовке каждого судебного решения), не склонны предоставлять сторонам защиту их прав на основании Конвенции по делам с далеко идущими последствиями. Эта ситуация вполне объяснима. Для государства значительно дешевле разобраться с небольшим количеством дел, подобных делу Посохов против России, в Страсбурге, выплатив по несколько сотен евро заявителям, чем разрешить в пользу заявителей большее количество дел в российских судах, хоть и со значительно меньшей суммой компенсации, но с далеко идущими последствиями для судебной системы.

Отказ в применении практики ЕСПЧ также наблюдается в практике районных судов г. Екатеринбурга. В 2002 г. два разных состава Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга рассмотрели два абсолютно идентичных дела о незаконном задержании и содержании под стражей двух случайных наблюдателей акции протеста против мэра г. Екатеринбурга, проводившейся 4 июля 2001 г.: дело по заявлению А.Л. Буркова о признании незаконными действий старшего сержанта милиции РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга Ю.Е. Копырина в части задержания и доставления заявителя в РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга[4] и дело по заявлению Р.А. Берг о признании незаконными действий старшего сержанта милиции РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга Ю.Е. Копырина в части задержания и доставления заявителя в РУВД Верх-

---

1 См.: *Fedotova v. Russia*.

2 *Shabanov and Tren v. Russia* (Шабанов и Трень против России). Постановление ЕСПЧ от 14 декабря 2006 г.

3 *Laryagin and Aristov v. Russia* (Ларягин и Аристов против России). Постановление ЕСПЧ от 8 января 2009 г.

4 См.: Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 4 сентября 2002 г. о признании незаконными действий старшего сержанта милиции РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга Ю.Е. Копырина в части задержания и доставления А.Л. Буркова в РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга // <http://www.sutyajnik.ru/rus/cases/judgments/burkov_v_ruvd_4_09_2002.html>.

Исетского района г. Екатеринбурга[1]. Заявители были задержаны и содержались под стражей в течение более трех часов в районном отделении милиции. Они обратились в Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга на основании нарушений п. 1, 2, 5 ст. 5 Конвенции. По не объясненным заявителям причинам данные дела были распределены разным судьям Верх-Исетского районного суда. Представителем обоих заявителей был один и тот же юрист ОО «Сутяжник». В обоих делах аргументы сторон были построены на основании нарушения ст. 5 Конвенции и соответствующих положений постановлений ЕСПЧ. До этих дел юрист ОО «Сутяжник» не выступал представителем по какому-либо делу с применением Конвенции перед данными судьями Верх-Исетского районного суда. Несмотря на вынесение решений в пользу заявителей, ни один из судей не сослался на нарушение ответчиком положений Конвенции, как они понимаются в практике ЕСПЧ, представленного судам в соответствующем обосновании представителем заявителей. Оба решения были основаны исключительно на российском законодательстве. И только один из судей в решении кратко указал на аргумент Р.А. Берг: «Заявитель жаловался на нарушение статьи 22 Конституции РФ и статьи 5 Конвенции». Анализа нарушениям ст. 5 Конвенции дано не было.

Но, как уже указывалось выше, ситуация несколько иная, когда дело рассматривается судьей, который обладает определенным опытом рассмотрения аргументов сторон, основанных на положениях Конвенции. Дело по иску Администрации города Екатеринбурга к С.И. Беляеву, ЗАО «Информационное агентство „Регион-Информ“», редакции «Областной газеты» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений[2], может служить

---

1 См.: Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 1 ноября 2002 г. о признании незаконными действий старшего сержанта милиции РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга Ю.Е. Копырина в части задержания и доставления Р.А. Берг в РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга.

2 См.: Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 1 июня 2004 г. по делу по иску Администрации г. Екатеринбурга к С.И. Беляеву, ЗАО «Информационное агентство „Регион-Информ“», редакции «Областной газеты» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений. См.: Приложение 17.

в качестве примера применения районным судом российского законодательства наряду с нормами Конвенции и положениями практики ЕСПЧ. В данном деле судья Г.А. Проняева, которая регулярно рассматривала дела с участием юристов Центра, в том числе с приведением аргументов на основании Конвенции, применила несколько принципов, разработанных практикой ЕСПЧ. Истец обратился в суд, утверждая, что первый ответчик в своем интервью информационному агентству на протяжении интервью восемь раз опорочил деловую репутацию истца.

Представитель заявителя юрист ОО «Сутяжник» представил обоснование о внутригосударственном статусе Конвенции и соответствующих принципах защиты свободы слова, разработанных в практике ЕСПЧ. Целью обоснования было убедить суд в необходимости применения трех принципов, выраженных в практике ЕСПЧ:

1) принципы свободы выражения мнения относятся не только к «информации» или «идеям», которые положительно воспринимаются или рассматриваются как неоскорбительные или являются нейтральными, но и к «информации» и «идеям», которые оскорбляют, шокируют или тревожат государство или какую-либо часть населения[1];
2) следует проводить тщательное различие между фактами и оценочными суждениями. Существование фактов может быть доказано, тогда как истинность оценочных суждений не всегда поддается доказыванию[2];
3) «пределы допустимой критики в отношении политиков (т.е. правительства. — *А. Б.*) как таковых шире, чем в отношении частного лица. В отличие от последнего первые должны проявлять и большую степень терпимости к пристальному вниманию журналистов и всего общества, к каждому их слову и действию»[3].

---

1 *Handyside v. UK*, Постановление ЕСПЧ от 7 декабря 1976 г., Serial A № 24. Параграф 49. См. также: *Oberschlick v. Austria* (Оберщлик против Австрии), постановление ЕСПЧ от 23 мая 1991 г., Series A № 204. Параграф 57; *Oberschlick v. Austria* (№ 2) (Оберщлик против Австрии (2)), Постановление ЕСПЧ от 1 июля 1997 г. *Reports* 1997-IV. Параграф 29; *Lingens v. Austria*. Параграф 41.

2 *Lingens v. Austria*. Параграф 46.

3 Там же. Параграф 42. См. также: *Castells v. Spain*, (Кастеллс против Испании) Постановление ЕСПЧ от 23 апреля 1992 г., Serial A № 236. Параграф 46.

В результате на основании стандартов ЕСПЧ суд пришел к выводу, что со стороны первого ответчика имелись нарушения только в трех из восьми случаев, взыскав в пользу истца 5 тыс. руб. Необходимо отметить, что, несмотря на то, что судья уделила значительное внимание анализу принципов ЕСПЧ по ст. 10 Конвенции, по непонятным причинам в решении суда не было ссылок на постановления ЕСПЧ, где содержатся примененные в деле принципы. Это не влияет на результат дела, потому что судья все-таки вынес решение на основании гарантий Конвенции. Но необходимо принимать во внимание ответственность судьи по правовому воспитанию участников процесса и тех, кому оказываются доступны решения, а также обязанность в соответствии с ч. 4 ст. 198 ГПК РФ указывать применимый закон. В п. 4 ППВС от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»[1] Пленум Верховного Суда РФ разъяснил ч. 4 ст. 198 ГПК РФ:

> Суду также следует учитывать: ...в) постановления Европейского суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле[2].

С другой стороны, сам представитель ответчика в своих обоснованиях упомянул только непосредственно формулировки из Конвенции и постановлений ЕСПЧ и их названия, но без указания конкретных параграфов постановлений ЕСПЧ. Тем не менее данное дело представляет собой один из лучших примеров применения положений Конвенции и постановлений ЕСПЧ в практике районных судов.

К сожалению, Свердловский областной суд при рассмотрении кассационной жалобы ответчика изменил решение районного суда, проигнорировав положения постановлений ЕСПЧ. Свердловский областной суд в определении от 31 августа 2004 г. подтвердил решение в части признания незаконности распространения сведений[3].

---

1 См.: Приложение 14.

2 Как будет видно из следующих глав, Верховный Суд РФ под словами «следует учитывать» Конвенцию и практику ЕСПЧ понимает «применять» этот источник права, но не ссылаясь на него в своих постановлениях.

3 См.: Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 31 августа 2004 г. по делу по иску Администрации г. Екатерин-

В то же время без какого-либо обращения к анализу постановлений ЕСПЧ областной суд отказал во взыскании с ответчика С.И. Беляева суммы компенсации морального вреда в пользу Администрации г. Екатеринбурга в связи с тем, что, по мнению суда, компенсация морального вреда не может быть взыскана в пользу организации. Данная точка зрения идет вразрез с практикой ЕСПЧ[1]. Впоследствии Пленум Верховного Суда РФ в п. 15 Постановления от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» закрепил правило, разработанное в практике ЕСПЧ, согласно которому в пользу юридического лица может быть взыскана сумма компенсации морального вреда (абз. 1 п. 15)[2].

А.В. Деменева кратко описала свои наблюдения относительно реакции судей на аргументы сторон, основанные на Конвенции и практике ЕСПЧ:

> За последние семь лет можно отследить, что судьи перестали, как в 2000 году, негативно реагировать на выражение «Европейская Конвенция» в процессе, когда представитель ссылается на Конвенцию — уже прогресс. Замечательно. Судьи на это раньше активно негативно реагировали. От судей слышалось вообще очень разное. Говорили, что «вы сейчас выйдете из судебного заседания со своим международным правом». Это было в районных судах г. Екатеринбурга. По тону и жестам судей было очевидно, что аргументы сторон, основанные на Конвенции, вызывают явное непонимание и недовольство[3].

бурга к С.И. Беляеву, ОАО «Информационное агентство „Регион-Информ“», редакции «Областная газета» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений по кассационной жалобе С.И. Беляева // <http://www.sutyajnik.ru/documents/367.html>.

1 См.: *Presidential Party of Mordovia v. Russia*, п. 2 (а) резолютивной части постановления ЕСПЧ.

2 Подробнее см. гл. 5.

3 Из моего интервью с консультантом аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области А.В. Деменевой от 27 сентября 2007 г. С сентября 1999 г. по июнь 2006 г. Анна Валентиновна работала юристом ОО «Сутяжник».

Аналогичными наблюдениями поделилась и другой юрист ОО «Сутяжник» Людмила Михайловна Чуркина: «Судьи хихикали и говорили: „О чем вы говорите? У нас есть свое законодательство“»[1].

Сегодня ситуация иная. Ссылки на Конвенцию реже вызывают у судей улыбки или гнев. Юристы ОО «Сутяжник»[2] различают несколько уровней применения Конвенции судами.

Изначально, как правило, судьи полностью игнорировали или враждебно реагировали на ссылки на Конвенцию и практику ЕСПЧ. Конвенция не упоминалась ни в описательной части судебного решения, где отражены аргументы сторон, ни в мотивировочной части. Далее суды стали кратко указывать аргументы сторон, основанные на Конвенции (постановления ЕСПЧ продолжали умалчиваться), но не делали какого-либо анализа данных аргументов. Третий уровень применения Конвенции состоит в отрицании обоснованности аргументов сторон: «Ссылки стороны на Конвенцию являются необоснованными». Какого-либо обоснования данного заключения судом не давалось. В конце концов, стали появляться примеры применения судами не только Конвенции, но и постановлений ЕСПЧ. Это происходит довольно редко, но значительно чаще, чем в практике Верховного Суда РФ, и реже, чем в практике Конституционного Суда РФ[3].

Людмила Михайловна Чуркина, будучи не только юристом ОО «Сутяжник», но и членом адвокатской коллегии, наблюдала, что только небольшое число адвокатов используют Конвенцию в своей практике.

Аналогичная тенденция — когда настойчивость сторон в применении Конвенции является определяющим моментом качества и числа случаев применения Конвенции судами — присутствует и в других регионах Российской Федерации. Это отмечается другими общественными организациями.

---

1 Л.М. Чуркина, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, юрист ОО «Сутяжник». Интервью провел А.Л. Бурков 11 января 2008 г.

2 Из моих интервью с А.В. Деменевой, Л.М. Чуркиной и С.И. Беляевым от 27 сентября 2007 г., 11 января 2008 г. и 9 января 2008 г. соответственно.

3 Данное обобщение было сделано на основе своих собственных наблюдений как юриста ОО «Сутяжник» (1998–2005), моего интервью с А.В. Деменевой, Л.М. Чуркиной и С.И. Беляевым, а также подтверждено мнением других юристов, адвокатов и судей, проинтервьюированных в процессе работы над данным исследованием.

Как отмечается директором и ведущим юристом Центра по защите прав средств массовой информации (далее — Центр защиты прав СМИ)[1] Галиной Юрьевной Араповой, ст. 10 Конвенции играет значительную роль при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Нормы ст. 10 оказывают содействие при установлении гражданского правонарушения, а также при принятии решения о присуждении компенсации за нарушение нематериальных прав. Например, в соответствии со ст. 152 ГК РФ лицо может понести ответственность за распространение «сведений». «Под русским словом „сведение“, используемым в ст. 152 Гражданского Кодекса, может пониматься „факт“ и „выражение мнения“»[2]. Комитет Мониторинга ПАСЕ предупредил власти России о необходимости реформировать законодательство о защите чести, достоинства и деловой репутации, в том числе

> декриминализировать клевету, отменить дополнительную защиту чести, достоинства и деловой репутации должностных лиц государственных органов, ввести четкий запрет для должностных лиц обращаться в суд с исками в защиту их «репутации» (без каких-либо препятствий обращаться с такими исками в частном качестве), четко установить, что никто не может быть привлечен

---

1 Центр защиты прав СМИ — некоммерческая организация, основанная в 1996 г. в Воронеже с целью содействия в становлении в России института свободы слова и свободы выражения мнения как фундаментального элемента демократического, правового государства, расширение практических возможностей журналистов и общества в целом для отстаивания своих конституционных прав на свободу слова и свободу выражения мнения, свободное получение и распространение информации. Основную часть своих программ Центр защиты прав СМИ выполняет на территории Центральной России, расширяя зону своей деятельности в последние годы и на другие регионы России, а также страны СНГ. На момент проведения интервью с Г.Ю. Араповой в составе организации было три юриста, которые вели около 100 дел. Как и Фонд защиты гласности, Центр защиты прав СМИ стратегически ведет дела с целью защиты прав СМИ с помощью гарантий ст. 10 Конвенции (свобода выражения мнения). Юристы Центра защиты прав СМИ начали использовать ст. 10 Конвенции в 1999–2000 гг. в делах, где они представляли интересы СМИ, участвовавших в судебных процессах в делах о защите чести, достоинства и деловой репутации // <http://www.mmdc.narod.ru/english_pages.html>.

2 The Cost of Reputation. Defamation Law and Practice in Russia. London, 2007. P. 52 // <http://www.article19.org/pdfs/press/bahrain-article-19-condemns-the-targeting-of-human-rights-activists-and-call.pdf>.

к ответственности за клевету за выражение мнения, отдавать приоритет нематериальным формам восстановления нарушенных прав над материальными, а также улучшить защиту источников информации журналистов[1].

В этой ситуации с действующим законодательством ответчик по делам о диффамации не может получить необходимую защиту от злоупотребления правом подачи иска о защите чести, достоинства и деловой репутации, не обращаясь к ст. 10 Конвенции. Особенно незаменимой данная статья становится при решении судом вопроса, присуждать ли компенсацию, так как национальное законодательство не регулирует этот вопрос.

На протяжении деятельности Центра по защите прав СМИ с 2000 по 2001 гг. только в двух из 70–80 дел суды обратились к Конвенции. Ссылка на Конвенцию давалась через обращение к Федеральному закону от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней»[2]. В связи с тем что формулировка ч. 4 ст. 15 Конституции РФ является очень широкой и декларативной, юристы Центра защиты прав СМИ обращались к статье в последнюю очередь. После 2003 г. ППВС от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» (ППВС 2003 г.) юристами не применялось, так как оно не содержало какой-то дополнительной информации, которая не содержалась бы в законе о ратификации Конвенции. Вскоре после в 2005 г. было принято специальное ППВС по диффамации — ППВС от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (ППВС 2005 г.)[3]. ППВС 2005 г. является специализированным актом по диффамации и содержит конкретные разъяснения объема гарантий ст. 10 Конвенции.

---

1 Report to the Monitoring Committee of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Honouring of Obligations and Commitments by the Russian Federation. Doc. 10568. 3 June 2005 // <http://www.assembly.coe.int/Documents/WorkingDocs/Doc05/EDOC10568.htm>. Point 393.

2 См.: Приложение 10.

3 Более детально ППВС 2003 г. и ППВС 2005 г. анализируются в гл. 5 и 8.

Как правило, обоснование правовой позиции, основанной на Конвенции, не превышало 10–15 страниц. В обоснование (отзыв на иск) юристы Центра защиты прав СМИ включали разъяснения принципов Конвенции, выработанные в практике ЕСПЧ, сопровождавшиеся полными ссылками на конкретные постановления ЕСЧП и книги, в которых содержатся переводы постановлений. Среди судей распространялись бесплатные книги с переводами постановлений ЕСПЧ.

Первоначально в делах по диффамации судьи игнорировали аргументы, основанные на Конвенции, или кратко ссылались на ч. 2 ст. 10 Конвенции для оправдания ограничения права журналистов на свободу выражения мнения без какого-либо анализа существования оснований для такого ограничения в конкретном деле. Никакого внимания не уделялось практике ЕСПЧ[1].

Г.Ю. Арапова прокомментировала развитие ситуации с применением Конвенции:

> Сначала ощущение было такое, что судьи на нас смотрят как на полных идиотов, которые рассказывают им «об опыте зарубежных стран». Аргументы, основанные на законодательстве о ратификации Конвенции, что это уже не опыт зарубежных стран, это наша с вами теперь действительность, не имели какого-либо эффекта. Сейчас такого отношения уже не встретишь[2].

Юристам Центра защиты прав СМИ потребовалось три года для изменения отношения судей к Конвенции в Центрально-черноземном регионе. Изменения произошли благодаря многим факторам. Это и стратегическая кампания по ведению в судах дел по ст. 10 Конвенции, и обучение судей первой и кассационной инстанции, и опубликование книг по теме, и их распространение среди членов судейского сообщества. Ситуация значительно изменилась в 2003 г. после того, как Центр защиты прав СМИ начал проведение серии семинаров по вопросам применения ст. 10 Конвенции. Несмотря на то что семинары сыграли важную роль в улучшении качества применения Конвенции в судебных решениях по делам о диффамации, Г.Ю. Арапова от-

---

1 Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью.

2 Там же.

метила, что главным фактором стала кампания по стратегическому ведению дел по диффамации с применением ст. 10 Конвенции.

Сегодня описанное выше отношение к Конвенции не встречается в Центрально-черноземном регионе России. Слово «Конвенция» не вызывает улыбок на лицах судей. Наоборот, есть примеры, когда юристы Центра защиты СМИ, выступая перед судьей, начинают цитировать национальное законодательство для обоснования того, что Конвенция является составной частью российской правовой системы, но судья просит перейти к деталям истолкованных в практике ЕСПЧ гарантий ст. 10 Конвенции по рассматривающемуся в деле вопросу. Среди судей появилось понимание, что недостаточно рассматривать дела на соответствие только национальному законодательству. По состоянию на январь 2008 г. примерно 96% дел Центра защиты прав СМИ рассматриваются судами с учетом принципов Конвенции, как они понимаются в практике ЕСПЧ[1]. Если у судьи имеются сомнения относительно его способности адекватно изложить конвенционные принципы в своем судебном решении, в таком случае судья просто указывает на ст. 10 Конвенции среди других норм материального права, на которых основано судебное решение. В практике Центра защиты прав СМИ больше нет дел, где судьи бы полностью проигнорировали Конвенцию[2].

Благодаря этому только небольшое число дел Центра защиты прав СМИ доходит до ЕСПЧ. Абсолютное большинство дел Центра защиты прав СМИ разрешаются в соответствии с Конвенцией и практикой ЕСПЧ в пределах российской правовой системы. Г.Ю. Арапова отметила, что имеются дела, которые направляются в ЕСПЧ[3]. Однако по всем таким делам Центр защиты прав СМИ вступает в дело уже на стадии кассационного рассмотрения дела или даже после вступле-

---

1 См.: Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью.

2 В 2006 г. Центр защиты прав СМИ издал сборник решений судов по делам о диффамации, где суды применили ст. 10 и соответствующие постановления ЕСПЧ. См.: *Арапова Г.* Сборник практики российских судов по делам о диффамации // <http://www.mmdc.narod.ru/books/book_18.html>.

3 На 2007 г. у Центра защиты прав СМИ было два выигранных в ЕСПЧ дела. Это *Chemodurov v. Russia* (Чемодуров против России). Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2007 г. и *Dzhavadov v. Russia* (Джавадов против России). Постановление ЕСПЧ от 27 сентября 2007 г.

ния решения суда в силу, т.е. уже после того, как были исчерпаны средства внутренней правовой защиты.

Другой юрист из г. Воронежа И.В. Сиволдаев отметил, что изменения относительно применения Конвенции в судебной практике российских судов начали появляться в 2006 г. Илья Владимирович является юристом общественной приемной при Уполномоченном по правам человека в РФ в Воронежской области (далее — Общественная приемная). Общественная приемная занимается другими категориями дел, нежели дела о свободе выражения мнения. Большая часть дел, которые ведут юристы Общественной приемной в судах, касается вопросов доступа к суду, в том числе вопросов неисполнения судебных решений. Как правило, и это обусловлено спецификой дел о неисполнении судебных решений, юристы Общественной приемной вступают в дела в качестве представителей после вступления решений в силу.

Практика ведения дел в судах юристами Общественной приемной не привела к тем же результатам, которых добились юристы Центра защиты прав СМИ. Во-первых, это объясняется характером дел, которые принимает в свое производство Общественная приемная. Граждане, как правило, приходят за консультацией в общественную приемную поздно — после того, как все внутренние средства правовой защиты были пройдены. У юристов Общественной приемной нет другой альтернативы, кроме направления жалобы в ЕСПЧ. На сегодняшний день заявители из Воронежской области лидируют по числу направленных и рассмотренных жалоб ЕСПЧ по сравнению с другими регионами России. Например, в январе 2008 г. только жители Воронежской области выиграли 54 дела и заключили мировые соглашения по семи делам в ЕСПЧ, что больше, чем количество дел, проигранных Германией в ЕСПЧ (12 дел) в 2007 г. Большинство дел касались вопросов неисполнения судебных решений о невыплатах пенсий, компенсаций, зарплат и социальных пособий[1].

---

[1] Например, во время аварии на Чернобыльской АЭС из Воронежа и Воронежской области для ликвидации аварии было направлено большее количество человек на душу населения, чем из других регионов СССР. Ветеранам-ликвидаторам аварии была назначена пенсия, которую власти регулярно не выплачивают. В качестве причины невыплат называлось отсутствие средств. Районные суды выносят решения в пользу ликвидаторов, но решения не исполняются. Истцы

Юристы Общественной приемной ведут и другие категории дел в судах. И.В. Сиволдаев отмечает изменения в восприятии судами Конвенции, появившиеся с 2006 г. Причины ведения дел в судах с использованием Конвенции и постановлений ЕСПЧ он назвал следующие. Несмотря на то что Конвенция более не пугает судей и они принимают Конвенцию как обычное явление, ситуация далека от идеальной. Изменения в отношении судей к Конвенции еще не привели к ситуации, где судьи регулярно применяли бы Конвенцию и практику ЕСПЧ. Суды продолжают игнорировать аргументы, основанные на Конвенции. Районные суды продолжают отказывать в удовлетворении исков, указывая, что в деле не было нарушения национального законодательства, полностью оставляя без внимания конвенционные аргументы стороны или просто указывая на отсутствие нарушений Конвенции без подтверждения данного заключения каким-либо анализом Конвенции и постановлений ЕСПЧ. Часто судьи отказывают в удовлетворении ходатайств о приобщении к материалам дела переводов постановлений ЕСПЧ. Тем не менее обращение стороны дела к Конвенции в процессе играет свою положительную роль, потому что судьи воспринимают это как сигнал о том, что все может закончиться в Страсбурге.

Репутация воронежской Общественной приемной, которая с 2003 г. оказывает помощь гражданам по обращению в ЕСПЧ[1], оказывает свое воздействие. Обращение к Конвенции в процессе ведения дела в районном суде может и не привести к положительному результату, но это заставляет судей подумать дважды, прежде чем выносить решение. Как было отмечено И.В. Сиволдаевым, «если дело не представляет собой особого общественно-политического значения, если судья не получил указаний, тогда судья воспринимает наши ссылки на Конвенцию»[2]. В отличие от Центра защиты прав СМИ, практи-

---

обращаются в ЕСПЧ с так называемыми клоновыми делами по примеру дела *Бурдов против России*, дело, появившееся в результате неисполнения судебных решений о выплате пенсии ветерану — ливидатору аварии на Чернобыльской АЭС.

1 Большинство направленных из Воронежской области в ЕСПЧ дел ведут или оказывают содействие в ведении юристы Общественной приемной.

2 И.В. Сиволдаев, юрист Общественной приемной при Уполномоченном по правам человека РФ в Воронежской области. Интервью провел А.Л. Бурков 28 января 2008 г.

ка Общественной приемной оказывает влияние на применение Конвенции в судах Воронежской области не только через ведение дел в судах Воронежской области, но и посредством обращений в ЕСПЧ. Более того, как представляется, в отношении проблемы исполнения решений национальных судов подача жалоб в ЕСПЧ является единственным эффективным способом защиты.

Проблема с исполнением решений против федерального казначейства состоит в том, что в соответствии с законами о федеральном бюджете Служба судебных приставов не обладает соответствующей юрисдикцией. Поэтому такие дела идут напрямую в ЕСПЧ, который уже с 2002 г., с момента вынесения постановления *Бурдов против России*, превратился в службу судебных приставов для российских граждан.

С 1999 г. Йошкар-Олинская городская общественная организация «Человек и Закон»[1] применяет положения Конвенции по каждому делу, в которых юристы организации принимают участие в Йошкар-Олинском городском суде (суд первой инстанции). Потребовалось семь лет, чтобы Йошкар-Олинский городской суд Республики Марий Эл и Верховный Суд Республики Марий Эл (суд кассационной инстанции) начал оценивать аргументы сторон, основанные на Конвенции. С 1999 по 2005 г. указанные суды игнорировали аргументы сторон, основанные на Конвенции. Впервые суды дали оценку конвенционным аргументам сторон в 2005 г. В целом положительный сигнал, но данные решения не могут служить в качестве хороших примеров применения Конвенции.

В деле Ржавин против казны РФ[2] 15 декабря 2005 г. Верховный Суд Республики Марий Эл как суд кассационной инстанции отка-

---

[1] Организация основана в г. Йошкар-Ола в 1999 г. Организация занимается юридическим образованием, защитой прав и свобод человека в органах государственной власти и судах, анализом и расследованием соблюдения прав человека.

[2] В этом деле заявитель просил взыскать 100 000 руб. компенсации морального вреда, причиненного неоднократными отказами в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции, а также непринятие должностными лицами органов прокуратуры мер по устранению нарушений действующего законодательства, на которые неоднократно указывал Йошкар-Олинский городской суд. Кассационное определение Верховного Суда Республики Марий Эл от 15 декабря 2005 г. Описание дела см.: *Подузов С.* Йошкар-Олинский городской суд руковод-

зал в удовлетворении ходатайства заявителя учесть постановление ЕСПЧ *Аксой против Турции*[1]. Заявитель Ржавин утверждал, что имеется нарушение ст. 3 и 13 Конвенции, обосновав свое требование о применении Конвенции и постановления ЕСПЧ ссылкой на ППВС 2003 г. Суд указал основания отказа применения постановления *Аксой против Турции*:

> Нельзя согласиться с жалобой в части нарушения ст. 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, допущенного государством в лице его органов в отношении истца. Приведенное кассатором решение Европейского суда по правам человека от 18 декабря 1996 года «Аксой против Турции» не имеет для настоящего дела прецедентного значения, поскольку вынесено в отношении иного государства и до ратификации Россией Конвенции о защите прав человека и основных свобод…[2]

Суд отказал в удовлетворении кассационной жалобы.

2 октября 2007 г., два года после решения по делу Ржавина, Верховный Суд Республики Марий Эл отказал в применении постановления ЕСПЧ в деле по иску О.А. Маховой к Министерству финансов РФ о компенсации морального вреда по тем же основаниям, что были указаны в деле Ржавина:

> Ссылка в жалобе на прецеденты Европейского суда по правам человека является несостоятельной также в связи с тем, что приведенные решения были вынесены до ратификации Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и не в отношении России (п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»)[3].

ствуется нормами международного права // <http://www.demos-center.ru/projects/6B3771E/71A1FC6/71A2046/ 1146064135>.

1 *Aksoy v. Turkey* (Аксой против Турции). Постановление ЕСПЧ от 18 декабря 1996 г. Reports 1996-VI.

2 См.: *Подузов С.* Йошкар-Олинский городской суд руководствуется нормами международного права.

3 Определение Верховного суда Республики Марий Эл от 2 октября 2007 г. по кассационной жалобе Маховой О.А. на решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 28 августа 2007 г., по которому Маховой Ольге Андре-

Очевидно, что суд неверно применил ППВС 2003 г. в отношении первого основания отказа в применении постановления ЕСПЧ. Положение данного ППВС не имеет ввиду невозможность применения постановлений ЕСПЧ, принятых до ратификации Конвенции Российской Федерацией, а то, что Конвенция не может быть применена к фактам, которые имели место до 5 мая 1998 г. Тем не менее второе основание к отказу применения постановления ЕСПЧ, как следует из п. 5, 7 и 8, является официальной позицией Верховного Суда РФ, выраженной в том числе в ППВС 2003 г.: только постановления и решения ЕСПЧ против России являются юридически обязательными для российских судов.

В деле по иску Давлетшиных к Министерству финансов РФ и Министерству финансов Республики Марий Эл о взыскании компенсации морального вреда и материального ущерба Верховный суд Республики Марий Эл в очередной раз отказал в применении постановлений ЕСПЧ. В этот раз суд не высказал каких-либо возражений относительно применения постановлений ЕСПЧ, принятых до 5 мая 1998 г., против других государств. В деле Давлетшиных суд нарушил иное правило применения практики ЕСПЧ в национальных судебных решениях.

М.М. Давлетшин и Л.Г. Давлетшина, родители 19-летней девушки Мляры, пропавшей 4 июня 1999 г., в первые дни после исчезновения дочери пытались подать заявление об исчезновении участковому милиционеру. В течение нескольких дней заявление не принималось. Позднее правоохранительными органами Республики Марий Эл было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 105 УК РФ и к уголовной ответственности привлечены лица, подозреваемые в совершении преступления. Следствие длилось несколько лет, дело несколько раз направлялось из Верховного суда Республики Марий Эл на дополнительное расследование. В результате Верховным судом Республики Марий Эл был вынесен оправдательный приговор в отношении лиц, которые обвинялись в совершении преступления. До настоящего времени лица, совершившие преступление, правоохранительными органами не установлены, а предварительное следствие приостанов-

---

евне отказано в удовлетворении иска в интересах Маховой Дарьи Игоревны к Министерству финансов Российской Федерации о компенсации морального вреда // <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/obl/makhovaia.htm>.

лено, но периодически возобновляется для выполнения формальных обязательств. Давлетшины обратились в Йошкар-Олинский городской суд с иском к Министерству финансов РФ и Министерству финансов Республики Марий Эл в связи с нарушением их права на эффективное расследование (позитивное обязательство ст. 2 Конвенции), как оно понимается в практике ЕСПЧ. 12 декабря 2005 г. Йошкар-Олинский городской суд и 24 января 2006 г. Верховный суд Республики Марий Эл не применили Конвенции при рассмотрении данного дела. Верховный суд Республики Марий Эл обосновал отказ тем, что обстоятельства дела Давлетшиных и обстоятельства дел ЕСПЧ, на которые ссылались истцы, различались:

> Решения Европейского суда по правам человека, действительно, являются частью правовой системы Российской Федерации и, безусловно, учитываются в правоприменительной практике судов России с 5 мая 1998 г. Однако приведенные в жалобе решения не могут учитываться при рассмотрении данного гражданского дела, поскольку обстоятельства по тем делам и по данному конкретному гражданскому делу различны. В частности, в них истцы ссылаются на решения, в которых граждане были лишены жизни в результате применения силы официальными представителями власти. В данном же гражданском деле моральный вред был причинен истцам в результате предполагаемого убийства их дочери (труп ее не обнаружен) не представителями власти, а неустановленными лицами. Вынесение оправдательного приговора в отношении Гайнуллина Э.Г. и прекращение уголовного преследования в отношении Цымбалова Д.В. не нарушает прав и интересов истцов как потерпевших по уголовному делу. В противном случае ставилась бы под сомнение обоснованность вступившего в законную силу оправдательного приговора суда. Уголовное дело направлено для расследования прокурору Республики Марий Эл. В настоящее время оно приостановлено. В случае установления лиц, виновных в совершении преступления в отношении дочери истцов, Давлетшины вправе предъявить им требования о компенсации морального вреда…[1]

---

[1] Определение Верховного суда Республики Марий Эл от 24 января 2006 г. на решение Йошкар-Олинского городского суда от 12 декабря 2005 г. по иску Давлетшиных к Министерству финансов РФ и Министерству финансов Республики Марий Эл о взыскании компенсации морального вреда и материального ущер-

Сопредседатель Йошкар-Олинской городской общественной организации «Человек и закон» и представитель заявителей С. Подузов отметил, что Давлетшины обратились в суд для признания нарушения «государством статьи 2 (право на жизнь) Конвенции о защите прав человека и основных свобод в той части, что представители нашего государства не провели эффективное расследование уголовного дела, что является по прецедентам Европейского суда по правам человека также нарушением статьи 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод»[1]. Однако ни Йошкар-Олинский городской суд, ни Верховный суд Республики Марий Эл не приняли во внимание позитивное обязательство Российской Федерации, закрепленное в ст. 2 Конвенции, проводить эффективное расследование исчезновения. В настоящее время жалоба Давлетшиных на нарушение Россией ст. 2 Конвенции находится на рассмотрении ЕСПЧ.

Впервые юристам организации «Человек и закон» удалось применить Конвенцию в 2006 г. в деле по иску Н.Ю. Свистунова к Министерству финансов РФ о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов внутренних дел, повлекших нарушение его прав[2]. Данное решение может служить положительным примером применения Конвенции и постановлений ЕСПЧ в решениях российских судов.

Основанием искового заявления Свистунова стало «бесчеловечное и унижающее достоинство обращение» (термины из текста ст. 3 Конвенции), которому он подвергся, находясь в заключении в изоляторе временного содержания. В исковом заявлении Свистунов указал следующее: в камере отсутствовало отопление, освещение, кроме дежурного, горячая и холодная вода, туалет, стол для возможности подготовки к следственным действиям, бачок для

ба // <http://www.demos-center.ru/projects/6B3771E/71A1FC6/71A2046/%201146064135>.

1 *Подузов С.* Йошкар-Олинский городской суд руководствуется нормами международного права.

2 Решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 14 марта 2006 г. по делу по иску Н.Ю. Свистунова к Министерству финансов Российской Федерации о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов внутренних дел // <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/rus_judgments/distr/svistunov.htm>.

питьевой воды, постельное белье; матрац был в ветхом состоянии — заражен клопами и вшами; санитарно-дезинфекционные мероприятия, влажная уборка камер не проводились; ежедневной прогулки не менее одного часа не проводилось; нарушалось его право помыться в душе один раз в неделю, право воспользоваться собственными постельными принадлежностями; не были предоставлены мыло, стиральный порошок и иные предметы личной гигиены; в результате ненадлежащих условий содержания истец заболел, врач зарегистрировал повышение температуры и артериального давления.

Необходимо отдать должное судье Йошкар-Олинского городского суда Т.В. Сысоевой, подробно рассмотревшей гарантии ст. 3 Конвенции, как они понимаются в постановлениях ЕСПЧ (в частности, в деле Калашников против России), установила условия содержания Свистунова в ИВС и применила правовую позицию из дела Калашникова к делу Свистунова.

Оценивая вышеуказанные доказательства в их совокупности, суд приходит к выводу, что в результате ненадлежащих условий содержания в ИВС при ОВД г. Волжска Свистунову Н.Ю. причинены нравственные и физические страдания, уровень которых причинен в более высокой степени, чем тот уровень лишений и страданий, который неизбежен при лишении свободы; условия содержания заявителя под стражей, в частности антисанитарная обстановка в ней и вредные для здоровья и благополучия заявителя последствия этой обстановки приравниваются к унижающему достоинство обращению. Следовательно, нарушение ст. 3 Конвенции имело место[1].

Имеются и другие примеры применения положений Конвенции Йошкар-Олинским городским судом и Верховным судом Республики Марий Эл. Каждое из них отличается друг от друга качеством применения Конвенции. В некоторых делах суды только цитируют статью Конвенции, в других суды применяют практику ЕСПЧ. Важно отме-

---

[1] Решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 14 марта 2006 г. по делу по иску Н.Ю. Свистунова к Министерству финансов Российской Федерации о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов внутренних дел.

тить, что все эти дела были рассмотрены разными судьями[1]. Это обстоятельство показывает, что случаи применения судами Конвенции не являются исключениями, не являются результатом деятельности одного прогрессивного судьи.

Сотрудники аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области отметили некоторые тенденции применения Конвенции судами Свердловской области. А.В. Деменева, главный специалист аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области, заметила, что есть случаи, когда суды уклоняются от применения Конвенции, подменяя предмет спора[2].

Можно привести следующий пример. Л. находился в больнице при тюрьме — учреждение УЩ-349/2 Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции РФ по Свердловской области, где он предположительно подвергался пыткам и был убит двумя тюремными надзирателями, Т. и Б. Надзиратели были приговорены к трем месяцам лишения свободы за убийство Л., причиненное с превышением пределов необходимой обороны[3]. З., жена убитого заключенного Л., обратилась в Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга с иском к прокуратуре Свердловской области, Министерству финансов РФ, Управлению Федерального казначейства РФ по Свердловской области[4]. Суд не рассмотрел требование заявительни-

---

1 Информация о деятельности Йошкар-Олинской городской общественной организации «Человек и закон» была почерпнута из моего интервью с сопредседателями Йошкар-Олинской городской общественной организации «Человек и закон» С. Подузовым и И. Протасовой от 30 апреля 2006 г. и от 6 декабря 2007 г. соответственно, а также постановлений Йошкар-Олинского городского суда и Верховного суда Республики Марий Эл по делам, представителями заявителей по которым были юристы Йошкар-Олинской городской общественной организации «Человек и закон», см. также: *Подузов С.* Йошкар-Олинский городской суд руководствуется нормами международного права.

2 Этот метод уклонения от применения Конвенции уже отмечался в практике Йошкар-Олинского городского суда и Верховного суда Республики Марий Эл.

3 Свердловский областной суд постановил, что надзиратели использовали опасную для жизни силу, потому что они подверглись нападению со стороны Л. Определение кассационной инстанции Свердловского областного суда от 12 октября 2005 г. (уголовное дело).

4 Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 27 июня 2006 г. по иску З. к прокуратуре Свердловской области, Министерству финансов РФ, Управлению Федерального казначейства РФ по Свердловской области (гражданское дело).

цы о компенсации морального вреда, причиненного ненадлежащим проведением расследования прокуратурой фактов применения пыток в отношении ее мужа (процессуальное нарушение ст. 3 Конвенции). Заявительница З. обосновала свой иск тем, что следы на теле ее мужа показывают, что он подвергался пыткам и умер от полученных травм и что прокуратура провела ненадлежащее расследование обстоятельств убийства ее мужа с тем, чтобы скрыть факт применения пыток надзирателями.

Верх-Исетский суд г. Екатеринбурга в своем решении от 27 июня 2006 г. подменил предмет гражданского дела, рассмотрев иск как спор о компенсации морального вреда, причиненного З. смертью мужа, а не отсутствием проведения надлежащего расследования обстоятельств смерти и возможных пыток ее мужа, как требовала в иске З.

Верх-Исетский районный суд г. Екатеринбурга проигнорировал представленные З. доказательства: несколько заявлений от З. в прокуратуру с приложением фотографий тела погибшего мужа и описаний телесных повреждений, установленных экспертами-патологоанатомами. Суд пришел к выводу, что Л. пыткам не подвергался, так как надзиратели не были приговорены за применение пыток. Поэтому суд отказал в удовлетворении исковых требований З., указав, что иск должен быть предъявлен к бывшим надзирателям, кто и причинил Л. смерть. К такому же выводу пришла и кассационная инстанция Свердловского областного суда. Однако причинно-следственная связь в данном деле полностью противоположная: надзиратели не были приговорены за применение пыток, потому что прокуратура не провела надлежащего эффективного расследования применения пыток.

Таким образом, суды уклонились от рассмотрения вопроса соблюдения процессуальных гарантий ст. 3 Конвенции, подменив основания, представленные З. (предполагаемые факты применения пыток и отсутствие эффективного расследования данных фактов и обстоятельств смерти Л.), другими основаниями, представленными Верх-Исетским районным судом (причинение надзирателями смерти Л.). Дело З. не является одним случаем подмены предмета спора. Аналогичные ситуации регулярно возникают, при рассмотрении судами исков о компенсации морального вреда, причиненного применением пыток, где заявители поднимают вопрос

об ответственности прокуратуры за проведение ненадлежащего расследования[1].

Среди других категорий дел специалисты аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области ведут дела о защите прав граждан при выселении из жилых помещений. Обычно собственник жилого помещения (муниципалитет или предприятие) обращается в суд с исковым требованием о выселении гражданина или семьи в связи с незаконным проживанием в квартире. «Незаконное» проживание, как правило, было связано с нарушением процедуры вселения в жилое помещение со стороны собственника помещения: гражданам было разрешено въехать в помещение, принадлежащее собственнику, без надлежащего оформления необходимых документов самим собственником. Граждане продолжали проживать в жилых помещениях по 3–17 лет до того момента, как собственник предъявлял иск о выселении.

Главный специалист аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области А.А. Засыпкин ведет порядка 20 таких дел в год в г. Екатеринбурге и Свердловской области, не считая письменных и устных консультаций по аналогичным делам. Несмотря на то что ситуация сегодня меняется в положительную сторону, зачастую суды принимают решения в пользу собственников[2]. Во всех решениях, вынесенных в пользу квартиросъемщиков, суды постановили, что нарушения процедуры занятия жилых помещений не имеют юридического значения для разрешения данных дел и не могут нарушать права квартиросъемщиков, потому что не были совершены квартиросъемщиком. С ноября 2004 г.[3] А.А. Засыпкин как представитель квартиросъемщиков начал в большинстве своих дел применять принципы Конвенции, выработанные в постановлениях ЕСПЧ, в частности, в деле Прокопович против России. Он пред-

---

1 А.В. Деменева, консультант аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью; Л.М. Чуркина, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, юрист ОО «Сутяжник». Интервью.

2 На сентябрь 2007 г. суды принимали семь из десяти решений в пользу квартиросъемщиков. А.А. Засыпкин, главный специалист аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 28 сентября 2007 г.

3 Месяц, когда ЕСПЧ принял постановление по делу *Prokopovich v. Russia* (Прокопович против России). Постановление ЕСПЧ от 18 ноября 2004 г.

ставлял вниманию судов извлечения из постановления Проковович против России:

Европейский суд напоминает прецедентное право органов Конвенции относительно того, что концепция «жилища» по смыслу ст. 8 Конвенции не ограничена жилищем, занимаемым на законных основаниях или установленным в законе порядке. «Жилище» — это автономная концепция, которая не зависит от классификации в национальном праве. То, является ли место конкретного проживания «жилищем», которое бы влекло защиту на основании пункта 1 статьи 8 Конвенции, зависит от фактических обстоятельств дела, а именно от наличия достаточных продолжающихся связей с конкретным местом проживания...[1]

Более того, Европейский суд установил, что у заявителя не было нигде более другого жилья. Хотя власти Российской Федерации отказались считать квартиру Филиппова «жилищем» заявителя, они не указывали, какое другое жилье должно рассматриваться как «жилище» заявителя. Действительно, Европейский суд отметил, что, хотя национальные суды установили тот факт, что заявитель сохранила право проживать в квартире ее дочери, они не утверждали, что указанная квартира была действительным жилищем заявителя[2].

ЕСПЧ указывает, что выселение из «жилища» может признаваться нарушением ст. 8 Конвенции при определенных условиях (так как ст. 8 не является абсолютной, а квалифицированной), не говоря уже о ситуации, когда у квартиросъемщика нет никакого другого «жилища».

В российском законодательстве отсутствует аналогичная норма, которая регулировала бы выселение из жилого помещения в связи с нарушением процедуры вселения со стороны собственника помещения. А.А. Засыпкин вспоминает, что ни один судья, рассматривавший дела о выселениях, в которых он принимал участие, не вынесли решения в пользу квартиросъемщиков на основании ст. 8 Конвенции и соответствующих постановлений ЕСПЧ, в том числе постановле-

---

1 См.: Там же. Параграф 36.

2 См.: Там же. Параграф 38.

ния Прокопович против России[1]. Очень редко судьи отражали в своих решениях ч. 1 ст. 40 Конституции РФ[2]. Например, в деле по иску ОАО «Уралхиммаш» к Тимофеевой о выселении Чкаловский районный суд г. Екатеринбурга принял решение в пользу ответчика на основании ч. 1 ст. 40 Конституции РФ[3]. Как отметил Засыпкин, судья Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга Булакова внимательно выслушала аргументы Засыпкина, представителя Тимофеевой, которые были основаны на разработанной ЕСПЧ концепции «жилища», кратко изложенной в деле Прокопович против России. Тем не менее в решении суда не было ссылки на практику ЕСПЧ, Конвенция была проигнорирована по неизвестным причинам.

Что касается вопроса эффективности Конвенции при защите прав квартиросъемщиков, Засыпкин отметил:

> Все зависит от ситуации. Конвенция является эффективным инструментом в том случае, если они представлены судье вместе с аргументами, основанными на национальном праве. В целом, стоит ли применять или нет Конвенцию, зависит от личных качеств конкретного судьи. Это может раздражать судей. Были случаи, когда судья ответила на мои аргументы, основанные на Конвенции: «Хм, Европейский суд меня не касается»[4].

Межрегиональная общественная организация «Комитет против пыток» (далее — Комитет)[5] специализируется на делах о пытках. В случае невозможности получения правовой защиты в рамках национальной правовой системы, юристы Комитета обращаются с жалобами в ЕСПЧ на нарушение ст. 2 и 3 Конвенции. Для избежания обращения в ЕСПЧ и в целях более эффективной защиты прав граж-

---

1 А.А. Засыпкин, главный специалист аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью.

2 «Каждый имеет право на жилище. Никто не может быть произвольно лишен жилища».

3 Решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 13 октября 2004 г. по иску ОАО «Уралхиммаш» к Тимофеевой о выселении.

4 А.А. Засыпкин, главный специалист аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью.

5 См.: <http://www.pytkam.net>.

дан на национальном уровне юристы Комитета подкрепляют каждое исковое заявление или жалобу, направляемые в национальные суды, ссылками на нормы Конвенции, как они понимаются в практике ЕСПЧ. На 2008 г. Комитет представлял интересы граждан по 180 дел. В целом судьи склонны отдавать предпочтение нормам национального права и не применять Конвенцию.

> Мы не возражаем, если судья применяет положение национального права, аналогичное содержащемуся в Конвенции. Обычно судьи просто игнорируют наши ссылки на Конвенцию и практику ЕСПЧ. Иногда судьи выражают неудовольствие в отношении обращения нами к международным документам. Полагаю, что это объясняется тем, что судьи не любят работать с документами, которые они знают меньше, чем стороны дел[1].

В. Марченко, Председатель Фонда «Право матери»[2], отметила:

> В целом мы не злоупотребляем правом обращения к Конвенции и практике ЕСПЧ. Мы применяем Конвенцию, где это уместно, чтобы такая ссылка «сработала». В дополнение к международному праву мы также приводим аргументы, основанные на национальном праве. У нас нет фактов злостного игнорирования Конвенции[3].

Обе общественные организации признали, что ППВС 2003 г. несколько повлияло на состояние применения Конвенции в судах. После 2003 г. судьи постепенно начали применять Конвенцию, тогда как до 2003 г. судьи никогда не обращались к Конвенции.

В целом очевидно, что районные суды более профессионально работают с Конвенцией и практикой ЕСПЧ, чем Верховный Суд РФ.

---

1 О.А. Садовская, заместитель председателя межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток». Интервью провел А.Л. Бурков 27 ноября 2007 г.

2 Фонд «Право матери» — общественная организация, основанная в 1990 г. для защиты прав и интересов родителей, чьи дети погибли в Советской и Российской армии в мирное время, а также в результате совершения преступлений, плохих условий службы, ненормального психологического климата и других причин. См.: <http://www.mright.hro.org>.

3 В. Марченко, председатель Фонда «Право матери». Интервью провел А.Л. Бурков 26 ноября 2007 г.

Об этом говорит не только сравнение практики Верховного Суда РФ и нижестоящих судов, а также официальный обзор практики нижестоящих судов, подготовленный Верховным Судом РФ.

Например, в «Обзоре практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта»[1] Верховный Суд РФ отметил положительную практику нижестоящих судов по применению ст. 8 и 10 Конвенции:

> Изучение судебной практики показало, что судами при рассмотрении дел данной категории в основном обеспечивалось равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, деловой репутации и неприкосновенности частной жизни, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами, с другой стороны. При этом суды руководствовались не только нормами российского законодательства, но и учитывали правовую позицию Европейского суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (прежде всего ст. 10). Кроме того, руководствовались разъяснениями, данными Пленумом Верховного Суда РФ в постановлениях от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»... от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

В качестве примера положительной практики применения ст. 10 Конвенции Верховный Суд РФ привел решение Советского районного суда г. Тулы от 22 марта 2005 г., который отказал в иске М. к государственному унитарному предприятию Тульской области «Редакция газеты „Тульские известия“» и к Х. о защите чести, достоин-

---

[1] Обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12.

ства, деловой репутации, компенсации морального вреда. Суд постановил, что

> истец является главой муниципального образования, и опубликованная статья носит оценочный, иронический характер, представляет собой субъективное мнение автора о перспективах новых выборов главы муниципального образования в случае участия в них истца. Приведенные в статье суждения невозможно проверить на предмет их действительности, и, следовательно, они не могут быть предметом опровержения.

Обосновав свое решение постановлениями ЕСПЧ по делам *Lingens v. Austria*[1], *Oberschlick v. Austria*[2], *De Haes and Gijsels v. Belgium*[3], Советский районный суд г. Тулы пришел к заключению, что спорная публикация не нарушила чести, достоинства и деловой репутации истца М.

Необходимо остановиться еще на одной характерной черте применения международного права в Российской Федерации. В ней можно увидеть корни проблемы применения международных договоров по правам человека в правовой системе Советского Союза. Судья Свердловского областного суда В.А. Дмитриев заметил, что ему почти не встречались примеры применения международного права. Ему не встречались решения, в которых применялись бы нормы международного права, в том числе Конвенции, в решениях районных судов, в пересмотре которых он принимает участие как судья кассационной инстанции. Ни судья В.А. Дмитриев, ни его коллеги не применяли нормы международного права при рассмотрении дел в кассационном порядке. Не применял судья В.А. Дмитриев норм международного права при рассмотрении дел в качестве судьи первой инстанции, за одним исключением.

Как отметил судья В.А. Дмитриев, иногда судьи применяют международное право, например, Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным де-

---

1 *Lingens v. Austria.*

2 *Oberschlick v. Austria.*

3 *De Haes and Gijsels v. Belgium* (Де Хаес и Гиджселс против Бельгии). Постановление ЕСПЧ от 24 февраля 1997 г.

лам» от 22 января 1993 г.[1] гражданско-правовой помощи в странах СНГ, в основном при рассмотрении вопроса исполнения решений иностранных судов[2]. Судья Свердловского областного суда Т.Е. Соболева также отметила, что в судебной практике применяются международные договоры по оказанию правовой помощи по разным категориям дел[3]. Заместитель Председателя Ленинского районного суда по гражданским делам г. Екатеринбурга В.П. Игнатьев довольно часто применяет международные договоры по международным гражданским и грузовым перевозкам, чего сказать относительно Конвенции[4].

Аналогичную тенденцию заметили и адвокаты. Рассказывая о своих общих впечатлениях, адвокат Л.М. Чуркина отметила: если мы проанализируем историю применения норм международного права, то можно заметить, что именно нормы международных договоров регулярно применялись в советской, а затем и российской правовых системах. Это, как правило, договоры, по которым государства сотрудничают между собой по конкретным типам дел: международные договоры о предоставлении правовой помощи по гражданским, семейным, налоговым и уголовным делам. Государство заинтересовано в применении данных международных договоров, потому что по данным делам затрагиваются интересы в первую очередь именно государства. По договорам же правозащитного характера субъектом права и выгодополучателем является гражданин. На практике договоры по правам человека не применяются по инициативе органов власти[5]. Эта традиция имеет свои корни в советской правовой системе[6]. Несмотря на то что Советский Союз и Российская Федерация ратифицировали многосторонние международные договоры по правам

---

1 Бюллетень международных договоров. 1995. № 2. С. 3–28. Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 4 августа 1994 г. № 16-ФЗ.

2 В.А. Дмитриев, судья Свердловского областного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 27 сентября 2007 г.

3 Т.Е. Соболева, судья Свердловского областного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 28 сентября 2007 г.

4 В.П. Игнатьев, заместитель Председателя по гражданским делам Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью провел А.Л. Бурков 28 августа 2007 г.

5 Л.М. Чуркина, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, юрист ОО «Сутяжник». Интервью.

6 См. гл. 2.

человека и договоры не правозащитного характера, судьи предпочитают применять последние типы норм международного права[1].

6.5. Заключение

Анализ практики Конституционного Суда РФ показывает, что Конституционный Суд РФ относительно регулярно обращается к практике ЕСПЧ с тем, чтобы извлечь смысл того или иного положения Конвенции, чтобы установить содержание прав граждан, закрепленных в Конституции РФ. Конституционный Суд РФ обращается к принципам Конвенции с тем, чтобы обосновать свои заключения о толковании положений Конституции РФ. Как правило, Конституционный Суд РФ использует фразы «Европейский Суд по правам человека придерживается аналогичной позиции», «сделанные заключения соответствуют практике Европейского Суда по правам человека», «позиция Европейского Суда по правам человека соответствует такому пониманию».

Уставный суд Свердловской области вообще не применяет Конвенции.

Невозможно говорить, что Конвенция не применяется в практике судов общей юрисдикции. Тем не менее объем и качество применения не того уровня, который можно ожидать в правовой системе государства, присоединившегося к Уставу Совета Европы 14 лет назад и ратифицировавшего Конвенцию 12 лет назад.

В большинстве дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также гражданских дел о признании неэффективности проведения расследования убийств, пыток и исчезновений, а также по многим другим категориям дел Конвенция может служить серьезным правовым основанием требований по делу.

1. Верховный Суд РФ не применяет Конвенцию с какой-либо степенью регулярности и компетентности. Эта ситуация имеет место

---

[1] Хороший обзор практики применения Конвенции в российских судах также можно найти в статье: *Trochev A.* All Appeals Lead to Strasbourg? Unpacking the Impact of the European Court of Human Rights on Russia (June 18, 2009). Demokratizatsiya. Vol. 17. № 2. P. 145–178. Spring 2009; Univ. of Wisconsin Legal Studies Research Paper. № 1082 // <http://ssrn.com/abstract=1421342>.

несмотря на то, что в 2003 г. Пленум Верховного Суда РФ направил нижестоящим судам специальное постановление о применении норм международного права. Практика Верховного Суда РФ значительно не изменилась. Верховный Суд РФ начал применять практику ЕСПЧ после 2003 г., но делает это редко, со многими ошибками и выборочно. Часто Верховный Суд РФ игнорирует принципы Конвенции, о применении которых ходатайствуют стороны, или не дает существенных оснований для отказа в применении Конвенции. Сложилась ситуация, в которой национальный верховный суд, издав специальное разъясняющее постановление, обязывающее нижестоящие суды применять Конвенцию, как она понимается в практике ЕСПЧ, не следует этому постановлению в своей собственной практике. Важно также учитывать и рекомендацию Комитета министров Совета Европы: «Государства применяют Конвенцию в своих правовых системах, как она понимается в практике Европейского суда»[1]. Применение Верховным Судом РФ Конвенции без обращения к практике ЕСПЧ приводит к неправильному применению ее принципов.

2. Практика районных судов показывает лучшее восприятие Конвенции. Имеются основания полагать, что редкие случаи применения Конвенции районными судами состоялись по инициативе сторон, чьи аргументы были основаны на Конвенции и постановлениях ЕСПЧ, нежели по инициативе судов. Применение Конвенции в российских судах во многом зависит от инициативы и уровня аргументов сторон, а также от семинаров и книг по Конвенции, доступных судьям. Верховный Суд РФ внес свой вклад в развитие восприятия Конвенции среди нижестоящих судей изданием ППВС 2003 г. Это значит, что постановления Пленума Верховного Суда РФ могут служить эффективным инструментом и должны быть использованы шире для поднятия уровня применения Конвенции в решениях национальных судов. Для этой цели содержание ППВС должно быть изменено[2].

---

[1] Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)5 государствам — членам Европейской конвенции по правам человека по вопросу контроля соответствия проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114 сессии). Параграф 3. См.: Приложение 4.

[2] Этот вопрос будет рассмотрен в гл. 8.

3. Судьи районных судов, как правило, не обладают знаниями и опытом применения Конвенции. Как правило, гарантии Конвенции и выраженные в постановлениях ЕСПЧ правовые позиции применяются в делах по инициативе сторон процесса в форме ходатайства судье о применении Конвенции. Чем чаще судья сталкивается с представленными стороной аргументами, основанными на Конвенции и практики ЕСПЧ, тем более вероятно, что судья применит принципы Конвенции.

4. Зачастую судьи сознательно игнорируют представляемые сторонами конвенционные аргументы и практику ЕСПЧ или просто пишут в решениях, что Конвенция неприменима по такому-то делу, не подтверждая сделанный вывод юридическим анализом фактов, аргументов. Есть случаи, когда для избежания применения Конвенции и практики ЕСПЧ судьи неправильно применяют принцип применения прецедента или подменяют предмет спора по делу. Представляется, что причиной такого поведения является нежелание, чтобы потенциальное решение по конкретному нарушению права привело к далеко идущим последствиям для государственного органа или должностного лица в связи с незаконностью их действий (бездействия).

5. Неуказание в ППВС названий постановлений ЕСПЧ приводит к тому, что суды, применяя почерпнутые в постановлениях ЕСПЧ принципы, не отражают в своих решениях названия этих постановлений ЕСПЧ. Правовая позиция Верховного Суда РФ о юридической силе практики ЕСПЧ только принятых в отношении России постановлений приводит к тому, что судьи отказывают в применении постановлений ЕСПЧ, принятых против других стран.

6. Есть случаи отказа применения постановлений ЕСПЧ, принятых до 5 мая 1998 г., на том основании, что Россия ратифицировала Конвенцию только 5 мая 1998 г. и в отношении России обязательную силу имеют только постановления и решения ЕСПЧ, принятые после 5 мая 1998 г.

7. Как и до Конституции РФ 1993 г., суды продолжают с большей готовностью применять международные договоры не правозащитного характера, а не Конвенцию.

ГЛАВА 7

Препятствия для применения Конвенции о защите прав человека и постановлений Европейского суда по правам человека в национальных судах

В связи с тем что причины неудовлетворительного состояния применения Конвенции трудно точно определить с помощью исключительно анализа постановлений судов, интервью с лицами, принимающими участие в отправлении правосудия в России, незаменимы для выделения основных причин существующей ситуации.

Все 15 адвокатов и юристов различных общественных организаций не возражали против интервью. Необходимо отметить открытость председателей районных судов Свердловской области. За некоторым исключением, большинство опрошенных судей (12 из 15) не возражали против проведения интервью. Было несколько случаев, когда судьи отказывали во встрече, узнав тему интервью. Председатель Железнодорожного районного суда г. Екатеринбурга О.А. Гаврилова и председатель Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга Н.М. Мирошниченко не просто отказались отвечать на какие-либо вопросы после того, как узнали тему разговора, но также не разрешили проведение интервью с судьями возглавляемых ими судов[1].

---

[1] Сам факт существования возможности председателя суда запретить проведение интервью с другими судьями говорит о состоянии независимости судей. Данная проблема неоднократно поднималась практикующими в судах юристами.

Первый заместитель председателя Свердловского областного суда А.А. Дементьев, действовавший на момент проведения интервью в качестве исполняющего обязанности председателя Свердловского областного суда, согласился на разговор, но только по телефону, сделав неожиданный телефонный звонок на сотовый телефон. Это произошло спустя два месяца постоянных запросов о возможности проведения интервью.

Вопреки пониманию, полученному исходя из анализа судебной практики, что судьи не применяют практику ЕСПЧ из-за отсутствия знаний о Конвенции, при проведении интервью судьи настаивали на том, что они не только знакомы с конституционной нормой о непосредственном применении норм международного права в правовой системе России, Конвенции и практики ЕСПЧ, но и, более того, применяют Конвенцию, как она понимается в постановлениях ЕСПЧ. Судьи заявляют, что они «учитывают» Конвенцию и практику ЕСПЧ, но не указывают названия конкретных дел или статьи Конвенции, которые они используют при вынесении решения по делу. Представляется, что это вызвано существующей политикой Верховного Суда РФ. Обоснованность этих заявлений будет исследована в настоящей главе.

Как в действительности судьи применяют Конвенцию, выяснилось после получения ответов на конкретные вопросы о способе применения Конвенции, о конкретных примерах и даже о цвете обложки единственного журнала, публикующего переводы постановлений ЕСПЧ, на который до недавнего времени были подписаны все суды общей юрисдикции. Ответы показали, что основной причиной слабого уровня применения гарантий Конвенции национальными судами, несомненно, является отсутствие знания Конвенции. Более того, у судей нет достаточно возможностей и мотивации изучать Конвенцию и практику ЕСПЧ.

Как и при анализе судебной практики, из проведенных интервью очевидно, что имеется много факторов, которые оказывают воздействие на применение Конвенции в национальной правовой системе. Настоящее исследование акцентировано на одном факторе, который непосредственно связан с отправлением правосудия. Мы должны ответить на вопрос: что способен предпринять Верховный Суд РФ, чтобы поднять уровень национального применения Конвенции в судах? Как было показано в главе 4, Верховный Суд РФ обладает важным инструментом — постановлениями Пленума Верховного Суда РФ.

Однако представляется, что Верховный Суд РФ не использует этот нормативный акт в полной степени, что будет продемонстрировано в настоящей главе. Эти две гипотезы, выдвинутые в предыдущих главах и настоящей главе, будут исследованы в главе 8.

Проблема отсутствия знаний по Конвенции была непосредственно или косвенно видна из всех интервью, проведенных с участием как судей, так и адвокатов (в большей степени адвокатов). Некоторые интервьюируемые настаивали, что они знакомы с Конвенцией. Некоторые из них скрывали незнание, что было выявлено каждый раз после ответа на конкретный вопрос. Небольшое число проинтервьюированных, в основном юристов общественных организаций, открыто делились существующей проблемой отсутствия достаточных знаний у судей и адвокатов в области применения Конвенции, а также проблемами, связанными с образованием в этой области.

7.1. Отсутствие осведомленности о Конвенции о защите прав человека как главное препятствие в ее применении российскими судами

7.1.1. Отношение судей к Конвенции о защите прав человека

Основной проблемой в применении Конвенции является отсутствие знания инструмента у участников процесса отправления правосудия. Из проведенных интервью стало очевидно, что, как правило, ни опрошенные судьи, ни адвокаты не используют возможности Конвенции в своей практике.

В то же время российские судьи отлично знают положения п. 4 ст. 15 Конвенции и ППВС, затрагивающие вопросы применения Конвенции. Судьи знают, что в соответствии с вышеназванными нормативными актами Конвенция и международное право в целом являются частью правовой системы Российской Федерации и что в случае противоречия норм Конвенции и национальных законов Конвенция обладает приоритетом. Например, директор Центра защиты прав СМИ Г.Ю. Арапова утверждает, что общий принцип, согласно ко-

торому нормы международного права непосредственно применимы в правовой системе России и обладают приоритетом над положениями национального законодательства, хорошо известен всем, кто обучался на юридических факультетах в России[1]. Судьи также знают основные постановления ЕСПЧ, вынесенные в отношении России.

В интервью судьи обычно утверждают, что они действительно применяют Конвенцию. Тем не менее интервьюируемые терялись при ответах на конкретные вопросы о способе и примерах применения Конвенции при рассмотрении дел. Во-первых, не было продемонстрировано ни одного доказательства (решения суда), подтверждающего применение Конвенции. Несмотря на то что судьи утверждают, что применяли Конвенцию, они вежливо отказывались показать конкретные примеры применения Конвенции. Примеры не были продемонстрированы даже несмотря на то, что небольшое количество приговоров и постановлений с применением Конвенции, вынесенных в период за 2002–2007 гг. районными судами Свердловской области, были отобраны по запросу Верховного Суда РФ.

Летом 2007 г. Верховный Суд РФ направил через областные (конституционные) суды субъектов РФ запрос всем районным судам просмотреть их практику на предмет выявления случаев применения Конвенции в судебных решениях[2]. Например, судья Свердловского областного суда В.Н. Курченко сообщил:

> Данные постановления (с применением Конвенции. — *А. Б.*) были направлены в Москву. Мы не оставили у себя копий[3].

Встречаются случаи, когда судьи путают разные конвенции. Например, отвечая на вопрос, применяют ли судьи Конвенцию о за-

---

1 Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью.

2 На существование такого запроса Верховного Суда РФ указывали многие проинтервьюированные председатели судов и все опрошенные судьи Свердловского областного суда. Тем не менее ни один из судей не предоставил доступа к собранным и направленным в Верховный Суд РФ решениям судов, ссылаясь на то, что копии решений и корреспонденции не были сохранены. Как отметил профессор Б.Л. Зимненко, такой запрос правительству России поступил от Комитета Министров Совета Европы. Б.Л. Зимненко, профессор Дипломатической Академии Министерства иностранных дел, член Научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ. Интервью.

3 В.Н. Курченко, судья Свердловского областного суда, председатель Квалификационной коллегии судей Свердловской области. Интервью.

щите прав человека и основных свобод, Председатель Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга М.А. Валова ответила, что недавно Верховный Суд РФ запросил от нижестоящих судов проведения обзора дел с целью выявления случаев применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Отвечая на конкретный вопрос, какие решения (приговоры) Октябрьский районный суд направил Верховному Суду РФ во исполнение запроса, судья М.А. Валова сказала:

> По трудовому праву. Там Конвенция еще МОТ 1937 г. или 34 года. Она действительно действует напрямую, например, в части отпусков. Тогда это было более гуманное законодательство по отношению к гражданам... Мы еще только начали искать дела, где бы судьи ссылались на Конвенцию. Я даже не знаю, сколько мы найдем дел, где судьи ссылались на Конвенцию. Возможно, мы даже и не найдем. Я знаю, что 2 или 3 раза судьи ссылались именно вот по трудовым спорам, но просто надо сидеть и перебирать дела[1].

Чтобы убедиться, что судья М.А. Валова правильно поняла, о какой конвенции идет речь в интервью, вопрос был перефразирован и задан несколько раз на протяжении интервью. Тем не менее, несмотря на запрос Верховного Суда РФ о предоставлении судебных постановлений, свидетельствующих о применении судами европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, судья М.А. Валова в своих ответах продолжала обращаться к Конвенции Международной организации труда и судебным делам по трудовым вопросам, которые, за некоторым исключением, не охватываются европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод. В то же время судья М.А. Валова продемонстрировала хорошее знание основных принципов непосредственного применения норм международного права в российской правовой системе, а также некоторых постановлений ЕСПЧ по делам в отношении России, в частности, положения постановления Ракевич против России[2].

---

[1] М.А. Валова, председатель Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью.

[2] *Rakevich v. Russia* (Ракевич против России). Постановление ЕСПЧ от 28 октября 2003 г. Это дело касается случая, когда женщина, поведение которой было не-

Председатель Чкаловского районного суда Екатеринбурга С.Г. Кияйкин убежден, что главная проблема применения Конвенции кроется непосредственно в существующей системе. Судья С.Г. Кияйкин настаивал, что не могут соблюдать требование п. 1 ст. 6 Конвенции о разумности сроков рассмотрения дел, если, например, почта своевременно (с уведомлением о вручении) не доставляет судебные повестки сторонам процесса. Это приводит к необоснованным переносам дат судебных заседаний или рассмотрения дел в отсутствие сторон.

Судья С.Г. Кияйкин продемонстрировал хорошее знание метода применения Конвенции. Важно отметить, что судья С.Г. Кияйкин принимал участие в образовательных поездках в суды, которые используют прецедент как источник права: ЕСПЧ и Верховный Суд США. Каждый раз после упоминания в интервью слов «применение Конвенции», судья С.Г. Кияйкин поправлял, указывая: «Что это значит „применение Конвенции“?! Это только текст. Мы должны говорить о применении практики ЕСПЧ»[1]. Тем не менее судья С.Г. Кияйкин не привел конкретные примеры применения практики ЕСПЧ в решениях (приговорах) Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга.

Первоначально заместитель председателя по гражданским делам Ленинского районного суда г. Екатеринбурга В.П. Игнатьев настаивал на том, что судьи Ленинского суда знакомы с Конвенцией и используют ее в своей работе. В завершении же интервью судья В.П. Игнатьев признал, что судьи не только не знакомы с Конвенцией, но также не уверены в том, какова будет реакция кассационной инстанции, если бы судья применил Конвенцию. И в этот раз су-

---

сколько странным, была осмотрена сотрудниками психиатрической больницы и принудительно доставлена в психиатрическую больницу, где провела 39 дней без судебного решения, санкционирующего госпитализацию. Согласно соответствующему законодательству суд должен рассмотреть вопрос заключения в психиатрическую больницу в течение 5 дней с момента принудительной госпитализации. ЕСПЧ признал лишение свободы Ракевич нарушающим п. «е» ч. 1 ст. 5 Конвенции. Также ЕСПЧ признал нарушение ч. 4 ст. 5 Конвенции в связи с отсутствием положения в российском законодательстве, которое предоставляло бы принудительно госпитализированному право обжаловать в суде законность госпитализации // <http://sutyajnik.ru/rus/echr/school/judg_v_russia.html>.

[1] С.Г. Кияйкин, председатель Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью провел А.Л. Бурков 27 августа 2007 г.

дья В.П. Игнатьев не смог назвать, продемонстрировать конкретные примеры применения Конвенции. Применение Конвенции не воспринимается им как неотложная проблема[1].

Интервью с судьей Игнатьевым следует воспринимать в свете юрисдикции Ленинского районного суда г. Екатеринбурга, который в связи со своим расположением рассматривает большинство дел в Екатеринбурге, которые затрагивают вопросы прав человека. Например, Министерство финансов Свердловской области, Управление Федерального казначейства по Свердловской области и администрация г. Екатеринбурга расположены в Ленинском районе г. Екатеринбурга и подпадают под юрисдикцию одноименного суда при рассмотрении дел по заявлениям граждан о незаконных действиях (бездействии) представителей соответствующих органов государственной власти.

Уполномоченный по правам человека в Свердловской области Т.Г. Мерзлякова указала, что критичное отношение к постановлениям ЕСПЧ против России обычно среди судей. Представляется, что это свидетельствует об их информированности по вопросу Конвенции. Когда в апреле 2005 г. судья ЕСПЧ А.И. Ковлер выступил перед председателями и некоторыми рядовыми судьями районных судов, судьи разошлись во мнениях с судьей А.И. Ковлером по выводам многих постановлений ЕСПЧ против России[2].

С одной стороны, такая критика показывает знакомство судей с Конвенцией и постановлений ЕСПЧ в отношении России. С другой стороны, это также показывает, что судьи не учатся на своих собственных ошибках, ошибках коллег. Например, председатель Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Л.Н. Руденко высказала интересную позицию относительно дела Ракевич против России. Это дело возникло в том же Орджоникидзевском районном суде г. Екатеринбурга в то время, когда Л.Н. Руденко была председателем одного из районных судов г. Нижнего Тагила Свердловской области. Судья Л.Н. Руденко в интервью не признала, что по делу Ракевич Орджоникидзевским районным судом была допу-

---

1 В.П. Игнатьев, заместитель председателя по гражданским делам Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью.

2 Т.Г. Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 28 сентября 2007 г.

щена ошибка. Несмотря на осведомленность судьи Л.Н. Руденко с обстоятельствами дела Рекевич, судья Л.Н. Руденко, тем не менее, до сих пор выражает уверенность, что психически больной, не являющийся опасным для самого себя или общества, может и должен быть принудительно помещен в психиатрическую больницу. Что касается соблюдения сроков рассмотрения таких дел, по словам судьи Л.Н. Руденко, с 2003 г. все дела, аналогичные делу Ракевич, рассматриваются Орджоникидзевским районным судом с соблюдением установленных законом сроков[1]. На соблюдение сроков по такой категории дел указывали также другие председатели районных судов г. Екатеринбурга.

По словам Г.Ю. Араповой, большинство проблем с применением Конвенции возникает не из-за предвзятого отношения к делу, а из-за отсутствия у юристов знаний в этой области права. Даже в ситуации отсутствия предвзятого отношения к делу судьи стараются избегать применения Конвенции. Г.Ю. Арапова объяснила главную причину игнорирования судьями аргументов сторон, основанных на Конвенции. Судье психологически трудно использовать Конвенцию, если он не знаком с работой этого инструмента.

> Дураком не хочется выглядеть. Потому что сошлешься неправильно — тебя поправят. Чтобы сослаться правильно, нужно уметь, как. Поэтому если судья чувствует, что он не понимает и может обойти этот вопрос и мотивировать без ссылки на Конвенцию, то он в принципе это делает[2].

Поэтому главной проблемой, с которой столкнулись юристы Центра защиты прав СМИ, было отсутствие у судей знаний по Конвенции. Аналогичные причины неприменения Конвенции в судебных делах были выявлены и юристами Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека ОО «Сутяжник»[3].

Тем не менее проблема с применением Конвенции кроется не только в отсутствии достаточных знаний Конвенции у судей. Адво-

---

1 Л.Н. Руденко, председатель Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью.

2 Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью.

3 См. гл. 6, в частности дело Берг и дело Буркова, а также дела, рассмотренные судьями Свердловского областного суда.

кат Л.М. Чуркина отметила, что зачастую причиной неприменения Конвенции в судебных решениях являлось отсутствие соответствующих знаний как у судей, так и у адвокатов[1].

Аналогичный момент был отмечен судьями Свердловского областного суда В.А. Дмитриевым и Т.Е. Соболевой. Так как стороны не знакомы с Конвенцией, они не обращаются к суду с ходатайством о применении к фактам по делу норм Конвенции. Судья В.А. Дмитриев отметил причину неприменения Конвенции в отсутствии соответствующих знаний у сторон по делу и, главным образом, их представителей:

> Прежде всего, может быть, из-за правовой культуры тех же участников процесса, которые ограничиваются ссылками только на национальное законодательство. Если бы было больше знаний относительно международного права. Но стороны не ссылаются на Конвенцию. Они ссылаются на национальное законодательство или проконсультируются у адвоката, который, в лучшем случае, обратится за ответом к национальному законодательству. Безусловно, эти нормы будут иметь приоритет над национальным законодательством. Но практически никто на это не обращает внимание. Стороны знакомы с положениями ст. 15 Конституции. Но в абсолютном большинстве случаев они ограничиваются национальным законодательством. И когда разрешают какую-то ситуацию, используют именно эти нормы. Большинство участников процесса не думают, что можно обратиться к нормам международного права, как эти нормы регулируют эту ситуацию. Если бы стороны ссылались на Конвенцию, это бы стимулировало нас[2].

Судья Т.Е. Соболева придерживается такого же мнения. В предыдущей главе указывалось, что юристы ОО «Сутяжник» в судебных процессах судьи Т.Е. Соболевой в течение четырехлетнего периода регулярно ссылались на Конвенцию и в конце концов убедили судью Т.Е. Соболеву, а также ответчиков по разным делам в необхо-

---

1 Л.М. Чуркина, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, юрист ОО «Сутяжник». Интервью.

2 В.А. Дмитриев, судья Свердловского областного суда. Интервью.

димости обращения к положениям Конвенции и практики ЕСПЧ. В интервью в сентябре 2007 г. судья Т.Е. Соболева отметила, что с 2005 г. она ни разу не использовала Конвенцию просто потому, что юристы ОО «Сутяжник» перестали появляться в ее процессах. Другие стороны и их представители не использовали Конвенцию, а Верховный Суд РФ не обязывает обращаться к Конвенции. Поэтому у судьи Т.Е. Соболевой не было необходимости в работе с Конвенцией[1].

Это показывает на необходимость обратиться к анализу отношения юристов, ведущих судебные дела, к использованию Конвенции.

7.1.2. Отношение ведущих судебные дела юристов к Конвенции о защите прав человека

Всего было проинтервьюировано 15 юристов, представляющих в судах интересы сторон (адвокаты, юристы общественных организаций). Аналогично судьям, представители сторон в судебном процессе не обращаются к Конвенции. Главная причина отсутствия интереса юристов к применению Конвенции состоит в неэффективности Конвенции в национальном процессе, что, в свою очередь, влечет отсутствие интереса в ее изучении. Как и в случае с судьями, в ходе проведения интервью появилось представление, что адвокаты старались скрыть отсутствие случаев использования Конвенции в их практике ведения дел в судах и отсутствие знаний Конвенции. Тем не менее в некоторых случаях по мере продолжения интервью и большего доверия юристов к интервьюирующему юристы делились иной информацией о принимаемых шагах для применения Конвенции. В некоторых случаях ответы на конкретные вопросы показали отсутствие знания Конвенции или отсутствие попыток ее использования в практике ведения судебных дел.

При проведении данного исследования были проинтервьюированы адвокаты из двух коллегий адвокатов. Одна из коллегий — Свердловская областная коллегия адвокатов (СОКА). Адвокаты этой коллегии работают по юридическим делам всего спектра юридических вопросов. Другая коллегия адвокатов — Свердловская областная эко-

---

[1] Т.Е. Соболева, судья Свердловского областного суда. Интервью.

номическая коллегия адвокатов (СОЭКА), которая главным образом специализируется на разрешении экономических споров между юридическими лицами[1]. Обе коллегии адвокатов расположены в г. Екатеринбурге.

Необходимо отметить, что Председатель Президиума СОЭКА В.И. Винницкий был единственным проинтервьюированным для данного исследования адвокатом, который не дал своего разрешения на проведение аудиозаписи интервью и разрешил лишь очень короткое интервью (пять минут в сравнении с, как правило, получасовыми интервью других адвокатов). В.И. Винницкий отметил, что адвокаты СОЭКА применяют международное право. Однако на вопрос, применяют ли адвокаты Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, В.И. Винницкий дал очень своеобразный ответ:

> Какие права человека?! Что права человека могут иметь общего с нашей деятельностью?! Наши адвокаты представляют интересы юридических лиц[2].

Это интервью в целом и этот ответ наталкивают на два заключения. Во-первых, нисколько не сомневаясь в профессионализме Председателя Президиума СОЭКА, можно предположить, что он не знаком с основными принципами Конвенции. Хорошо известно даже их средств массовой информации, не говоря уже о специализированной юридической литературе, что юридические лица, как и физические лица, находятся под защитой некоторых статей Конвенции. Во-вторых, это интервью в очередной раз указывает на существующее отношение к применению норм международного права в национальной правовой системе, которое было характерно для советских времен. Ратифицированные Российской Федерацией международные договоры, за исключением договоров по правам человека, применяются в судебной практике. Эта характерная черта применения норм международного права была выражена адвокатами и судьями.

Член СОКА адвокат С.А. Горячева работает в г. Серове Свердловской области, относительно небольшом городе с населением

---

1 См.: <http://www.soeka.ru>.

2 В.И. Винницкий, председатель Президиума Свердловской областной экономической коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 27 сентября 2007 г.

100 000 человек. С.А. Горячева утвердительно ответила на вопрос, используют ли она и ее коллеги Конвенцию при ведении ими дел в суде первой и второй инстанции (Свердловский областной суд). Однако ответы С.А. Горячевой на конкретные вопросы о методе применения Конвенции, который она использует, показывают, что ее попытки применения Конвенции, если они действительно имели место, являются ошибочными. С.А. Горячева отметила, что при цитировании Конвенции в своих процессуальных документах и выступлениях перед судом она никогда не обращается к практике ЕСПЧ. Аналогичная ситуация существует, когда С.А. Горячева готовит жалобы в ЕСПЧ. Только нарушения российского законодательства и комментарии на эти нарушения включаются в жалобы, без указания конкретной статьи Конвенции и постановлений ЕСПЧ. Адвокат С.А. Горячева отметила, что, насколько ей известно, серовские адвокаты не участвовали в каких-либо специализированных семинарах по Конвенции и практике ЕСПЧ[1].

Руководители той же коллегии адвокатов, которые практикуют в столице Свердловской области г. Екатеринбурге, создали несколько иное представление. В отличие от обычных адвокатов и адвокатов из маленьких городов Свердловской области, ведущие адвокаты Свердловской областной коллегии адвокатов, практикующие в г. Екатеринбурге и высокооплачиваемые, в частности те, кто занимают руководящие должности в коллегии адвокатов, действительно знакомы с Конвенцией и разработанными ЕСПЧ принципами и методами применения Конвенции и практики ЕСПЧ в российской правовой системе. Одновременно были проинтервьюированы пять адвокатов Свердловской областной коллегии адвокатов. Трое из них занимают руководящие должности в Адвокатской палате Свердловской области и СОКА[2]. Другие двое адвокатов являются рядовыми

---

1 С.А. Горячева, адвокат, член Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 4 сентября 2007 г.

2 И.В. Михайлович, президент Адвокатской палаты Свердловской области; А.М. Митин, заместитель председателя Адвокатской палаты Свердловской области, председатель Свердловской областной коллегии адвокатов; и И.Н. Федоров, заместитель председателя Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

адвокатами СОКА, один из которых практикует в г. Екатеринбурге[1], второй — в небольшом городе Качканар[2].

Безусловно, они знакомы с содержащимися в законах и постановлениях Пленума Верховного Совета РФ положениями о непосредственном применении норм международного права. Они выразили мнение, что практика ЕСПЧ против других стран, не только России, должна учитываться национальными судами. Вопрос состоит в том, используют ли они Конвенцию в своей собственной адвокатской практике. Как и в случае с судьями, в начале интервью адвокаты скрывали факт неиспользования Конвенции для построения аргументов по делам. В завершение же интервью адвокаты признали, что даже те адвокаты, которые знакомы с Конвенцией, не используют ее в своей работе, потому что это не помогает для достижения необходимого клиенту результата.

Присутствовавшие на интервью от 25 сентября 2007 г. адвокаты СОКА высказали несколько причин слабого использования гарантий Конвенции, включая отсутствие правопорядка (когда судебные решения принимаются не по причине ошибки судьи, а потому что круговая порука судебной системы или коррумпированность требует этого), отсутствие знаний и представлений, что российская правовая система является самодостаточной. Но самый убедительный довод был сделан присоединившимся в заключении интервью (поэтому не слышавшим утверждения других адвокатов о применении Конвенции) президентом Адвокатской палаты Свердловской области И.В. Михайловичем. Он отметил, что использование Конвенции в адвокатской практике не принесет каких-либо результатов, поскольку адвокаты нацелены на достижение результата и получение прибыли от достижения результата. Работа адвокатов из г. Екатеринбурга и Свердловской области оплачивается клиентами по результатам, а не исходя из количества часов, потраченных на его достижение. Поэтому адвокату нет смысла проводить время за изучение Конвенции, следить за изменениями в практике ЕСПЧ и в своих процессуальных документах и выступлениях обращаться к Конвенции, осознавая, что

---

[1] Н.И. Суровцев, почетный адвокат РФ, судья в отставке, член Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

[2] В.А. Касьянов, адвокат, член Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

это не принесет желаемых результатов по защите интересов клиента. В отличие от екатеринбургских адвокатов, адвокаты из Москвы обращаются к Конвенции, но не потому что это помогает выиграть дело. Причина исключительно материальная. Работа «москвичей» оплачивается по количеству часов, потраченных на подготовку дела. Московские адвокаты воспринимаются клиентами более серьезно, когда первые могут оперировать международными инструментами в подготовленных ими процессуальных документах[1]. И.В. Михайлович об оплате услуг московских адвокатов:

> Все эти многостраничные экскурсы в конвенции не приносят желаемого. Потому что судья все равно слушает, а делает свое. Зато клиент серьезно воспринимает. Это деньги. Почасовая оплата. А у нас на хребте уральском народ попроще. Поэтому адвокат здесь пыль не бросает в глаза, он знает, что все равно не поможет. А там (в Москве), да, это деньги. Или я напишу 2–3 страницы без Конвенции, или он 15 с Конвенцией. Всё — оплата другая[2].

Примечательно, что другие четыре присутствовавших на интервью адвоката, даже те, кто в начале интервью настаивали на том, что Конвенция ими используется регулярно, полностью согласились с президентом Адвокатской палаты Свердловской области. Адвокаты, которые не занимали руководящих должностей, изначально говорили, что ни они лично, ни их коллеги не обращаются в своей работе к Конвенции, потому что это не является эффективным.

Адвокат СОКА И.А. Полуяхтов отметил, что хорошо оплачиваемые адвокаты подкрепляют свои аргументы ссылками на Конвенцию и практику ЕСПЧ[3], особенно по делам, привлекающим особое внимание.

Вероятнее всего, что Конвенция будет применена в делах, привлекающих внимание, в том числе прессы, где скорее всего спорный вопрос не будет разрешен в пользу истца (обвиняемого) в рамках

---

1 И.В. Михайлович, президент Адвокатской палаты Свердловской области. Интервью.

2 Там же.

3 И.А. Полуяхтов, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 20 августа 2004 г.

российской правовой системы. Конвенция привлекается по таким делам не с тем, чтобы выиграть дело, а для исчерпания внутренних средств защиты с тем, чтобы обратиться в ЕСПЧ.

Указанные наблюдения адвокатов не являются случайными. Недостижение желаемого результата в делах, где использовались положения Конвенции, отмечалось не только адвокатами.

Материальная заинтересованность адвокатов была отмечена президентом ОО «Сутяжник» С.И. Беляевым. Он отметил, что, «если обобщать, приоритет адвокатов в том, чтобы заработать как можно больше. Если вести дела в национальных судах с использованием Конвенции и обращение с жалобами в ЕСПЧ является длительным и, как правило, не прибыльным занятием, адвокаты обычно не берут в свое производство такие категории дел. Поэтому для них нет необходимости в знаниях международного права прав человека»[1].

Сотрудники аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области также отметили, что маловероятно, что ссылки на Конвенцию смогут привести к необходимому результату. Уполномоченный по правам человека Свердловской области Т.Г. Мерзлякова пересказала слова одного из сотрудников своего аппарата А. Засыпкина:

> Если я не буду ссылаться на наши какие-то постановления Совмина, то меня просто не поймут, и все, им не нужен Европейский суд. То есть это Вы [Мерзлякова] можете требовать использования при подготовке дел Конвенции. А Вы же с меня требуете еще и результат. Если я приду и буду выступать по постановлениям Европейского суда, то я не выиграю дело. И не потому, что судьи не хотят слушать, а потому что они боятся вышестоящей инстанции, в которой сочтут это за бред[2].

Однако есть одна категория юристов, которые успешно использовали Конвенцию при ведении дел в судах. Это юристы общественных организаций, оказывающих бесплатную юридическую помощь. Компании по стратегическому ведению дел по крайней мере семи та-

---

1 С.И. Беляев, Президент ОО «Сутяжник». Интервью.

2 Т.Г. Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека Свердловской области. Интервью.

ких общественных организаций были проанализированы в главе 6. Причина успешного использования ими Конвенции очевидна. Общественные организации не занимаются делами, приносящими прибыль. Как правило, они работают по нескольким делам, связанным между собой одной юридической проблемой, с целью решения концептуального юридического вопроса (например, дела о незаконности рассмотрения дел народными заседателями). Разрабатывая и проводя кампании по стратегическому ведению дел, наподобие описанных в главе 6 кампаний ОО «Сутяжник», цели общественных организаций состояли не только в том, чтобы достичь желаемого клиентом результата, но и решения юридической проблемы в целом. Это требует использования всего спектра доступных инструментов, включая Конвенцию, которые могут принести искомые результаты в долгосрочной перспективе, в том числе на уровне ЕСПЧ.

Таким образом, можно выделить несколько категорий дел:

Категория А — дела, по которым работа адвоката оплачивается по часам;

Категория Б — дела, по которым работа адвоката оплачивается исходя из результата;

Категория В — дела большой значимости, которые могут попадать под одну из двух вышеперечисленных категорий;

Категория Г — дела, представителями истцов (ответчиков) по которым являются юристы общественных организаций.

Конвенция может быть применена в делах категории А, Б и В. Но применение Конвенции в делах категории Г встречается более часто.

7.1.3. Причины неприменения Конвенции о защите прав человека

Несмотря на то что судьи и адвокаты настаивали на том, что Конвенция ими используется («принимается во внимание»), ни один из них не привел примеров судебных постановлений или процессуальных документов, где бы были отражены положения Конвенции. Можно выделить три основные причины, называемые судьями и адвокатами в оправдание неприменения Конвенции.

1. Судьи и адвокаты утверждают, что российское законодательство самодостаточно, содержит все необходимые для регулирования

отношений и отправления правосудия нормы права. Поэтому нет необходимости обращаться к нормам международного права. Например, А.В. Гусев, Председатель Уставного суда Свердловской области, суда, который не имеет в своей практике ни одного примера применения Конвенции[1], сказал следующее:

> Наше законодательство более радикально и идет дальше. Поэтому вот у нас всего в пяти наших постановлениях были прямые ссылки на нормы международного права. Это не означает, что мы их не используем, не изучаем. Но подспудно, поскольку, уверен, ссылаться на какую-то конвенцию нет смысла, потому что наше законодательство дальше идет и более подробно эти вопросы освещает. Какой смысл, просто для красоты, что ли, пропаганды этих норм ссылаться. Наверное, это неправильно[2].

Аналогичное объяснение было дано половиной опрошенных судей[3] и адвокатов[4]. Например, судья Свердловского областного суда В.А. Дмитриев отметил:

> Тем не менее применение Конвенции зависит от специфики дела. Если в деле оспаривается областной закон, в таком случае национального законодательства достаточно[5].

Представляется, что указанные два заявления не являются корректными по крайней мере по двум причинам.

Во-первых, деятельность Уставного суда Свердловской области и Свердловского областного суда по первой инстанции по рассмотрению дел об оспаривании нормативных актов аналогична судебному контролю Конституционного Суда РФ. Необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ, который сегодня является лучшим примером судебного органа, напрямую применяющего Конвенцию в су-

---

1 А.В. Гусев, председатель Уставного суда Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 11 сентября 2007 г. См. также гл. 6.

2 А.В. Гусев. Председатель Уставного суда Свердловской области. Интервью.

3 Судьи В.П. Игнатьев, Л.Н. Руденко, В.А. Дмитриев, Т.Е. Соболева, А.Г. Вальтер.

4 Адвокаты С.А. Горячева, И.В. Михайлович, А.М. Митин, И.Н. Федоров, Н.И. Суровцев, В.А. Касьянов.

5 В.А. Дмитриев, судья Свердловского областного суда. Интервью.

дебных постановлениях, не находит российскую Конституцию самодостаточной и развивает ее смысл с помощью положений Конвенции и практики ЕСПЧ. Один из выводов главы 4 состоит в том, что при рассмотрении вопроса конституционности региональных и федеральных законов Конституционный Суд РФ использует Конвенцию и практику ЕСПЧ довольно часто как дополнительные инструменты.

Как отметил Б.Р. Тузмухамедов, советник судьи Конституционного Суда РФ, «Конституционный Суд настраивает национальные суды ориентироваться на Конвенцию, он рассказывает, направляет и инструктирует суды использовать Конвенцию»[1]. Судья Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиев, который также указал, что Конституционный Суд РФ применяет Конвенцию по собственной инициативе, отметил:

> Конституционный Суд РФ — это ретрансляционная телевизионная башня. Из Страсбурга ведется вещание на всю Европу и мы ловим эти сигналы. Наша обязанность эти сигналы по возможности передавать на нашу большую территорию. Прекрасно понимаем, что до всех уголков России они не дойдут. Тем не менее эти сигналы передавать надо. Мы выполняем одно дело — мы стараемся те идеи, которые стали общим достоянием Европы, сделать достоянием и России[2].

С советских времен суды выполняли воспитательные задачи. Например, председательствующий судья был ответственным за обеспечение воспитательного воздействия судебного процесса (см. ч. 2 ст. 145 ГПК РСФСР). К сожалению, это положение не содержится в действующем ГПК РФ. Именно эту задачу продолжает выполнять Конституционный Суд РФ даже без специального указания в законе о Конституционном Суде РФ. Другие суды также должны освоить выполнение воспитательной функции, даже если и с целью «пропаганды» Конвенции.

---

1 Б.Р. Тузмухамедов, профессор, советник судьи Конституционного Суд РФ. Интервью провел А.Л. Бурков 28 февраля 2008 г.

2 Г.А. Гаджиев, профессор, судья Конституционного Суда РФ. Интервью провел А.Л. Бурков 28 февраля 2008 г.

Во-вторых, сам факт ратификации российским парламентом Конвенции означает, что законодательство Российской Федерации не является самодостаточным. Поэтому, если судья игнорирует Конвенцию, когда она должна быть учтена, этот судья нарушает закон о ратификации Конвенции.

Два мониторинга, проведенных как Советом Европы, так и Российской Федерацией, подтверждают существующие проблемы в правовой системе Российской Федерации. Совет Европы и Российская Федерация в 1994 и 1996 гг. соответственно пришли к выводу, что национальное законодательство и правоприменительная практика противоречат Конвенции[1].

Несмотря на произошедшие с 1994 г. серьезные изменения в российском законодательстве, законодательство и его применение значительно отличаются. Постановления ЕСПЧ по российским делам демонстрируют, что имеется много проблем с законодательством и еще больше проблем с его применением[2]. Большинство выявленных нарушений закрепленных в Конвенции прав и свобод человека могли бы быть частично предотвращены, а права и свободы защищены в рамках российской правовой системы, если бы судьи и адвокаты не полагались на самодостаточность российского законодательства.

2. Второе объяснение причин отсутствия применения Конвенции было дано только судьями. Они настаивали на том, что, несмотря на отсутствие в судебных постановлениях ссылок на Конвенцию, это не значит, что гарантии Конвенции не принимаются во внимание. Слова председателя Уставного суда Свердловской области могут служить примером мнения большинства проинтервьюированных судей:

> Да, Уставный суд Свердловской области не применяет нормы Конвенции. Тем не менее это не означает, что мы их не используем, не изучаем. Мы их используем подспудно[3].

Судья В.Н. Курченко:

---

1 См. гл. 1.

2 См. гл. 3, 5 и 6.

3 А.В. Гусев, председатель Уставного суда Свердловской области. Интервью. Также см. гл. 6.

> На практике судьи «учитывают» правовые позиции ЕСПЧ, но они никогда не ссылаются на эти постановления. В России есть правовой обычай, согласно которому судьи не ссылаются на прецеденты[1].

Сегодня судьи следуют ППВС 2003 г., в котором Пленум Верховного Суда РФ не инструктирует судей ссылаться на конкретные постановления ЕСПЧ, а лишь разъясняет необходимость их учитывать.

> Поэтому, — подводит итог судья В.Н. Курченко, — мы применяем Конвенцию, принимая во внимание постановления ЕСПЧ по конкретным делам. Но мы не говорим, что эта правовая позиция ЕСПЧ или понимание Конвенции было взято из такого-то постановления[2].

Судья В.Н. Курченко отметил существование дел, где правовые позиции ЕСПЧ в двух постановлениях (Ваньян против России[3], Худобин против России[4]), в которых обвинения против заявителей были построены на провокации сотрудников милиции, были положены в основу оправдательных приговоров. Тем не менее на мой запрос показать эти постановления последовал ответ, что данные приговоры были направлены в Верховный Суд РФ, а копии для Свердловского областного суда оставлены не были.

Судья В.Н. Курченко указал на то, что проблема отсутствия ссылок на постановления ЕСПЧ кроется в том, что Верховный Суд РФ не требует этого от судов. На практике это умолчание (отсутствие требования) воспринимается как запрет. Если Верховный Суд РФ непосредственно не инструктирует «ссылаться» на названия дел (постановлений) ЕСПЧ и непосредственно сам этого не делает, это означает, что инициатива нижестоящих судов по указанию ссылок на по-

---

1 Данный аргумент использовался большинством проинтервьюированных судей.

2 В.Н. Курченко, судья Свердловского областного суда, председатель Квалификационной коллегии судей Свердловской области. Интервью.

3 *Vanyan v. Russia* (Ваньян против России). Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г.

4 *Khudobin v. Russia* (Худобин против России). Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г.

становления ЕСПЧ может негативно отразиться на судьях. Судья В.Н. Курченко отметил:

> Судьи понимают, что если Верховный Суд не дает указаний ссылаться на практику ЕСПЧ, это значит, что позиция Верховного Суда состоит в том, что нижестоящие суды не должны ссылаться на постановления ЕСПЧ[1].

Итак, Верховный Суд РФ не инструктирует судей о необходимости ссылаться на конкретные постановления ЕСПЧ и не делает этого ни в постановлениях Пленума, ни при разрешении дел по существу. Пленум Верховного Суда РФ только ссылается на правовые позиции ЕСПЧ и разъясняет судьям, что «судам надлежит учитывать» Конвенцию и правовые позиции ЕСПЧ (см. главу 5 и 8).

Таким образом, «учитывая» Конвенцию, судьи часто используют тот же метод, который они используют при применении ППВС, — они не указывают название конкретного документа, использованного в судебном постановлении. Судья В.Н. Курченко отметил: «Де факто Конвенция и практика ЕСПЧ учитывается, де юре — ссылки нет»[2].

Это создает проблему — обоснованное прикрытие неприменения практики ЕСПЧ, а следовательно, и Конвенции. Когда судьи обращаются только к Конвенции, они могут обоснованно утверждать, что практика ЕСПЧ была учтена, без подтверждения этого ссылками на конкретные постановления ЕСПЧ. Как мы видели в предыдущей главе, даже простое упоминание Конвенции случается довольно редко. Сам судья В.Н. Курченко указал на десять дел Свердловского областного суда, которые удалось собрать по запросу Верховного Суда РФ. Ни одного дела с указанием постановлений ЕСПЧ найдено не было[3]. В главе 4 не было отражено примеров, где отсутствие обращения к практике ЕСПЧ при применении судами Конвенции часто приводит к неправильному толкованию и применению Конвенции.

Все проинтервьюированные судьи утверждали, что применяют (учитывают) Конвенцию. Но после вопроса продемонстрировать

---

1 В.Н. Курченко, судья Свердловского областного суда, председатель Квалификационной коллегии судей Свердловской области. Интервью.

2 Там же.

3 Там же.

примеры судебных постановлений судьи отвечали, что они не цитируют и не ссылаются на Конвенцию, но «учитывают» ее. В интервью по мобильному телефону заместитель председателя Свердловского областного суда А.А. Дементьев, а во время проведения интервью исполняющий обязанности председателя Свердловского областного суда (в связи с отпуском председателя) настаивал:

> Мы применяем Конвенцию. Если в постановлении нет ссылки на Конвенцию о защите прав человека или постановление Европейского суда по правам человека, это не значит, что мы их не учитываем. Мы их учитываем, но не отражаем это в решении[1].

3. Другая названная некоторыми проинтервьюированными судьями[2] причина неприменения Конвенции состоит в том, что у европейцев отличные от россиян правовые проблемы, что защита некоторых прав человека, закрепленных в Конвенции, сегодня для России не является насущным вопросом. Председатель Уставного суда Свердловской области А.В. Гусев указал:

> Мы просто-напросто не можем ориентироваться на их нормы. У нас другие проблемы. Многие вещи, которые в Европе имеют резонанс, актуальность, у нас они пока еще не востребованы. Хотя тема Конвенции — модная тема, но я в разряд первостепенной ее бы не отнес. У нас, к сожалению, первостепенной темой самое что называется... нам ведь право на секс-ориентацию вряд ли главное, у нас право на жизнь, на охрану частной собственности и т.д. То есть надо сначала решить эти вопросы, а уж потом, как они это сделали, переходить к следующему этапу[3].

Такое отношение к Конвенции содержит в себе несколько противоречий.

Во-первых, нормы Конвенции являются европейскими по происхождению. Но с 1998 г. эти европейские нормы стали составной

---

1 А.А. Дементьев, заместитель председателя Свердловского областного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 26 сентября 2007 г.

2 Судьи М.А. Валова, Г.А. Гаджиев, А.В. Гусев.

3 А.В. Гусев, председатель Уставного суда Свердловской области. Интервью.

частью российской правовой системы. В силу закона о ратификации Конвенции эти нормы стали «российскими», «нашими».

Во-вторых, вероятно, судья А.В. Гусев неверно понимает объем прав, закрепленных в Конвенции. Именно право на жизнь (находящееся первым в списке прав Конвенции) и право на защиту собственности (находящееся первым в списке первого дополнительного Протокола от 1952 г. к Конвенции) являются действительно «модными» правами в соответствии с Конвенцией. И эти нормы Конвенции довольно часто применяются ЕСПЧ в отношении России, что говорит об актуальности проблемы нарушения этих прав в России[1].

В-третьих, судья А.В. Гусев не принимает во внимание, что конвенционные права на жизнь, на свободу от пыток, на защиту собственности и другие, как они понимаются в практике ЕСПЧ, содержат в себе больше гарантий для человека, чем российское законодательство и правоприменительная практика. Этот факт был неоднократно подтвержден ЕСПЧ и признан российским правительством в процессе исполнения постановлений ЕСПЧ. Взять, например, постановления против России по защите собственности, права на исполнение решения суда (Бурдов против России и др.) и запрет пыток (Калашников против России и др.). В деле Бурдова денежные средства, назначенные истцу по решению национального суда, рассматриваются как собственность истца, а исполнение решения суда рассматривается как составная часть «судебного процесса»[2]. В деле Калашников против России ЕСПЧ признал, что содержание в заключении при наличии определенных условий рассматривается унижающим достоинство обращением. Эти нормы не закреплены в российском законодательстве и не применяются в судебной практике. Не были данные нормы включены в российское законодательство после ука-

---

1 См., например, дела о незаконных лишениях жизни, поступающие в ЕСПЧ из Республики Чечня. По состоянию на октябрь 2006 г. на рассмотрении ЕСПЧ находилось 150 таких дел. Н. Ваджич, судья ЕСПЧ. Интервью провел А.Л. Бурков 26 октября 2006 г.

2 Семь лет после признания ЕСПЧ в деле *Burdov v. Russia* от 7 мая 2002 г. нарушения права на справедливое судебное разбирательство (неисполнение судебного решения) и права собственности (невозвращение государством присужденных денежных средств) ситуация с исполнениями решений судов остается неизменной. См. дело *Burdov v. Russia* (2) (Бурдов против России (2)), Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г.

занных постановлений и клонов-постановлений по аналогичным делам.

Это только небольшое количество примеров, которые можно было бы привести. Это означает, что «европейские» проблемы Бурдова и Калашникова и многие другие существуют в России. При этом в российской правовой системе отсутствуют эффективные внутренние средства правовой защиты. Это также неоднократно признавал ЕСПЧ. Идея о неприменимости норм Конвенции к российским проблемам тесно связана с проблемой необоснованности вывода о самодостаточности национального законодательства.

Рассуждая о правах сексуальных меньшинств, судья А.В. Гусев игнорирует недавние события в правоприменительной практике России. Например, начиная с 2005 г. гей-парады в Москве и других городах были неоднократно разогнаны с применением силы. Но это проблема даже не прав меньшинств, а реализации права собираться мирно без оружия. Сегодня практически невозможно провести массовые акции без разрешения местных властей, несмотря на то что согласно Конституции РФ порядок проведения массовых акций является уведомительным. Поэтому запрет на проведение гей-парадов не что иное, как индикатор появляющейся проблемы реализации права на объединение.

Проанализированный материал показывает, что отсутствие знания Конвенции и практики ЕСПЧ, отказ некоторых судей признать важность гарантий Конвенции для применения к существующим сегодня в России проблемам, отсутствие серьезного контроля применения Конвенции со стороны Верховного Суда РФ приводит к неприменению Конвенции в судах России. Это, в свою очередь, приводит к неэффективности использования адвокатами Конвенции в судебных процессах, потому что судьи просто игнорируют Конвенцию, даже если вопрос применения норм Конвенции был поставлен перед ними сторонами процесса. За отсутствием эффективности использования аргументов, основанных на Конвенции, неизбежно следует исчезновение мотивации адвокатов использовать Конвенцию для построения своих аргументов в суде. В конце концов, все перечисленные выше причины приводят к отсутствию заинтересованности изучать Конвенцию. Это замыкает круг: судьи не находятся под давлением ни со стороны вышестоящих судов, ни со стороны сторон процесса, адвокатов. Но должен быть какой-то инструмент, способный разбить этот замкнутый круг причин и оправдательных предло-

гов неприменения Конвенции. Это будет исследовано в следующей части настоящей главы.

7.2. Повышение уровня знания Конвенции о защите прав человека

7.2.1. Высшее юридическое образование

Система образования не последовала за конституционными изменениями 1980–1990 гг., проанализированных в главе 3. Система не настроена на преподавание принципа непосредственного применения норм международного права. В 1999 г. профессор Г.М. Даниленко прокомментировал сложившуюся в образовательной системе ситуацию относительно преподавания международного права:

> Некоторое количество проблем исключительно практического характера могут подорвать надежды на международное право в национальной правовой системе. Во-первых, в местных библиотеках имеется острая нехватка переводов международных договоров и решений международных органов, особенно судов. Многие библиотеки стран СНГ не имеют даже самых необходимых текстов международных договоров и решений международных институтов. Во-вторых, юристы и судьи до сих пор имеют недостаточное образование по международному праву. Во многих странах СНГ международное право, особенно международное право по правам человека, не включено в основной учебный план юридического образования и стажировки юристов и судей[1].

С 1999 г. ситуация в целом не изменилась. За некоторым исключением, юридические факультеты не включают учебные программы по международному праву исчерпывающего перечня вопросов по европейскому праву прав человека. И иногда вообще не включают эти вопросы. Эта проблема была подчеркнута П.А. Лаптевым, Упол-

---

[1] См.: *Danilenko.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice. P. 69.

номоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека с 1998 по 2007 г., в его выступлении на международной конференции «Влияние Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод на развитие правовых систем европейских стран», проведенной 28–30 июня 2006 г. в г. Ярославле в рамках председательства России в Совете Европы:

> Отдельно следует остановиться на системе обучения. Вступив в Совет Европы, мы до сих пор делаем мало для того, чтобы внести соответствующие коррективы в подготовку профессиональных кадров. Учебные курсы, которые читаются в наших вузах, либо вовсе не содержат информации о Европейском суде, либо содержат ее недостаточно[1].

Еще меньше случаев преподавания Конвенции и правовых позиций ЕСПЧ встречается в программах курсов по специальным юридическим дисциплинам учебных программ юридических факультетов (например, курсы по конституционному, административному праву). Судья Конституционного Суда РФ, профессор по конституционному праву Г.А. Гаджиев отметил:

> Это (изучение норм Конвенции. — *А. Б.*) действительно не предусмотрено учебной программой в рамках конституционного права. Хотя, на мой взгляд, нет ничего более близкого, чем конституционное право. То есть когда изучается тема о правах человека в конституционном праве, вот тут-то и очень уместно показывать и их взаимосвязь, ну естественно, и некоторые отличия[2].

В идеале курс по каждой отрасли права должен содержать лекции и семинары по влиянию Конвенции на соответствующую отрасль права (конституционное, административное, гражданское, уголовное, гражданское и уголовное процессуальное право и т.д.). Приведем несколько ситуаций с преподаванием Конвенции на юридических факультетах.

---

1 См.: *Лаптев П.А.* Правовые позиции Европейского Суда по правам человека и пенитенциарная реформа в Российской Федерации // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2006. № 4.

2 Г.А. Гаджиев, профессор, судья Конституционного Суда РФ. Интервью.

В примерный список тем курсовых и дипломных работ редко включаются вопросы Конвенции и практики ЕСПЧ. Например, по состоянию на сентябрь 2009 г. на принятый на кафедре международного права Московского государственного университета список студенческих курсовых (124 темы) и дипломных работ (76 тем) не включал в себя каких-либо даже общих тем по европейскому праву прав человека, не говоря уже о специальных темах по Конвенции. В списке тем было только одно название курсовой работы, относящееся к Конвенции и практике ЕСПЧ — «Международные суды по правам человека»[1]. В то же время в списке есть пять тем, касающихся Европейского Союза, членом которого Россия не является. Это может вести к предположению, что на кафедре международного права нет специалистов, способных осуществлять руководство работами студентов по темам Конвенции и практики ЕСЧП. Необходимо отметить, что данная ситуация существует в лучшем российском университете, единственном университете России, вошедшем в лучшую сотню университетов мира под номером 70[2].

Ведущим университетом в области европейского права является Институт Европейского права Московского государственного института международных отношений (МГИМО-Университет) МИД РФ (далее — ИЕП). Это единственное в Российской Федерации учебное заведение, готовящее юристов высшей квалификации, специализирующихся в области европейского права. ИЕП создан на основании Распоряжения Президента РФ от 13 апреля 1996 г. № 188 «О мерах по обеспечению участия РФ в Совете Европы» «в качестве головного учебного и научного центра по подготовке и повышению квалификации специалистов соответствующего профиля». Преподавательский состав ИЕП участвовал в публикациях еще первых сборников избранных постановлений ЕСПЧ[3] и комментариев по Конвенции[4] и другие публикации по Конвенции. Ма-

---

1 <http:// www.law.msu.su/modules.php?name=Content&pa=showpage&pid=137>.

2 Лучшие 500 университетов мира в 2008 году <http://www.arwu.org/rank2008/ARWU2008_A(EN).htm>.

3 *Европейский* Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. / под ред. В.А. Туманова. М., 2000.

4 См., напр.: *Комментарий* к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под ред. В.А. Туманова и Л. Энтина. М., 2002.

гистерская программа в ИЕП включает 54-часовой курс «Европейская система защиты прав человека», который считается успешно законченным, если студент сдает зачет[1]. ИЕП является единственным своего рода в России, и, как правило, основная масса выпускников этого вуза идет на работу в МИД и международные юридические фирмы, не в суд или адвокатуру.

Изменения медленно, но происходят. Например, в 2007 г. в учебном плане Института государственного и международного права Уральской государственной юридической академии появился 32-часовой курс «Прецедентное право Европейского суда по правам человека». Магистерская программа по конституционному и международному праву Уральской государственной юридической академии предлагает курс «Проблемы применения прецедентного права Европейского суда по правам человека»[2].

Гуманитарный Университет в г. Екатеринбурге предлагает факультативный курс по Конвенции с 2002 г. С 2005 г. этот курс стал обязательным[3].

Представляется, что одна из причин редкого преподавания Конвенции в вузах состоит в том, что на вступительных экзаменах в адвокатуру и на должность судьи практически не проверяют знаний кандидатами Конвенции. Например, председатель Свердловского областного суда И.К. Овчарук на вопрос, сдают ли какие-либо экзамены кандидаты на должность судьи и присутствуют ли в данных экзаменах вопросы о применении европейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека, насколько глубоки данные вопросы (затрагивают ли они знание практики Европейского суда по правам человека), ответил:

> Конкретно по Конвенции вопросы не присутствуют, но в билетах звучат проблемы, которые четко отражены в ев-

---

1 См.: <http://www.eclaw.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=14&Itemid=202>.

2 А.В. Деменева, консультант аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью.

3 С.И. Глушкова, заместитель декана юридического факультета Гуманитарного Университета в г. Екатеринбурге. Интервью провел А.Л. Бурков 13 марта 2008 г.

ропейской Конвенции о защите прав и основных свобод человека[1].

Веб-сайт Квалификационной коллегии судей Свердловской области опубликовал список экзаменационных вопросов для кандидатов в судьи. В нем содержится только один вопрос по Конвенции, сформулированный как «Нормы международного права по защите прав человека и основных свобод»[2]. До 2009 г. на веб-сайте Российской академии правосудия был опубликован примерный список вопросов для подготовки к квалификационным экзаменам кандидатов на должность судьи судов общей юрисдикции[3]. Список содержал лишь общие вопросы по применению общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров, а также по применению ППВС 2003 г.

Несколько лучшая ситуация с экзаменационными вопросами для кандидатов в адвокаты. Список экзаменационных вопросов для кандидатов в адвокаты, одобренный Федеральной палатой адвокатов РФ, содержит шесть вопросов по Конвенции (из общего числа 588 вопросов):

- общая характеристика Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней;
- процедура обращения в Европейский суд по правам человека;
- основные условия обращения в Европейский суд по правам человека;
- права и свободы, защищаемые Европейским судом по правам человека;

---

1 И.К. Овчарук, председатель Свердловского областного суда. Интервью «Судья должен знать все» информационного агентства «Уралполит.Ру» от 30 августа 2004 г. <http://www.uralpolit.ru/regions/svr/30-08-2004/page_29757.html>.

2 До 2009 г. вопросы были доступны на веб-странице Квалификационной коллегии судей Свердловской области <www.ekboblsud.ru>. Важно отметить, что веб-страница Квалификационной коллегии судей Свердловской области до 2009 г. являлась составной частью веб-сайта Свердловского областного суда. Более того, офис Квалификационной коллегии судей Свердловской области находится в здании Свердловского областного суда (г. Екатеринбург, ул. Московская, 120). Сегодня на веб-странице Квалификационной коллегии судей Свердловской области экзаменационные вопросы не доступны. См.: <http://www.vkks.ru/?region=66>.

3 <http://www.raj.ru>.

– право на справедливый суд (ст. 6 Конвенции);
– юридическая сила постановлений Европейского суда по правам человека[1].

Как видно, вопросы сформулированы таким образом, что предполагается существование Конвенции только для использования в ЕСПЧ. В списке нет вопросов относительно применения Конвенции в национальных судах. Вопросы, касающиеся других отраслей права, также не затрагивают ни влияния Конвенции на национальное право, ни применения Конвенции в российских судах.

7.2.2. Дополнительное образование

Российская академия правосудия является ведущим образовательным институтом по обучению и повышению квалификации судей. Академия была основана Высшим Арбитражным Судом РФ и Верховным Судом РФ для выполнения следующих функций:

– подготовка кандидатов на должности судей и работников аппаратов судов;
– профессиональная переподготовка и повышение квалификации судей и работников аппаратов судов;
– осуществление фундаментальных и прикладных научных и методических исследований в области организации и деятельности судебной власти.

Академия уделяет значительное внимание преподаванию Конвенции. Судьи судов общей юрисдикции и арбитражных судов со всей страны регулярно проходят обучение в Москве в 32-часовых (4 дня), 40-часовых (5 дней) или 72-часовых (9 дней) семинарах. Разные предметы преподаются на данных курсах, включая Конвенцию. Среди преподавателей профессора и опытные практикующие юристы (действующие судьи и судьи в отставке), преподаватели из европейских университетов и эксперты Совета Европы[2].

В то же время Российская академия правосудия является единственным такого рода образовательным учреждением в Российской Федерации, занимающаяся дополнительным образованием

---

[1] Утверждены Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 6 апреля 2005 г. Протокол № 11.

[2] <http://www.raj.ru>.

судей. Общее количество только судей судов общей юрисдикции составляет 23 172[1], не считая мировых судей и судей арбитражных судов.

В связи с большим числом судей они очень редко имеют возможность посещения данных семинаров в Российской академии правосудия. Председатель Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга Л.Н. Руденко признала, что систематических тренингов по Конвенции нет ни при Свердловском областном суде, ни при Российской академии правосудия. Только однажды за несколько лет судья имеет возможность принять участие в семинаре. В частности, судья Л.Н. Руденко в течение 25 лет ее судебной карьеры приняла участие в семинарах только дважды[2]. Председатель Серовского районного суда Свердловской области А.Г. Вальтер отметил, что за два-три года только один из десяти судей Серовского районного суда имеет возможность пройти дополнительное образование в Российской академии правосудия[3]. В таких условиях потребуется 20 лет для того, чтобы весь состав Серовского районного суда прошел курс дополнительного образования в Российской академии правосудия. Согласно пресс-релизу Свердловского областного суда в 2008 г. только пять судей этого суда пошли тренинги по Конвенции в Приволжском филиале Российской академии правосудия[4].

Помощник первого заместителя председателя Свердловского областного суда Н.А. Гайдайжийская является ответственной за составление расписания семинаров для судей общей юрисдикции из Сверд-

---

1 Пункт 1 ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 198-ФЗ «О федеральном бюджете на 2008 год и на плановый период 2009 и 2010 годов» // РГ. 2007. 3 авг. В конце июня 2004 г. Председатель Верховного Суда РФ объявил, что существует около 5000 судебных вакансий – одна пятая часть общего числа судебных должностей (23,176%) на тот момент. *Лебедев В.* В российской судебной системе открыты вакансии примерно 5000 судей. 28 июня 2004 г. // <http://www.lawportal.ru/news/news.asp?newsID=4909>.

2 Л.Н. Руденко, председатель Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью.

3 А.Г. Валтер, председатель Серовского районного суда Свердловской области. Интервью.

4 «Европейская Конвенция по правам человека в российском судопроизводстве и судебной практике». Информационное сообщение Свердловского областного суда от 30 января 2008 г. <http://www.ekboblsud.ru/print_doc.php?t=news&id=225&pd=1>.

ловской области, проводимых Свердловским областным судом. Из учебного плана, составленного Н.А. Гайдайжийской, следует, что в расписание включено значительное количество семинаров по разным вопросам международного права. Однако семинары по Конвенции в расписание не включены[1]. Судьи Свердловского областного суда Т.Е. Соболева и В.А. Дмитриев отметили, что с судьями Свердловского областного суда не проводятся семинары по Конвенции[2].

Составления плана семинаров, проводимых Свердловским областным судом, не случайность, а официальная политика председателя Свердловского областного суда. Обратимся к заявлению, сделанному председателем Свердловского областного суда И.К. Овчаруком в интервью информационному агентству:

> Каких-то особых семинаров-тренингов по применению Конвенции не проводим. Какая нужна тренировка, чтобы не отказать в правосудии или осуществить его в разумные сроки? Необходимо соблюдать национальное законодательство[3].

По иронии Интернет пресс-конференция с участием председателя Свердловского областного суда называлась «Судья должен знать все».

Это экстраординарное заявление принадлежит председателю суда, под руководством которого областной суд утвердил решение Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга о принудительной госпитализации Т. Ракевич в психиатрическую больницу. Дело Т. Ракевич стало седьмым делом в ЕСПЧ против России[4].

В то же время Свердловский областной суд издает интересные обзоры судебной практики с учетом положений Конвенции и практики ЕСПЧ как, например, «Справка по результатам обобщения практики разрешения судами Свердловской области дел по жалобам на дей-

---

1 Н.А. Гайдайжийская, помощник первого заместителя председателя Свердловского областного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 21 сентября 2007 г.

2 Т.Е. Соболева, судья Свердловского областного суда. Интервью; В.А. Дмитриев, судья Свердловского областного суда. Интервью.

3 И.К. Овчарук, председатель Свердловского областного суда. Интервью «Судья должен знать все».

4 *Rakevich v. Russia*.

ствия (бездействие) судебных приставов-исполнителей»[1], «Справка по результатам обобщения практики рассмотрения дел о принудительной госпитализации гражданина в психиатрической стационар (о продлении срока принудительной госпитализации) и принудительном психиатрическом освидетельствовании»[2] и др.[3]

Как видно из содержания этой главы, судьи уверены, что им не требуется знать положений Конвенции, характер ее применения в российских судах. Это типичная причина, почему так много российских дел поступают в Страсбург. Даже сегодня, спустя 14 лет после вступления России в Совет Европы, мы не можем ожидать от судьи применения гарантий прав человека, закрепленных в международном праве, потому что, в том числе, их правосознание и правосознание председателей этих судов было сформировано еще в советское время.

Почти все проинтервьюированные судьи отметили, что у них нет возможности изучать Конвенцию. Большинство судей признали это косвенно, делая описанные выше заявления или указывая, что им недоступны учебники по Конвенции и официальные переводы постановлений ЕСПЧ на русский язык. Председатель Уставного суда Свердловской области прямо сказал, что у судей нет возможностей изучать Конвенцию[4]. Причина проста. Довольно часто судьи рассматривают различные категории дел. В некоторых районных судах судьи не специализируются на конкретных категориях дел, а рассматривают все дела, подсудные им по территориальности (например, Чкаловский районный суд г. Екатеринбурга). Поэтому судьям необходимо обладать знаниями огромного массива нормативных актов и судебной практики многих областей права. Знания европейских стандартов часто рассматриваются как что-то выходящее за рамки возможностей.

---

1 Справка подготовлена судьей Свердловского областного суда Н.А. Панкратовой 20 февраля 2006 г. // <http://www.ekboblsud.ru/show_doc.php?id=13343>.

2 Справка подготовлена судьей Свердловского областного суда Н.А. Панкратовой 20 февраля 2006 г. // <http://www.ekboblsud.ru/show_doc.php?id=15023>; <http://www.ekboblsud.ru/show_doc.php?id=33732>.

3 См. также в Приложении 19 Постановление Президиума Свердловского областного суда от 13 июля 2005 г. по уголовному делу по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора РФ на приговор Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 20 ноября 2002 г.

4 А.В. Гусев, председатель Уставного суда Свердловской области. Интервью.

Проблема состоит также и в ограничениях самообразования, в частности заключается в отсутствии необходимых инструментов и мотивации для изучения Конвенции по своей собственной инициативе.

7.2.3. Самообразование

Недостает нескольких ключевых инструментов, необходимых для самообразования: учебников, официальных публикаций постановлений ЕСПЧ и, что более важно, заинтересованности судей в изучении Конвенции.

Начнем с рассмотрения проблемы доступности учебников по Конвенции. На сегодняшний день таких учебников не существует. В 2006 г. авторы книги «Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России» сделали обзор основных публикаций на русском языке по толкованию и применению Конвенции[1]. Несмотря на то что к десятилетию членства России в Совете Европы в 2006 г. было опубликовано довольно большое количество книг по Конвенции (37 книг в списке указанных авторов), только ограниченное количество перечисленных публикаций можно назвать учебниками. Большинство книг посвящены конкретной теме, поэтому эти книги не являются исчерпывающими. Эти книги опубликованы главным образом общественными организациями, ограниченным тиражом от 1000 до 3000 экземпляров, на средства международных фондов и межгосударственных организаций. Как правило, эти книги распространяются бесплатно среди юристов и активистов общественных организаций. Доступ к этим книгам ограничен в связи с тем, что они недоступны в книжных магазинах. Как отметил С.И. Беляев, президент ОО «Сутяжник» и главный редактор серии книг «Международная защита прав человека»: «В течение многих лет я заходил в книжные магазины и отслеживал публикации учебников по Конвенции и Европейскому суду. Таких учебников не издавалось».

---

[1] См.: *Чуркина Л.М., Деменева А.В., Бурков А.Л.* Список источников на русском языке по вопросу толкования и применения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006. С. 250–253; <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

В 2001–2002 гг. Российская академия правосудия в сотрудничестве с Генеральным директоратом по правам человека Совета Европы осуществила проект по подготовке, изданию и распространению среди судей книг по ст. 3, 5, 6, 8, 10 и ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции[1]. Каждая книга была посвящена отдельной статье Конвенции. Согласно словам сотрудников Совета Европы и Российской академии правосудия[2] проект был успешно выполнен, включая стадию распространения книг. Однако большинство проинтервьюированных в течение данного исследования юристов, регулярно ведущих дела в судах с использованием Конвенции, не только не видели, чтобы судьи обращались к данным книгам, но и не видели, чтобы у судьи были данные книги. Так же опрошенные судьи признают, что таких книг у них нет. Это удивляет, так как согласно отчету Российской академии правосудия за 2002 год более 100 000 копий данных книг было распространено среди судей судов общей юрисдикции[3], то есть по шесть книг на одного судью, по одной книге по каждой статье на одного судью. Такой значительный тираж книг не мог оказаться незамеченным их потенциальными получателями.

Кроме проблемы отсутствия книг нужно также отметить отсутствие официального источника публикаций переводов на русский язык постановлений ЕСПЧ. Переводы первых трех постановлений ЕСПЧ по делам против России были опубликованы в «Российской газете». С 2003 г. не было ни одной официальной публикации постановлений ЕСПЧ по российским делам. Государственная Дума РФ также приостановила рассмотрение проекта закона об официальном опубликовании постановлений ЕСПЧ.

Безусловно, имеются публикации постановлений и решений ЕСПЧ на русском языке, но они не являются официальными. Бюллетень ЕСПЧ ежемесячно публикуется на русском языке. Тем не менее этот журнал не является официальным источником публикации правительства России. Бюллетень ЕСПЧ является совместным проек-

---

1 М. Фаркухарсон и К. Пенчева, сотрудники Совета Европы. Интервью провел А.Л. Бурков 2 сентября 2004 г.

2 *Пейсиков В.* Годовой отчет Российской академии правосудия за 2001 год // <http://www.abanet.org>.

3 М. Фаркухарсон и К. Пенчева, сотрудники Совета Европы. Интервью.

том Совета Европы и общественной организации «Московский клуб юристов». Вот пример реакции судьи на Бюллетень ЕСПЧ:

> Конечно, хотелось бы, чтобы у нас были постоянные бюллетени решений суда о правах человека. Этого нет. Об этой проблеме мы уже говорили в Верховном Суде РФ, и его председателю Лебедеву, и на Совете судей. Но пока нет такой публикации. Да, есть бюллетень, издаваемый московским клубом юристов. Это значит, что он издается общественной организацией. А вот чтобы было это как государственное печатное издание, этого нет. Извините, если государство заинтересовано в том, чтобы мы ориентировались на Конвенцию, так создайте такой орган. Если государство заинтересовано, чтобы мы применяли Конвенцию, мы нуждаемся к бюллетене, который бы публиковался не клубом юристов, а правительством[1].

В дополнение к уже сказанному о Бюллетене ЕСПЧ, нужно отметить, что он распространяется не широко. До 2007 г. суды получали по одной копии. В настоящее время суды не подписываются на получение Бюллетеня ЕСПЧ. Для сравнения, Бюллетень Верховного Суда РФ получает каждый судья. Это значит, что Бюллетень ЕСПЧ находится не на столе у судей, а в библиотеках судов.

> Каждый суд в России получает его (Бюллетень ЕСПЧ. — *А. Б.*) по одной копии. И вот он лежит в библиотеке суда[2].

Например, из шести проинтервьюированных председателей районных судов председатель Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга не смог точно сказать, получает ли суд по подписке Бюллетень ЕСПЧ; председатель Орджоникидзевского районного суда и заместитель председателя Ленинского районного суда не могли вспомнить цвет обложки Бюллетеня ЕСПЧ.

Переводы постановлений ЕСПЧ по российским делам распространяются среди судей Верховным Судом РФ через Свердловский областной суд и Уполномоченного Российской Федерации при Евро-

---

[1] С.Г. Кияйкин, председатель Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью.

[2] Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью.

пейском суде по правам человека. Переводы направляются с сопроводительным письмом, распространяются на еженедельных совещаниях судей, как правило. Судей ставят в известность, что есть такое решение, суть этого решения. В связи с тем, что переводы не публикуются в журнале или каком-либо сборнике для неограниченного круга читателей, адвокаты и юристы, ведущие дела в судах, не имеют доступа к данным переводам. Другое ограничение состоит в том, что переводятся только постановления ЕСПЧ по российским делам[1].

Позитивной можно назвать практику опубликования постановлений ЕСПЧ по российским делам и обзоры постановлений ЕСПЧ по делам против других стран в Уральском судебном вестнике. Вестник был учрежден Свердловским областным судом, Советом судей Свердловской области, Управлением судебного департамента при Верховном Суде РФ в Свердловской области и Департаментом по обеспечению деятельности мировых судей Свердловской области. К сожалению, не каждый публикуемый ежеквартально номер Вестника содержит постановление ЕСПЧ или обзор практики. Более того, тираж Вестника ограничен 900 копиями, распространяемыми только среди судей. Вестник не оформляется по подписке и не доступен в электронном виде в Интернете.

7.2.4. Заинтересованность в изучении Конвенции

Наиболее важным аспектом самообразования является не опубликование книги или журнала и даже не надлежащее их распространение и реклама. Наиболее важна заинтересованность в публикации. Именно это заставляет судей открывать книги, а не просто иметь их у себя в библиотеке. В этом плане интересно сослаться на интервью с ведущим в судах дела с применением Конвенции юристом о книгах по Конвенции, опубликованных Российской академией правосудия:

> Эти книги находятся в кодификационных отделах судов (библиотеках. — *А. Б.*). Но причина того, что никто не видит

---

[1] Эти ограничения были отмечены и раскритикованы председателем Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга С.Г. Кияйкиным. Другие проинтервьюированные судьи отметили то же самое.

> судей обращающимися к этим книгам, потому что судьи их не читают. Ну и почему они должны это делать, если стороны не обосновывают свои позиции нормами Конвенции и практики ЕСПЧ, не просят суд применить Конвенцию[1].

Представляется, что причина такого положения дел состоит не в ненадлежащем распространении книг или журналов. Судьи должны быть заинтересованы обращаться к распространенным книгам, чтобы получить навыки применения Конвенции в своих решениях. Проблема состоит в том, что в отличие от, например, Гражданского процессуального кодекса РФ, за неприменение норм Конвенции не предусмотрено негативных последствий в отношении судей. В течение пяти с половиной лет после ратификации Конвенции и до принятия ППВС 2003 г. Верховный Суд РФ не разъяснил судьям, что они должны применять Конвенцию, иначе рискуют отменой своих решений вышестоящей инстанцией. В главе 8 обосновывается, что ППВС 2003 г. не может выполняться на практике. Причина в содержании ППВС.

Главными препятствиями применения Конвенции являются не только недостаточное образование и количества публикаций, необходимых для обучения материалов (книг и журналов), но также отсутствие заинтересованности в применении Конвенции. Это, в свою очередь, оказывает влияние на течение образовательного процесса: высшее юридическое образование, дополнительное и самообразование.

Заместитель председателя Ленинского районного суда В.П. Игнатьев отметил:

> Несмотря на то что проводятся тренинги по Конвенции и пропаганда этого инструмента в средствах массовой информации, преподаватели из Российской академии правосудия понимают, что проблема в кассационной инстанции. Они говорят: «Мы вот вам преподаем, а вы в душе-то не сомневаетесь, что кассация это отменит, но кто-то должен это начинать». Мы не только не знакомы с Конвенцией, — продолжает Игнатьев, — мы мало знаем о возможностях

---

[1] Е. Финков, президент Ростовской региональной общественной организации «Труды и дни». Интервью провел А.Л. Бурков 3 сентября 2004 г.

> ее применения и как это будет воспринято кассационной инстанцией[1].

Другой судья, на этот раз кассационной инстанции Свердловского областного суда, В.А. Дмитриев подтвердил существование такой же ситуации:

> Думаю, если бы Верховный Суд РФ ориентировал бы на применение норм международного права при рассмотрении конкретных дел, тогда, действительно, суды бы больше применяли. Не просто общие разъяснения, что международное право является составной частью российской правовой системы, — это и так очевидно следует из Конвенции[2].

Аналогичное мнение было выражено многими проинтервьюированными судьями и председателями районных судов Екатеринбурга. И это было не только наблюдение автора настоящего исследования. Уполномоченный по правам человека Свердловской области отметила существование похожей ситуации среди тех же председателей и судей районных судов г. Екатеринбурга. На встрече с судьей Европейского суда по правам человека А.И. Ковлером в апреле 2005 г. районные судьи сказали, что у них в практике не было решений с применением Конвенции, что даже Верховный Суд РФ не применяет этот инструмент, и что поэтому они не уверены, что их решения не будут отменены, если они будут использовать Конвенцию[3].

Причина осторожности судей состоит еще и в общем отношении судей к своим решениям. Уполномоченный по правам человека Свердловской области Т.Г. Мерзлякова сослалась на своего супруга, судьи в отставке с 15-летним стажем. В своем разговоре о судебной системе с Т.Г. Мерзляковой Ю.В. Мерзляков отметил, что все судьи беспокоятся о судьбе своих решений. Для молодых судей это важно в плане их карьеры, для опытных судей — это их личные пережива-

---

1 В.П. Игнатьев, заместитель Председателя по гражданским делам Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью.

2 В.А. Дмитриев, судья Свердловского областного суда. Интервью.

3 Т.Г. Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области. Интервью.

ния за свое решение. Судьи защищают свои решения от отмены кассационной инстанцией. Поэтому судьи не будут делать что-то (например, ссылаться на Конвенцию), если они не уверены, что эти действия будут оценены по достоинству наверху судебной лестницы[1]. Т.Г. Мерзлякова заключила:

> Я убедилась в одном — из всех ветвей власти самая консервативная — это суд. И самая зависимая от Верховного Суда — это суд. Судьи не будут применять что-то до тех пор, пока это не будет установлено в практике Верховного Суда[2].

Отношение зависимости районных судей от вышестоящих судов наблюдалось и в интервью с другими судьями. Председатель Орджоникидзевского районного суда Л.М. Руденко сказала, что любому судье может позвонить судья Свердловского областного суда относительно того или иного решения. Председатель Серовского районного суда отметил:

> Существует очень тесная связь со Свердловским областным судом в форме телефона. За нашим судом закреплен определенный куратор из судей облсуда. При возникновении спорных вопросов (по применению законодательства) мы обращаемся туда по телефону. Если могут, сразу отвечают, если нет, тогда через какой-то промежуток времени коллеги совещаются, общую позицию мы вырабатываем[3].

Юристы и адвокаты, ведущие дела в судах, также отмечают осторожность судей в вопросе применения Конвенции. И.Н. Федоров, заместитель председателя Свердловской областной коллегии адвокатов, разъяснил этот феномен:

> Для непосредственного применения Конвенции судьи ждут разъяснений Верховного Суда РФ. Да, федеральное законодательство говорит применять. Однако все остается

---

1 Т.Г. Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека в Свердловской области. Интервью.

2 Там же.

3 А.Г. Валтер, председатель Серовского районного суда Свердловской области. Интервью. О существовании кураторства см. также в подпункте 4.2.2.2.1 гл. 4.

> по-прежнему — нет практики применения Конвенции, нет традиции применения международного права. Это происходит, потому что нет инструкций. Есть страх. Страх реакции сверху. А что, если что-то случится? А вышестоящие суды, например, Свердловский областной суд, сами часто ли применяют Конвенцию?! Где?! Я никогда не видел и не слышал о существовании такого рода решений областного суда. Или, если взять Верховный Суд. Все, что нам нужно, — это чтобы высшая судебная инстанция это все опубликовала и сказала судьям: «Применяйте! Не оглядываясь, не опасаясь, применяйте!». Чтоб написала это все со ссылкой на закон, на конвенции[1].

И эти наблюдения высказывались не только адвокатами. Юристы-правозащитники и члены общественных организаций наблюдали аналогичные тенденции. А.В. Деменева отметила существование ситуации, в которых судьи могут знать практику ЕСПЧ и не возражают ее применить к фактам дела, но этого не делают, потому что для этого нет соответствующих инструкций сверху.

> Можно проводить сколько угодно занятий, но если при этом не отменять решения, то получится ситуация, когда для судьи нет никаких негативных последствий. Если отменяется решение, то у судьи самого может возникнуть вопрос, он может сам обратиться к председателю суда: «Направьте меня, пожалуйста, на какие-нибудь курсы, а то у меня отменяют решения все время, а я хочу соответствовать». Представить это сейчас сложно, но идея такая. Если есть планомерный контроль за применением Конвенции, как, например, проверка применения законодательства о соблюдении прав несовершеннолетних. Контроль очень хороший, очень серьезно на это смотрит областной суд. Это можно посмотреть по практике. А почему бы этим не заниматься именно в плане Конвенции?![2]

---

1 И.Н. Федоров, заместитель председателя Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью.

2 А.В. Деменева, консультант аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью.

Адвокат Л.М. Чуркина сослалась на похожие причины неприменения Конвенции. К сожалению, за исключением ППВС 2003 г., судьям не были даны инструкции, указания сверху о том, что судьи обязаны использовать Конвенцию. Они не будут наказаны, так как для этого не работает контрольный механизм. Несмотря на то что ППВС 2003 г. сыграло информативную роль, оно не установило для судей обязанности применять Конвенцию. Изложение информации о национальном статусе международного права недостаточно[1].

Президент ОО «Сутяжник» С.И. Беляев высказал свои наблюдения относительно заинтересованности среднестатистического судьи:

> Если никто не требует от судьи, если он не обязан, если неприменение Конвенции не влечет каких-либо негативных последствий, тогда судья не будет выполнять какой-либо дополнительной работы[2].

Отсутствие заинтересованности среди российских судей было отмечено профессором Эссексского Университета Ф. Хампсон, преподававшей на семинарах для судей, организованных Российской академией правосудия. На семинарах регулярно присутствовали несколько судей, которые не были включены в образовательный процесс; казалось, что они использовали участие в семинарах как «оплаченный Советом Европы выходной»[3].

Тем не менее к 2009 г. ситуация изменилась. Последние организованные Советом Европы и Российской академией правосудия семинары показали более высокий уровень интереса и знаний судей областных (краевых, конституционных) судов. Во-первых, участники семинара были искренне заинтересованы в семинаре. Одна треть участников обладала опытом применения Конвенции; одна треть не обладала таким опытом, но регулярно знакомится с постановления-

---

1 Л.М. Чуркина, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, юрист ОО «Сутяжник». Интервью.

2 С.И. Беляев, Президент ОО «Сутяжник». Интервью.

3 Ф. Хампсон, профессор Эссексского Университета, эксперт Совета Европы. Интервью провел А.Л. Бурков 2 июня 2004 г.

ми ЕСПЧ; одна треть не обладает опытом применения Конвенции и не читают регулярно постановлений ЕСПЧ[1].

Не удалось найти примеров дисциплинарной ответственности судей за игнорирование обязательства применять Конвенцию, а следовательно и за доведение России до проигрыша дела в ЕСПЧ. Отсутствие случаев возбуждения дисциплинарного производства за отказ применения Конвенции или ППВС 2003 г. отмечено и председателем Квалификационной комиссии судей Свердловской области[2]. Отсутствие ответственности судей и должностных лиц других государственных органов, ответственных за нарушения прав человека, признанных ЕСПЧ, отмечается и А.В. Деменевой, проводившей исследование по этому вопросу[3].

В очередной раз мы наблюдаем замкнутый круг, выявленный в первой части настоящей главы. В связи с тем, что ни Верховный Суд РФ, ни, применительно к настоящему исследованию, Свердловский областной суд не обязывают суды применять Конвенцию, адвокаты понимают, что использование ими Конвенции не будет эффективным. Поэтому они не поднимают перед судьями вопрос применения Конвенции. И это является причиной отсутствия заинтересованности адвокатов изучать Конвенцию.

---

1 Семинары организованы в рамках совместной программы сотрудничества Совета Европы, Европейской Комиссии и Российской академии правосудия «Повышение квалификации судей, юристов и сотрудников правоохранительных органов в Российской Федерации в области применения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в национальном судопроизводстве и практике». Приволжский филиал Российской академии правосудия (г. Нижний Новгород). В ежемесячных семинарах в среднем принимают участие 36 судей из 18 субъектов РФ. Информация почерпнута из собственного опыта преподавания на семинаре в Приволжском филиале Российской академии правосудия (г. Нижний Новгород) от 20–22 января 2009 г. и интервью с одним из преподавателей данных семинаров А.В. Деменевой.

2 В.Н. Курченко, судья Свердловского областного суда, председатель Квалификационной коллегии судей Свердловской области. Интервью.

3 *Деменева А.В.* Проблемы реализации индивидуальной ответственности должностных лиц за установление Европейским судом по правам человека нарушения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Обязательства государств — участников Европейской конвенции о защите прав человека по исполнению постановлений Европейского суда / под ред. Л.М. Чуркиной. Серия «Международная защита прав человека». Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 93–102; <http://sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr5/echr5.pdf>.

Ситуация с использованием Конвенции среди юристов общественных организаций значительно отличается. Как было показано в гл. 4, юристы некоммерческих организаций добиваются значительных успехов по применению Конвенции в судах. Это главным образом объясняется целью стратегических кампаний по ведению общественными организациями дел в судах по разрешению общих юридических проблем, нежели исключительно юридических проблем конкретного клиента. С этой целью Конвенция может эффективно применяться. Усилия общественных организаций по применению гарантий Конвенции были в основном основаны на настойчивых попытках вести дела с использованием норм Конвенции (см. предыдущую главу), распространении соответствующей юридической литературы и проведению семинаров для судей (см. опыт Центра защиты прав СМИ, исследованный в предыдущей главе).

Директор Центра защиты прав СМИ Г.Ю. Арапова отметила, что ни ППВС 2003 г., ни ППВС 2005 г. не были полезными для юристов организации. ППВС 2003 г. слишком общее. Несмотря на то что ППВС 2005 г. более конкретно, оно содержало только два принципа Конвенции, и оно было принято слишком поздно. У юристов Центра защиты прав СМИ не было другого выхода, кроме ведения дел по диффамации с использованием гарантий Конвенции без детальных разъяснений Верховного Суда РФ. Само по себе ведение таких дел в судах с применением Конвенции является важным инструментом образования как судей, так и участвующих в делах юристов. Более того, юристы Центра защиты прав СМИ организовали семинары для судей первой и кассационной инстанций из Центрально-Черноземного района, в частности для судей из Нижнего Новгорода, Рязанского областного суда, Липецкого областного суда и судей Воронежской области.

> Где-то к 2003 г. ситуация потихоньку изменилась в связи с тем, что у нас были постоянные процессы и тренинги. Причем после тренингов с судьями ситуация начинала меняться радикально. Мы начали тренинги в 2001–2002 гг. Потом они у нас шли пачками... Судьям было бы трудно изучать Конвенцию самостоятельно. Ну откуда они сами. Сами — это надо проявить собственную инициативу и начать изучать эту сложную тему. Тема сложная. Мы тоже сначала там поучились, здесь поучились... Нам

> тоже мозги долго промывали. Мы же тоже не с самого начала — хлоп — и пошли Конвенцию применять. Поэтому их можно понять[1].

Юристы Центра защиты прав СМИ отметили, что помощь Верховного Суда РФ в этом отношении была бы очень полезной. В частности, ППВС могли очень помочь для донесения принципов Конвенции в доступной и короткой форме до судей на местах.

Г.Ю. Арапова уверена, что судьям трудно применять практику ЕСПЧ без помощи Пленума Верховного Суда РФ в форме постановлений.

> Заставить всех судей читать постановления ЕСПЧ в первоисточнике бесполезно. Не найдется столько юристов, кто бы читал на английском и французском. В переводах тоже. Возьмем источники переводов — Бюллетень ЕСПЧ. Рассылают они его по всем судам в одном экземпляре. Вот он лежит в орготделе областного суда. 92 постановления в этом году было опубликовано, кто столько сможет прочитать. Да не читают они этого, конечно же. Даже те, кто интересуются, не будут этого делать[2].

Верховный Суд РФ должен стать таким «переводчиком» и «фильтром» конвенционных принципов.

> Чтобы вычленить правовой принцип из постановления ЕСПЧ, во-первых, нужно проникнуться идеей, осознанием того, что у нас изменилась система права, она перестала быть строго континентальной, а стала смешанной. Во-вторых, нужно понять, что судьи обязаны применять эту практику, нужно научиться ее применять, потому что у нас судьи не привыкли применять постановления по конкретным делам как норму материального права. Для них очень тяжело понять саму концепцию применения практики ЕСПЧ...
>
> Если бы судьи были снабжены постановлениями Пленума Верховного Суда РФ, они бы просто не задумываясь стали

---

1 Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью.

2 Там же.

бы применять принципы из постановлений ЕСПЧ, даже не зная, что конкретный принцип, норма в действительности были взяты из дела Лингенс против Австрии[1].

7.3. Заключение

Главным препятствием для применения Конвенции является отсутствие мотивации к применению Конвенции и незнание Конвенции. Попытки обучить применению Конвенции, за редким исключением дел по диффамации, являются неэффективными в связи с отсутствием заинтересованности. В частности, это связано с отсутствием требований Верховного Суда РФ, направленных нижестоящим судам, применять Конвенцию. Практикующие юристы не склонны строить свои позиции на основании Конвенции, потому что они уверены в непродуктивности такого способа ведения дел. При этом инициатива сторон играет ключевую роль в применении судом Конвенции по конкретному делу. Юристы общественных организаций добились успехов в применении Конвенции в связи с тем, что, в отличие от услуг адвокатов, целью ведения дел юристами общественных организаций является не только помощь конкретному клиенту, но также решение более глобальных юридических проблем.

Отсутствие заинтересованности в применении Конвенции создает замкнутый круг и подрывает попытки поднятия уровня знаний Конвенции и практики ЕСПЧ. Есть две возможности разорвать замкнутый круг: с помощью инициативы снизу (адвокаты и юристы, ведущие дела в суде) и сверху (Верховный Суд РФ). Адвокаты и судьи будут использовать Конвенцию, только когда Верховный Суд РФ поддержит данную инициативу. Общественные организации, добившиеся определенных успехов в этой области, недостаточно влиятельные, чтобы изменить ситуацию и сделать практику применения Конвенции устойчивой по всей стране. Верховный Суд РФ должен стать основной силой в разрыве замкнутого круга, заинтересовав судей и юристов в использовании Конвенции и практики ЕСПЧ.

Для повышения заинтересованности судей и практикующих в судах юристов в изучении и применении Конвенции должны быть бо-

---

[1] Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью.

лее энергично использованы постановления Пленума Верховного Суда РФ. Верховный Суд РФ уже это делает, разъясняя статус Конвенции в российской правовой системе, некоторые правовые позиции ЕСПЧ, что, однако, недостаточно. Постановления Пленума Верховного Суда РФ должны быть значительно более подробными, а определения кассационных инстанций должны быть чаще основаны на Конвенции, должно быть больше случаев отмены решений на основании неприменения Конвенции. Это заинтересует практикующих юристов в изучении Конвенции, а также окажет влияние на преподавание европейского права по правам человека на юридических факультетах. Это будет более детально проанализировано в главе 8.

Профессор Г. Даниленко подчеркнул характерную черту нижестоящих судов — зависимость от инструкций Верховного Суда РФ:

> В связи с тем, что в России нижестоящие суды традиционно следуют инструкциям Верховного Суда, развитие ситуации в этих областях будет главным образом зависеть от того, сформулирует ли Верховный Суд четкие инструкции, разъясняющие полномочия обычных судов по непосредственному применению международного права[1].

Принимая во внимание эту черту нижестоящих судов, Верховный Суд РФ является ответственным за развитие ситуации с применением Конвенции в решениях нижестоящих судов.

Российский законодатель до сих пор не сформулировал места постановлений ЕСПЧ в правовой системе. Теоретически все понятно, все закреплено в Конвенции и законодательстве. Фактически, так как практика ЕСПЧ на английском и французском языках, а российские юристы говорят и отправляют правосудие на русском языке, эти документы должны быть «русифицированы», «легализованы» определенным актом правительства.

Интервью с судьями и практикующими в судах юристами подсказывают, что такими актами могут быть постановления Пленума Верховного Суда РФ, являющиеся самыми оперативными и имеющие более серьезное влияние на правоприменение, чем какие-либо другие нормативные акты.

---

[1] См.: *Danilenko G.* The New Russian Constitution and International Law. P. 466.

Много лет назад Государственная Дума РФ ратифицировала Конвенцию и признала юрисдикцию ЕСПЧ с целью изменения судебной практики и законодательства. Но только судебный корпус может изменить судебную практику. Никакие законодательные акты не в силах изменить ситуацию. Поэтому именно судебный корпус должен сформулировать процедуры для изменения судебной практики. Представляется, что Верховный Суд РФ обладает инструментом, необходимым для применения гарантий Конвенции в судебной практике. Название этого инструмента — постановления Пленума Верховного Суда РФ.

ГЛАВА 8

Недостатки постановлений Пленума Верховного Суда РФ, влияющие на эффективность непосредственного применения Конвенции о защите прав человека

В главе 4 была проанализирована природа постановлений Пленума Верховного Суда РФ наряду с их использованием для однообразного применения российского законодательства, что, в свою очередь, отражает потенциал данного инструмента для применения Конвенции как составной части российской правовой системы. В главе 5 сделан общий обзор существующих по вопросу непосредственного применения норм международного права ППВС.

Сам по себе факт существования постановлений Пленума Верховного Суда РФ, касающихся вопроса применения норм международного права (например, Постановление от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»), является действительно позитивным моментом[1]. ППВС 2003 г. было охарактеризовано как «первое», «осо-

[1] В Бюллетене Верховного Суда РФ опубликовано обсуждение проекта ППВС 2003 г. на заседании Пленума Верховного Суда РФ от 18 сентября 2003 г. по вопросу принятия ППВС 2003 г. Кроме членов Пленума, участниками пленарного заседания были судьи судов общей юрисдикции, представители других органов государственной власти Российской Федерации, Совета Европы и ЕСПЧ. В целом

бенное», «выдающееся» и «центральное»[1], «своего рода генеральный акт»[2]. Однако судебная практика показывает, что сделанного недостаточно.

Глава 6 иллюстрирует, что, несмотря на существование ППВС по международном праву, мало было достигнуто в практике применения Конвенции судами общей юрисдикции.

В настоящей главе будут рассмотрены качества постановлений Пленума Верховного Суда РФ, способствующие применению Конвенции. Представляется, что потенциально постановления Пленума Верховного Суда РФ могут быть ценным инструментом для последовательного и единообразного применения Конвенции судами общей юрисдикции при условии, что выявленные в этой главе недостатки будут устранены.

8.1. Позднее принятие Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2003 г.

ППВС 2003 г. содержало несколько важных положений для применения Конвенции в свете практики ЕСПЧ, однако ограниченных по количеству и качеству, к тому же появившихся только в 2003 г. С момента присоединения к Совету Европы 28 февраля 1996 г. российские власти знали, что скоро Конвенция будет ратифицирована. Однако же недостаточно было сделано для оказания помощи юристам в их усилиях по непосредственному применению Конвенции до и непосредственно после ратификации Конвенции 5 мая 1998 г. Недостаточно было сделано с тех пор и по сегодняшний день.

Ратификация Конвенции была одним из условий присоединения к Совету Европы, сформулированных в Заключении № 193 (1996) по поводу Запроса России о признании ее членом Совета Европы, при-

---

проекту ППВС 2003 г. была дана позитивная оценка. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

1 *Марочкин С.Ю.* Международное право и практика судов общей юрисдикции в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года // Российский вестник международного права. 2004. СПб., 2005. С. 23.

2 *Игнатенко Г.В.* Судебное применение международно-правовых норм: очерк деятельности Верховного Суда РФ // Журнал российского права. 2008. № 1.

нятого 25 января 1996 г.[1] (далее — Заключение), за один месяц до присоединения. Положения Заключения большинством политических фигур Российской Федерации были восприняты как «рекомендации». Например, В. Лукин, на тот момент глава российской делегации при Парламентской Ассамблее Совета Европы (далее — ПАСЕ), участвуя в дебатах Государственной Думы РФ по вопросу «О присоединении России к Совету Европы», убеждал депутатов, что положения Заключения являются не более, чем рекомендациями[2]. Для Президента РФ Б.Н. Ельцина обязательство ратифицировать Конвенцию не означало более, чем непосредственно акт ратификации, и не включало в себя применение гарантий Конвенции на практике. Профессор В. Бауринг так описал инструкции Президента РФ членам делегации в Совет Европы:

> Четыре основных конвенции Совета Европы должны быть ратифицированы как можно скорее… но, добавил Президент Ельцин, Россия не сможет немедленно начать применять стандарты Совета Европы, включая отмену смертной казни[3].

Принимая во внимание проанализированную в главе 1 политическую природу присоединения России к Совету Европы, можно предположить, что присоединение к Совету Европы и ратификация Конвенции не преследовали цели применения Конвенции на практике. Ситуация медленно меняется в положительную сторону — ратифицирован Протокол № 14 к Конвенции.

Эта политическая атмосфера объясняет, почему в течение долгого периода времени после даты ратификации Конвенции не принималось специальных постановлений Пленума Верховного Суда РФ, единственного органа, способного инициировать и поддерживать процесс применения Конвенции в судебной практике на территории всей России во всех судах общей юрисдикции.

---

1 *Russia's* Request for Membership of the Council of Europe / Opinion № 193 (1996) adopted on 25 January 1996 // Human Rights Law Journal 17. 1996. № 3–6. P. 185–187. Section 10.i.

2 Мнение В. Лукина. См.: Государственная Дума. Из стенограммы заседания 16 февраля 1996 г. Обсуждение вопроса о принятии России в Совет Европы // Право Совета Европы и Россия: сб. док. и мат. / под ред. И.П. Скворцова. Краснодар, 1996. С. 104.

3 См.: *Bowring B.* Russia's Accession to the Council of Europe and Human Rights. P. 634.

Этот вывод был сделан не только из анализа материалов встреч политических фигур. Большинство проинтервьюированных судей отметили, что непосредственное применение гарантий Конвенции не рассматривается в качестве неотложной задачи для российской правовой системы. Судья В.А. Дмитриев для демонстрации своей точки зрения, что применение Конвенции не является срочной задачей, сослался на то, каким образом и как часто принимаются ППВС, касающиеся национального законодательства:

> Постановления Пленума Верховного Суда РФ принимаются по наиболее спорным вопросам и по тем вопросам, которые не урегулированы в законодательстве или на практике вызывают определенные сложности. По тем же Жилищному кодексу и Трудовому кодексу Пленум Верховного Суда РФ сразу же принял специальные ППВС о порядке их применения[1].

Сравнение того, как принимаются ППВС по применению Конвенции и ППВС по вопросам национального законодательства, поддерживает позицию, что вопрос непосредственного применения Конвенции не считается проблемой, требующей неотложного разрешения. Сегодня есть более трех десятков ППВС по разным положениям и вопросам применения ГПК 2002 г.[2] Эта цифра сама по себе впечатляет. Более того, в течение двух месяцев после опубликования ГПК 2002 г. — 20 ноября 2002 г., Пленум Верховного Суда РФ принял первое постановление по вопросу применения ГПК 2002 г. — Постановление от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»[3]. Это произошло за *11 дней* до вступления в силу ГПК 2002 г. — 1 февраля 2003 г.

Несмотря на то что некоторые гарантии Конвенции не содержатся в национальном законодательстве, применение многих гарантий вызывает трудности в судебной практике, данные положения Конвенции не были немедленно разъяснены постановлениями Пленума

---

1 В.А. Дмитриев, судья Свердловского областного суда. Интервью.

2 РГ. 2002. 20 нояб.

3 РГ. 2003. 25 янв.

Верховного Суда РФ. Как будет продемонстрировано ниже, до сих пор большинство правовых принципов Конвенции не были разъяснены в ППВС. Несмотря на конституционное положение о том, что Конвенция обладает приоритетом над законами, Пленум Верховного Суда РФ не уделяет столько же внимания Конвенции, как это делается в отношении национального законодательства. До сих пор не было ни одного ППВС, полностью посвященного применению Конвенции[1]. Также, за некоторым исключением, отсутствуют ППВС, посвященные применению Конвенции в конкретных категориях дел. Имеется несколько ППВС, которые вскользь затрагивают вопросы применения Конвенции. Большинство таких ППВС могут быть охарактеризованы как содержащие положения, которые пересказывают конституционные нормы о непосредственном применении международных договоров.

В отличие от ППВС по разъяснению положений российского законодательства, которые зачастую издаются предварительно, до вступления в силу кодексов, единственным ППВС, посвященным в целом применению норм международного права и только частично применению Конвенции, является ППВС 2003 г., принятое спустя более 7,5 лет после вступления в Совет Европы и 5,5 лет после ратификации Конвенции.

8.2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ принимаются после вынесения Европейским судом по правам человека постановлений против России

Наблюдается тенденция принятия постановлений Пленумом Верховного Суда РФ, затрагивающих вопросы применения Конвенции только после вынесения ЕСПЧ постановлений против России,

---

[1] Данное предложение высказано профессором С.Ю. Марочкиным, см.: *Марочкин С.Ю.* Международное право и практика судов общей юрисдикции в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года // Российский вестник международного права 2004. СПб., 2005. С. 31.

т.е. после установления на международном уровне нарушения Россией Конвенции. Не предпринимается попыток по предотвращению нарушений Конвенции до рассмотрения этих нарушений в ЕСПЧ. Даже этот подход фрагментарный: до сих пор Пленум Верховного Суда РФ отреагировал только в отношении пяти постановлений ЕСПЧ против России из более 800 таких постановлений, хотя и в большинстве своем однородных, повторяющихся, клоновых по своей природе постановлений.

Правовые принципы Конвенции, освещенные в ППВС 2003 г., были взяты только из четырех постановлений ЕСПЧ, принятых против России до октября 2003 г. Это Бурдов против России, Постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г. (по п. 1 ст. 6 и ст. 1 Протокола № 1), Калашников против России, Постановление ЕСЧП от 15 июля 2002 г. (по ст. 3, п. 3 ст. 5, п. 1 ст. 6), Посохов против России, Постановление ЕСПЧ от 4 марта 2003 г. (по п. 1 ст. 6), и Смирновы против России, Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г. (по п. 1, 3 ст. 5, п. 1 ст. 6).

Также Постановление Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» содержит только два конвенционных принципа, касающихся свободы слова: разграничение фактов и мнений и допущение большей критики в отношении политических деятелей, нежели обычных граждан[1]. Очевидно, что при подготовке текста постановления Пленум Верховного Суда РФ использовал принципы свободы слова, изначально разработанные ППВС в делах *Handyside v. UK* и *Lingens v. Austria*, а позднее пересказанных в других подобных делах, хотя этого не следует из ППВС 2005 г., так как в тексте ППВС не дается какой-либо ссылки на постановления ЕСПЧ. Представляется, что причиной включения разъяснений этих двух принципов является не наличие постановления ЕСПЧ против других стран — участников Конвенции, а первое дело против России по ст. 10 Конвенции, Гринберг против России[2], которое ожидало своего рассмотрения в ЕСПЧ на момент разработки ППВС 2005 г. и было решено спустя пять месяцев после принятия ППВС 2005 г.

---

1 Для общего обзора содержания ППВС 2005 г. см. гл. 5.

2 *Grinberg v. Russia.*

В деле Гринберга ЕСПЧ признал нарушения двух принципов Конвенции, упомянутых в ППВС 2005 г. Нет оснований сомневаться, что судья Верховного Суда РФ С. Потапенко, автор проекта ППВС 2005 г. и эксперт по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, хорошо знаком с принципами ст. 10 Конвенции, как она интерпретируется в постановлениях ЕСПЧ.

Тот факт, что ППВС 2005 г. предшествовал постановлению ЕСПЧ, не говорит о том, что дело Гринберга не оказало воздействие на ППВС 2005 г. Факты дела и вопросы о предполагаемых нарушениях Конвенции направляются Российской Федерации как Высокой Договаривающейся Стороне иногда за несколько лет до даты постановления по существу. ЕСПЧ вынес решение о приемлемости дела Гринберг против России 28 октября 2004 г. После этого в ЕСПЧ сторонами не представлялось меморандумов по существу дела[1]. Учитывая практику ЕСПЧ по ст. 10 Конвенции, исход дела Гринберга был предсказуем, и разумно предположить, что это дело стало причиной того, что Верховный Суд РФ разъяснил существующую в российской практике проблему, противоречащую Конвенции, за несколько месяцев до вынесения постановления ЕСПЧ по существу.

Практика разъяснения принципов Конвенции только после установления ЕСПЧ нарушений, и тот факт, что до сих пор таких разъяснений было дано только по пяти делам, означает, что усилия по предотвращению нарушений Конвенции были ограниченными. Как результат — недостаточное применение Конвенции в судах общей юрисдикции увеличивает поток российских дел в ЕСПЧ.

В перечне принципов Конвенции, разъясненных в ППВС 2003 г., не содержится ничего того, что не могло бы быть взято из других, более ранних постановлений ЕСПЧ по делам против других стран. Это значит, что Пленум Верховного Суда РФ мог снабдить суды необходимой информацией и обязать их следовать принципам Конвенции, как они понимаются в практике ЕСПЧ, до того, как права граждан были нарушены, и до того, как они были лишены доступа к внутренним средствам правовой защиты. Таким образом, обращение Пленума Верховного Суда РФ к практике ЕСПЧ до вынесения пер-

---

[1] Там же. Параграф 5, 7.

вых постановлений ЕСПЧ против России снабдило бы судей и практикующих в судах юристов правовыми принципами Конвенции, которые отсутствовали и до сих пор отсутствуют в национальном законодательстве в тех областях, не попавших еще под надзор ЕСПЧ. Например, право на бесплатную помощь адвоката по некоторым категориям административных дел.

8.3. Постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняют только правовые принципы, примененные Европейским судом по правам человека по российским делам

Другой, связанный с предыдущим недостаток состоит в том, что Пленум Верховного Суда РФ рассматривает в качестве имеющих юридическую силу постановления ЕСПЧ только по делам против России.

Верховный Суд РФ отстаивает идею, согласно которой только постановления ЕСПЧ, вынесенные в отношении России, являются юридически обязательными для российских властей. Во-первых, этот вывод следует из п. 11 ППВС 2003 г.:

> В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления (ЕСПЧ. — *А. Б.*) *в отношении Российской Федерации,* принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов. (выделено мной. — *А. Б.*).

В ППВС 2003 г. нет положения, которое бы регулировало статус постановлений ЕСПЧ, вынесенных против других государств, кроме России.

Во-вторых, как было указано ранее, из анализа и сравнения правовых позиций ЕСПЧ, содержащихся в ППВС 2003 г. и постановлений ЕСПЧ, вынесенных против России до 10 октября 2003 г., следует, что при подготовке проекта ППВС 2003 г., Пленум Верховного Суда РФ принял во внимание только постановления ЕСПЧ, вынесенные против России. Точки зрения обязательности только поста-

новлений против России придерживается и профессор Б.Л. Зимненко, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, принимавший активное участие в разработке проекта ППВС 2003 г.[1] В 2004 г. профессор Б.Л. Зимненко выразил еще более консервативную позицию:

> Если даже предположить, что Европейский суд по правам человека создает правовые нормы, то последние не являются обязательными для государств — участников Конвенции[2].

Более того, представляется, что имеется официальная позиция переводить на русский язык только постановления ЕСПЧ против России. Все проинтервьюированные судьи отметили, что они получают из Верховного Суда РФ и (или через) Свердловский областной суд только переводы постановлений по российским делам. Если судья получает переводы постановлений ЕСПЧ только по делам против России, то нетрудно предположить, какие постановления ЕСПЧ судья будет учитывать в своей практике.

Игнорирование правовых позиций, содержащихся в делах против других Высоких Договаривающихся Сторон, неизбежно приводит к неполному или даже неправильному толкованию Конвенции и непредотвращению нарушений. «Российские» постановления ЕСПЧ составляют только часть официального толкования Конвенции. Судья Конституционного Суда РФ в отставке профессор Т.Г. Морщакова отметила, что такая политика Верховного Суда РФ является «несомненным ограничением» толкования Конвенции[3]. В свою очередь, само по себе неверное толкование Конвенции вносит свой вклад в увеличивающееся количество будущих нарушений международных обязательств России.

---

1 Б.Л. Зимненко, профессор Дипломатической Академии Министерства иностранных дел, член Научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ. Интервью.

2 См.: *Зимненко Б.Л.* Решения Европейского суда по правам человека и правовая система Российской Федерации. С. 79. Критику настоящей позиции см. в гл. 3.

3 Т.Г. Морщакова, профессор, судья Конституционного Суда РФ в отставке, советник председателя Конституционного Суда РФ. Интервью провел А.Л. Бурков 28 февраля 2008 г.

8.4. Недетализированность постановлений Пленума Верховного Суда РФ

ППВС по Конвенции не содержат достаточно детализированной информации, которая могла бы способствовать процессу применения Конвенции.

Все проинтервьюированные юристы, ведущие дела в судах, отметили, что для успешного использования Конвенции в процессах им необходимо иметь доступ к конкретным правилам применения, четким разъяснениям положений Конвенции, подлежащим применению. Заместитель председателя Свердловской областной коллегии адвокатов И.Н. Федоров сказал:

> Все, что нам необходимо, это чтобы Верховный Суд подробнее расписал применение Конвенции, разъяснил ее нормы. Реакция судей на ссылки на решения Евросуда прохладная. Им ближе разъяснение нашего Верховного Суда. Психология судей. Вот если будут ссылки на федеральный закон и постановления Пленума Верховного Суда, я думаю, что судьи предпочтут разъяснение Верховного Суда. Это ближе, это корпоративная связь[1].

Судья В.А. Дмитриев отметил относительно применения Конвенции, что Пленум Верховного Суда РФ «дает только общие инструкции, что международное право является составной частью российского права, что и так очевидно следует из Конституции», но не разъясняет «ориентироваться на применение норм международного права при рассмотрении конкретных дел»[2].

С.И. Беляев отметил:

> За исключением разъяснения общих правил применения международного права, которые в большинстве случаев повторяют положения Конституции, Пленум Верховного Суда не слишком много делает. Не было принято специальных ППВС, чтобы сделать Конвенцию более применимой[3].

---

1 И.Н. Федоров, заместитель председателя Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью.

2 В.А. Дмитриев, судья Свердловского областного суда. Интервью.

3 С.И. Беляев, Президент ОО «Сутяжник». Интервью.

Согласившись с выводом о том, что без помощи постановлений Пленума Верховного Суда РФ судьям по собственной инициативе будет сложно применять Конвенцию, как она понимается в практике ЕСПЧ, юристы общественных организаций Г.Ю. Арапова и Л.М. Чуркина отметили, что причина неприменения судьями Конвенции не в отсутствии ППВС (как мы могли видеть, они существуют), а в отсутствии в ППВС детальной информации по Конвенции[1].

Сейчас необходимо взглянуть на ППВС с той позиции, являются ли они достаточно детальными, чтобы помочь юристам оперировать нормами Конвенции в судебных процессах.

Исходя из типа информации, содержащейся в ППВС, последние можно классифицировать на два вида: воспроизводящие текст Конвенции и содержащие конкретные правовые принципы, выработанные в практике ЕСПЧ.

8.4.1. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, воспроизводящие текст Конвенции о защите прав человека

Большинство постановлений Пленума Верховного Суда РФ составляют постановления, содержащие лишь выдержки из текста Конвенции. В них просто упоминается либо номер статьи Конвенции, либо воспроизводится текст статьи. Каких-либо правовых принципов не разъяснятся.

В 1999 г. Пленум Верховного Суда РФ впервые процитировал положение Конвенции. Это было Постановление от 18 ноября 1999 г. № 79 «О ходе выполнения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 августа 1993 г. № 7 „О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами РФ“» (далее — ППВС 1999 г.)[2]. В преамбуле ППВС 1999 г. приведен текст первого предложения п. 1 ст. 6 Конвенции[3]. В п. 1 ППВС 1999 г. Пленум в очередной раз об-

---

1 Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью; Л.М. Чуркина, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, юрист ОО «Сутяжник». Интервью.

2 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1. См.: Приложение 12.

3 «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и пу-

ратился к п. 1 ст. 6 Конвенции, просто назвав номер статьи, и обратил внимание судей судов общей юрисдикции «на необходимость строгого соблюдения процессуальных сроков разрешения дел, а также на недопустимость волокиты при производстве по судебным делам», в противном случае нарушается п. 1 ст. 6 Конвенции. Похожая формулировка относительно гарантий ст. 6 о разумности срока рассмотрения дел была использована в Постановлении от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»[1] и Постановлении от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях»[2].

Такого рода краткое упоминание Конвенции является неверным применением этого инструмента, являющегося составной частью российской правовой системы. Оно влечет несколько негативных последствий.

Во-первых, ППВС 1999 г. дает неверное толкование Конвенции. ЕСПЧ автоматически не квалифицирует нарушение законных сроков рассмотрения дел как нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции. ЕСПЧ записал в одном из своих постановлений:

> Суд напоминает, что разумность длительности судебного разбирательства должна оцениваться в свете конкретных обстоятельств дела, внимание должно уделяться критериям, выработанным прецедентным правом ЕСПЧ, в частности, сложности дела, поведению заявителя и поведению компетентных органов. Кроме того, также должно приниматься во внимание, каков был характер процесса и какое значение он имел для заявителя[3].

Поэтому российское законодательство, устанавливающее сроки рассмотрения уголовных, гражданских и административных дел, предоставляет сторонам большую защиту права на своевременное рассмотрение дела, чем Конвенция в толковании ЕСПЧ.

бличное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона».

1 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6.

2 Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

3 *Kalashnikov v. Russia.* Параграф 125.

Во-вторых, представляется, что ППВС 1999 г. занижает минимальный уровень защиты права на своевременное рассмотрение дела до минимального уровня, установленного в Конвенции. Конвенция не ограничивает права, установленные в национальном законодательстве, а их дополняет. В ППВС 1999 г. не указываются гарантии Конвенции, которых нет в национальном законодательстве. Во-первых, в постановлениях ЕСПЧ по российским делам (Бурдов против России, Калашников против России и др.), которые были вынесены три года спустя после ППВС 1999 г., содержатся правовые принципы о разумности сроков рассмотрения дел, взятые из постановлений ЕСПЧ по делам против других Высоких Договаривающихся Сторон. Эти принципы отсутствуют в национальном законодательстве. Если бы эти принципы были указаны в ППВС 1999 г. или даже ранее, Российская Федерация могла бы избежать определенного количества постановлений ЕСПЧ против России по ст. 6 Конвенции.

По неизвестным причинам Пленум Верховного Суда РФ не включил в ППВС 1999 г. важные принципы разумности сроков рассмотрения дела, разработанные ЕСПЧ. Обращение к п. 1 ст. 6 Конвенции в ППВС 1999 г. очень ограничено и поэтому неэффективно. ГПК РФ и УПК РФ, Конституция РФ затянувшиеся судебные процессы как таковые считают нарушением закона. Значимость указания п. 1 ст. 6 Конвенции состоит в дополнительных гарантиях соблюдения сроков отправления правосудия, о которых не знают российские судьи и юристы, ведущие дела в судах. Единственный способ выяснить эти гарантии — это заглянуть в практику ЕСПЧ, которая толкует текст Конвенции. В ППВС 1999 г., как и в других ППВС, Пленум Верховного Суда РФ этого не сделал.

Обращение только к статье закона, Конституции или Конвенции без детального анализа соответствующей практики является характерным для российского юриста, юриста континентальной системы права. В одной из предыдущих глав мы могли видеть, что Верховный Суд РФ при рассмотрении конкретных дел почти всегда обращается только к тексту Конвенции («набор деклараций», как назвал Конвенцию председатель Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга[1]), без проведения анализа по существу правового принципа,

---

[1] С.Г. Кияйкин, председатель Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью.

выработанного ЕСПЧ. Поэтому не удивляет, что Пленум Верховного Суда РФ в большинстве случаев следует аналогичной практике и при принятии ППВС.

8.4.2. Постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащие разработанные Европейским судом по правам человека принципы

Другой случай неполноты ППВС состоит в том, что в ППВС разъясняются не все, а лишь несколько принципов конкретного права, закрепленного в Конвенции. Такими ППВС являются ППВС 2003 г. и 2005 г.

Положения ППВС 2003 г. не детализированные, поэтому они вызывают значительный риск того, что положения ППВС применены не будут. Разъяснения принципов Конвенции довольно не полные, что не способствует применению этих принципов практикующими юристами. Встречаются и дальнейшие сложности на практике, состоящие в том, что кассационные инстанции не отменят судебное решение, пока не будет указан конкретный нарушенный принцип права, разъясненный в ППВС. ППВС 2003 г. нацелено на разъяснение обязанности применения судами Конвенции в общем, но не разъясняет, за некоторым исключениями, указанными в главе 5, какие все-таки правовые принципы содержатся в Конвенции, какие конкретно нормы международного права должны применяться судами. Другими словами, Пленум Верховного Суда РФ проинструктировал суды применять Конвенцию, неполно разъяснил несколько норм Конвенции (как некоторые принципы понимаются в постановлениях ЕСПЧ по делам против России) и не снабдил судей детальным разъяснением правил и принципов, развитых ЕСПЧ. Поэтому разъяснение обязанности применения Конвенции не будет иметь никакого результата без исчерпывающего разъяснения конкретных норм Конвенции.

Решения не могут быть отменены, а судьи привлечены к ответственности за неприменение ППВС 2003 г., а следовательно, и Конвенции, в связи с отсутствием четкости разъяснений. ППВС, касающиеся норм российского права, являются более детализированными.

С.И. Беляев прокомментировал ППВС 2003 г.:

> Претензий к нему по пониманию обязательств Российской Федерации, принятых на уровне законодателя, никаких нет. Они еще более широко растолковали законодательные нормы, ратификационные постановления. Но если это же постановление Пленума Верховного Суда РФ читать глазами районного судьи, адвоката, прокурора, то мы увидим, что ни один из пунктов применить ни к одной отрасли права невозможно. Концепция Постановления Пленума Верховного Суда от 2003 года — общетеоретический документ. Если мы анализируем иные пленумы, то они даже из своего названия говорят, к какой отрасти права, какой группы преступлений, какого закона, какой статьи они касаются. В этих постановлениях Пленума ничего о внутренних правах и полномочиях в применении и толковании той или иной статьи, процесса, закона, практике в свете требований международных обязательств России нет. В принципе нет. А следовательно, ни одного из судей, ни мирового, ни федерального, первой, второй или высшей инстанции, никто никогда не сможет привлечь ни к какой ответственности за неприменение этого постановления Пленума[1].

А.В. Деменева, практикующий в судах консультант аппарата Уполномоченного по права человека Свердловской области и преподаватель, заявила, что невозможно сказать, будто ППВС 2003 г. сыграло ключевую роль в изменении ситуации с применением Конвенции по двум основным причинам. Во-первых, ППВС 2003 г. не был специально посвящен применению Конвенции, а в общем — использованию международного права российскими судами. Во-вторых, оно содержало определения, которые полезны для теории. Это может быть полезным, когда работаешь со студентами, но не с судьями, нуждающимися в конкретных нормах права, которые они могли бы использовать в их повседневной практике. Как практик А.В. Деменева объяснила, что ее ожидания, связанные с принятием ППВС 2003 г., не оправдались[2].

---

1 С.И. Беляев, президент ОО «Сутяжник». Интервью.

2 А.В. Деменева, консультант аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью.

Г.Ю. Арапова оценила ППВС 2003 г. с точки зрения применения гарантий свободы выражения мнения:

> Это постановление не помогло, не помешало. Это было лучше, чем ничего. Но был закон о ратификации, который содержал аналогичные положения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 2003 г. не содержало каких-то конкретных указаний на нашу категорию дел (дела о защите чести, достоинства и деловой репутации. — *А. Б.*). Поэтому общие указания на то, что эти нормы обязательны к применению, это точно помнят все, закончившие юридический факультет. Это самая основная презумпция международного права. Поэтому это не было ни для кого каким-то откровением. Никаких принципов конкретных, которые выработал Европейский суд, там нет. В этом смысле он был какой-то слишком общий[1].

ППВС 2003 г. начинается с разъяснения конституционного правила, что нормы международного права непосредственно применяются в российской правовой системе (п. 2 и 3 ППВС 2003 г.). На первый взгляд, это является важным. Но, как указано выше, многие юристы отметили, что не было необходимости в повторении конституционной нормы, потому что она и так всем хорошо известна.

Второй блок положений ППВС 2003 г. содержит санкции за неприменение норм международного права (п. 9):

> При осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что... неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта.

С одной стороны, в дополнение к конституционному положению о приоритете норм международного права, ППВС 2003 г. закрепило санкцию за неприменение норм международного права — отмену судебного решения. С другой стороны, эта санкция уже существовала в Гражданском процессуальном и Уголовно-процессуальном ко-

---

[1] Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью.

дексах РФ, установивших, что нарушение материального или процессуального права является основанием для отмены постановления (решения, приговора). Пленум Верховного Суда РФ только разъяснил очевидный момент, что Конвенция и есть часть национального права, потому что Российская Федерация ратифицировала ее, поэтому неприменение Конвенции приводит к отмене судебного постановления. Совершенно очевидно, что важно подчеркнуть фундаментальную норму. Но это должно быть только началом. Чтобы заставить эту санкцию работать на практике, Пленум Верховного Суда РФ должен подробно разъяснить положения Конвенции. Иначе, чем определить, какое положение не было применено при рассмотрении дела. Этого не произошло. ППВС 2003 г. содержит разъяснение лишь нескольких положений Конвенции, являвшихся новыми для российского права.

Даже содержащиеся в ППВС 2003 г. разъяснения ст. 3, 5 и 6 Конвенции не являются исчерпывающими.

Первое постановление Пленума Верховного Суда РФ, содержащее разъяснение ст. 6 Конвенции подробнее, чем просто воспроизведение ее текста, — Постановление от 14 декабря 2000 г. № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС“» (в редакции постановления Пленума от 5 апреля 2005 г. № 7, с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением Пленума от 11 мая 2007 г. № 23)[1] (далее — ППВС 2000 г.). Разъяснение положений ст. 6 Конвенции в ППВС 2000 г. было очень коротким: «...сроки судебного разбирательства начинают исчисляться со времени поступления заявления в суд и заканчиваются исполнением судебного акта» (п. 20). Этот принцип являлся новым для российского законодательства и поэтому важным. Но это не единственный принцип, содержащийся в ст. 6, и даже не единственный принцип разумности срока рассмотрения дела.

Больше было сделано в ППВС 2003 г. после того, как было признано, что Российская Федерация нарушила п. 1 ст. 6 Конвенции в деле Бурдов против России:

---

[1] РГ. 2005. 14 апр.

> Однако это право станет иллюзорным, если правовая система Высоких Договаривающихся Сторон допускает, чтобы окончательное, обязательное для исполнения судебное решение оставалось не исполненным и не устраняло последствий причиненного одной из сторон ущерба. Очевидно, что статья 6 § 1 не может включать подробные процессуальные гарантии для сторон спора — справедливое, публичное и доступное судебное разбирательство — без гарантии исполнения судебных решений. Толкование статьи 6 Конвенции лишь в рамках обеспечения права на обращение в суд и порядка судебного разбирательства привело бы к ситуациям, несовместимым с принципом верховенства права, который государства — участники Конвенции обязались соблюдать, подписав Конвенцию. Исполнение судебного решения, принятого судом, должно, таким образом, рассматриваться как составляющая «судебного разбирательства» по смыслу статьи 6 Конвенции...
>
> Отсутствие денежных средств не является для властей государства оправданием для неисполнения решения суда. Предполагается, что задержка при исполнении решения суда может быть оправданна в определенных обстоятельствах. Но задержка не должна быть таковой, чтобы нарушать саму суть права, защищаемого статьей 6 § 1...[1]

В деле Бурдов против России нет ничего, что нельзя было бы найти в более ранних постановлениях.

ППВС 2003 г. разъяснил принцип, согласно которому исполнение судебного решения считается составной частью судебного разбирательства, а также несколько других правовых принципов: разумности срока рассмотрения уголовных и гражданских дел, частично принцип права на суд, созданный на основании закона, примененный ЕСПЧ по российским делам[2]. Но другие принципы статьи 6 были опущены. И в этом состоит главный недостаток ППВС по Конвенции. Они не предоставляют практикующим юристам более-менее исчерпывающую информацию по принципам Конвенции. Очевидно, что статья 6 содержит больше гарантий, чем только принцип своевременности отправления правосудия, право на суд, созданный на основании закона. То же самое можно сказать относительно разъяснений ст. 3 и 5 Конвенции. Только номер ст. 13 Конвенции был

---

1 *Burdov v. Russia.* Параграфы 34–35.

2 Для более детального описания содержания ППВС 2003 г. см. гл. 5.

указан в ППВС 2003 г. — ни названия, ни текста, ни правовых принципов ЕСПЧ, разъясняющих значение ст. 13 Конвенции, в ППВС 2003 г. отражено не было.

Два принципа свободы выражения мнения были указаны в ППВС 2005 г.[1], что составляет маленький процент принципов, выработанных ЕСПЧ по ст. 10 Конвенции. Частично это объясняется тем, что Пленум Верховного Суда РФ касается только принципов, которые уже были по делам против России.

Нужно задать вопрос: сколько всего принципов Конвенции, разработанных ЕСПЧ, разъяснил Пленум Верховного Суда РФ в течение 12 лет с момента ратификации Конвенции? Число небольшое:

1) разумность сроков рассмотрения уголовных и гражданских дел;
2) условия содержания в заключении как бесчеловечное обращение;
3) законность заключения под стражу до суда;
4) разграничение фактов и мнений в делах о свободе выражения мнения;
5) большая степень критики деятельности публичных фигур.

Оценивая производительность Пленума Верховного Суда РФ по разъяснению положений Конвенции, мы должны принять во внимание следующее: вне зависимости от возможных намерений, Россия приняла на себя международное обязательство применять Конвенцию в российской правовой системе; основная проблема соблюдения Конвенции состоит в первую очередь в ее применении на практике, нежели в закреплении в законах и нормативных актах; только Верховный Суд РФ имеет полномочия влиять на судебную практику. Один из опрошенных практикующих юристов оценил деятельность Пленума Верховного Суда РФ как «саботаж международных обязательств»[2].

В то же время есть и противоположная оценка деятельности Верховного Суда РФ. Судья ЕСПЧ профессор А.И. Ковлер, сославшись на несколько фактов, говорит о «впечатляющих усилиях Верховного Суда по стимулированию интереса и даже обязанности судей применять Конвенцию». В числе таких фактов называются более частое

---

[1] Для более детального описания содержания ППВС 2005 г. см. гл. 5.

[2] С.И. Беляев, президент ОО «Сутяжник». Интервью.

аргументирование с использованием практики ЕСПЧ постановлений кассационной и надзорной инстанции, посещение ЕСПЧ сотнями судей ежегодно, десятки семинаров, организованных во всех регионах, финансирование переводов на русский язык всех касающихся России постановлений ЕСПЧ, принятие многих постановлений Пленума Верховного Суда РФ связано с появлением практики ЕСПЧ[1].

8.5. Отсутствие ссылок на конкретные постановления Европейского суда по правам человека

Другой недостаток ППВС, вносящий свой вклад в абстрактность формулировок ППВС, состоит в том, что при обращении к правовым принципам Пленум Верховного Суда РФ не ссылается на конкретные постановления ЕСПЧ. Сложно применить правовые принципы ЕСПЧ, изъятые из контекста фактов конкретного дела.

Ни ППВС 2003 г., ни ППВС 2005 г. не дается ссылок на постановления ЕСПЧ. Как указывалось в главе 5, обзор принципов Конвенции в ППВС 2003 г. был вызван предшествующими четырьмя постановлениями ЕСПЧ по российским делам. Пленум просто обобщил выводы, сделанные в данных делах.

При подготовке ППВС 2005 г. Пленум Верховного Суда РФ использовал принципы свободы выражения мнения, изначально изложенные ЕСПЧ в делах *Handyside v. UK* и *Lingens v. Austria*. В очередной раз в соответствии с существующей политикой Верховного Суда РФ ссылки на постановления ЕСПЧ отсутствовали.

Названия основных постановлений ЕСПЧ должны были быть отражены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ для внимания судей нижестоящих судов.

Отсутствие ссылок на практику ЕСПЧ лишает юристов возможности более глубокого изучения положений Конвенции и по-

---

[1] См.: *Kovler A.I.* Examiner's Independent Report and Recommendation on the PhD thesis of Mr. Anton Burkov, Wolfson College, University of Cambridge, entitled «The Current and Potential Usefulness of Regulations Made by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Securing the Implementation of the European Convention on Human Rights by Russian Courts». Strasbourg, 28 May 2009. P. 2.

нимания их применимости к конкретным ситуациям, если такая необходимость есть. Например, порядок применения принципа исполнения судебного решения как составной части гарантии справедливого судебного разбирательства довольно ясен без указания фактов дел, при разрешении которых этот принцип был разработан. Неисполнение судебного решения автоматически влечет нарушение п. 1 ст. 6 Конвенции. Однако длительность судебного разбирательства, нарушающая гарантии ст. 6 Конвенции, может быть установлена с помощью обращения к фактам конкретных дел. Принцип «условий содержания в заключении как бесчеловечное обращение» является квалифицированным и может быть применен только в определенных делах, где условия содержания в заключении достаточно тяжелые, достигающие уровня бесчеловечного или унижающего достоинство обращение или наказание. Применение принципов свободы выражения мнения часто соотносится с другими правами и интересами, например, с правом на свободу религии. Критерии установления баланса интересов устанавливаются от дела к делу. Поэтому обращение к делу или нескольким наиболее важным делам является важным для содействия применению судьей этого принципа.

Несмотря на то что в ППВС 2003 г. содержатся правовые принципы, примененные в постановлениях по делам против России, Пленум Верховного Суда РФ не сослался на названия данных дел. С сожалением можно отметить, что такие ссылки содержались в проекте текста ППВС 2003 г., но не перекочевали в окончательный текст документа. Я.С. Кожеуров прокомментировал этот момент:

> В первоначальном проекте Постановления использовались ссылки на конкретные решения Европейского суда, что могло послужить хорошим примером для судов России, дать возможность активнее и смелее ссылаться на практику Европейского суда в своих решениях. Однако в окончательном варианте Постановления эти ссылки, к сожалению, отсутствуют[1].

---

[1] См.: *Кожеуров Я.С.* О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». С. 9.

В ППВС 2003 г. Пленум Верховного Суда РФ не инструктирует нижестоящие суды цитировать практику ЕСПЧ, но только принимать ее во внимание. В тексте ППВС 2003 г. применительно к Конвенции и практике ЕСПЧ Пленум Верховного Суда РФ использует термин «должны учитывать» в пяти случаях[1], термин «следует иметь в виду» — дважды, и по одному разу термины «исходя из постановлений Европейского Суда по правам человека»[2] и «в соответствии с правовыми позициями Европейского Суда по правам человека»[3]. В ППВС 2003 г. отсутствуют какие-либо положения, показывающие, что Верховный Суд РФ предполагает обязанность судей указывать названия постановлений ЕСПЧ, принимая их во внимание при рассмотрении конкретного дела, не говоря уже о непосредственном указании. Более того, Пленум Верховного Суда РФ в ППВС 2003 г. использует правовые позиции ЕСПЧ, но не ссылается на конкретные названия постановлений, откуда были заимствованы правовые позиции[4]. Также, как следует из главы 6 настоящей работы, Верховный Суд РФ в своей практике рассмотрения конкретных дел не только не ссылается на какие-либо постановления ЕСПЧ, но и, как правило, не применяет правовые позиции ЕСПЧ.

Используемый в ППВС Верховным Судом РФ термин «должны учитывать» отличается от аналогичного термина, используемого Конституционным Судом РФ. Конституционный Суд РФ демонстрирует, что он учитывает практику ЕСПЧ, применяя правовые позиции ЕСПЧ и ссылаясь на конкретные постановления ЕСПЧ. В отличие от Конституционного Суда РФ, Верховный Суд РФ инструктирует суды учитывать только практику ЕСПЧ по делам против России, но не разъясняет необходимость ссылаться на принятые во внимание постановления ЕСПЧ. Более того, на своей собственной практике Верховный Суд РФ не показывает нижестоящим судам пример применения практики ЕСПЧ[5]. Слабое применение Конвенции судами является результатом качества ППВС и практики Верховного Суда РФ по отправлению правосудия.

---

1 См. п. 10, 12, 14, 15.

2 Пункт 13.

3 Пункт 14.

4 Пункты 12–15.

5 См. гл. 6.

Как отметил судья Свердловского областного суда В.Н. Курченко, если Верховный Суд РФ непосредственно не инструктирует применять нормы права таким-то образом, это значит, что Верховный Суд РФ не хочет, чтобы судьи поступали таким образом — если Верховный Суд РФ умалчивает необходимость ссылаться на практику ЕСПЧ, это значит, что Верховный Суд РФ не хочет, чтобы суды указывали конкретные названия постановлений ЕСПЧ[1].

Отвечая на вопрос, почему Верховный Суд РФ придерживается такой политики, профессор Т.Г. Морщакова, судья Конституционного Суда РФ в отставке, советник председателя Конституционного Суда РФ, задала свой собственный риторический вопрос:

> Вы считаете, что правовая культура решений, которые выносит Верховный Суд, очень высока?! На этот вопрос «почему» нельзя логично ответить «потому-то». Не почему[2].

Профессор Б.Л. Зимненко, один из авторов ППВС 2003 г., предложил несколько причин, объясняющих политику Верховного Суда РФ об отсутствии необходимости указывать названия примененных в конкретных делах постановлений ЕСПЧ. Во-первых,

> не хочет Пленум Верховного Суда РФ указывать конкретные имена дел (ЕСПЧ. — *А. Б.*). А потом, эти позиции, они неоднократные, они часто повторяются в 10 или 100 постановлениях (ЕСПЧ). Вы укажите одно, а другие заявители скажут: почему меня не указали, у меня такая же позиция. То есть уже здесь возникает какая-то нездоровая конкуренция. Ну а потом, зачем рекламу создавать?[3]

Во-вторых, профессор Зимненко отметил, что заявителям по делам ЕСПЧ может не понравиться, что их имена указываются[4].

---

1 В.Н. Курченко, судья Свердловского областного суда, председатель Квалификационной коллегии судей Свердловской области. Интервью.

2 Т.Г. Морщакова, профессор, судья Конституционного Суда РФ в отставке, советник председателя Конституционного Суда РФ. Интервью.

3 Б.Л. Зимненко, профессор Дипломатической Академии Министерства иностранных дел, член Научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ. Интервью.

4 Там же.

Т.Г. Морщакова, оценив в своем интервью два вышеуказанных аргумента, назвала их «несостоятельными»[1]. Соглашусь с оценкой профессора Т.Г. Морщаковой. Ни одна основанная на прецедентах система не прекратила своего существования в связи с указанием имен участников дел. Имеются некоторые исключения, когда обстоятельства дела требуют соблюдения тайны частной жизни. Очевидно, что для ЕСПЧ не представляет никаких трудностей выбирать из большого количества однотипных дел одно дело для ссылки и цитирования в конкретном постановлении. Как было отмечено судьей в отставке и советниками судей Конституционного Суда РФ, правильное указание на использованные материалы (законы, нормативные акты, судебные решения) является «вопросом правовой культуры»[2], «обычным явлением юридической техники и заботой о пользователе нижестоящего уровня»[3]. Конституционный Суд РФ, в свою очередь, указывает названия дел ЕСПЧ, использованных в постановлениях или определениях Конституционного Суда РФ. До сих пор это не создавало проблем для заявителей в Конституционный Суд РФ.

Третий аргумент профессора Б.Л. Зимненко состоял в том, что нет необходимости рекламировать постановления ЕСПЧ против России. Трудно называть указание названий постановлений ЕСПЧ против России рекламой[4] этих дел. Это обязанность Российской Федерации, общая мера по исполнению постановлений ЕСПЧ в виде информирования государственных служащих и общественности о постановлениях (решениях), вынесенных по делам в отношении России. Пленум Верховного Суда РФ указал на данную обязанность в п. 17 ППВС 2003 г.:

> Рекомендовать Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации: в координации с Уполномоченным Рос-

---

1 Т.Г. Морщакова, профессор, судья Конституционного Суда РФ в отставке, советник председателя Конституционного Суда РФ. Интервью.

2 Там же.

3 Б.Р. Тузмухамедов, профессор, советник судьи Конституционного Суда РФ. Интервью.

4 Председатель Уставного суда Свердловской области использовал слово «пропаганда». А.В. Гусев, председатель Уставного суда Свердловской области. Интервью.

сийской Федерации при Европейском суде по правам человека обеспечивать информирование судей о практике Европейского суда по правам человека, в особенности по поводу решений, касающихся Российской Федерации, путем направления аутентичных текстов и их переводов на русский язык.

8.6. Пленум Верховного Суда РФ медленно следует своим разъяснениям о необходимости дальнейшего принятия постановлений, разъясняющих гарантии Конвенции о защите прав человека

Пленум Верховного Суда РФ признал необходимость внесения дополнений, касающихся использования Конвенции в разных отраслях национального права, в ранее принятые ППВС по вопросам применения национального законодательства. Пункт 19 ППВС 2003 г. закрепил следующее:

> Поручить Судебным коллегиям по гражданским и уголовным делам, Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации подготовить совместно с Российской академией правосудия предложения о дополнении ранее принятых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации соответствующими положениями о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

Однако до настоящего времени единственным ППВС, который можно признать принятым в соответствии с указаниями п. 19 ППВС 2003 г., является ППВС 2005 года[1].

---

[1] Об «ощутимых пробелах в международно-правовом оснащении (уголовного судопроизводства. — *А. Б.*)» Уголовно-процессуального кодекса РФ и соответствующих постановлений Пленума Верховного Суда РФ пишет профессор Г.В. Игнатенко, см.: *Игнатенко Г.В.* Судебное применение международно-правовых норм: очерк деятельности Верховного Суда РФ // Журнал российского права. 2008. № 1.

8.7. Заключение

Анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ, которые в той или иной степени затрагивают вопросы применения Конвенции в российских судах, показывает, что их качество в целом и каждого ППВС по отдельности не достаточно удовлетворительное для успешного применения Конвенции в судах.

Во-первых, этот вывод подтверждается проведенными интервью с судьями и практикующими в судах юристами, а также общим направлением принятия ППВС. Хронологически первое ППВС, которое содержало в себе какие-либо положения, оказывающие помощь для применения Конвенции в судах, появилось лишь в 2003 г., т.е. 7,5 лет после вступления России в Совет Европы и 5,5 лет после ратификации Конвенции.

Во-вторых, содержание постановлений Пленума Верховного Суда РФ с трудом может внести значимый вклад в решение проблемы применения Конвенции. В большинстве случаев постановления Пленума Верховного Суда РФ, указывая, что определенные действия органов власти могут нарушать Конвенцию, просто указывают или номер статьи Конвенции, или копируют текст статьи Конвенции. И в редких случаях, когда в ППВС изложены правовые принципы конкретной статьи Конвенции, они не составляют полного перечня принципов этой статьи. Частично это объясняется тем фактом, что постановления Пленума Верховного Суда РФ содержат принципы, примененные ЕСПЧ по делам в отношении России, что само по себе является другим недостатком постановлений Пленума. ППВС 2003 г. и 2005 г. появились после или непосредственно перед вынесением ЕСПЧ постановлений по делам против России. Эта практика не дает правовых средств для предотвращения нарушений Конвенции. При разъяснении правовых принципов Пленум Верховного Суда РФ не ссылается на конкретные постановления ППВС, в которых были разъяснены нижестоящим судам принципы. Это создает препятствие для понимания судьями конкретных правил применения данных принципов, а также от выяснения более подробных деталей этих принципов в практике ЕСПЧ, что необходимо для правильного применения прецедентов.

И последнее, Пленум Верховного Суда РФ медленно следует своим собственным разъяснениям п. 19 ППВС 2003 г. — дополнять

постановления Пленума Верховного Суда РФ в области конкретной отрасли права разъяснениями правовых положений Конвенции. До сегодняшнего дня многие принципы Конвенции не были отражены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, несмотря на то что эти принципы были применены в делах ЕСПЧ против России.

ГЛАВА 9
Заключение

Для понимания проблем применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод на национальном уровне важно в первую очередь посмотреть на историю применения норм международного права в России. На протяжении советского периода четыре основные момента характеризовали восприятие международного права советской правовой системой. Во-первых, международные договоры признавались главным источником международного права. Во-вторых, обычное международное право признавалось только частично. Общая позиция правоведов заключалась в том, что признание источниками права обычаев и актов толкования международного права (включая договоры) международными судами не сочеталось с принципом независимости государств, так как суверенная воля государства не обязательно отражается при формулировании обычных норм или постановлений международного трибунала. В-третьих, по причине того же принципа независимости государств приоритет международного права над национальным правом не признавался. В-четвертых, индивиды не рассматривались как носители прав в соответствии с нормами международного права по правам человека и, соответственно, как субъекты международного права. Между-

народное право рассматривалось как отрасль права, регулирующая отношения только между государствами.

Первоначально положения советских конституций и законодательства не регулировали вопросы применения международного права в национальной правовой системе. Конституции содержали положения, устанавливающие, что международная политика должна была вестись в соответствии с нормами международного права. В лучшем случае конституционные нормы закрепляли, что полномочия по заключению международных договоров с иностранными государствами принадлежали определенному государственному органу. Несколько национальных законов содержали правила, устанавливавшие процедуру ратификации международных договоров, соглашений и конвенций и порядок их опубликования в официальных изданиях.

После Второй мировой войны в законодательстве и в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР начали появляться нормы, касавшиеся разрешения конфликта между национальными законами и международными договорами. Тем не менее определение национального статуса международного права и механизм применения международных норм в национальной правовой системе отсутствовали в конституциях.

В связи с тем что индивиды не рассматривались в качестве субъектов международного права, не имелось каких-либо национальных актов, позволявших гражданам воспользоваться применением международных норм по правам человека в национальной правовой системе. Признавалось, что внутреннее право было самодостаточным для закрепления гарантий защиты прав человека. Судебная практика применения международных норм по правам человека отсутствовала. Функция обеспечения выполнения международных договорных обязательств принадлежала исполнительным органам власти.

Законодательство не проводило различия между нормами международного права в целом и международными нормами по правам человека. В отличие от международных договоров по правам человека, международные договоры не правозащитного характера применялись национальными судами.

Впервые принцип непосредственного применения норм международного права в сфере защиты прав человека в национальной правовой системе был введен в судебную практику не законодателем,

а Комитетом Конституционного Надзора СССР. Конституционный Суд РСФСР, в свою очередь, широко истолковал положения Конституции РСФСР 1978 г., установив, что нормы международного права подлежат применению непосредственно.

Конституция РФ 1993 г. готовилась под влиянием международных договоров по правам человека, включая тогда еще не ратифицированную Конвенцию. Конституция РФ содержит полный перечень прав человека и положительно отражает принцип применения норм международного права в национальной правовой системе. Конституция РФ закрепила национальный статус всех ратифицированных международных договоров, а также их приоритет над национальным законодательством.

Законодательство признало постановления ЕСПЧ юридически обязательными для толкования положений Конвенции. Представляется, что список постановлений ограничивался законодателем теми решениями, которые были вынесены по делам, в которых стороной являлась Россия.

Несмотря на то что юридическая доктрина не единогласна по вопросу юридической силы постановлений ЕСПЧ, Конституционный Суд РФ дал широкое толкование обязательствам Российской Федерации, вытекающим из ратификации Конвенции, закрепив, что постановления ЕСПЧ (не только вынесенные против России) должны учитываться при применении Конвенции российскими судами.

ППВС играют особую роль в механизме применения Конвенции. Во-первых, природа ППВС, практика их принятия и исполнения показывают, что они должны признаваться источниками права, актами, содержащими нормы права. Они содержат толкование законов, но часто выходят за пределы толкования, не являются актами правосудия. ППВС — это квазинормативные административные акты, издаваемые судьями, но не в процессе отправления правосудия.

Судьи Верховного Суда РФ близко знакомы с судебной практикой, сложностями, возникающими в области толкования и применения законов. Они лучше всего вооружены для решения проблемы последовательного применения законодательства. В соответствии с традицией континентального права в Российской Федерации и особенно в соответствии с традициями советского права, где административные органы, еще даже более, чем законодательные, играли важную роль в процессе создания норм права и концепции правоприменения, постановления Пленума Верховного Суда РФ как адми-

нистративные нормативные правовые акты являются наиболее подходящей формой актов органов государственной власти для целей единообразного применения законодательства.

Во-вторых, несмотря на то, что законодательство четко не устанавливает обязательный статус ППВС и что до сих пор ведутся научные споры относительно вопроса обязательной юридической силы ППВС, на практике судьи и адвокаты относятся к ППВС как к нормативным правовым актам, как к источнику права. Основания для этого вывода следующие: в условиях континентальной системы права, несудебная природа ППВС как нормативных актов является более приемлемой для практикующих юристов, нежели если бы эти нормативные постановления возникли бы из надзорных, кассационных решений или решений первой инстанции Верховного Суда РФ; содержащиеся в ППВС положения могут изменить содержащиеся в законах нормы права; имеется эффективная система обеспечения применения ППВС, включающая общий надзор и кассационный контроль за исполнением ППВС нижестоящими судами, а также неблагоприятные последствия для судей, которые не руководствуются положениями ППВС.

Представляется, что фактическое применение положений ППВС нижестоящими судами, невключение ссылки на них в решениях, за некоторыми исключениями, является установкой Верховного Суда РФ. Это превращает ППВС в «скрытый» источник права, эффективный для целей обеспечения единообразного толкования законодательства национальными судами, и, более того, часто изменяющий нормы законодательства.

Пленум Верховного Суда РФ принял ряд постановлений, которые касаются применения Конвенции российскими судами. ППВС могут быть использованы как инструмент для улучшения применения в судебной практике гарантий прав человека, закрепленных в Конвенции. Анализ судебной практики показал ситуацию с применением Конвенции судами, а также позволил ответить на вопрос, являются ли ППВС на сегодняшний день эффективным средством для применения Конвенции в практике российских судов.

Конституционный Суд РФ относительно регулярно обращается к практике ЕСПЧ с тем, чтобы уяснить смысл того или иного положения Конвенции, чтобы установить содержание прав граждан, закрепленных в Конституции РФ.

Невозможно говорить, что Конвенция не применяется в практике судов общей юрисдикции. Тем не менее объем и качество применения не того уровня, который можно ожидать в правовой системе государства, присоединившегося к Уставу Совета Европы 14 лет назад и ратифицировавшего Конвенцию 12 лет назад. Количество системных нарушений, установленных ЕСПЧ по делам против России, демонстрирует недостаточный уровень и объем применения Конвенции.

В большинстве дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также гражданских дел о признании неэффективности проведения расследования убийств, пыток и исчезновений, а также по многим другим категориям дел Конвенция может служить серьезным правовым основанием требований по делу, в то время как национальное законодательство и практика его применения не всегда предоставляют стороне адекватную и достаточную защиту, соответствующую стандартам Конвенции.

Верховный Суд РФ не применяет Конвенцию с какой-либо степенью регулярности и компетентности. Эта ситуация имеет место несмотря на то, что в 2003 г. Пленум Верховного Суда РФ направил нижестоящим судам специальное постановление о применении норм международного права. Практика Верховного Суда РФ значительно не изменилась. Верховный Суд РФ начал применять практику ЕСПЧ после 2003 г., но делает это редко, со многими ошибками и выборочно. Часто Верховный Суд РФ игнорирует ходатайства сторон о применении Конвенции или не дает существенных оснований для отказа в применении Конвенции. Сложилась ситуация, в которой высший орган судебной власти, издав специальное разъясняющее постановление, обязывающее нижестоящие суды применять Конвенцию, как она понимается в практике ЕСПЧ, не следует этому постановлению в своей собственной практике.

Практика районных судов показывает порой лучшее восприятие Конвенции. Имеются основания полагать, что редкие случаи применения Конвенции районными судами состоялись по инициативе сторон, чьи аргументы были основаны на Конвенции и постановлениях ЕСПЧ, нежели по инициативе судов.

Судьи районных судов, как правило, не обладают знаниями и опытом применения Конвенции. Чем чаще судья сталкивается с представленными стороной аргументами, основанными на Конвен-

ции и практике ЕСПЧ, тем вероятнее судья применит принципы Конвенции.

Зачастую судьи сознательно игнорируют представляемые сторонами конвенционные аргументы и практику ЕСПЧ или просто пишут в решениях, что Конвенция не применима по такому-то делу, не подтверждая сделанный вывод юридическим анализом фактов, аргументов. Есть случаи, когда для аргументации неприменения Конвенции и практики ЕСПЧ судьи неправильно применяют принцип применения прецедента или подменяют предмет спора по делу. Как и до Конституции РФ, суды продолжают с большей готовностью применять международные договоры неправозащитного характера, чем Конвенцию.

Неуказание в ППВС названий постановлений ЕСПЧ приводит к тому, что суды не отражают в своих решениях названия дел ЕСПЧ. Правовая позиция Верховного Суда РФ о юридической силе практики ЕСПЧ только принятых в отношении России приводит к тому, что судьи отказывают в применении правовых позиций из постановлений ЕСПЧ, принятых против других государств. Есть случаи отказа применения постановлений ЕСПЧ, принятых до 5 мая 1998 г., на том основании, что Россия ратифицировала Конвенцию только 5 мая 1998 г., и в отношении России обязательную силу имеют только постановления и решения ЕСПЧ, принятые после 5 мая 1998 г.

Главным препятствием для применения Конвенции является отсутствие заинтересованности и незнание Конвенции. Попытки обучить юристов применению Конвенции, за редким исключением дел по диффамации, являются неэффективными в связи с отсутствием заинтересованности. В частности, это связано с отсутствием направляемых нижестоящим судам регулярных требований кассационной и надзорной инстанций Верховного Суда РФ применять Конвенцию. Адвокаты не склонны строить свои позиции на основании Конвенции, потому что они уверены в непродуктивности такого способа ведения дел. Юристы общественных организаций добились успехов в применении Конвенции в связи с тем, что, в отличие от услуг адвокатов, целью ведения дел юристами общественных организаций является не только помощь конкретному клиенту, но также решение более глобальных юридических проблем.

Отсутствие заинтересованности в применении Конвенции создает «замкнутый круг» и подрывает попытки поднятия уровня знаний Конвенции и практики ЕСПЧ. Есть две возможности разорвать зам-

кнутый круг: с помощью инициативы снизу (адвокаты и юристы, ведущие дела в суде) и сверху (Верховный Суд РФ). Адвокаты и судьи будут использовать Конвенцию, только когда Верховный Суд РФ поддержит данную инициативу. Общественные организации, добившиеся определенных успехов в этой области, недостаточно влиятельны, чтобы кардинально изменить ситуацию и сделать практику применения Конвенции устойчивой по всей стране.

Принимая во внимание зависимость нижестоящих судов от инструкций вышестоящих, Верховный Суд РФ является ответственным за развитие ситуации с применением Конвенции в решениях нижестоящих судов. Для повышения заинтересованности в изучении и применении Конвенции должны быть более энергично использованы постановления Пленума Верховного Суда РФ. Постановления Пленума Верховного Суда РФ должны быть значительно более подробными, а определения кассационных и надзорных инстанций должны быть чаще основаны на Конвенции, должно быть больше случаев отмены решений в связи с неприменением Конвенции. Это будет стимулировать юристов к изучению Конвенции и ее толкованию, а также окажет позитивное влияние на преподавание Конвенции на юридических факультетах.

Российский законодатель до сих пор не сформулировал места постановлений ЕСПЧ в правовой системе. Теоретически все понятно, все закреплено в Конвенции и законодательстве. Фактически, так как практика ЕСПЧ на английском и французском языках, а российские юристы говорят и отправляют правосудие на русском языке, эти документы должны быть «русифицированы», «легализованы» определенным актом правительства.

Интервью с судьями и практикующими в судах юристами подсказывают, что такими актами могут быть постановления Пленума Верховного Суда РФ, являющиеся самыми оперативными и имеющие более серьезное влияние на правоприменение, чем какие-либо другие нормативные акты.

Только судебный корпус может изменить судебную практику, сформулировать процедуры для изменения судебной практики.

Пленум Верховного Суда РФ внес определенный вклад в развитие восприятия Конвенции среди нижестоящих судей, изданием ППВС 2003 г. Постановления Пленума Верховного Суда РФ могут служить эффективным инструментом и должны быть использованы шире для поднятия уровня применения гарантий прав Конвенции

в решениях национальных судов. Для этой цели содержание ППВС должно быть изменено. Анализ постановлений Пленума Верховного Суда РФ, которые в той или иной степени затрагивают вопросы применения Конвенции в российских судах, показывает, что их качество не достаточно удовлетворительное для успешного применения Конвенции в судах.

Во-первых, этот вывод подтверждается проведенными интервью с судьями и практикующими в судах юристами, а также общим направлением принятия ППВС. Хронологически первое постановление Пленума Верховного Суда РФ, которое содержало в себе какие-либо положения, оказывающие помощь для применения Конвенции в судах, появилось лишь в 2003 г., т.е. через 7,5 лет после вступления России в Совет Европы и 5,5 лет после ратификации Конвенции.

Во-вторых, содержание постановлений Пленума Верховного Суда РФ с трудом сможет внести значимый вклад в решение проблемы применения Конвенции. В большинстве случаев постановления Пленума Верховного Суда РФ, указывая, что определенные действия органов власти могут нарушать Конвенцию, просто указывают или номер статьи Конвенции, или копируют текст статьи Конвенции. И в редких случаях, когда в ППВС изложены правовые принципы конкретной статьи Конвенции, они не составляют полный перечень принципов этой статьи. Частично это объясняется тем фактом, что постановления Пленума Верховного Суда РФ содержат принципы, примененные ЕСПЧ по делам в отношении России, что само по себе является другим недостатком постановлений Пленума. При разъяснении правовых принципов ЕСПЧ Пленум Верховного Суда РФ не ссылается на конкретные постановления ЕСПЧ. Этим создается препятствие для понимания конкретных правил применения данных принципов, а также от выяснения более подробных деталей этих принципов в практике ЕСПЧ, что необходимо для правильного применения прецедентов.

И последнее, Пленум Верховного Суда РФ медленно следует своим собственным разъяснениям п. 19 ППВС 2003 г. — дополнять постановления Пленума Верховного Суда РФ в области конкретной отрасли права разъяснениями правовых положений Конвенции. До сегодняшнего дня многие принципы Конвенции не были разъяснены в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, несмотря на то что эти принципы были применены в делах ЕСПЧ против России.

Но будем оптимистичны. Соединенному Королевству потребовалось около 50 лет, чтобы инкорпорировать Конвенцию. Российская Федерация предприняла позитивные шаги в первые 10 лет членства в Совете Европы. Конституция РФ содержит полный каталог прав человека, а также принцип непосредственного применения норм международного права в национальной правовой системе. Законодатель повторяет положения Конституции РФ и развивает их, признавая постановления ЕСПЧ юридически обязательными в целях толкования положений Конвенции. Есть положительные сигналы, показывающие, что практика судов медленно меняется, судьи начинают применять Конвенцию, как она понимается в практике ЕСПЧ. Остается напомнить всем органам, включая судебные, вносить свой вклад в исполнение обязательств по ст. 1 Конвенции.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Документы, необходимые для применения Конвенции и постановлений Европейского суда по правам человека в судах

1. Устав Совета Европы

(извлечения)

Статья 3

Каждый член Совета Европы должен признавать принцип верховенства права и принцип, в соответствии с которым все лица, находящиеся под его юрисдикцией, должны пользоваться правами человека и основными свободами, и искренне и активно сотрудничать во имя достижения цели Совета, определенной в главе I.

<...>

Статья 8

Право на представительство любого члена Совета Европы, грубо нарушающего положения статьи 3, может быть приостановлено, и Комитет министров может предложить ему выйти из состава Совета на условиях, предусмотренных в статье 7. Если такой член Совета Европы не выполняет это предложение, то Комитет министров может принять решение о том, что член, о котором идет речь, перестает состоять в Совете с даты, которую определяет сам Комитет.

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод

(извлечения)

Статья 1. Обязательство соблюдать права человека

Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому находящемуся под их юрисдикцией права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции.

<...>

Статья 46. Обязательная сила и исполнение постановлений

1. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Суда по делам, в которых они являются сторонами.

2. Окончательное постановление Суда направляется Комитету министров, который осуществляет надзор за его исполнением.

<...>

Статья 52. Запросы Генерального секретаря

По получении просьбы от Генерального секретаря Совета Европы каждая Высокая Договаривающаяся Сторона представляет разъяснения относительно того, каким образом ее внутреннее право обеспечивает эффективное выполнение любого из положений настоящей Конвенции.

3. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)4 государствам-участникам по вопросу изучения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в университетах и в рамках профессионального обучения

(принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии)[1]

Комитет министров, руководствуясь статьей 15.*b* Устава Совета Европы,

---

[1] Перевод И.А. Полуяхтова, кандидата юридических наук. Перевод опубликован на сайте ОО «Сутяжник»: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school/int_law.html>.

учитывая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из самых важных методов для достижения данной цели является соблюдение и дальнейшая реализация прав человека и основных свобод;

подтверждая, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) должна оставаться основополагающим источником защиты прав человека в Европе, и подтверждая свою приверженность к принятию необходимых мер для обеспечения долгосрочной эффективности системы контроля, установленной Конвенцией;

напоминая о субсидиарном характере механизма контроля, установленного в Конвенции, что в соответствии со статьей 1 Конвенции означает, что права и свободы, гарантированные Конвенцией, защищаются в первую очередь на национальном уровне и применяются национальными органами власти;

в свете этого приветствуя тот факт, что Конвенция стала неотъемлемой частью национальной правовой системы всех государств-участников;

подчеркивая превентивную роль, которую играет обучение принципам, лежащим в основе Конвенции, содержащимся в ней стандартам, а также судебной практике, сложившейся на основе ее применения;

напоминая, что несмотря на то, что меры, способствующие широкому опубликованию и распространению в государствах-участниках текста Конвенции и постановлений Европейского суда по правам человека (далее — Суд), важны для обеспечения применения Конвенции на национальном уровне, как это было указано в Рекомендации Rec(2002)13, для достижения поставленных целей необходимо, чтобы данные усилия сопровождались и иными мерами в области образования и повышения квалификации;

подчеркивая особую важность надлежащего высшего образования и программ профессионального образования для обеспечения эффективного применения Конвенции в свете постановлений Суда органами государственной власти, в том числе любыми органами, ответственными за правоохранительную деятельность и отправление правосудия;

учитывая уже принятые резолюции и рекомендации, принятые по различным образовательным аспектам в области прав человека, в частности: Резолюцию (78)41 по обучению правам человека, Резолюцию (78)40, содержащую предписания относительно стипендий Совета Европы на обучение и исследования в области прав человека; Рекомендацию R(79)16 относительно поддержки исследований в области прав че-

ловека в государствах — членах Совета Европы; Рекомендацию R(85)7 о преподавании и обучении правам человека в школах с учетом Приложения, включающего предложения по преподаванию и обучению правам человека в школах;

напоминая о роли, которую могут сыграть национальные институты и неправительственные организации в продвижении и защите прав человека, в особенности в части подготовки персонала, ответственного за правоприменительную деятельность, и приветствуя инициативы, уже реализованные в данной области;

принимая во внимание различие традиций и практику в государствах-участниках относительно высшего образования, профессиональной подготовки и повышения общего уровня осведомленности относительно системы, закрепленной в Конвенции,

рекомендует государствам-участникам:

I. Удостовериться в том, что надлежащее высшее образование и профессиональная подготовка, касающиеся Конвенции и постановлений Суда, существуют на национальном уровне и что такое образование и подготовка входят, в частности:

– в структуру общей программы преподавания права и, насколько возможно, в программы получения степеней в области политических и управленческих наук, а также что программы, касающиеся Конвенции, предлагались в качестве факультативных дисциплин для всех желающих специализироваться в этой области;

– как элемент входят в подготовительные программы национальных или региональных экзаменов на получение права заниматься различными видами юридической практики, а также в начальную подготовку и повышение квалификации судей, прокуроров и юристов;

– в программы начального профессионального обучения и повышения квалификации, предлагаемые сотрудникам различных правоохранительных органов и/или персоналу, работающему с ограниченными в свободе гражданами (например, сотрудникам милиции и органов безопасности, персоналу органов исполнения наказаний и медицинскому персоналу), а также сотрудникам иммиграционных служб с учетом их специфических потребностей.

II. Повысить эффективность высшего образования и профессиональной подготовки в данной области, в частности, посредством:

– обеспечения того, чтобы обучение и профессиональная подготовка были включены в утвержденные программы образовательных учреждений — публичных и частных, — а также чтобы данные дисциплины преподавались специалистами, хорошо знающими принципы Конвенции и практику Суда и обладающими соответствующими навыками профессионального обучения;

– поддержки инициатив, направленных на подготовку преподавателей и тренеров, специализирующихся в данной сфере.

III. Поощрять негосударственные инициативы по повышению общей осведомленности и знания положений Конвенции, такие как создание специальных заведений по обучению и проведению исследований в области прав человека, проведение учебных судебных процессов-соревнований, общеобразовательных кампаний.

Предписывает Генеральному секретарю Совета Европы передать данную рекомендацию правительствам государств — участников Европейской конвенции о культуре, которые не входят в Совет Европы.

Приложение к Рекомендации Rec(2004)4

Введение

1. Конференция министров, состоявшаяся в Риме 3 и 4 ноября 2000 г. в честь 50-летней годовщины Европейской конвенции по правам человека (именуемой далее «Конвенция»), предложила государствам — членам Совета Европы принять «все необходимые меры для развития и популяризации образования и общей осведомленности о правах человека во всех областях социальной жизни, и в особенности в области юридической профессии»[1].

2. Данная мера, которую предлагается предпринять национальным властям, является лишь следствием субсидиарного (дополнительного) характера контрольного механизма, установленного Конвенцией, который предполагает, что гарантированные Конвенцией права полностью защищены в первую очередь на национальном уровне и обеспечены национальными властями[2]. Комитет министров уже принял резолюции и

---

[1] Европейская конференция министров государств — членов Совета Европы по правам человека, H-Conf(2001)001. Резолюция II. Параграф 40.

[2] См. ст. 1 Конвенции.

рекомендации, касающиеся различных аспектов данной проблемы[1], и поощряет инициативы, которые могут быть предприняты в особенности независимыми национальными институтами по защите прав человека, а также неправительственными правозащитными организациями, направленные на дальнейшее развитие более глубокого понимания и повышения осведомленности о Конвенции и судебной практике Европейского суда по правам человека (далее — Суд).

3. Гарантия долгосрочной эффективности системы, закрепленной в Конвенции, является одним из текущих приоритетов Совета Европы, и в этом отношении потребность в лучшем применении Конвенции на национальном уровне была признана необходимой. Тем самым представляется необходимым, чтобы все государства-члены обеспечили соответствующее изучение положений Конвенции, в особенности при обучении юридическим и правоохранительным профессиям. Это может привести к уменьшению, с одной стороны, количества нарушений прав, которые гарантированы Конвенцией, вызванных недостаточным знанием ее положений, и, с другой стороны, уменьшит количество заявлений, которые явно не отвечают требованиям приемлемости.

4. Данная рекомендация относится к трем дополнительным мерам, а именно:

i) к введению соответствующего обучения Конвенции и практике Суда, в особенности в программах изучения юридических и политических наук в высших учебных заведениях, равно как и в программах профессиональной подготовки специалистов в области права и правоохранительной деятельности;

ii) к обеспечению эффективности образования и подготовки, что предполагает, в частности, надлежащую подготовку преподавателей и тренеров;

iii) к поощрению инициатив по пропаганде знаний и/или повышению осведомленности о системе, закрепленной в Конвенции.

---

[1] В частности, приняты Резолюция (78)41 по обучению правам человека; Резолюция (78)40, содержащая предписания Совета Европы относительно стипендий на обучение и исследование в области прав человека; Рекомендация R(79)16, касающаяся пропаганды исследований по правам человека в государствах — членах Совета Европы; Рекомендация R(85)7 по изучению прав человека в школах, а также Приложение к данной рекомендации, содержащее предложения по обучению правам человека в школах.

5. Учитывая различие своих традиций и практики, существующих в области высшего образования, профессиональной подготовки и повышения осведомленности о Конвенции, государства-участники обязаны разработать собственные образовательные программы таким образом, чтобы они учитывали сложившиеся местные особенности в соответствии с принципом субсидиарности и в то же время обеспечивали полное представление о стандартах Конвенции.

Высшее образование и профессиональная подготовка

6. Государствам-членам предлагается удостовериться в том, что соответствующее изучение положений Конвенции и практики Суда включено в учебные планы подготовки юристов, а также в экзаменационные вопросы при поступлении в адвокатуру и программы повышения квалификации судей, прокуроров и юристов.

Высшее образование

7. Важно, чтобы Конвенция была полностью введена в учебные курсы юридических факультетов не только в качестве самостоятельного предмета, но и в качестве сквозной темы по каждой юридической дисциплине (уголовное право, гражданское право и т.д.), с тем чтобы студенты после завершения обучения, вне зависимости от их специализации, были осведомлены об особенностях применения Конвенции в своей области.

8. Должно поощряться введение послевузовского образования, специализирующегося на Конвенции, как, например, определенные национальные магистерские программы или программы подготовки к получению степени европейского магистра прав человека и демократии, которые преподаются в двадцати семи университетах в более чем пятнадцати европейских государствах, а также сокращенных университетских программ в виде летних курсов Международного института прав человека Рене Кассини (Страсбург) или аналогичные программы в Институте европейского университета (Флоренция).

Профессиональная подготовка

9. Профессиональная подготовка должна способствовать процессу внедрения стандартов, закрепленных в Конвенции и практике Суда, при составлении мотивировочной части судебных решений национальных судов. Кроме того, консультации по юридическим вопросам, которые

будут предоставляться потенциальным заявителям юристами, имеющими соответствующее знание положений Конвенции, смогут предотвратить подачу заявлений, которые явно не отвечают критериям приемлемости. Также хорошее знание положений Конвенции практикующими юристами должно способствовать уменьшению общего количества обращений, подаваемых в Суд.

10. Специальную подготовку по положениям Конвенции и ее стандартам следует ввести в программы юридических факультетов и образовательных учреждений для судей и прокуроров. Она может подразумевать организацию практических занятий как части профессиональной подготовки юристов, судей и прокуроров. Применительно к юристам подобные практические занятия могут быть организованы, например, по инициативе коллегий адвокатов. В качестве примера можно привести действующий проект Международной ассоциации адвокатов, осуществляемый при участии Суда, по организации тренинга для юристов по процессуальным правилам Суда и практике обращения в Суд и процедурам исполнения решений. В определенных странах министерство юстиции выполняет задачу повышения осведомленности и участия в обучении судей решениям Европейского суда: судьи, находящиеся при исполнении своих обязанностей, имеют возможность принять участие в одно-, двухдневных тренингах, организованных в рамках национальных систем подготовки судей, и в ежегодной недельной программе тренингов; для «судей-стажеров» организуются тренинги национальными образовательными учреждениями по подготовке судей. Семинары также регулярно организуются на регулярной основе в рамках программ начальной подготовки и последующего повышения квалификации судей.

11. Кроме того, семинары и коллоквиумы по теме Конвенции могут регулярно проводиться для судей, юристов и прокуроров.

12. Дополнительно для судей и юристов на регулярной основе может публиковаться журнал по судебной практике Суда. В отдельных государствах-членах министерства юстиции публикуют приложения, посвященные вопросам судебной практики Суда и иным вопросам, связанным с Конвенцией. Эти публикации распространяются среди всех судов.

13. Рекомендуется, чтобы государства-члены обеспечивали включение стандартов Конвенции в программу начальной подготовки и повышения квалификации представителей других профессий, связанных с охраной правопорядка и содержанием под стражей, в органах безопасности, полиции, пенитенциарной системе, а также сотрудников иммиграци-

онной службы, больниц и т.д. Курсы повышения квалификации по теме стандартов Конвенции особенно важны, с учетом эволюционной природы толкования и применения данных стандартов в решениях Суда.

Сотрудники уполномоченных органов, работающие с лицами, лишенными свободы, должны быть полностью осведомлены о правах данных лиц, как гарантированных Конвенцией, так и истолкованных Судом, с целью предотвращения любых нарушений, в особенности статей 3, 5 и 8. По этой причине имеет принципиальное значение наличие в каждом государстве-участнике адекватной системы подготовки сотрудников данных профессий.

14. Специальные программы обучения Конвенции и ее стандартам и, в особенности, аспектам, касающимся прав лиц, лишенных свободы, должны быть включены в учебные программы школ милиции, а также школ тюремных надзирателей. Семинары также могут проводиться как часть программ повышения квалификации сотрудников милиции, тюремных надзирателей и иных правоохранительных органов.

Эффективность высшего образования и профессиональной подготовки

15. Для данной цели государствам-членам рекомендуется удостовериться в том, что высшее образование и профессиональная подготовка в данной области осуществляются в рамках постоянно действующих организаций (государственных и частных) высококвалифицированными преподавателями и тренерами.

16. В этом отношении подготовка преподавателей и тренеров является приоритетной. Ее цель — обеспечение соответствия уровня их знаний изменению практики Суда и специальным потребностям каждой юридической профессии. Государствам-членам предлагается поддерживать инициативы (исследования в сфере, охватываемой Конвенцией, методики обучения и т.п.), направленные на обеспечение качественной подготовки специализированных преподавателей и тренеров в этой быстро меняющейся и развивающейся области.

Пропаганда знаний и/или повышение осведомленности о системе Конвенции

17. Наконец, государствам-членам рекомендуется поощрять инициативы в области пропаганды знаний и/или осведомленности о системе, закрепленной в Конвенции. Такие инициативы, которые могут принимать

различные формы, подтвердили свой положительный эффект в прошлом и по этой причине должны поощряться государствами-членами.

18. Примером может послужить проведение учебных судебных процессов для студентов-правоведов по Конвенции и практике Суда с одновременным участием студентов, профессоров и практикующих юристов (судей, прокуроров, юристов). Как, например, соревнование «Спорронг и Люннрос», проводимое верховными судами Скандинавских стран, и межъевропейское соревнование Рене Кассини, проводимое на французском языке ассоциацией юристов в Совета Европы.

4. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)5 государствам — участникам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции по правам человека[1]

(принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии)

Комитет министров в соответствии со статьей 15.*b* Устава Совета Европы,

Учитывая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из самых важных методов, посредством которого будет достигаться данная цель, поддержание и дальнейшая реализация прав человека и основных свобод;

подтверждая свое убеждение, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) должна оставаться основополагающим документом по защите прав человека в Европе, и напоминая

---

[1] Перевод А.Л. Буркова, доктора юридических наук (Кембридж). Перевод опубликован на сайте ОО «Сутяжник»: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school/int_law.html>.

о своем обязательстве принимать меры по обеспечению долгосрочной эффективности системы контроля, установленной Конвенцией;

учитывая субсидиарный характер контрольного механизма, установленного Конвенцией, что в соответствии со статей 1 Конвенции означает, что права и свободы, гарантированные Конвенцией, должны быть защищены в первую очередь на национальном уровне и применены национальными органами власти;

приветствуя в связи с этим то, что Конвенция в настоящее время стала составной частью правовой системы всех государств-участников, и отмечая в этом отношении важную роль, выполняемую национальными судами;

учитывая, что согласно параграфу 1 статьи 46 Конвенции Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются исполнять окончательные постановления Европейского суда по правам человека (далее — Суд) по всем делам, в которых они являются сторонами;

учитывая тем не менее, что государствами-участниками должны быть предприняты дальнейшие меры для придания Конвенции полной силы, в частности с помощью постоянного приведения национальных стандартов в соответствие со стандартами Конвенции в свете практики Суда;

будучи уверенным, что проверка соответствия проектов законов, действующих законов и правоприменительной практики Конвенции является необходимым вкладом в дело предотвращения нарушений прав человека и сокращения числа обращений в Суд;

подчеркивая важность проведения консультаций с разными компетентными и независимыми органами, включая государственные институты развития и защиты прав человека и неправительственные организации;

учитывая разнообразие практики в государствах-участниках относительно осуществления контроля соответствия,

рекомендует государствам-участникам принимать во внимание примеры положительной практики, представленные в Приложении:

I) обеспечивать существование соответствующего и эффективного механизма для осуществления систематического контроля соответствия проектов законов Конвенции в свете судебной практики Суда;

II) обеспечивать существование механизмов контроля, где это необходимо, за соответствием действующих законов и правоприменительной

практики, включая практику, выраженную в распоряжениях, приказах и циркулярах;

III) обеспечивать своевременное изменение законов и правоприменительной практики с целью предотвращения нарушений Конвенции.

Генеральному секретарю Совета Европы обеспечить доступ к необходимым средствам для надлежащего содействия государствам-участникам, которые просят помочь в реализации этой рекомендации.

Приложение к Рекомендации Rec(2004)5

Введение

1. Несмотря на проведенную в соответствии с Протоколом № 11 реформу системы контроля, установленную в соответствии с Европейской конвенцией по правам человека (далее — Конвенция), количество обращений в Европейский суд по правам человека (далее — Суд) постоянно возрастает, что приводит к серьезным задержкам в рассмотрении дел.

2. Данное преобразование отражает более свободный доступ к Суду, а также постоянное улучшение защиты прав человека в Европе, но в то же время нельзя забывать, что в соответствии с принципом субсидиарности именно стороны Конвенции остаются основными субъектами, гарантирующими права, закрепленные в Конвенции. В соответствии со статьей 1 Конвенции «Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому находящемуся под их юрисдикцией права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции». Таким образом, наиболее эффективная и непосредственная защита прав и свобод, гарантированных Конвенцией, должна быть обеспечена именно на национальном уровне. Данное требование касается всех государственных органов, в особенности судов, исполнительных и законодательных органов власти.

3. Необходимое условие эффективной защиты прав человека в Европе с помощью Конвенции состоит в том, что государства применяют Конвенцию в своих правовых системах, как она понимается в практике Европейского суда. Это предполагает, в особенности, обеспечение государствами соответствия законов и правоприменительной практики Конвенции.

4. Данная рекомендация направлена на поощрение государств разработать механизм, предназначенный для осуществления контроля за

соответствием проектов законов и действующего законодательства, а также правоприменительной практики Конвенции. Примеры положительной практики приведены ниже. Применение данной рекомендации, таким образом, должно внести вклад в предотвращение нарушений прав человека в государствах-участниках и, как следствие, должно помочь уменьшить количество дел, поступающих в Суд.

Контроль соответствия проектов законов

5. Рекомендуется, чтобы государства-участники устанавливали систематический контроль за соответствием Конвенции проектов законов, особенно тех, которые могут касаться прав и свобод, защищаемых Конвенцией. Ключевой момент состоит в том, что, принимая закон, прошедший проверку на соответствие Конвенции, государство уменьшает риск того, что нарушение Конвенции кроется в этом законе и что Суд обнаружит какое-либо нарушение. Более того, государство таким образом устанавливает в отношении своих властных органов соответствующие Конвенции правила поведения, которыми они должны руководствоваться при совершении действий по отношению ко всем лицам, находящимся под юрисдикцией данного государства.

6. В определенных случаях Советом Европы может быть оказано содействие в части осуществления данного контроля. Такое содействие уже является доступным, в частности, в отношении проектов законов о свободе религии, об отказе от прохождения военной службы по убеждениям, о свободе информации, свободе объединения и т.д. Тем не менее только от государства зависит, принимать ли во внимание предлагаемые заключения.

Контроль соответствия вступивших в силу законов

7. Контроль соответствия также должен проводиться в отношении вступивших в силу законов. Развивающаяся судебная практика Суда, несомненно, может иметь последствия в отношении закона, который изначально соответствовал Конвенции или который не был предметом предварительного контроля.

8. Практика показывает, что такой контроль является особенно важным в тех областях, где имеется определенный риск нарушения прав человека, таких как деятельность полиции, уголовное судопроизводство, условия содержания заключенных, права иностранцев и т.д.

Контроль соответствия правоприменительной практики

9. Данная рекомендация также касается, где это необходимо, вопросов соответствия Конвенции постановлений администрации и поэтому направлена на обеспечение прав человека в повседневной практике. Очень важно, чтобы органы, особенно имеющие полномочия ограничивать полноту реализации прав человека, обладали всеми необходимыми средствами для обеспечения соответствия их деятельности Конвенции.

10. Необходимо четко отметить, что данная рекомендация также касается и правоприменительной практики, которая не имеет отношения к тексту какого-либо постановления исполнительной власти. Крайне важно, чтобы государства обеспечивали контроль за соответствием Конвенции действий их органов.

Механизмы, позволяющие отслеживать результаты проведенного контроля

11. Для того, чтобы контроль имел практический эффект и не оставался простым заявлением о несоответствии Конвенции определенных положений, важно, чтобы государства-участники обеспечили исполнение полученных результатов контроля.

12. Рекомендация подчеркивает, что государствам-участникам необходимо действовать для достижения устанавливаемых рекомендацией целей. Таким образом, после осуществления контроля государства-участники должны, где это необходимо, своевременно предпринимать шаги, требуемые для изменения законов и правоприменительной практики с целью приведения их в соответствие с Конвенцией. С этой целью и где это действительно является необходимым, государствам-участникам следует улучшить или установить определенные механизмы контроля, которые использовались бы систематически и своевременно в тех случаях, когда установлено несоответствие положения национального законодательства Конвенции. Однако необходимо отметить, что часто для обеспечения соответствия достаточно изменить судебную и правоприменительную практику. В определенных государствах-участниках соответствие может быть достигнуто с помощью неприменения противоречащих Конвенции законодательных мер.

13. Данная возможность приведения в соответствие должна поддерживаться и поощряться, в частности, с помощью частого и эффективного распространения постановлений Суда среди всех органов, имеющих отношение к нарушению, а также посредством соответствую-

щего обучения лиц, ответственных за принятие властных решений. Комитет министров посвятил данным важным аспектам две специальные рекомендации: одну по вопросу опубликования и распространения в государствах-участниках текста Конвенции и судебной практики Суда (Рекомендация Rec(2002)13) и другую по вопросу изучения Конвенции в университетах и при профессиональном обучении (Рекомендация Rec(2004)4).

14. В тех случаях, когда суд не обладает полномочиями обеспечить необходимые изменения в связи с формулировками соответствующего закона, определенные государства применяют ускоренные законодательные процедуры.

15. В рамках вышеизложенного могут быть рассмотрены следующие возможности.

Примеры положительной практики

16. Каждое государство-участник призывается предоставлять информацию относительно его практики и ее развития, информируя, в частности, Генерального секретаря Совета Европы. Последний, в свою очередь, периодически информирует все государства-участники о существующей положительной практике.

I. Опубликование, перевод и распространение информации о системе защиты прав человека, а также обучение системе защиты прав человека

17. В качестве предварительного замечания необходимо отметить, что эффективный контроль в первую очередь требует опубликования и распространения Конвенции и соответствующей судебной практики Суда на государственном уровне, в частности с помощью электронных средств и на языке (языках) соответствующего государства, а также развития высшего образования и программ повышения квалификации в области прав человека.

II. Контроль соответствия проектов законов

18. Систематический контроль за проектами законов, как правило, осуществляется исполнительной и законодательной властью. При этом прибегают к помощи независимых органов.

Исполнительной властью

19. Как правило, контроль за соответствием Конвенции и Протоколов к ней начинается в рамках министерства, которое инициировало проект

закона. Более того, в некоторых государствах-участниках специальные полномочия возложены на министерства или департаменты, например на исполнительный аппарат главы государства, министерство юстиции и (или) министерство иностранных дел, с целью осуществления такого контроля. Некоторые государства-участники наделяют своих представителей при Суде в Страсбурге, кроме всего прочего, полномочиями по поиску путей обеспечения соответствия национального законодательства положениям Конвенции. В связи с этим представитель наделяется полномочиями представлять предложения для внесения изменений в существующие законы или в предполагаемое к принятию новое законодательство.

20. Законодательство многих государств-участников закрепляет, что, когда законопроект направляется в парламент, он должен сопровождаться развернутым сопроводительным письмом, которое также должно обозначить и определить возможные вопросы в соответствии с конституцией и Конвенцией. В некоторых государствах-участниках законопроект должен сопровождаться официальным заявлением о соответствии Конвенции. В одном из таких государств-участников министр, ответственный за представление текста законопроекта, должен подтвердить, что, с его точки зрения, положения законопроекта соответствуют Конвенции, или заявить, что он не обладает полномочиями прийти к такому выводу, но, несмотря на это, желает, чтобы парламент приступил к рассмотрению проекта.

Парламентом

21. В дополнение к контролю соответствия исполнительной властью также предпринимаются меры по осуществлению контроля юридическими службами парламента и/или его различными парламентскими комитетами.

Другие консультации

22. Другие консультации для обеспечения соответствия стандартам прав человека могут быть предусмотрены на разных стадиях законодательного процесса. В некоторых случаях консультация является факультативным средством. В других, в особенности если законопроект, вероятно, затрагивает основные права, консультация специализированного учреждения, например Государственного совета в некоторых государствах, является обязательной в соответствии с законом. Если правительство не обратится за консультацией, как это предписывает закон, текст законопроекта будет принят с процессуальными нарушениями. Если после получения консультации парламент решает не сле-

довать полученному мнению, он принимает на себя ответственность за политические и юридические последствия такого решения.

23. Факультативная или обязательная консультация у несудебных органов, компетентных в области прав человека, также зачастую возможна. В частности, такими организациями могут быть независимые государственные организации по содействию и защите прав человека, уполномоченные по правам человека, местные и международные негосударственные организации, институты и центры по правам человека, коллегии адвокатов и др.

24. Эксперты или органы Совета Европы, в особенности Европейская комиссия в защиту демократии с помощью закона (Венецианская комиссия), могут получить запрос на заключение о соответствии Конвенции законопроектов, касающихся прав человека. Данный запрос о даче заключения не подменяет собой контроль соответствия Конвенции, осуществляемый на государственном уровне.

III. Контроль соответствия действующих законов и правоприменительной практики

25. Хотя нельзя требовать от государств систематической проверки всех действующих законов, подзаконных актов и правоприменительной практики, иногда это бывает необходимо — например, на основании опыта государства по применению закона или подзаконного акта или в связи с принятием нового постановления Суда в отношении другого государства-участника. В том случае, когда постановление касается государства непосредственно, в соответствии со статьей 46 государство обязано принять меры, необходимые для его исполнения.

Исполнительной властью

26. В некоторых государствах представляющий законопроект министр также является ответственным за осуществление контроля постановлений и практики, что предполагает знание последних изменений в судебной практике Суда. В других государствах-участниках государственные учреждения обращают внимание независимых органов, и в частности судов, на определенные изменения в судебной практике. Данный аспект подчеркивает важность начального образования и повышения квалификации относительно системы, закрепленной в Конвенции. Для избежания нарушений компетентные государственные органы обязаны обеспечить, чтобы ответственные лица в местных и центральных органах власти принимали во внимание Конвенцию и судебную практику Суда.

Парламентом

27. Запрос о контроле соответствия может быть сделан в рамках парламентских дебатов.

Судебными органами

28. Контроль может также осуществляться в рамках судебного рассмотрения дел, возбужденных физическими лицами, обладающими процессуальным статусом заявителя, или даже государственными органами, лицами или учреждениями, чьи права непосредственно не затрагиваются (например, Конституционным судом).

Несудебными учреждениями

29. В дополнение к другим своим функциям на национальном уровне независимые несудебные учреждения, когда к ним обращается правительство или парламент, и в частности государственные учреждения по развитию и защите прав человека, а также уполномоченные по правам человека, играют важную роль в осуществлении контроля за применением законов и в особенности Конвенции, которая является частью национального законодательства. В некоторых странах данные учреждения при определенных условиях также могут рассматривать индивидуальные жалобы и инициировать расследования по собственной инициативе. Они стремятся гарантировать исправление существующих в законодательстве недостатков и с этой целью направляют официальные обращения в парламент или правительство.

5. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)6 государствам-членам относительно совершенствования внутренних средств правовой защиты[1]

(принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии)

Комитет министров в соответствии со статьей 15.*b* Устава Совета Европы,

---

[1] Перевод Л.М. Чуркиной, соискателя Уральской государственной юридической академии, адвокат. Перевод опубликован на сайте ОО «Сутяжник»: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school/int_law.html>.

учитывая, что целью Совета Европы является достижение большего единства между его членами и что одним из самых важных методов, посредством которого будет достигаться цель, является поддержание и дальнейшее осуществление прав человека и основных свобод;

подтверждая, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) должна оставаться основным механизмом защиты прав человека в Европе, и напоминая о ее обязательстве принимать меры по обеспечению долгосрочной эффективности контрольной системы, установленной Конвенцией;

учитывая субсидиарный характер механизма контроля, установленного Конвенцией, что означает в соответствии со статей 1 Конвенции, что права и свободы, гарантированные Конвенцией, должны быть защищены в первую очередь на национальном уровне и применены национальными органами власти;

приветствуя в связи с этим то, что Конвенция на сегодняшний день стала частью правовой системы всех государств-членов;

придавая особое значение тому, что статья 13 Конвенции требует, чтобы государства-участники приняли на себя обязательство гарантировать, что любое лицо, жалующееся на нарушение его прав и свобод, как установлено в Конвенции, имеет эффективное средство правовой защиты в национальном органе;

напоминая, что в дополнение к обязательству по установлению существования таких эффективных средств в свете практики Европейского суда по правам человека (далее — Суд) государства имеют общее обязательство по решению проблем, лежащих в основе признанных нарушений;

делая акцент на том, что именно государства-члены должны обеспечивать, чтобы внутренние средства правовой защиты были юридически и практически эффективными и чтобы они приводили к разрешению жалобы по существу и соответствующему возмещению за признанное нарушение;

отмечая, что природа и количество жалоб, поданных в Суд, и вынесенных им решений показывают, что сегодня более, чем когда-либо, важно, чтобы государства-члены эффективно и регулярно убеждались в существовании внутренних средств защиты при любых обстоятельствах, в частности в случаях нарушения разумных сроков судебных процессов;

учитывая, что наличие эффективных средств правовой защиты для всех жалоб на нарушения Конвенции должно привести к уменьшению нагруз-

ки Суда, с одной стороны, в результате уменьшения количества дел, дошедших до Суда, и, с другой стороны, в результате того, что детальное рассмотрение дел на национальном уровне облегчит дальнейшее рассмотрение дел Судом;

делая акцент на том, что совершенствование средств на национальном уровне, в частности в отношении повторных дел, также должно содействовать уменьшению нагрузки на Суд;

рекомендует государствам-членам принимать во внимание примеры положительной практики, представленные в Приложении:

1) убеждаться посредством проведения анализа в свете решений Суда, что внутренние средства правовой защиты существуют для каждого желающего обратиться с жалобой на нарушение Конвенции и что эти средства являются эффективными, что они могут привести к вынесению решения по существу жалобы и соответствующему возмещению за признанное нарушение;

2) пересматривать, следуя решениям Суда, которые указывают на структурные или общие недостатки в национальном законодательстве или правоприменительной практике, эффективность существующих внутренних средств правовой защиты и, если необходимо, вводить эффективные средства, чтобы избежать повторных дел, рассмотренных в Суде;

3) обращать особое внимание в свете изложенных пунктов 1 и 2 на наличие эффективных средств по делам относительно длительного срока судебного разбирательства,

Генеральному секретарю Совета Европы обеспечить доступ к необходимым средствам для надлежащего содействия государствам-членам, которые просят помочь им в реализации этой рекомендации.

Приложение к Рекомендации Rec(2004)6

Введение

1. Во время конференции министров государств — членов Совета Европы[1] по случаю пятидесятилетия Европейской конвенции о защите

[1] Европейская конференция министров государств — членов Совета Европы по правам человека, см. параграф 14.i Резолюции № 1 относительно институциональных и функциональных мер для защиты прав человека на национальном и

прав человека (далее — Конвенция), состоявшейся 3–4 ноября 2000 г. в Риме, было отмечено, что именно государства-участники в основном несут ответственность за соблюдение прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, и что они должны обеспечивать правовые механизмы, необходимые для предотвращения нарушений, и, если возможно, восстанавливать права. Необходимо, в частности, в соответствии со статьей 13[1] введение эффективных средств правовой защиты во избежание нарушений Конвенции. Прецедентное право Европейского суда по правам человека (далее — Суд)[2] разъясняет сферу распространения этого обязательства в отношении государств — участников Конвенции, указывая, что:

– статья 13 гарантирует наличие во внутреннем праве средства, обеспечивающего соблюдение прав и свобод, как это предусмотрено Конвенцией;

– предусматривает необходимость существования механизма для рассмотрения любой жалобы по существу в соответствии с Конвенцией и предоставление соответствующего возмещения. Сфера распространения этого обязательства варьируется в зависимости от характера жалобы. Однако необходимое средство должно быть эффективным как в праве, так и на практике;

– требует, чтобы была возможность предотвращения исполнения мер, которые противоречат Конвенции и результаты которых потенциально не могут быть изменены;

– орган, предусмотренный в статье 13, необязательно должен быть судебным, но если он не судебный, то его полномочия и гарантии, которыми он наделен, должны быть приемлемыми при решении вопроса, является ли предоставляемое этим органом средство правовой защиты действительно эффективным;

европейском уровнях, раздел А («Совершенствование применения Конвенции в государствах-членах»).

[1] Статья 13 Конвенции предусматривает: «Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве». Отмечается, что это предложение не содержит ссылки на процессуальные гарантии материальных прав, таких как в статьях 2 и 3.

[2] См., напр.: *Conka v. Belgium* (Сонка против Бельгии), постановление от 5 февраля 2002 г.

– «эффективность средства» в значении статьи 13 не зависит от определенности благоприятного результата для заявителя, но предполагает определенное минимальное требование незамедлительности.

2. В недавнем прошлом отмечалась особая важность наличия таких средств в отношении необоснованно длительных судебных разбирательств[1], поскольку эта проблема является причиной большого количества жалоб в Суд, хотя и не единственной.

3. Суд столкнулся со все увеличивающимся потоком жалоб. Такая ситуация подвергает опасности долгосрочную эффективность системы и, следовательно, вызывает сильную реакцию со стороны договаривающихся сторон[2]. В рамках этого контекста наличие эффективных внутренних средств правовой защиты становится особенно важным. Совершенствование доступных внутренних средств правовой защиты скорее всего повлияет как количественно, так и качественно на нагрузку Суда:

– с одной стороны, объем жалоб для рассмотрения следует сокращать: меньше заявителей будут вынуждены направлять дело в Суд, если внутренними органами их жалобы будут рассмотрены достаточно тщательно;

– с другой стороны, процесс рассмотрения жалоб Судом будет облегчен, если предварительное рассмотрение дел по существу будет проводиться национальным органом более тщательно благодаря совершенствованию внутренних средств правовой защиты.

4. Следовательно, эта рекомендация для государств-участников является стимулом, чтобы рассматривать соответствующие правовые системы в свете прецедентного права Суда и принимать, если возникнет необходимость, меры, чтобы обеспечить через законодательство или правоприменительную практику эффективные средства правовой защиты, как это гарантировано статьей 13. Рассмотрение может проводиться регулярно или следуя решению Суда.

5. Правительства государств-членов могли бы изначально требовать, чтобы эксперты проводили анализ эффективности существующих внутренних средств правовой защиты в определенных сферах с точки зре-

---

1 См.: *Kudla v. Poland* (Кудла против Польши), постановление от 26 октября 2000 г.

2 См.: Декларация Комитета министров Совета Европы от 14 мая 2003 г. «Гарантирование длительной эффективности Европейского суда по правам человека».

ния предложенных улучшений. Национальные учреждения в поддержку и защиту прав человека, а также негосударственные организации могли бы также с пользой поучаствовать в этой работе. Допустимость и эффективность внутренних средств правовой защиты должны находиться под постоянным наблюдением, в частности, их эффективность должна быть проанализирована при внесении законопроектов, влияющих на конвенционные права и свободы. Очевидна связь между этой рекомендацией и рекомендацией о проверке соответствия законопроектов, существующих законов и практики их применения стандартам, предусмотренным Конвенцией.

6. В рамках вышеуказанного могут быть приняты во внимание следующие рассуждения.

Конвенция как неотъемлемая часть внутреннего правопорядка

7. Основным требованием для существования эффективного средства правовой защиты является то, чтобы конвенционные права гарантировались в национальной правовой системе. В этом контексте тот факт, что в настоящее время Конвенция стала неотъемлемой частью внутренних правопорядков всех государств-участников, является желанным событием. Это событие усовершенствовало процесс внедрения эффективных средств правовой защиты. Этому способствовал также тот факт, что суды и исполнительная власть со все большим уважением относятся к прецедентному праву Суда в применении внутреннего законодательства и сознают свое обязательство по исполнению постановлений Суда по делам, в которых они являются стороной[1]. Эта тенденция была усилена улучшением возможностей для пересмотра дел и возобновления производства компетентными национальными органами власти в соответствии с Рекомендацией Rec(2002)2 по делам, которые легли в основу нарушений, признанных Судом[2].

8. Совершенствование внутренних средств правовой защиты также требует принятия дополнительных мер, чтобы при применении национального законодательства национальные власти могли учесть требования Конвенции, особенно те из них, которые вытекают из постанов-

---

1 См. ст. 46 Конвенции.

2 См.: Рекомендация Rec(2000)2 Комитета министров по пересмотру дел и возобновлению производства по делу на внутригосударственном уровне в связи с решениями Европейского суда по правам человека.

лений Суда относительно их государства. Это означает публикацию в печати, информирование о прецедентах Суда (при необходимости перевод их на национальный(е) язык(и) соответствующих государств) и обучение с учетом требований судей и других государственных должностных лиц. Таким образом, настоящая рекомендация также тесно связана с двумя другими рекомендациями, принятыми Комитетом министров в этих сферах[1].

Специальные средства правовой защиты и общее средство правовой защиты

9. Большинство средств правовой защиты, направленных на предотвращение нарушений Конвенции, были введены с указанием сфер применения. Опыт показывает, что таких «специальных средств» может быть более чем достаточно и что следует ограничивать как количество жалоб в Суд, так и количество дел, требующих значительного времени для их рассмотрения.

10. Некоторые государства также ввели общее средство правовой защиты (например, в Конституционном суде), его можно использовать при рассмотрении жалоб, которые не могут быть рассмотрены с привлечением специальных доступных средств. В некоторых государствах-членах это общее средство используется параллельно или даже до того, как другие средства правовой защиты исчерпаны. Некоторые государства-члены добавляют требование: обжалуемая мера должна в значительной степени нарушать конституционные права и обжалуемый отказ должен иметь серьезные и непоправимые последствия для подателя апелляции. Нужно отметить, что в отношении государств, в которых предусмотрено подобное общее средство, меньше жалоб в Суде.

11. Именно государства-члены должны решить, какая система для обеспечения гарантий по необходимой защите конвенционных прав для

---

[1] См.: Рекомендация Rec(2002)13 Комитета министров государствам-членам об опубликовании и распространении в государствах-членах текста Европейской конвенции о защите прав человека и прецедентов Европейского суда по правам человека (принята 18 декабря 2002 г.); Рекомендация Rec(2004)4 Комитета министров государствам-участникам по вопросу изучения Европейской конвенции по защите прав человека в университетах и в рамках профессионального обучения (принята 12 мая 2004 г. на 114-й сессии) (См.: Приложение 3. — *А. Б.*).

них самая удобная, принимая во внимание свои конституционные традиции и специфичные обстоятельства.

12. Каким бы ни был этот выбор, существующий опыт свидетельствует о том, что во многих государствах-членах до сих пор есть недостатки относительно допустимости и/или эффективности средств правовой защиты, и что, следовательно, на Суд ложится все большая нагрузка.

Меры, направленные на реализацию пилотного решения

13. Если решение, которое указывает на структурные или общие недостатки в национальном законодательстве или практике (пилотное дело), было вынесено и большое количество жалоб в Суд относительно одной и той же проблемы (повторяющиеся дела) находится в процессе рассмотрения или, возможно, будет подано, то государство-ответчик должно принять меры, чтобы у потенциальных заявителей было по возможности эффективное и быстрое средство обращения к компетентному национальному органу власти, который, в свою очередь, мог бы также обратиться к заявителям. Такое средство могло бы способствовать получению возмещения на национальном уровне в соответствии с принципом субсидиарности конвенционной системы.

14. Введение такого внутреннего средства правовой защиты может также значительно снизить нагрузку на Суд. Пока надлежащее исполнение пилотного решения остается актуальным для решения структурной проблемы и, таким образом, для избежания будущих жалоб по тому же предмету, может существовать категория людей, которых эта проблема затронула до ее разрешения. Существование средства, направленного на обеспечение возмещения на национальном уровне для этой категории людей, может также позволить Суду предложить им обратиться к новому средству и, если возможно, признать их жалобы неприемлемыми.

15. В связи с этим возможно несколько вариантов решений в зависимости от природы структурной проблемы и от того, обратилось ли в Суд лицо, которого эта проблема коснулась.

16. В частности, пилотное решение, в котором определенная структурная проблема была признана, будет заключаться в принятии такого подхода по данному делу, на основании которого соответствующее государство оценило бы допустимость введенного определенного средства или расширение существующего средства с помощью законодательства или судебного толкования.

17. В рамках рассмотрения дел государства могли бы предусматривать, если это целесообразно, возможность пересмотра дел, подобных пилотному, в котором было признано нарушение Конвенции, с целью освобождения Суда от работы с такими делами и, если необходимо, с целью обеспечения более быстрого восстановления права для заинтересованного лица. Критерии, разработанные в Рекомендации Rec(2000)2 Комитета министров, могут подтолкнуть к этому.

18. Если специальные средства введены в связи с пилотным делом, правительствам следует быстро проинформировать Суд, чтобы он мог принять их во внимание при рассмотрении повторяющихся дел.

19. Однако не было бы необходимым или приемлемым создавать новые средства или придавать существующим средствам определенный ретроактивный эффект исходя из каждого дела, в котором Суд в своем решении указывает на структурную проблему. При определенных обстоятельствах, возможно, более предпочтительно оставить дела для разрешения Суда, в частности чтобы избежать принуждения заявителя нести в дальнейшем бремя исчерпания внутренних средств правовой защиты, которые, более того, были бы неуместны до принятия законодательных изменений.

Средства правовой защиты по жалобе на необоснованно длительное судебное разбирательство

20. Актуален вопрос об эффективных средствах правовой защиты, необходимых, в частности, по делам, включающим жалобы на необоснованную длительность судебного рассмотрения, которые вызывают большое количество обращений в Суд. Так, в решении по делу *Kudla v. Poland* от 26 октября 2000 г. Суд отметил, что важно убедиться, что в таких делах есть эффективное средство, как того требует статья 13 Конвенции. Получив стимул, предоставленный Судом этим постановлением, государства-члены предложили некоторые меры для обеспечения применения эффективных средств, которые позволят признавать нарушения и обеспечивать надлежащее возмещение в этой области.

Обоснованная длительность судебного разбирательства

21. В своем национальном праве многие государства-члены стремятся предусмотреть, различными средствами (максимальные сроки рассмотрения дел, возможность подачи ходатайства об ускорении рассмотрения дела в суде), чтобы дела рассматривались в разумный

срок. В некоторых государствах-членах максимальный срок определен для каждого уровня в уголовном, гражданском и административном судопроизводстве. Интеграция Конвенции в национальные правовые системы государств-членов, в частности требование о проведении судебного разбирательства в разумный срок, как предусмотрено статьей 6, усилило эти требования законодательства на национальном уровне.

Предотвращение отсрочек, увеличивающих срок судебного разбирательства

22. Если ограничения срока разбирательства, в частности в уголовном судопроизводстве, не соблюдаются или если изначально установленный срок разбирательства считается необоснованным, национальное право многих государств-членов устанавливает, что заинтересованное лицо может ходатайствовать об ускорении разбирательства. Если это ходатайство удовлетворено, может быть вынесено определение об установлении срока, в течение которого суду или прокурору, в зависимости от дела, придется принимать определенные процессуальные меры, такие как прекращение следствия или назначение даты судебного заседания. В некоторых государствах-членах суды могут принимать решения о необходимости закончить рассмотрение дела до определенной даты. Если общее средство существует в Конституционном суде, жалоба может быть подана, при определенных обстоятельствах — даже до исчерпания других внутренних средств правовой защиты.

Различные формы возмещения

23. В большинстве государств-членов существуют процедуры, предусматривающие возмещение за необоснованную отсрочку в рассмотрении дела. В качестве возмещения обычно используется финансовая компенсация, особенно по делам, которые еще продолжаются. В некоторых делах невынесение решения ответственным органом в течение определенного срока означает, что жалоба должна быть удовлетворена. Если период рассмотрения уголовного дела увеличивается на разумный срок, это может привести к вынесению более мягкого наказания.

Возможное содействие введению эффективных средств

24. Рекомендация наделяет Генерального секретаря Совета Европы полномочиями обеспечить доступ к необходимым средствам для над-

лежащего содействия государствам-членам, которые просят помочь им во введении эффективных средств правовой защиты, как того требует Конвенция. Это может иметь форму, например, исследований, которые будут проводить эксперты-консультанты по возможным внутренним средствам правовой защиты с целью повышения их эффективности.

6. Пояснительная записка по вопросу о подписании Российской Федерацией Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. и Протоколов к ней[1]

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод содержит обязательства по обеспечению основных гражданских и политических прав для лиц, находящихся под юрисдикцией государств-участников, и учреждает специальный контрольный механизм, в рамках которого рассматриваются случаи нарушения указанных прав и принимаются по ним обязательные для данных государств решения.

Дополнительные Протоколы к Конвенции расширяют список прав, подлежащих защите (Протоколы № 1, 4 и 7), а также вносят усовершенствования в международный механизм контроля за их соблюдением (Протоколы № 2, 9, 10 и 11).

На настоящий момент российское законодательство, за исключением Конституции Российской Федерации, и правоприменительная практика не в полной мере соответствуют стандартам Совета Европы.

Например, устаревшее уголовно-процессуальное законодательство не обеспечивает судебный порядок ареста, заключения под стражу и содержания под стражей лиц, подозреваемых в совершении преступления, что противоречит статье 5 Европейской конвенции.

Условия содержания заключенных в следственных изоляторах из-за их переполненности могут быть признаны бесчеловечными или унижающими человеческое достоинство видами обращения или наказания и, соответственно, нарушающими статью 3 Конвенции.

---

[1] *Европейский* суд по правам человека и защита свободы слова в России: прецеденты, анализ, рекомендации / под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М., 2004. Т. 2. (Журналистика и право. Вып. 43) <www.medialaw.ru/article10/7/2.htm>.

Незавершенность судебной реформы в Российской Федерации, плохое функционирование судов могут привести к констатации нарушений статьи 6 Конвенции, гарантирующей право на справедливое судебное разбирательство в разумные сроки. Исходя из практики Европейского суда по правам человека, в котором около 50% рассматриваемых дел связаны с нарушением разумных сроков судебного разбирательства, можно предположить, что Европейским судом могут быть вынесены решения о нарушении Россией положений Конвенции в данной области.

Поскольку в значительном количестве случаев Европейский суд идет по пути принуждения государства-нарушителя к выплате существенной денежной компенсации лицу, выигравшему дело, через 3–4 года возникнет необходимость в дополнительных ассигнованиях из российского бюджета на эти цели.

В свете изложенного должна быть проведена целенаправленная работа по подготовке и принятию новых нормативных актов с целью устранения наиболее серьезных несоответствий российского законодательства европейским стандартам к моменту ратификации Конвенции (ориентировочно через год после подписания).

Участниками Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод являются все государства — члены Совета Европы, за исключением Эстонии, Литвы, Латвии, Румынии, Словении, Албании, Молдавии и Украины.

Директор правового департамента МИД России А. Ходаков
30 января 1996 г.

7. Конституция РФ

(извлечения)

Раздел I.

Глава 1. Основы конституционного строя

Статья 15

1. Конституция Российской Федерации имеет высшую юридическую силу, прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

<…>

4. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

<…>

Статья 16

1. Положения настоящей главы Конституции составляют основы конституционного строя Российской Федерации и не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном настоящей Конституцией.

2. Никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации.

Глава 2. Права и свободы человека и гражданина

Статья 17

1. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией.

2. Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

3. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

<…>

Статья 46

1. Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

2. Решения и действия (или бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц могут быть обжалованы в суд.

3. Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

<…>

Статья 55

1. Перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина.

2. В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.

3. Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

<...>

Глава 7. Судебная власть

<...>

Статья 126

Верховный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по гражданским, уголовным, административным и иным делам, подсудным судам общей юрисдикции, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

Статья 127

Высший Арбитражный Суд Российской Федерации является высшим судебным органом по разрешению экономических споров и иных дел, рассматриваемых арбитражными судами, осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за их деятельностью и дает разъяснения по вопросам судебной практики.

8. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»[1]

(извлечения)

Статья 3. Единство судебной системы

Единство судебной системы Российской Федерации обеспечивается путем:

...применения всеми судами Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, федеральных законов, общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, а также конституций (уставов) и других законов субъектов Российской Федерации...

Статья 19. Верховный Суд Российской Федерации

<...>

5. Верховный Суд Российской Федерации дает разъяснения по вопросам судебной практики.

9. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации»[2]

(извлечения)

Статья 5. Международные договоры Российской Федерации в правовой системе Российской Федерации

1. Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются в соответствии с Конституцией Российской Федерации составной частью ее правовой системы.

---

[1] РГ. 1997. 6 янв.

[2] СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2757.

2. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

3. Положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты.

<...>

Статья 22. Особый порядок выражения согласия на обязательность для Российской Федерации международных договоров

Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке.

10. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»[1]

(извлечения)

Статья 1

Ратифицировать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года с изменениями, внесенными Протоколами к ней № 3 от 6 мая 1963 года, № 5 от 20 января 1966 года и № 8 от 19 марта 1985 года, и дополнениями, содержащимися в Протоколе № 2 от 6 мая 1963 года (далее именуется — Конвенция), и Протоколы к ней № 1 от 20 марта 1952 года, № 4 от 16 сентября 1963 года, № 7 от 22 ноября 1984 года, № 9 от 6 ноября 1990 года, № 10 от 25 марта 1992

[1] СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

года и № 11 от 11 мая 1994 года, подписанные от имени Российской Федерации в городе Страсбурге 28 февраля 1996 года...

...Российская Федерация в соответствии со статьей 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

Статья 2

Предусмотреть в федеральном бюджете начиная с 1998 года необходимое увеличение расходов на содержание федеральной судебной системы и пенитенциарной системы, органов юстиции Российской Федерации, органов прокуратуры Российской Федерации и органов внутренних дел Российской Федерации в целях приведения правоприменительной практики в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней.

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»[1]

(извлечения)

Закрепленное в Конституции Российской Федерации положение о высшей юридической силе и прямом действии Конституции означает, что все конституционные нормы имеют верховенство над законами и подзаконными актами, в силу чего суды при разбирательстве конкретных судебных дел должны руководствоваться Конституцией Российской Федерации.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 2.

В целях единообразного применения судами конституционных норм при осуществлении правосудия Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать следующие разъяснения:

<...>

5. Судам при осуществлении правосудия надлежит исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права, закрепленные в международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах), и международные договоры Российской Федерации являются в соответствии с частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации составной частью ее правовой системы. Этой же конституционной нормой определено, что если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Учитывая это, суд при рассмотрении дела не вправе применять нормы закона, регулирующего возникшие правоотношения, если вступившим в силу для Российской Федерации международным договором, решение о согласии на обязательность которого для Российской Федерации было принято в форме федерального закона, установлены иные правила, чем предусмотренные законом. В этих случаях применяются правила международного договора Российской Федерации.

При этом судам необходимо иметь в виду, что в силу пункта 3 статьи 5 Федерального закона Российской Федерации «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. В иных случаях наряду с международным договором Российской Федерации следует применять и соответствующий внутригосударственный правовой акт, принятый для осуществления положений указанного международного договора.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 1999 г. № 79 «О ходе выполнения Постановления Пленума Верховного суда РФ от 24 августа 1993 г. № 7 „О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами РФ“»[1]

(извлечения)

В целях защиты конституционных прав и законных интересов граждан уголовные и гражданские дела должны рассматриваться в строгом соответствии с правилами судопроизводства, важной составляющей которых являются установленные законом сроки выполнения отдельных процессуальных действий.

Кроме того, следует иметь в виду, что правосудие осуществляется в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, международными договорами Российской Федерации, являющимися составной частью ее правовой системы (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации).

В частности, пункт 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закрепляет право каждого при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении уголовного обвинения на справедливое публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. С учетом требований этой нормы, а также пункта 3*с* статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах судопроизводство по уголовным и гражданским делам должно осуществляться без неоправданной задержки, в сроки, позволяющие оптимально обеспечить право граждан на судебную защиту.

<…>

В целях обеспечения своевременного рассмотрения судами уголовных и гражданских дел Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет:

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1.

1. Судам при осуществлении правосудия необходимо исходить из того, что несоблюдение установленных законом сроков производства по уголовным и гражданским делам существенно нарушает конституционные права граждан на судебную защиту, а также противоречит общепризнанным принципам и нормам международного права, которые закреплены, в частности, в статье 10 Всеобщей декларации прав человека, в пункте 1 статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в пункте 3*с* статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах. В связи с этим обратить внимание судей судов общей юрисдикции на необходимость строгого соблюдения процессуальных сроков разрешения дел, а также на недопустимость волокиты при производстве по судебным делам.

2. Рекомендовать председателям районных (городских) и вышестоящих судов и в дальнейшем принимать меры по повышению уровня организации судебного процесса, обеспечивать первоочередное рассмотрение дел в отношении лиц, содержащихся под стражей, и осуществлять персональный учет таких лиц.

3. Обратить внимание верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, окружных (флотских) военных судов на необходимость осуществлять постоянный судебный надзор за качественным и своевременным рассмотрением уголовных и гражданских дел; принимать иные меры воздействия вплоть до прекращения полномочий судей, допускающих факты волокиты, ущемляющие законные права граждан на судебную защиту и умаляющие авторитет судебной власти; регулярно обобщать практику соблюдения судами процессуальных сроков разрешения дел; анализировать причины, порождающие волокиту, и целенаправленно вести работу по их устранению.

Председатель
Верховного Суда Российской Федерации
В. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В. ДЕМИДОВ

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»[1]

Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права — принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Международные договоры являются одним из важнейших средств развития международного сотрудничества, способствуют расширению международных связей с участием государственных и негосударственных организаций, в том числе с участием субъектов национального права, включая физических лиц. Международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование судебной деятельности, связанной с реализацией положений международного права на внутригосударственном уровне.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами международного права при осуществлении правосудия Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать следующие разъяснения:

1. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Рос-

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

сийской Федерации (часть 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации).

Согласно части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Исходя из этого, а также из положений части 4 статьи 15, части 1 статьи 17, статьи 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Под общепризнанными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо.

К общепризнанным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Под общепризнанной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.

2. Международные договоры Российской Федерации наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, часть 1 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

Частью правовой системы Российской Федерации являются также заключенные СССР действующие международные договоры, в отношении которых Российская Федерация продолжает осуществлять международные права и обязательства СССР в качестве государства — продолжателя Союза ССР.

Согласно пункту «а» статьи 2 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом неза-

висимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т.п.).

Международные договоры Российской Федерации могут заключаться от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры) и от имени федеральных органов исполнительной власти (межведомственные договоры).

3. Согласно части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты.

К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств.

При рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 1 и 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», часть 2 статьи 7 ГК РФ).

4. Решая вопрос о возможности применения договорных норм международного права, суды должны исходить из того, что международный договор вступает в силу в порядке и в дату, предусмотренные в самом договоре или согласованные между участвовавшими в переговорах государствами. При отсутствии такого положения или договоренности договор вступает в силу, как только будет выражено согласие всех участвовавших в переговорах государств на обязательность для них договора (статья 24 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года).

Судам надлежит иметь в виду, что международный договор подлежит применению, если Российская Федерация в лице компетентных органов государственной власти выразила согласие на обязательность

для нее международного договора посредством одного из действий, перечисленных в статье 6 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (путем подписания договора; обмена документами, его образующими; ратификации договора; утверждения договора; принятия договора; присоединения к договору; любым иным способом, о котором условились договаривающиеся стороны), а также при условии, что указанный договор вступил в силу для Российской Федерации (например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод была ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, а вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 года — в день передачи ратификационной грамоты на хранение Генеральному секретарю Совета Европы согласно статье 59 этой Конвенции).

Исходя из смысла частей 3 и 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» судами непосредственно могут применяться те вступившие в силу международные договоры, которые были официально опубликованы в Собрании законодательства Российской Федерации или в Бюллетене международных договоров в порядке, установленном статьей 30 указанного Федерального закона. Международные договоры Российской Федерации межведомственного характера опубликовываются по решению федеральных органов исполнительной власти, от имени которых заключены такие договоры, в официальных изданиях этих органов.

Международные договоры СССР, обязательные для Российской Федерации как государства — продолжателя Союза ССР, опубликованы в официальных изданиях Верховного Совета СССР, Совета министров (Кабинета министров) СССР. Тексты указанных договоров публиковались также в сборниках международных договоров СССР, но эта публикация не являлась официальной.

Официальные сообщения Министерства иностранных дел Российской Федерации о вступлении в силу международных договоров, заключенных от имени Российской Федерации и от имени Правительства Российской Федерации, подлежат опубликованию в том же порядке, что и международные договоры (статья 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

5. Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе военными, при разрешении гражданских, уголовных и административных дел, в частности:

при рассмотрении гражданских дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем зако-

ном Российской Федерации, который регулирует отношения, ставшие предметом судебного рассмотрения;

при рассмотрении гражданских и уголовных дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем гражданским процессуальным или уголовно-процессуальным законом Российской Федерации;

при рассмотрении гражданских или уголовных дел, если международным договором Российской Федерации регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения (например, при рассмотрении дел, перечисленных в статье 402 ГПК РФ, ходатайств об исполнении решений иностранных судов, жалоб на решения о выдаче лиц, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства);

при рассмотрении дел об административных правонарушениях, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях.

Обратить внимание судов на то, что согласие на обязательность международного договора для Российской Федерации должно быть выражено в форме федерального закона, если указанным договором установлены иные правила, чем федеральным законом (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 1 и 2 статьи 5, статья 14, пункт «а» части 1 статьи 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», часть 2 статьи 1 ГПК РФ, часть 3 статьи 1 УПК РФ).

6. Международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применяться судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года).

Исходя из статьи 54 и пункта «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации, а также статьи 8 УК РФ, уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации.

В связи с этим международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами

Российской Федерации в тех случаях, когда норма Уголовного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации (например, статьи 355 и 356 УК РФ).

7. В силу части 4 статьи 11 УК РФ вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права (в частности, в соответствии с Конвенцией о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 года, Конвенцией о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 года, Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года, Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 года).

В круг лиц, пользующихся иммунитетом, входят, например, главы дипломатических представительств, члены представительств, имеющие дипломатический ранг, и члены их семей, если последние не являются гражданами государства пребывания. К иным лицам, пользующимся иммунитетом, относятся, в частности, главы государств, правительств, главы внешнеполитических ведомств государств, члены персонала дипломатического представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание представительства, члены их семей, проживающие вместе с указанными лицами, если они не являются гражданами государства пребывания или не проживают в нем постоянно, а также другие лица, которые пользуются иммунитетом согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации.

8. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации.

Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор (часть 4 статьи 15, статьи 90, 113 Конституции Российской Федерации).

9. При осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что по смыслу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, статей 369, 379, части 5 статьи 415 УПК РФ, статей 330, 362–364 ГПК РФ неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Феде-

рации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права.

10. Разъяснить судам, что толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3; статьи 31–33).

Согласно пункту «b» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

Российская Федерация, как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод, признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений суда со стороны Комитета министров Совета Европы. В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов.

Выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким обра-

зом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер.

12. При осуществлении судопроизводства суды должны принимать во внимание, что в силу пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на судебное разбирательство в разумные сроки. При исчислении указанных сроков по уголовным делам судебное разбирательство охватывает как процедуру предварительного следствия, так и непосредственно процедуру судебного разбирательства.

Согласно правовым позициям, выработанным Европейским судом по правам человека, сроки начинают исчисляться со времени, когда лицу предъявлено обвинение или это лицо задержано, заключено под стражу, применены иные меры процессуального принуждения, а заканчиваются в момент, когда приговор вступил в законную силу или уголовное дело либо уголовное преследование прекращено.

Сроки судебного разбирательства по гражданским делам в смысле пункта 1 статьи 6 Конвенции начинают исчисляться со времени поступления искового заявления, а заканчиваются в момент исполнения судебного акта.

Таким образом, по смыслу статьи 6 Конвенции исполнение судебного решения рассматривается как составляющая «судебного разбирательства». С учетом этого при рассмотрении вопросов об отсрочке, рассрочке, изменении способа и порядка исполнения судебных решений, а также при рассмотрении жалоб на действия судебных приставов-исполнителей суды должны принимать во внимание необходимость соблюдения требований Конвенции об исполнении судебных решений в разумные сроки.

При определении того, насколько срок судебного разбирательства являлся разумным, во внимание принимается сложность дела, поведение заявителя (истца, ответчика, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), поведение государства в лице соответствующих органов.

13. При рассмотрении гражданских и уголовных дел судам следует иметь в виду, что в силу части 1 статьи 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела

в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, имеет право на суд, созданный на основании закона.

Исходя из постановлений Европейского суда по правам человека применительно к судебной системе Российской Федерации, данное правило распространяется не только на судей федеральных судов и мировых судей, но и на присяжных заседателей, которыми являются граждане Российской Федерации, включенные в списки присяжных заседателей и призванные в установленном законом порядке к участию в осуществлении правосудия.

14. При разрешении вопросов о продлении срока содержания под стражей судам надлежит учитывать, что согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию, имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

В соответствии с правовыми позициями Европейского суда по правам человека при установлении продолжительности срока содержания подсудимого под стражей учитывается период, начинающийся со дня заключения подозреваемого (обвиняемого) под стражу и заканчивающийся днем вынесения приговора судом первой инстанции.

Следует учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста. Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями.

При этом указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, то есть подтверждаться достоверными сведениями. В случае продления сроков содержания под стражей суды должны указывать конкретные обстоятельства, оправдывающие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств.

15. Принимая решение о заключении обвиняемых под стражу в качестве меры пресечения, о продлении сроков содержания их под стра-

жей, разрешая жалобы обвиняемых на незаконные действия должностных лиц органов предварительного расследования, суды должны учитывать необходимость соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей, предусмотренных статьями 3, 5, 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При разрешении ходатайства об освобождении из-под стражи или жалобы на продление срока содержания под стражей суду необходимо принимать во внимание положения статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

В практике применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским судом по правам человека к «бесчеловечному обращению» относятся случаи, когда такое обращение, как правило, носит преднамеренный характер, имеет место на протяжении нескольких часов или когда в результате такого обращения человеку были причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания.

Следует учитывать, что в соответствии со статьей 3 Конвенции и требованиями, содержащимися в постановлениях Европейского суда по правам человека, условия содержания обвиняемых под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству.

Унижающим достоинство обращением признается, в частности, такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности.

При этом лицу не должны причиняться лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а здоровье и благополучие лица должны быть гарантированы с учетом практических требований режима содержания.

Оценка указанного уровня осуществляется в зависимости от конкретных обстоятельств, в частности от продолжительности неправомерного обращения с человеком, характера физических и психических последствий такого обращения. В некоторых случаях принимаются во внимание пол, возраст и состояние здоровья лица, которое подверглось бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

16. В случае возникновения затруднений при толковании общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации рекомендовать судам использовать акты и решения международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений, а также обращаться в Правовой

департамент Министерства иностранных дел Российской Федерации, в Министерство юстиции Российской Федерации (например, для уяснения вопросов, связанных с продолжительностью действия международного договора, составом государств, участвующих в договоре, международной практикой его применения).

17. Рекомендовать Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации:

в координации с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека обеспечивать информирование судей о практике Европейского суда по правам человека, в особенности по поводу решений, касающихся Российской Федерации, путем направления аутентичных текстов и их переводов на русский язык;

регулярно и своевременно обеспечивать судей аутентичными текстами и официальными переводами международных договоров Российской Федерации и иных актов международного права.

18. Рекомендовать Российской академии правосудия при организации учебного процесса подготовки, переподготовки и повышения квалификации судей и работников аппаратов судов обращать особое внимание на изучение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, регулярно анализировать источники международного и европейского права, издавать необходимые практические пособия, комментарии, монографии и другую учебную, методическую и научную литературу.

19. Поручить судебным коллегиям по гражданским и уголовным делам, Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации подготовить совместно с Российской академией правосудия предложения о дополнении ранее принятых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации соответствующими положениями о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. ДЕМИДОВ

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении»[1]

(извлечения)

В связи с введением в действие с 1 февраля 2003 г. Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) и в целях выполнения содержащихся в нем требований к судебному решению Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать судам следующие разъяснения:

<...>

4. Поскольку в силу части 4 статьи 198 ГПК РФ в решении суда должен быть указан закон, которым руководствовался суд, необходимо указать в мотивировочной части материальный закон, примененный судом к данным правоотношениям, и процессуальные нормы, которыми руководствовался суд.

Суду также следует учитывать:

а) постановления Конституционного Суда Российской Федерации о толковании положений Конституции Российской Федерации, подлежащих применению в данном деле, и о признании соответствующими либо не соответствующими Конституции Российской Федерации нормативных правовых актов, перечисленных в пунктах «а», «б», «в» части 2 и в части 4 статьи 125 Конституции Российской Федерации, на которых стороны основывают свои требования или возражения;

б) постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, принятые на основании статьи 126 Конституции Российской Федерации и содержащие разъяснения вопросов, возникших в судебной практике при применении норм материального или процессуального права, подлежащих применению в данном деле;

в) постановления Европейского суда по правам человека, в которых дано толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подлежащих применению в данном деле.

Председатель Верховного Суда Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ,

Секретарь Пленума,
судья Верховного Суда Российской Федерации
В.В. ДЕМИДОВ

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[1]

(извлечения)

В соответствии со статьей 23 Конституции Российской Федерации каждый имеет право на защиту своей чести и доброго имени. Статьей 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется свобода мысли и слова, а также свобода массовой информации.

Согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Применительно к свободе массовой информации на территории Российской Федерации действует статья 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в соответствии с частью 1 которой каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения, получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ.

Вместе с тем в части 2 статьи 10 названной Конвенции указано, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия. При этом положения данной нормы должны толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского суда по правам человека, выраженной в его постановлениях.

---

[1] РГ. 2005. 15 марта.

Предусмотренное статьями 23 и 46 Конституции Российской Федерации право каждого на защиту своей чести и доброго имени, а также установленное статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации право каждого на судебную защиту чести, достоинства и деловой репутации от распространенных не соответствующих действительности порочащих сведений является необходимым ограничением свободы слова и массовой информации для случаев злоупотребления этими правами.

Обсудив материалы проведенного изучения судебной практики по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации, Пленум Верховного Суда Российской Федерации отмечает, что суды России в основном правильно, с соблюдением требований, предусмотренных статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, рассматривают дела данной категории. Вместе с тем в связи с ратификацией Российской Федерацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней в судебной практике возникли неясные вопросы, требующие разрешения.

Учитывая это, Пленум Верховного Суда Российской Федерации в целях обеспечения правильного и единообразного применения законодательства, регулирующего указанные правоотношения, постановляет дать судам следующие разъяснения.

1. Обратить внимание судов на то, что право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц — одним из условий их успешной деятельности.

В силу статьи 17 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации. При этом осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

Принимая во внимание эти конституционные положения, суды при разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации должны обеспечивать равновесие между правом граждан на защиту чести, достоинства, а также деловой репутации, с одной стороны, и иными гарантированными Конституцией Российской Федерации правами и свободами — свободой мысли, слова, массовой информации, правом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, правом на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, правом на обращение в государственные органы и органы местного само-

управления (статьи 23, 29, 33 Конституции Российской Федерации) — с другой.

По делам данной категории необходимо учитывать разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в постановлениях от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» и от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации».

При разрешении споров о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует руководствоваться не только нормами российского законодательства (статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации), но и в силу статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» учитывать правовую позицию Европейского суда по правам человека, выраженную в его постановлениях и касающуюся вопросов толкования и применения данной Конвенции (прежде всего статьи 10), имея при этом в виду, что используемое Европейским судом по правам человека в его постановлениях понятие диффамации тождественно понятию распространения не соответствующих действительности порочащих сведений, содержащемуся в статье 152 Гражданского кодекса Российской Федерации.

<...>

9. В силу пункта 1 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации обязанность доказывать соответствие действительности распространенных сведений лежит на ответчике. Истец обязан доказать факт распространения сведений лицом, к которому предъявлен иск, а также порочащий характер этих сведений.

Вместе с тем, исходя из пункта 3 названной статьи, в случае, когда гражданином, в отношении которого средством массовой информации опубликованы соответствующие действительности сведения, ущемляющие его права и охраняемые законом интересы, оспаривается отказ редакции средства массовой информации опубликовать его ответ на данную публикацию, истец обязан доказать, что распространенные сведения ущемляют его права и охраняемые законом интересы.

В соответствии со статьей 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и статьей 29 Конституции Российской Федерации, гарантирующими каждому право на свободу мысли и слова, а также на свободу массовой информации, позицией Европейского суда по правам человека при рассмотрении дел о защите чести, достоинства и деловой репутации судам следует различать имеющие место утвержде-

ния о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые не являются предметом судебной защиты в порядке статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, поскольку, являясь выражением субъективного мнения и взглядов ответчика, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности.

Судам следует иметь в виду, что в соответствии со статьями 3 и 4 Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ, принятой 12 февраля 2004 г. на 872-м заседании Комитета министров Совета Европы, политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ. Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий.

Лицо, которое полагает, что высказанное оценочное суждение или мнение, распространенное в средствах массовой информации, затрагивает его права и законные интересы, может использовать предоставленное ему пунктом 3 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьей 46 Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» право на ответ, комментарий, реплику в том же средстве массовой информации в целях обоснования несостоятельности распространенных суждений, предложив их иную оценку.

Если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением (статья 130 Уголовного кодекса Российской Федерации, статьи 150, 151 Гражданского кодекса Российской Федерации).

<…>

15. Статья 152 Гражданского кодекса Российской Федерации предоставляет гражданину, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, право наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда. Данное правило в части, касающейся деловой репутации гражданина, соответственно применяется и к защите деловой репутации юридических лиц (пункт 7 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации). Поэтому правила, регулирующие компенсацию морального вреда в связи с распространением сведений, порочащих деловую репутацию гражданина, применяются

и в случаях распространения таких сведений в отношении юридического лица.

<…>

Председатель Верховного Суда Российской Федерации
В.М. ЛЕБЕДЕВ

Секретарь Пленума
судья Верховного Суда Российской Федерации В.В. ДЕМИДОВ

16. Решение Псковского городского суда Псковской области от 28 октября 2003 г.

по делу по иску Федорова Б.А. к Управлению социальной защиты населения г. Пскова о понуждении к выплате сумм возмещения вреда, а также об обязании повышать ежеквартально суммы выплат в возмещение вреда (применение статьи 6 Конвенции, решения *Бурдов против России*, а также пункта 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»)[1]

Дело № 2-1612/2003

РЕШЕНИЕ
Именем Российской Федерации

28 октября 2003 г.
Псковский городской суд Псковской области в составе:
председательствующего судьи: Кавериной Г.П.
при секретаре Мининой И.В.,

рассмотрев в открытом заседании гражданское дело по иску Федорова Бориса Александровича к Управлению социальной защиты населения г. Пскова о понуждении к выплате сумм возмещения вреда, а также об обязании повышать ежеквартально суммы выплат в возмещение вреда,

---

1 <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school/dom_judg.html>.

УСТАНОВИЛ:

Истец обратился в суд с данным иском к ответчику, указывая, что согласно решению Псковского городского суда от 8 октября 2002 г. ответчик обязан был проиндексировать ежемесячные суммы возмещения вреда в соответствии с Постановлениями администрации Псковской области от 17 октября 2002 г. № 322 и от 15 апреля 2003 г. № 137. Ответчик решение суда не исполнил. Истец 13 октября 2003 г. представил дополнение к исковому заявлению, в котором предложил обязать ответчика назначить Федорову Б.А. с 1 апреля 2003 г. по 30 сентября 2003 г. ежемесячную сумму в возмещение вреда в размере 26 397 руб. 96 коп. и единовременно взыскать недоплату за период с апреля 2003 г. по 30 сентября 2003 г. 17 973 руб. 06 коп. Ежемесячные суммы ответчик обязан назначить, издав распоряжение администрации Управления социальной защиты населения г. Пскова.

Ответчик представил возражения, иск не признал, ссылаясь на часть 3 статьи 2 ФЗ № 5-ФЗ от 12 февраля 2001 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон РФ „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на ЧАЭС“», но не отрицает, что на управление возложена функция назначения, перерасчета и выплаты денежной компенсации и сумм в возмещение вреда, а также исполнение актов судебных органов. Ответчик указал также, какими нормативными документами он руководствуется при осуществлении функций. Ответчик не отрицает, что решение о назначении принимается в 10 дней; оформляется протоколом, выплата — распоряжением. Однако ответчик полагает, что при наличии решения суда функции управления иные — составление заявок на выделение денежных средств по решению суда.

Выслушав истца, представителя истца, ответчика, проверив материалы дела, суд признает иск обоснованным.

Согласно части 3 статьи 2 Закона № 5-ФЗ от 12 февраля 2001 г. и с учетом правовой позиции, изложенной в пункте 5.4 мотивировочной части Постановления Конституционного Суда РФ от 19 июня 2002 г. № 11-П, истцу должна быть повышена сумма возмещения вреда пропорционально росту величины прожиточного минимума для пенсионера в Псковской области. Конституционный Суд РФ признал не противоречащей Конституции РФ часть 3 статьи 2 Закона № 5-ФЗ от 12 февраля 2001 г. в той ее части, в которой законодатель установил новый критерий индексации сумм возмещения вреда. Порядок же ежегодной индексации, установленный в части 3 статьи 2 Закона № 5-ФЗ, признан не соответствующим Конституции и, следовательно, не подлежащим применению.

Судом установлено, что решением Псковского городского суда (дело № 2-5822/2002) на ответчика были возложены обязанности, которые должны быть выполнены (статья 13 ГПК РФ). Неисполнение судебного решения влечет за собой ответственность, предусмотренную законом. Более того, на момент обращения истца в суд 30 июля 2003 г. решение от 8 октября 2003 г. не отменено, не изменено. Вместе с тем из материалов дела не усматривается, что суммы возмещения вреда назначены в том размере и выплачены в том размере, которые определены судом. Изданы соответствующие по этому вопросу документы.

Фактически выплаченные истцу суммы не те, которые следовало выплатить истцу.

Не отрицая необходимости применения Порядка выплаты ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 21 августа 2001 г. № 607, и разъяснения Минтруда РФ № 6 «О применении порядка выплаты ежемесячной денежной компенсации в возмещение вреда...», утвержденного Постановлением Минтруда РФ от 30 ноября 2001 г. № 83, суд полагает, что ответчик не вправе не применять Постановления № 83 и № 607, поскольку требования истца им не противоречат. Кроме того, ответчик не вправе игнорировать Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве», в частности сроки исполнения решения суда.

Кроме того, как видно из материалов дела (справка, представленная ответчиком), с июля 2003 г. ответчик вообще прекратил выплачивать ежемесячные суммы в возмещение вреда даже в размерах, установленных решением Псковского городского суда от 8 октября 2002 г. Ответчик не учитывает, что присужденные истцу суммы являются его собственностью и ответчик не вправе удерживать их, затягивая получение сумм истцом. Сроки судебного разбирательства ответчик не вправе изменять. В эти сроки включается и период исполнения решения суда. Данные выводы суда подтверждаются пунктами 34 и 40 Постановления Европейского суда по правам человека от 7 мая 2002 г. № 59498/00 по делу «Бурдов против России». При этом суд исходит из того, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений Суда со стороны Комитета министров Совета Европы. В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов (пункт 11 Постановления Пленума ВС РФ № 5 от 10 октября 2003 г.).

Из показаний истца и его представителя усматривается, что с 1 апреля 2003 г. ответчик не назначил и не выплатил выплаты по решению суда с учетом последующей индексации.

Индекс роста прожиточного минимума для пенсионера в Псковской области за III квартал 2002 г. и I квартал 2003 г. составляет 1,128 (1270 : 1126). Следовательно, сумма возмещения вреда с 1 апреля 2003 г. — (23 402,45 × 1,128) = 26 397 руб. 96 коп., а учитывая, что с 1 апреля 2003 г. по 30 сентября 2003 г. выплачивалось меньше (26 397,96 — 23 402,45 = 29 95,51 × 6 мес.), недоплата составит 17 973 руб. 06 коп.

Ответчик не опроверг доводы истца в части ежеквартальной индексации выплат. Не привел убедительных доводов в опровержение величины индекса роста прожиточного минимума (1,128).

Доводы же истца и его представителя подтверждаются Постановлением Конституционного Суда РФ № 11-П от 19 июня 2002 г. (пункты 5.3, 5.4); Определением КС РФ на запрос Верховного Суда РФ № 49-О от 25 марта 2003 г. (абзац 4 пункта 2.1); Постановлением администрации Псковской области «О прожиточном минимуме на душу населения... в Псковской области» № 145 от 13 апреля 2001 г. (пункт 2).

Подлежат удовлетворению требования истца об обязании ответчика назначать, пересматривать размеры сумм возмещения вреда посредством издания распоряжений администрации ответчика в соответствии с пунктом 12 Разъяснения Минтруда РФ № 6 от 30 ноября 2001 г., утвержденного Постановлением Минтруда РФ № 83 от 30 ноября 2001 г., и Постановления Правительства № 607 от 21 августа 2001 г. (пункт 8).

Как усматривается из Разъяснения Минтруда № 6, в распоряжении указывается мотивация установления размеров, сроков выплат и данных, на основании которых определены платежи, а также точного расчета подлежащих выплате сумм.

Ссылка ответчика на то, что при вынесении решения судом управление не обязано издавать распоряжение, неубедительна. Суд не назначает, не производит перерасчет сумм возмещения вреда. Решение суда не подменяет внутренние локальные акты ответчика.

Суд обязывает ответчика совершить определенные действия. Издание распоряжения на его основе не противоречит Методическим указаниям, на которые ссылается ответчик, поскольку этими указаниями не установлен запрет на назначение ежемесячных сумм возмещения вреда распоряжениями в размерах, установленных решениями судов.

В соответствии со статьей 88 ГПК РФ с ответчика подлежат взысканию судебные расходы.

Оснований для освобождения от уплаты госпошлины ответчика (статья 89 ГПК РФ) у суда не имеется.

С 1 февраля 2003 г. вступил в силу ГПК РФ, который закрепил льготы по уплате государственной пошлины в определенных случаях (часть 1 статьи 46, статья 89 ГПК РФ) (26 397,96 — 23 402,45) × 12 мес. = 35 946,12 руб. — цена иска по увеличению ежемесячных платежей (пункт 6 статьи 91 ГПК РФ).

Госпошлина по этому основанию составит 1188,38 руб. (410 + 3% от 25 946,12), 17 973,06 руб. — цена иска по единовременной сумме (пункт 1 статьи 91 ГПК РФ). Госпошлина по этому основанию составит 649,20 руб. (410 + 3% от 7973,06).

Общий размер госпошлины составит 1837,58 руб. (1188,38 + + 649,20).

Руководствуясь статьями 191, 198 ГПК РФ, суд

РЕШИЛ:

Обязать Управление социальной защиты населения г. Пскова повысить сумму возмещения вреда с 1 апреля 2003 г. в 1,128 раза Федорову Борису Александровичу.

Взыскивать ежемесячно с Управления социальной защиты населения г. Пскова за счет средств Федерального бюджета в пользу Федорова Бориса Александровича сумму возмещения вреда 26 397 руб. 96 коп. с 1 октября 2003 г.

Взыскать единовременно с Управления социальной защиты населения за счет средств Федерального бюджета в пользу Федорова Б.А. 17 973 руб. 06 коп.

Обязать Управление социальной защиты населения г. Пскова повышать сумму возмещения вреда пропорционально росту индекса величины прожиточного минимума для пенсионера в Псковской области ежеквартально.

Обязать Управление социальной защиты населения г. Пскова назначить Федорову Б.А. с 1 апреля 2003 г. выплаты, указанные в данном решении суда, посредством издания распоряжения администрации Управления социальной защиты населения г. Пскова, в том числе и при последующих перерасчетах.

Взыскать с Управления социальной защиты населения г. Пскова в доход государства госпошлину в сумме 1837 руб. 58 коп.

Решение может быть обжаловано в течение 10 дней в облсуд. Решение вступило в законную силу 10 ноября 2003 г.

Судья Каверина Г.П.

17. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 1 июня 2004 г.

по делу по иску Администрации города Екатеринбурга к Беляеву С.И., ЗАО «Информационное Агентство „Регион-Информ“», редакции «Областной газеты» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений (применение положений пункта 1 статьи 10 Конвенции и прецедентного права Европейского суда)[1]

В окончательном виде изготовлено 04 июня 2004 г.

РЕШЕНИЕ
Именем Российской Федерации

1 июня 2004 г.

Ленинский районный суд г. Екатеринбурга в составе: председательствующего судьи Проняевой Г.А., секретаря Томиловой А.Ю.,

рассмотрев в открытом судебном заседании гражданское дело по иску Администрации города Екатеринбурга к Беляеву Сергею Ивановичу, ЗАО Информационное агентство «Регион-Информ», редакции «Областной газеты» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений,

УСТАНОВИЛ:

Администрация города Екатеринбурга обратилась в суд с иском к Беляеву С.И., ЗАО Информационное агентство «Регион-Информ», редакции «Областной газеты» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причинен-

---

[1] Определением судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 31 августа 2004 г. решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 1 июня 2004 г. по делу по иску Администрации г. Екатеринбурга к С.И. Беляеву, ЗАО «Информационное агентство „Регион-Информ“», редакции «Областной газеты» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений, изменено — в части компенсации морального вреда в иске отказано. Документ официально не опубликован. Доступен на сайте ОО «Сутяжник»: <http://sutyajnik.ru/documents/367.html>; <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school/dom_judg.html>.

ного распространением порочащих сведений в интервью президента общественной организации «Сутяжник» Беляева С.И. корреспонденту Информационно-аналитического агентства «Регион-Информ», размещенном на сайте Информационно-аналитического агентства «Регион-Информ» 26 ноября 2002 г. и опубликованном в «Областной газете», № 245 (2220), от 28 ноября 2002 г. под заголовком «В Екатеринбурге творится сплошной беспредел».

Согласно исковому заявлению, Информационно-аналитическое агентство «Регион-Информ» 26 ноября 2002 г. на своем сайте разместило информацию, опубликованную затем с некоторыми сокращениями в «Областной газете» 28 ноября 2002 г. под заголовком «В Екатеринбурге творится сплошной беспредел», содержащую заведомо не соответствующие действительности, бездоказательные, абсурдные и порочащие деловую репутацию Администрации города Екатеринбурга утверждения.

В обоснование иска представитель истца пояснил, что интервью в целом изложено в оскорбительном для Администрации города тоне, пронизано сарказмом, носит порочащий и клеветнический характер, ее автор Беляев С., передергивая факты, пытается представить Администрацию города Екатеринбурга как орган местной власти, нарушающий законодательство и права граждан, не заботящийся о жителях города и осуществляющий управление в городе, которое явно расходится с интересами простых горожан. Автор интервью Сергей Беляев, ЗАО «Регион-Информ» и редакция «Областной газеты», распространяя в статье заведомо ложные и оскорбительные сведения, явно преследовали цель опорочить деловую репутацию Администрации города Екатеринбурга, подорвать ее авторитет и дискредитировать в глазах жителей. Данная информация направлена на то, чтобы сформировать отрицательное, негативное общественное мнение об Администрации города Екатеринбурга как местной власти, не выполняющей своих обязанностей по отношению к горожанам и нарушающей законодательство во всех сферах деятельности. Содержание интервью «В Екатеринбурге творится сплошной беспредел» свидетельствует о том, что ответчики злоупотребили свободой слова и нарушили права граждан на получение через средства массовой информации достоверных сведений (в данном случае об Администрации города Екатеринбурга), распространив не соответствующую действительности информацию, порочащую деловую репутацию Администрации города, нарушив статьи 38, 49, 51 Закона РФ «О средствах массовой информации».

В судебном заседании представитель истца уточнил исковые требования и просил признать не соответствующими действительности сведения, распространенные Беляевым С.И., а именно:

17. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 1 июня 2004 г.

1. «Если говорить о Екатеринбурге, надо отметить, что в нашем поле зрения массовое нарушение прав граждан, которое имеет место быть в этом не последнем в России мегаполисе. Права нарушаются в самых разных сферах жизни города, ну, если навскидку, например, возьмем нормотворчество в городской думе и мэрии. У представительного органа абсолютно отсутствуют права, полномочия и инициатива. Правами, данными городской думе федеральными законами, фактически пользуется мэр. Это недопустимо в любом цивилизованном демократическом обществе. Для того и существуют разные ветви власти, чтобы они друг с другом не жили, слившись с утра до вечера, чтобы были разные точки зрения. Это порождает массу проблем и массу нарушений».

2. «Мэрия же на муниципальных предприятиях систематически душит проявления свободомыслия и инициативы по защите прав работников. На сегодняшний день есть вопиющие примеры. Например, на протяжении последних 10 лет мэрия не предоставляла дополнительных отпусков водителям, а в бюджет деньги на отпускные закладывались. Это миллиарды рублей, которые ушли в неизвестном направлении».

3. «Взамен с помощью зарубежных траншей мэрия пытается создать контролируемые общественные организации, которые заглушили бы голоса тех, кто говорит правду».

4. «Если бы не активность общественного объединения „Сутяжник“, поддержанная в том числе и журналистами, то в Екатеринбурге беспредел был бы законсервирован».

5. «Городские власти не просто ударились в политику — они всегда ею занимались вместо своих непосредственных обязанностей. В городе же сплошной беспредел».

6. «Установлено, что себестоимость проезда в Екатеринбурге составляет три рубля. Возникает вопрос, где деньги, которые закладывались в бюджет? Они исчезают! Они используются мэрией по своему усмотрению и не по назначению, они идут на реализацию политических амбиций руководителей Екатеринбурга. Вообще, ситуация с общественным транспортом в городе парадоксальная. Без ведома и попустительства местной власти она не дошла бы до такого уровня».

7. «Муниципалитет же предоставляет режим наибольшего благоприятствования частным перевозчикам и разрешает им вешать на своих автобусах таблички с указанием того, что льгот на проезд нет. Это нарушение федерального закона! За это предусмотрена уголовная ответственность! Любой, кто нарушает закон, естественно преступник!»

8. «Мэрия не будет следить за городским транспортом и городской экологией, потому что деньги ей частные перевозчики везут „наличкой“. К тому же те люди, которые контролируют частный извоз, находятся в родственных отношениях в руководителями автотранспортно-

го ведомства Екатеринбурга. Жажда денег приводит к грубому нарушению интересов граждан».

Истец просит признать распространенные сведения не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию Администрации города Екатеринбурга, а также обязать ответчиков опубликовать в «Областной газете» и разместить на сайте «Регион-Информ» опровержение распространенных не соответствующих действительности и порочащих деловую репутацию сведений и взыскать с Беляева С.И., редакции «Областной газеты» и ЗАО «Регион-Информ» в возмещение морального ущерба в пользу Администрации по 50 000 рублей с каждого из ответчиков.

Ответчики иск не признали.

Представитель ответчика Беляева С.И. в судебном заседании пояснил, что считает данный иск не чем иным, как злоупотреблением правом на обращение в суд, так как осуществляется исключительно с намерением нарушить право на свободу слова и причинить ответчику Беляеву С.И. физические и нравственные страдания. В частности, статья 29 Конституции гарантирует свободу слова, а также средств массовой информации. Каждый имеет право на свободу выражения своего мнения. Пределы допустимой критики в отношении публичных политиков шире, чем в отношении частного лица. Свобода выражения мнения, которая важна для всех, имеет особое значение для выборных представителей народа, и пределы допустимой критики в отношении публичных людей шире, чем в отношении рядового гражданина. Таким образом, любое публичное лицо, в том числе и глава города Екатеринбурга, должно учитывать пристальное внимание к своей персоне и повышенный уровень допустимой критики. Более того, информация, содержащаяся в интервью, носит достоверный характер и построена на реальных фактах. Все остальные суждения, указанные в иске, носят характер идей, мнений, оценочных суждений. Цель интервью — привлечь внимание общественности к общественно значимым проблемам, которые могут быть отнесены к обсуждению, которое предполагает прямое или косвенное участие граждан в процессе принятия решений в демократическом обществе.

Представители ЗАО «Информационное агентство „Регион-Информ“», редакции «Областной газеты» по сути иска присоединились к вышеуказанным доводам.

Что касается требований, заявленных к ним, о компенсации морального вреда, то ответчики пояснили, что они подлежат освобождению от ответственности.

Так, представитель ЗАО «Информационное агентство „Регион-Информ“» пояснил, что Беляев С.И. является президентом обществен-

ной организации «Сутяжник», публикация интервью с ним носила характер дословного воспроизведения его ответов на вопросы корреспондента «Регион-Информ» и подлежала редактированию.

Представитель редакции «Областной газеты» пояснил, что редакция газеты также подлежит освобождению от ответственности, поскольку сведения были получены от информационного агентства и на редакцию газеты не была возложена обязанность по их проверке.

Заслушав стороны, изучив материалы дела, публикацию, суд полагает исковые требования подлежащими частичному удовлетворению по следующим основаниям.

В соответствии со статьей 56 ГПК РФ каждая сторона должна доказывать те обстоятельства, на которые она ссылается как на основание своих требований и возражений.

Согласно части 1 статьи 152 ГК РФ гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Таким образом, обязанность по доказыванию подлинности сведений, содержащихся в публикации, согласно статье 152 ГК РФ возложена на ответчика.

Гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением (часть 2).

В соответствии с пунктом 7 статьи 152 ГК РФ вышеуказанные правила о защите деловой репутации применяются к защите деловой репутации юридического лица.

Таким образом, само по себе требование о защите деловой репутации юридического лица, в том числе путем компенсации морального вреда, может иметь место.

Истец полагает, что информация на сайте и статья под заголовком «В Екатеринбурге творится сплошной беспредел» содержит заведомо не соответствующие действительности, бездоказательные, порочащие деловую репутацию Администрации города Екатеринбурга утверждения.

Судом была изучена указанная статья, и суд считает необходимым признать, что высказывания Беляева С.И. имели характер субъективного мнения, но в то же время интервью касалось ряда сведений, которые следует признать не соответствующими действительности, а именно:

– «На протяжении последних 10 лет мэрия не предоставляла дополнительных отпусков водителям, а в бюджете деньги на отпускные

закладывались. Это миллиарды рублей, которые ушли в неизвестном направлении»;

– «Установлено, что себестоимость проезда в Екатеринбурге составляет три рубля. Возникает вопрос, где деньги, которые закладывались в бюджете? Они исчезают! Они используются мэрией по своему усмотрению и не по назначению, они идут на реализацию политических амбиций руководителей Екатеринбурга»;

– «Мэрия не будет следить за городским транспортом и городской экологией, потому что деньги ей частные перевозчики везут „наличкой“».

Вышеприведенные высказывания касаются фактов, содержат обвинение Администрации в нарушении финансового законодательства, но ответчиком Беляевым С.И. доказательств их достоверности не представлено.

Представленные ответчиком Беляевым С.И., как он полагает, доказательства приведенных им фактов, таковыми, по мнению суда, признаны быть не могут.

В частности, ответчик сам указал, что именно муниципальными унитарными предприятиями МОАП и ЕТТУ не предоставлялись работникам (водителям и кондукторам) дополнительные отпуска в связи с вредными условиями труда, но им не предъявлены доказательства того, что это было сделано по вине Администрации и что деньги, предусмотренные на эти нужды в городском бюджете, нецелевым образом израсходованы мэрией, поскольку указанные муниципальные предприятия являются самостоятельными юридическими лицами и в трудовых отношениях их работники состоят с ними, а не с мэрией.

Аналогичным образом не были подтверждены доказательствами заявления о нецелевом использовании Администрацией средств, предусмотренных для компенсации стоимости проезда, и о получении Администрацией средств «наличкой» от частных перевозчиков.

Что касается остальных высказываний Беляева С.И., то суд считает необходимым согласиться с доводом ответчиков, что они имеют характер мнений, оценочных суждений.

Порочащими принято понимать такие сведения, которые умаляют честь и достоинство гражданина (деловую репутацию юридического лица), подрывают его репутацию в обществе с точки зрения соблюдения закона, правил общежития и принципов общечеловеческой морали.

Эти сведения должны касаться фактов, но не представлять собой оценочные суждения.

Разногласия в мнениях истца и ответчика Беляева С.И. по оценке своих поступков и поступков иных лиц не подпадают под понятие «рас-

пространение порочащих (т.е. не соответствующих действительности) сведений».

Что же касается критических высказываний автора о деятельности Администрации по управлению городским хозяйством и о неудовлетворительной, с его точки зрения, работе истца в области управления городским хозяйством, муниципальными предприятиями, то эти заявления сделаны в субъективной форме и являются личным мнением автора.

Так, например, он считает, что в Екатеринбурге имеет место массовое нарушение прав граждан. Указанная фраза не содержит указания на Администрацию, так как, по мнению Беляева С.И., права нарушаются в самых разных сферах жизни города.

При этом Беляев высказывает свое мнение о нормотворчестве в городской думе и мэрии, об отсутствии прав, полномочий и инициативы у представительного органа, а также, по его мнению, мэрия на муниципальных предприятиях «систематически душит проявления свободомыслия и инициативы по защите прав работников».

Данное мнение не может быть ни опровергнуто, ни подтверждено, поскольку носит субъективный характер.

Высказывания такого рода не носят оскорбительного характера, следовательно, не образуют состава уголовно наказуемого деяния и не влекут ответственности в рамках гражданских правоотношений.

В соответствии со статьей 29, пункты 1, 3, Конституции РФ каждому гарантируется свобода мысли и слова, никто не может быть принужден к отказу от своих мнений и убеждений, за исключением случаев, когда их распространение прямо запрещено законом (статья 4 Закона о СМИ), а именно: в целях совершения уголовно наказуемых деяний, для разглашения сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну, для призыва к захвату власти, насильственному изменению конституционного строя и целостности государства, разжигания национальной, классовой, социальной, религиозной нетерпимости или розни, для пропаганды войны, а также для распространения передач, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости.

Предположение, что оценка при любых обстоятельствах должна быть только положительной, является незаконным и необоснованным.

В компетенцию суда не входит возложение на ответчика обязанности отказаться от своего личного убеждения, если это касается не порочащих сведений, а мнения по тому или иному вопросу.

В данном случае суд согласен с доводом ответчиков, что, поскольку идеи, мнения, оценки не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности, они оспариваются в по-

рядке полемики, то есть ответа (реплики, комментария) в том же средстве массовой информации, как это предусмотрено статьей 46 Закона о СМИ.

Согласно статье 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод «каждый человек имеет право на свободу выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны государственных органов и независимо от государственных границ».

Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности, территориальной целостности или общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия» (часть 2 статьи 10 Конвенции).

Истец необоснованно считает тождественными понятия «сведение» и «утверждение».

«Информация», чтобы заявлять о ее соответствии (несоответствии) действительности, должна содержать «сведения», но не «мнение».

Поскольку в статье 152 ГК РФ речь идет об опровержении порочащих сведений, ссылка истца на указанную статью по опровержению мнения является необоснованной.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18 августа 1992 г. следует разграничивать понятия «мнение субъекта» (как его индивидуальное отношение к объекту восприятия) и «сведения» (факты) — сообщение о происшедшем событии, которое может быть истинным или ложным.

Суд принимает во внимание довод ответчика, что интервью содержит не утверждения, а мнения Беляева, его личные суждения и оценки.

Администрация города Екатеринбурга как исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления, осуществляя, как это предусмотрено Уставом города (статья 20 Устава), все организационно-распорядительные полномочия по предметам ведения города Екатеринбурга и будучи подотчетной населению города, должна быть готова к тому, что ее деятельность является предметом пристального внимания как граждан, так и политических оппонентов, и оценка этой деятельности может быть как положительной, так и отрицательной.

Высказывание критических замечаний в адрес политиков, государственных служащих, ставящее своей целью вынесение на широкое обсуждение вопросов, представляющих общественный интерес, в том числе излагаемых в эмоционально окрашенной форме, направленное на привлечение внимания к обсуждаемым вопросам, в отношении публичных людей шире, чем в отношении частного лица, если находится в пределах допустимой критики.

Различная оценка деятельности такого органа власти обоснованна в целях защиты общественных интересов, так как граждане города имеют право обладать возможностью на получение различной информации, с тем чтобы сформировать свое мнение.

Правила подпункта 1.7 статьи 152 ГК РФ могут быть применены лишь для случаев, когда содержанием сведений является сообщение о фактах, но не мнение, выражающее их оценку. Мнение, суждение, оценка не могут быть опровергнуты по решению суда как не соответствующие действительности.

Согласно пункту 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 августа 1992 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникших при рассмотрении судами дел о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» порочащими являются такие не соответствующие действительности сведения, содержащие утверждения о нарушении гражданином или юридическим лицом действующего законодательства или моральных принципов (например, о совершении нечестного поступка, неправильном поведении в трудовом коллективе, быту), которые умаляют честь и достоинство гражданина либо деловую репутацию гражданина или юридического лица.

Слова ответчика Беляева С.И., что «в Екатеринбурге творится сплошной беспредел», не являются сведениями, то есть сообщением о фактах, но являются мнением о сложившейся обстановке в нескольких сферах жизни города.

Причем, сленговое слово «беспредел» каждый из участников процесса толкует по своему усмотрению, так же как и некоторые другие высказывания в интервью, чем подтверждается, что это не «факты», а «мнения», «суждения».

Именно такими и являются личные суждения и оценки интервьюируемого руководителя общественной организации.

Кроме того, суд не находит возможным согласиться с утверждением истца, что «интервью в целом изложено в оскорбительном для администрации тоне, пронизано сарказмом, носит порочащий и клеветнический характер».

Однако на протяжении практически всего текста, содержащего, по мнению истца, информацию, не соответствующую действительности,

интервьюируемый высказывает свое мнение и размышляет о роли общественных организаций, в чем он видит нарушение прав горожан, но истец расценивает это как злоупотребление свободой слова.

И довод представителя ответчика Беляева С.И. о том, что его оценка работы Администрации была им дана именно как жителем города, сталкивающимся с негативными примерами и недостатками в хозяйстве города, заслуживает внимания.

Таким образом, суд полагает, что иск Администрации подлежит частичному удовлетворению в части признания сведений, содержащихся в интервью, не соответствующими действительности, поскольку ответчиком не представлено доказательств достоверности сообщенных им сведений о фактах нарушения администрацией финансового законодательства и внебюджетного расходования средств, но частично интервью Беляева С.И. носило характер мнения, а не сведения.

Соответственно, обязанность по опровержению сведений, признанных судом не соответствующими действительности, должна быть возложена на ответчиков.

Суд считает необходимым обязать ЗАО «Информационное агентство „Регион-Информ“» и редакцию «Областной газеты» в срок до 1 июля 2004 г. опубликовать опровержение.

Что касается требования о компенсации морального вреда, суд пришел к выводу, что они подлежат частичному удовлетворению за счет ответчика Беляева С.И. по следующим основаниям.

В соответствии со статьей 47, пункт 9, Закона РФ «О средствах массовой информации» журналист имеет право излагать свои личные суждения и оценки в сообщениях и материалах, предназначенных для распространения за его подписью.

В соответствии со статьей 57, пункты 4 и 5, Закона РФ «О средствах массовой информации» редакция не несет ответственности за распространение сведений, не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство, если сведения содержатся в текстах, не подлежащих редактированию.

Таким образом, в данном случае отсутствуют правовые основания для взыскания сумм со СМИ.

Согласно части 5 статьи 152 ГК РФ гражданин, в отношении которого были распространены порочащие сведения, наряду с опровержением таких сведений вправе требовать возмещения морального вреда.

Между тем ответчиками высказаны возражения на то, что в иске заявлено требование о компенсации морального вреда в пользу юридического лица, так как, по мнению ответчиков, в соответствии со статьей 151 Гражданского кодекса РФ под моральным вредом понимаются физические и нравственные страдания. В силу своей правовой приро-

ды юридическое лицо не может нести ни нравственных, ни физических страданий, и поэтому не вправе требовать компенсации морального вреда.

Представителем Беляева С.И. заявлен и такой довод, что согласно статьям 124, 125 ГК РФ в гражданском обороте государственные и муниципальные органы действуют от имени и в интересах государственных или муниципальных образований, признаваемых самостоятельными субъектами гражданского оборота, отличными от юридических лиц. Между тем статья 152 ГК РФ предусматривает возможность защиты деловой репутации только граждан и юридических лиц, каковым администрация города не является. Кроме того, исходя из общих начал гражданского законодательства, под «деловой репутацией» следует понимать сложившееся мнение о лице как участнике коммерческого оборота, каковым администрация города Екатеринбурга не является.

С данными доводами ответчика суд согласиться не может, поскольку Администрация города Екатеринбурга как исполнительно-распорядительный орган местного самоуправления осуществляет все организационно-распорядительные полномочия, исполняет бюджет, о чем говорил в своем интервью и ответчик Беляев С.И., обеспечивает выполнение программ социально-экономического развития города, распоряжается средствами Муниципального целевого бюджетного фонда и т.д. (статья 20 Устава Муниципального образования «Город Екатеринбург»).

Суд полагает, что в данном случае представитель ответчика Беляева С.И. необоснованно сослался на статьи 124, 125 ГК РФ, поскольку Администрация города не является муниципальным образованием.

В пункте 9 статьи 20 Устава непосредственно указано, что Администрация города является юридическим лицом.

Согласно пункту 7 статьи 152 ГК РФ правила статьи 152 ГК РФ применяются к защите деловой репутации юридических лиц.

Исходя из вышеизложенного, суд полагает, что недостоверные высказывания Беляева С.И. касались деловой репутации Администрации города Екатеринбурга по соблюдению бюджета и финансовой дисциплины, по взаимодействию с муниципальными предприятиями и т.д., поэтому имеются основания для применения статьи 152 ГК РФ в части компенсации морального вреда.

При определении размера возмещения вреда суд принимает во внимание то, что в соответствии со статьями 151, 1101 ГК РФ следует учитывать характер порочащих сведений, имущественное положение причинителя вреда, конкретные обстоятельства причинения вреда, а также требования разумности и справедливости.

Истцом заявлено требование о компенсации морального вреда в сумме 150 000 рублей (по 50 000 рублей с каждого из ответчиков).

По вышеизложенным обстоятельствам ответчики — СМИ — подлежат освобождению от ответственности в виде возмещения морального вреда.

Что касается ответчика Беляева С.И., требование о компенсации морального вреда за его счет подлежит частичному удовлетворению.

Суд учитывает, что интервью, направленное на формирование у читателей негативного отношения к Администрации за счет сообщения недостоверной информации относительно ее деятельности, нанесло вред деловой репутации Администрации города.

Учитывая обстоятельства дела, суд полагает иск обоснованным, но сумму, заявленную истцом, несколько завышенной и подлежащей частичному удовлетворению в виде возложения на ответчика Беляева С.И. обязанности возместить истцу моральный вред в сумме 5000 рублей.

Судебные расходы истца подлежат удовлетворению за счет ответчика Беляева С.И. в соответствии со статьей 98 ГПК РФ.

На оснований изложенного, руководствуясь статьями 194–198 ГПК РФ, суд

РЕШИЛ:

Исковые требования Администрации города Екатеринбурга удовлетворить частично.

Признать сведения, распространенные президентом общественной организации «Сутяжник» Беляевым Сергеем Ивановичем в интервью корреспонденту Информационно-аналитического агентства «Регион-Информ», размещенной на сайте Информационно-аналитического агентства «Регион-Информ» 26 ноября 2002 г. и опубликованном в «Областной газете» № 245 (2220) от 28 ноября 2002 г. под заголовком «В Екатеринбурге творится сплошной беспредел», содержащиеся во фразах:

– «На протяжении последних 10 лет мэрия не предоставляла дополнительных отпусков водителям, а в бюджете деньги на отпускные закладывались. Это миллиарды рублей, которые ушли в неизвестном направлении»;

– «Установлено, что себестоимость проезда в Екатеринбурге составляет три рубля. Возникает вопрос, где деньги, которые закладывались в бюджете? Они исчезают! Они используются мэрией по своему усмотрению и не по назначению, они идут на реализацию политических амбиций руководителей Екатеринбурга»;

– «Мэрия не будет следить за городским транспортом и городской экологией, потому что деньги ей частные перевозчики везут „наличкой“» —

не соответствующими действительности и порочащими деловую репутацию Администрации города Екатеринбурга.

Обязать ЗАО «Информационное агентство „Регион-Информ“» и редакцию «Областной газеты» в срок до 1 июля 2004 г. опубликовать опровержение.

В удовлетворении требований о признании порочащими и не соответствующими действительности иных высказываний Беляева С.И. отказать.

В возмещение морального вреда взыскать в пользу Администрации города Екатеринбурга с Беляева Сергея Ивановича 5000 рублей, в возмещение расходов по оплате госпошлины — 1000 рублей.

В удовлетворении исковых требований о возмещении морального вреда в отношении ЗАО «Информационное агентство „Регион-Информ“», редакции «Областной газеты» отказать.

На решение суда может быть подана кассационная жалоба в Свердловский областной суд с подачей жалобы через суд, вынесший решение, в течение десяти дней.

Судья. Подпись.

18. Кассационное определение Свердловского областного суда от 23 октября 2003 г.

по гражданскому делу по жалобе Б. на бездействие Законодательного Собрания Свердловской области и Управление судебного департамента при Верховном суде в Свердловской области, поступившее по жалобе представителя Б. Деменевой А.В. на решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 16 июля 2003 г., которым постановлено: в удовлетворении жалобы отказать (неприменение статьи 6 Конвенции и постановления *Посохов против России*)[1]

Дело № 33-7907

КАССАЦИОННОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по гражданским делам Свердловского областного суда в составе председательствующего Мазановой Т.П.,

---

1 <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school/dom_judg.html>.

судей Волковой В.Н. и Сомовой Е.Б. рассмотрела в судебном заседании 23 октября 2003 г. гражданское дело по жалобе Б. на бездействие Законодательного Собрания Свердловской области и Управления судебного департамента при Верховном суде в Свердловской области, поступившее по частной жалобе представителя Б. Деменевой А.В. на решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 16 июля 2003 г., которым постановлено: в удовлетворении жалобы отказать.

Заслушав доклад судьи Мазановой Т.П., объяснения представителя Б. Деменевой А.В., судебная коллегия

УСТАНОВИЛА:

Б. обратился в суд с жалобой на бездействие Законодательного Собрания Свердловской области и Управление судебного департамента при Верховном суде РФ, которое выразилось в том, что Законодательное Собрание СО не направляло общие списки народных заседателей в суды, а Управление судебного департамента не выполнило своей обязанности по обеспечению судов области народными заседателями. В этой связи судами отправлялось правосудие незаконными составами суда, с участием заседателей, чьи полномочия закончились.

Судом постановлено вышеуказанное решение.

В кассационной жалобе представитель Б. просит решение отменить как незаконное.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационной жалобы, судебная коллегия приходит к следующему выводу. Судом установлено, что Законодательное Собрание Свердловской области утвердило очередные списки народных заседателей постановлениями от 18 и 25 мая 2000 г., о чем была дана публикация в газете, а 27 июня 2000 г. эти списки были представлены Судебному департаменту.

Этих обстоятельств Б. не отрицает. Ими подтверждается то, что Законодательное Собрание выполнило свою обязанность, предусмотренную Федеральным законом «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации».

Нарушением порядка доведения до судов списков народных заседателей права Б. не нарушаются, так как Судебным департаментом суды были обеспечены возможностью отправления правосудия в этот период.

В соответствии с Указом Президента РФ от 25 января 2000 г. за № 103 суды осуществляли свою деятельность с участием прежних заседателей до представления в соответствующие суды общих спи-

сков народных заседателей. В соответствии же с требованиями действующего законодательства жалобы удовлетворяются лишь в тех случаях, если судом устанавливается нарушение конкретных прав и свобод лица, и принимается решение, обязывающее устранить нарушение.

По данному делу суд не установил нарушения прав Б. на судебную защиту. Кроме того, отсутствует необходимость обязывания устранить нарушения, так как списки народных заседателей у судов имелись на весь период деятельности судов с участием народных заседателей, а в настоящее время институт народного заседателя законодателем не предусмотрен.

Ссылка кассатора на решение Европейского суда не может служить основанием для удовлетворения жалобы Б., так как Посохов защищал свое нарушенное право по конкретному делу, рассмотренному судом в незаконном составе, Б. обжаловал бездействие Законодательного Собрания СО и Управления судебного департамента. В силу изложенного судебная коллегия не соглашается с доводами кассатора, находит решение суда постановленным по всем требованиям, в соответствии с установленными по делу обстоятельствами и требованиями действующего законодательства, а потому не усматривает нарушений, предусмотренных статьей 362 ГПК РФ, в качестве оснований для отмены решения суда в кассационном порядке.

Руководствуясь статьей 361 ГПК РФ, судебная коллегия

ОПРЕДЕЛИЛА:

Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 16 июля 2003 г. по данному делу оставить без изменения, а кассационную жалобу без удовлетворения.

Председательствующий: (подпись)

Судьи: (подписи)

19. Постановление Президиума Свердловского областного суда от 13 июля 2005 г.

по уголовному делу по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора РФ на приговор Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 20 ноября 2002 г. (применение части 1 статьи 6 Конвенции и постановления *Посохов против России* в части рассмотрения дела незаконным составом суда — народными заседателями)[1]

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА
СВЕРДЛОВСКОГО ОБЛАСТНОГО СУДА

г. Екатеринбург
13 июля 2005 г.

Президиум Свердловского областного суда в составе председателя Овчарука И.К., членов Президиума Кризского Г.И., Крутько Г.А., Дементьева А.А., Хрущелева В.В., рассмотрев уголовное дело по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора России на приговор Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 20 ноября 2002 г., которым

П., 22 мая 1965 г. рождения, несудимый, —

осужден по части 4 статьи 228 УК Российской Федерации к 12 годам лишения свободы в исправительной колонии особого режима, с конфискацией имущества,

К., 7 января 1973 г. рождения, судимый

14 декабря 1995 г. по части 2 статьи 145, статье 148, части 1, статьи 218 УК РСФСР к 6 годам лишения свободы, освобожден условно-досрочно 28 июля 1999 г. на 1 год 11 месяцев

— осужден по части 1 статьи 228 УК Российской Федерации к 1 году 6 месяцам лишения свободы. В силу статьи 73 УК Российской Федерации назначенное наказание признано считать условным с испытательным сроком 1 год.

Судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда 28 февраля 2003 г. приговор в отношении П. изменен. Ме-

---

[1] <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school/dom_judg.html>.

стом отбывания наказания определена исправительная колония строгого режима.

Судьей Тагилстроевского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области 22 июня 2004 г. рассмотрено ходатайство П. о пересмотре приговора в связи с изменениями в законе. Постановлено считать его осужденным по части 3 статьи 30 и части 4 статьи 228 УК Российской Федерации (в редакции Закона от 13 июня 1999 г.) к 11 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима. Назначение дополнительного наказания в виде конфискации имущества из приговора исключено.

Судебной коллегией по уголовным делам Свердловского областного суда 20 августа 2004 г. постановление судьи от 22 июня 2004 г. оставлено без изменений.

Заслушав доклад судьи Кризского Г.И., мнение прокурора Рябнова Г.Н., поддержавшего доводы, изложенные в надзорном представлении, объяснение адвоката Капустина В.Я., представителя осужденного П., юриста Деменеву А.В., а также самого осужденного путем использования видеоконференции, просивших приговор и кассационное определение отменить по доводам, изложенным в надзорном представлении, Президиум

УСТАНОВИЛ:

П. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств в особо крупном размере, а К. — в незаконном приобретении наркотических средств в крупном размере.

В надзорном представлении заместителя Генерального прокурора России ставится вопрос об отмене приговора, так как он постановлен незаконным составом суда, что является грубым нарушением закона.

Проверив материалы дела, Президиум считает, что приговор и кассационное определение подлежат отмене по следующим основаниям.

В силу частей 1, 3 статьи 9 Федерального закона Российской Федерации «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 2 января 2000 г. народные заседатели могли привлекаться к исполнению своих обязанностей в районном суде на срок 14 дней, а в случае, если время рассмотрения конкретного дела превысило указанный срок, — на срок рассмотрения данного дела, но не чаще одного раза в год.

Данное требование закона не было учтено при формировании суда по уголовному делу в отношении П. и К., которое рассмотрено в период с 5 по 20 ноября 2002 г. с участием народных заседателей Мосоловой Н.И. и Парамоновой Н.И.

В частности, при участии Мосоловой Н.И. и Парамоновой Н.И. в Синарском районном суде г. Каменска-Уральского в 2002 г. были постановлены приговоры: от 27 августа по делу Б., от 4 сентября по делу Я. и Ч., от 31 октября по делу Г., копии которых приобщены к надзорному представлению.

В данной ситуации уместна ссылка, сделанная в надзорном представлении, на практику Европейского суда по правам человека, который, рассмотрев жалобу «Посохов против Российской Федерации», в параграфе 41 постановления от 4 марта 2003 г. указал, что явным нарушением положения Федерального закона Российской Федерации «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» является привлечение народных заседателей к исполнению своих обязанностей чаще одного раза в год, что не позволяет признать состав суда с участием таких лиц судом, созданным на основании закона.

Назначая дело к рассмотрению в коллегиальном составе, то есть с участием двух народных заседателей, судья не учел, что в соответствии со статьей 7 Федерального закона «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 29 мая 2002 г. пункт 3 статьи 30 УПК Российской Федерации в части, касающейся рассмотрения коллегией из трех судей федерального суда общей юрисдикции уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, вводится в действие с 1 января 2004 г. До 1 января 2004 г. уголовные дела этих категорий рассматриваются судьей федерального суда общей юрисдикции единолично, а при наличии ходатайства обвиняемого, заявленного до назначения судебного заседания, — коллегией в составе судьи и двух народных заседателей.

Между тем из постановления от 9 сентября 2002 г. о назначении судебного заседания по итогам предварительного слушания следует, что судья назначил открытое судебное заседание по делу П. и К. на 17 сентября 2002 г. в коллегиальном составе суда. При этом ходатайств о рассмотрении дела коллегией в составе судьи и двух народных заседателей от П. и К. не поступало. В ходе судебного заседания мнение подсудимых по данному вопросу не выяснялось. При наличии таких обстоятельств Президиум считает необходимым согласиться с доводами надзорного представления о том, что приговор в отношении П. и К. постановлен незаконным составом суда, а поэтому состоявшиеся по делу судебные решения подлежат отмене.

Учитывая, что П. обвиняется в совершении особо тяжкого преступления, то в отношении него следует избрать меру пресечения — содержание под стражей.

19. Постановление Президиума Свердловского областного суда от 13 июля 2005 г.

Руководствуясь статьей 408, часть 1, пункт 6, УПК Российской Федерации, Президиум

ПОСТАНОВИЛ:

Приговор Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 20 ноября 2902 г. и определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 28 февраля 2003 г. в отношении П., а также постановление судьи Тагилстроевского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области от 22 июня 2004 г. и кассационное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 20 августа 2004 г. в отношении П. отменить.

Дело передать на новое судебное рассмотрение в тот же суд, но в ином составе судей.

Меру пресечения в отношении П. избрать — содержание под стражей сроком на три месяца.

Председатель И.К. Овчарук

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Международные договоры и другие документы

1. Всеобщая декларация прав человека.
2. Международный пакт о гражданских и политических правах.
3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах.
4. Устав Совета Европы.
5. Конвенция № 29 Международной организации труда о принудительном или обязательном труде.
6. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» (Минск, 22 января 1993 г.) // Бюллетень международных договоров. 1995. № 2. Конвенция ратифицирована Федеральным законом от 4 августа 1994 г. № 16-ФЗ.
7. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Ратифицирована Федеральным законом № 54-ФЗ от 30 марта 1998 г. «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод» // РГ. 1998. 7 апр.

8. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)4 государствам-участникам по вопросу изучения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в университетах и в рамках профессионального обучения (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии).

9. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)5 государствам — участникам Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод по вопросу контроля за соответствием проектов законов, действующих законов и практики их применения стандартам, закрепленным в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (принята Комитетом Министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии).

10. Рекомендация Комитета министров Совета Европы Rec(2004)6 государствам-членам относительно совершенствования внутренних средств правовой защиты (принята Комитетом министров 12 мая 2004 г. на 114-й сессии).

11. Резолюция ResDH(2004)46 относительно постановления Европейского суда по правам человека от 4 марта 2003 г. (вступившего в силу 4 июня 2003 г.) по делу Посохов против России (принято Комитетом министров 20 июля 2004 г. на 891-й встрече заместителей министров).

12. Заключение № 193 (1996) по заявке Российской Федерации на вступление в Совет Европы (Страсбург, 25 января 1996 г.).

13. Report to the Monitoring Committee of the Parliamentary Assembly of the Council of Europe, Honouring of Obligations and Commitments by the Russian Federation. Doc. 10568. 3 June 2005.

2. Практика Европейского суда по правам человека

1. *Aksoy v. Turkey* (Аксой против Турции). Постановление ЕСПЧ от 18 декабря 1996 г.

2. *Baklanov v. Russia* (Бакланов против России). Постановление ЕСПЧ от 9 июня 2005 г.

3. *Burdov v. Russia* (Бурдов против России). Постановление ЕСПЧ от 7 мая 2002 г.

4. *Burdov v. Russia* (2) (Бурдов против России (2)). Постановление ЕСПЧ от 15 января 2009 г.

5. *Castells v. Spain* (Кастеллс против Испании). Постановление ЕСПЧ от 23 апреля 1992 г.

6. *Chemodurov v. Russia* (Чемодуров против России). Постановление ЕСПЧ от 31 июля 2007 г.

7. *De Haes and Gijsels v. Belgium* (Де Хаес и Гиджселс против Бельгии). Постановление ЕСПЧ от 24 февраля 1997 г.

8. *Dzhavadov v. Russia* (Джавадов против России). Постановление ЕСПЧ от 27 сентября 2007 г.

9. *Fedotova v. Russia* (Федотова против России). Постановление ЕСПЧ от 13 апреля 2006 г.

10. *Grandrath v. Federal Republic of Germany* (Грандрас против Федеративной Республики Германии), решение Комитета министров от 29 июня 1967 г. № 2299/64.

11. *Grinberg v. Russia* (Гринберг против России). Постановление ЕСПЧ от 21 июля 2005 г.

12. *Hadjianastassiou v. Greece* (Хаджианастассиоу против Греции). Постановление ЕСПЧ от 16 декабря 1992 г.

13. *Handyside v. UK* (Хэндисайд против Соединенного Королевства). Постановление ЕСПЧ от 7 декабря 1976 г.

14. *Hiro Balani v. Spain* (Хиро Балани против Испании). Постановление ЕСПЧ от 9 декабря 1994 г.

15. *Hirst v. The United Kingdom (№ 2)* (Хёрст против Соединенного Королевства (2)). Постановление Большой Палаты от 6 октября 2005 г.

16. *Ireland v. UK* (Ирландия против Соединенного Королевства). Постановление ЕСПЧ от 18 января 1978 г.

17. *Iversen v. Norway* (Иверсен против Норвегии). Решение по вопросу приемлемости от 17 декабря 1963 г. № 1468/62.

18. *Kalashnikov v. Russia* (Калашников против России). Постановление ЕСПЧ от 15 июля 2002 г.

19. *Khudobin v. Russia* (Худобин против России). Постановление ЕСПЧ от 26 октября 2006 г.

20. *Kraska v. Switzerland* (Краска против Швейцарии). Постановление ЕСПЧ от 19 апреля 1993 г.

21. *Laryagin and Aristov v. Russia* (Ларягин и Аристов против России). Постановление ЕСПЧ от 8 января 2009 г.

22. *Lingens v. Austria* (Лингенс против Австрии). Постановление ЕСПЧ от 8 июля 1986 г.

23. *Marckx v. Belgium* (Маркс против Бельгии). Постановление ЕСПЧ от 13 июня 1979 г.

24. *Oberschlick v. Austria* (Оберщлик против Австрии). Постановление ЕСПЧ от 23 мая 1991 г.

25. *Oberschlick v. Austria* (№ 2) (Оберщлик против Австрии (2)). Постановление ЕСПЧ от 1 июля 1997 г.

26. *Posokhov v. Russia* (Посохов против России). Постановление ЕСПЧ от 4 марта 2003 г.

27. *Presidential Party of Mordovia v. Russia* (Президентская партия Мордовии против России). Постановление ЕСПЧ от 5 октября 2005 г.

28. *Prokopovich v. Russia* (Прокопович против России). Постановление ЕСПЧ от 18 ноября 2004 г.

29. *Rakevich v. Russia* (Ракевич против России). Постановление ЕСПЧ от 28 октября 2003 г.

30. *Ryabykh v. Russia* (Рябых против России). Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г.

31. *Leyla Sahin v. Turkey* (Лейла Сахин против Турции). Постановление ЕСПЧ от 29 июня 2004 г. № 44774/98.

32. *Saadi v. Italy* (Саади против Италии). Постановление ЕСПЧ от 28 февраля 2008 г.

33. *Shabanov and Tren v. Russia* (Шабанов и Трень против России). Постановление ЕСПЧ от 14 декабря 2006 г.

34. *Smirnova v. Russia* (Смирнова против России). Постановление ЕСПЧ от 24 июля 2003 г.

35. *Sporrong and Lonnroth v. Sweden* (Спорронг и Лоннрос против Швеции). Постановление ЕСПЧ от 23 сентября 1982 г.

36. *Ruiz Torija v. Spain* (Руиз Торийа против Испании). Постановление ЕСПЧ от 9 декабря 1994 г.

37. *Thlimmenos v. Greece* (Тлимменос против Греции). Постановление ЕСПЧ от 6 апреля 2000 г. № 34369/97.

38. *Vanyan v. Russia* (Ваньян против России). Постановление ЕСПЧ от 15 декабря 2005 г.

39. *Van de Hurk v. the Netherlands* (Ван де Хурк против Нидерландов). Постановление ЕСПЧ от 19 апреля 1994 г.

40. *Van der Mussele* v. *Belgium* (Ван дер Мусселе против Бельгии). Постановление ЕСПЧ от 23 ноября 1983 г.

41. *Vo v. France* (Во против Франции). Постановление ЕСПЧ от 8 июля 2004 г.

3. Российское законодательство и другие нормативные акты

1. Декрет о суде от 22 ноября (5 декабря) 1917 г. № 1 // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957.

2. Декрет о суде от 15 февраля 1918 г. № 2 // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957.

3. Постановление «О народных судах РСФСР» от 21 октября 1920 г. // Собрание узаконений РСФСР.1920. № 83. Ст. 407.

4. Постановление о Высшем судебном контроле. Утверждено Декретом Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров РСФСР 10 марта 1921 г. // СУ РСФСР. 1921. № 15. Ст. 97.

5. Постановление Пленума ЦИК СССР от 23 ноября 1923 г. «Положение о Верховном Суде Союза Советских Социалистических Республик» // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1923. № 10. Ст. 311.

6. Конституция СССР 1924 г. // СУ РСФСР. 1925. № 30. Ст. 218.

7. Декрет от 22 августа 1924 г. «О порядке опубликования законов и распоряжений Правительства Союза ССР» // СЗ СССР. 1924. № 7 (ч. 1). Ст. 71.

8. Закон СССР от 16 августа 1938 г. «О судоустройстве СССР, союзных и автономных республик» // Ведомости ВС СССР. 1938. № 11.

9. Закон СССР от 30 ноября 1979 г. «О Верховном Суде СССР».

10. Закон РСФСР от 8 июля 1981 г. № 976 «О судоустройстве РСФСР» // Ведомости СНД РСФСР. 1981. № 28. Ст. 976 (с послед. изм.).

11. Закон СССР от 1 декабря 1988 г. № 9853-XI «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1988. № 49. Ст. 727.

12. Закон РФ от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 15. Ст. 769.

13. Указ Президента РФ от 22 марта 1995 г. № 299 «О продлении срока полномочий народных заседателей районных (городских) судов» // РГ. 1995. 29 марта.

14. Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в РФ» // СЗ РФ. 1995. № 18. Ст. 1589.

15. Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 1. Ст. 1 (с послед. изм.).

16. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 7-ФЗ «О Судебном Департаменте при Верховном Суде РФ» // СЗ РФ. 1998. № 2. Ст. 223.

17. Федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней» // СЗ РФ. 1998. № 14. Ст. 1514.

18. Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 37-ФЗ «О народных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2000. № 2. Ст. 158.

19. Указ Президента РФ от 25 января 2000 г. № 103 «О продлении срока полномочий народных заседателей федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» // РГ. 2000. 9 февр.

20. Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 177-ФЗ «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4924.

21. Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4531.

22. Приказ Министерства юстиции РФ от 3 ноября 2005 г. № 205 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2005. № 12.

23. Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 198-ФЗ «О федеральном бюджете на 2008 год и на плановый период 2009 и 2010 годов» // СЗ РФ. 2007. № 31. Ст. 3995.

4. Постановления Пленума Верховного Суда СССР и РФ

1. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 19 июня 1959 г. № 2 «О вопросах, связанных с выполнением судами договоров с иностранными государствами об оказании правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам» (с изм. от 11 июля 1972 г.) // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1986. М., 1987.

2. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 11 апреля 1969 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства при рассмотрении споров, возникающих из перевозки грузов и багажа» // Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1986. М., 1987.

3. Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 мая 1967 г. № 5 «О выполнении судебными органами обязательств, вытекающих из договоров о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенных СССР с социалистическими государствами» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1967. № 5.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 сентября 1994 г. № 6 «О выполнении судами постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 „О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей“» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 1.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 2.

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 1999 г. № 79 «О ходе выполнения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 августа 1993 года № 7 „О сроках рассмотрения уголовных и гражданских дел судами Российской Федерации“» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 1.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. № 35 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел, связанных с реализацией инвалидами прав, гарантированных Законом Российской Федерации „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС“» // РГ. 2005. 14 апр. (с послед. изм.).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 12.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 2.

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 6 (с послед. изм.).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // РГ. 2005. 15 марта.

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 ноября 2005 г. № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 6.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 г. № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 2.

5. Практика российских судов

5.1. Конституционный Суд РФ

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1992 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности правоприменительной практики расторжения трудового договора по основанию, предусмотренному пунктом 1.1 статьи 33 КЗоТ РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1993. № 1.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 марта 1998 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности статьи 44 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и статьи 123 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 1998. № 12. Ст. 1459.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 ноября 1998 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона от 21 июня 1995 года „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“» // СЗ РФ. 1998. № 48. Ст. 5969.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности абзацев третьего и четвертого пункта 3 статьи 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 года „О свободе совести и о религиозных объединениях“ в связи с жалобами религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения „Христианская церковь Прославления“» // СЗ РФ. 1999. № 51. Ст. 6363.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 мая 2000 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 4 статьи 104 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“ в связи с жалобой компании „*Timber Holdings International Limited*“» // СЗ РФ. 2000. № 21. Ст. 2258.

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений

части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова» // СЗ РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

8. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2001 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“, касающихся возможности обжалования определений, выносимых арбитражным судом по делам о банкротстве, иных его положений, статьи 49 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций“, а также статей 106, 160, 179 и 191 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Челябинской области, жалобами граждан и юридических лиц» // СЗ РФ. 2001. № 12. Ст. 1138.

9. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона „Об исполнительном производстве“ в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества „Разрез «Изыхский»“» // СЗ РФ. 2001. № 32. Ст. 3412.

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2001 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 16 Закона города Москвы „Об основах платного землепользования в городе Москве“ в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской» // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. 2). Ст. 5014.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ и статьи 92 Федерального закона „О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации“ в связи с жалобой гражданина А.М. Траспова» // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 626.

12. Постановления Конституционного Суда РФ от 24 января 2002 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности положений части второй статьи 170 и части второй статьи 235 Кодекса законов о труде Российской Федерации и пункта 3 статьи 25 Федерального

закона „О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности“ в связи с запросами Зерноградского районного суда Ростовской области и Центрального районного суда города Кемерово» // СЗ РФ. 2002. № 7. Ст. 745.

13. Постановления Конституционного Суда РФ от 19 июня 2002 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации от 18 июня 1992 года „О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС“ (в редакциях от 24 ноября 1995 года и от 12 февраля 2001 года), федеральных законов от 12 февраля 2001 года „О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»“, от 19 июня 2000 года „О минимальном размере оплаты труда“ и от 7 августа 2000 года „О порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации“ в связи с запросами Верховного Суда Российской Федерации и Октябрьского районного суда города Краснодара, жалобами граждан и общественных организаций чернобыльцев» // СЗ РФ. 2002. № 27. Ст. 2779.

14. Постановление Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации“ в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобами граждан С.А. Бунтмана, К.А. Катаняна и К.С. Рожкова» // СЗ РФ. 2003. № 44. Ст. 4358.

15. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона „Об акционерных обществах“, регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании „Кадет Истеблишмент“ и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан,

жалобами открытых акционерных обществ „Нижнекамскнефтехим“ и „Хакасэнерго“, а также жалобами ряда граждан» // РГ. 2007. 14 февр.

5.2. Верховный Суд РФ

1. Решение Верховного Суда РФ от 5 марта 2003 г. по делу по заявлению Ф.К. Габидуллиной, Г.Ф. Юнусовой, Ф.М. Кабировой, Г.Ш. Муратовой, Г.Г. Гамировой, Р.Г. Латыповой, М.З. Камаловой, Г.Г. Шафигуллиной, Г.А. Хайруллиной, Г.М. Хатбиллиной об оспаривании пункта 14.3 Инструкции о порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 15 сентября 1997 г. № 605, в части слов «без головного убора» (в части, исключающей право граждан, религиозные убеждения которых не позволяют показываться перед посторонними лицами без головных уборов, представлять для получения паспорта гражданина Российской Федерации личные фотографии с изображением лица строго в анфас). Дело № ГКПИ 03-76.

2. Определение Верховного Суда РФ от 15 мая 2003 г. о признании недействующим и не подлежащим применению со дня вынесения настоящего решения пункта 14.3 Инструкции о порядке выдачи, замены, учета и хранения паспортов гражданина РФ, утвержденной приказом МВД России от 15 сентября 1997 г. № 605.

3. Решение Верховного Суда РФ от 13 марта 2003 г. по гражданскому делу по заявлению Колоткова Михаила Анатольевича о признании недействующими п. 1 Постановления Правительства РФ от 10 июля 1999 г. № 788 «О порядке исчисления и выплаты денежного содержания федеральных государственных служащих, замещающих государственные должности федеральной государственной службы в представительствах Российской Федерации и представительствах федеральных органов исполнительной власти за рубежом, в дипломатических представительствах и консульских учреждениях Российской Федерации» и абз. 11 п. 3, пп. «в» п. 4, пп. «б» и «д» п. 5 «Правил предоставления гарантий и компенсаций работникам, направляемым на работу в представительства Российской Федерации за границей», утвержденных Постановлением Правительства РФ от 20 декабря 2002 г. № 911 (Дело № ГКПИ 03-97).

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 21 мая 2004 г. № 49-Г04-48 по заявлению Прокурора Республики Башкортостан о ликвидации общественной организации Центр «Диалектика» Республики Башкортостан // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 11.

5. Определение Верховного Суда РФ от 19 октября 2004 г. по делу № 45-Г04-35 по кассационной жалобе Свердловского областного регионального отделения политической партии Российская партия труда на решение Свердловского областного суда от 29 июля 2004 г. по иску Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Свердловской области к Свердловскому областному региональному отделению политической партии «Российская партия труда» о приостановлении деятельности.

6. Определение судьи Верховного Суда РФ Ю.А. Гуцол от 23 сентября 2005 г. об отказе в истребовании дела по надзорной жалобе Свердловского областного регионального отделения политической партии «Российская партия труда» на решение Свердловского областного суда от 29 июля 2004 г., определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 19 октября 2004 г. в связи с неприменением норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

7. Определение Верховного Суда РФ от 16 августа 2005 г. по делу № 4-Г05-23 по кассационной жалобе представителя межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия» Вариводы В.В. на решение Московского областного суда от 29 июня 2005 г., которым ликвидирована межрегиональная общественная организация «Национал-большевистская партия» с исключением из Единого государственного реестра юридических лиц.

8. Определение Верховного Суда РФ от 31 октября 2006 г. по делу № 77-В06-18 по иску Ф., Ф.В. к Министерству финансов Российской Федерации, Управлению Федерального казначейства Российской Федерации по Липецкой области о взыскании долга и возмещении ущерба по надзорной жалобе Управления Федерального казначейства по Липецкой области на решение Советского районного суда г. Липецка от 16 апреля 2003 г., определение судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда от 27 сентября 2004 г. и постановление президиума Липецкого областного суда от 15 декабря 2005 г., которыми заявленные исковые требования удовлетворены частично.

9. Решение Верховного Суда РФ от 7 апреля 2006 г. по гражданскому делу № ГКПИ06-367 по заявлению Ш. о признании недействующим пункта 5.1 Типовых правил внутреннего распорядка судов, утвержденных Постановлением Совета судей РФ от 18 апреля 2003 г. № 101.

10. Определение Верховного Суда РФ от 31 октября 2006 г. по делу № 77-В06-18 по иску Ф., Ф.В. к Министерству финансов Российской Федерации, Управлению Федерального казначейства Российской Федерации по Липецкой области о взыскании долга и возмещении ущерба по надзорной жалобе Управления Федерального казначейства по Липецкой области на решение Советского районного суда г. Липецка от 16 апреля 2003 г., определение судебной коллегии по гражданским делам Липецкого областного суда от 27 сентября 2004 г. и постановление президиума Липецкого областного суда от 15 декабря 2005 г., которыми заявленные исковые требования удовлетворены частично.

11. Решение Верховного Суда РФ от 3 октября 2007 г. по гражданскому делу № ГКПИ07-1079 (Д) по заявлению А. о признании недействующим пункта 159 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденных Приказом Министерства юстиции РФ от 3 ноября 2005 г. № 205.

12. Определение Верховного Суда РФ от 2 ноября 2007 г. по гражданскому делу № 6-В07-28 по иску З. к государственному учреждению — Управлению Пенсионного фонда РФ в г. Рязани о перерасчете назначенной пенсии и взыскании задолженности по надзорной жалобе З. на решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 16 мая 2006 г., которым в удовлетворении иска отказано, определение судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 12 июля 2006 г. и постановление президиума Рязанского областного суда от 24 апреля 2007 г., оставившие решение суда без изменения.

13. Определение Верховного Суда РФ от 2 марта 2007 г. по гражданскому делу № 4-В07-1 по иску Н. к Государственному учреждению — Главному управлению Пенсионного фонда РФ № 5 по г. Москве и Московской области о перерасчете назначенной трудовой пенсии по надзорной жалобе Государственного учреждения — Главного управления Пенсионного фонда РФ № 5 по г. Москве и Московской области на решение Химкинского городского суда Московской области от 28 декабря 2004 г., которым исковые требования удовлетворены, определение судебной коллегии

по гражданским делам Московского областного суда от 28 марта 2005 г. и постановление президиума Московского областного суда от 11 октября 2006 г., оставившими решение без изменения.

14. Определение Верховного Суда РФ от 2 ноября 2007 г. № 6-В07-28 по гражданскому делу по иску З. к государственному учреждению — Управлению Пенсионного фонда РФ в г. Рязани о перерасчете назначенной пенсии и взыскании задолженности по надзорной жалобе З. на решение Железнодорожного районного суда г. Рязани от 16 мая 2006 г., которым в удовлетворении иска отказано, определение судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 12 июля 2006 г. и постановление президиума Рязанского областного суда от 24 апреля 2007 г., оставившие решение суда без изменения.

5.3. Иные суды

1. Решение Свердловского областного суда от 16 ноября 2000 г. по делу по жалобе П.Ю. Скакунова на действия Областной Думы Законодательного Собрания Свердловской области в части признания недействующим и не подлежащим применению пп. 12 п. 2 ст. 3 Областного закона от 27 ноября 1998 г. № 40-ОЗ «О налоге с продаж».

2. Решение Нижнесалдинского городского суда Свердловской области от 25 апреля 2001 г. по жалобе Н.А. Топиро на действия Министерства юстиции РФ и профсоюзного комитета ОАО «Салдинский металлургический завод» и положения Устава горно-металлургического профсоюза России, согласно которому «члены профсоюза... не могут быть на учете в других профсоюзах».

3. Определение Свердловского областного суда от 12 июля 2001 г. об отмене решения Нижнесалдинского городского суда Свердловской области от 25 апреля 2001 г. по жалобе Н.А. Топиро на действия Министерства юстиции РФ и профсоюзного комитета ОАО «Салдинский металлургический завод» и положения Устава горно-металлургического профсоюза России.

4. Решение Ракитянского районного суда Белгородской области от 28 января 2002 г. по делу по иску В.А. Водяниковой к редакции межрайонной газеты «Наша жизнь» и корреспонденту Н.Н. Осенней о защите чести и достоинства и взыскании компенсации морального вреда.

5. Постановление Уставного суда Свердловской области от 25 января 2002 г. по запросу о соответствии п. 4.6 Положения о порядке организации и проведения в городе Екатеринбурге митингов, уличных шествий, демонстраций и пикетирования, утвержденного решением Екатеринбургской городской думы от 22 мая 2001 г. № 3/4 // Областная газета. 2002. 30 янв.

6. Решение Пушкинского федерального районного суда г. Санкт-Петербурга от 29 мая 2002 г. в составе судьи и 2 народных заседателей о признании недействительным завещания, составленное Родионовой Е.М. на имя Бельчиковой А.М.

7. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 4 сентября 2002 г. о признании незаконными действий старшего сержанта милиции РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга Ю.Е. Копырина в части задержания и доставления А.Л. Буркова в РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга.

8. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 1 ноября 2002 г. о признании незаконными действий старшего сержанта милиции РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга Ю.Е. Копырина в части задержания и доставления Р.А. Берг в РУВД Верх-Исетского района г. Екатеринбурга.

9. Решение Нижегородского районного суда г. Н. Новгорода от 20 декабря 2002 г. по делу по иску А.В. Санникова к редакции газеты «Весело живем», ЗАО РИА «Лоцман» и автору публикации о защите чести, достоинства, деловой репутации, компенсации морального вреда.

10. Решение Ленинского районного суда г. Екатеринбурга от 1 июня 2004 г. по делу по иску Администрации города Екатеринбурга к С.И. Беляеву, ЗАО «Информационное агентство „Регион-Информ“», редакции «Областной газеты» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений.

11. Решение Свердловского областного суда от 22 июня 2004 г. по делу по заявлению С.И. Беляева о признании противоречащим федеральному законодательству и недействующим п. «п» ст. 7 Областного закона от 8 июня 1995 г. № 17-ОЗ «Об основах жилищной политики в Свердловской области».

12. Решение Свердловского областного суда от 29 июля 2004 г. по делу по иску Главного управления Министерства юстиции РФ по Свердловской области к Свердловскому областному региональному отделению политической партии «Российская партия труда» о приостановлении деятельности.

13. Определение судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 31 августа 2004 г. по делу по иску Администрации г. Екатеринбурга к С.И. Беляеву, ОАО «Информационное агентство „Регион-Информ“», редакции «Областная газета» о защите деловой репутации, опровержении порочащих сведений, компенсации морального вреда, причиненного распространением порочащих сведений по кассационной жалобе С.И. Беляева.

14. «Справка по результатам обобщения практики рассмотрения дел о принудительной госпитализации гражданина в психиатрический стационар (о продлении срока принудительной госпитализации) и принудительном психиатрическом освидетельствовании» от 23 сентября 2004 г., изданная Судебной коллегией по гражданским делам Свердловского областного суда.

15. Решение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга от 13 октября 2004 г. по иску ОАО «Уралхиммаш» к Тимофеевой о выселении.

16. Постановление Президиума Свердловского областного суда от 13 июля 2005 г. по уголовному делу по надзорному представлению заместителя Генерального прокурора РФ на приговор Синарского районного суда г. Каменска-Уральского Свердловской области от 20 ноября 2002 г.

17. Определение Пушкинского федерального районного суда г. Санкт-Петербурга от 13 декабря 2005 г. об отказе в удовлетворении заявления Бельчиковой А.М. о пересмотре решения Пушкинского районного суда Санкт-Петербурга от 29 мая 2002 г. по вновь открывшимся обстоятельствам.

18. Кассационное определение Верховного суда Республики Марий Эл от 15 декабря 2005 г. по кассационной жалобе Ржавина по делу о взыскании 100 000 руб. компенсации морального вреда, причиненного неоднократными отказами в возбуждении уголовного дела в отношении сотрудников милиции, а также непринятие должностными лицами органов прокуратуры мер по устранению нарушений действующего законодательства, на которые неоднократно указывал Йошкар-Олинский городской суд.

19. Определение Верховного Суда Республики Марий Эл от 24 января 2006 г. на решение Йошкар-Олинского городского суда от 12 декабря 2005 г. по иску Давлетшиных к Министерству финансов РФ и Министерству финансов Республики Марий Эл о взыскании компенсации морального вреда и материального ущерба.

20. «Справка по результатам обобщения практики разрешения судами Свердловской области дел по жалобам на действия (бездействие) судебных приставов-исполнителей». Справка подготовлена судьей Свердловского областного суда Н.А. Панкратовой 20 февраля 2006 г.

21. «Справка о результатам обобщения практики рассмотрения дел о принудительной госпитализации гражданина в психиатрической стационар (о продлении срока принудительной госпитализации) и принудительном психиатрическом освидетельствовании». Справка подготовлена судьей Свердловского областного суда Н.А. Панкратовой 20 февраля 2006 г.

22. Решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий от 14 марта 2006 г. по делу по иску Н.Ю. Свистунова к Министерству финансов РФ о взыскании компенсации морального вреда, причиненного незаконными действиями должностных лиц органов внутренних дел.

23. Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга от 27 июня 2006 г. по иску З. к прокуратуре Свердловской области, Министерству финансов РФ, Управлению Федерального казначейства РФ по Свердловской области.

24. Определение Верховного суда Республики Марий Эл от 2 октября 2007 г. по кассационной жалобе Маховой О.А. на решение Йошкар-Олинского городского суда Республики Марий Эл от 28 августа 2007 г., по которому Маховой Ольге Андреевне отказано в удовлетворении иска в интересах Маховой Дарьи Игоревны к Министерству финансов РФ о компенсации морального вреда.

25. Обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12.

26. Постановлении Уставного суда Свердловской области от 12 октября 2009 г. по делу о соответствии Уставу Свердловской области

ст. 37 Закона Свердловской области «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области».

6. Интернет-ресурсы

1. Изучаем Европейскую конвенцию: <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school>.
2. Общественная организация «Сутяжник»: <http://www.sutyajnik.ru>.
3. Институт проблем информационного права: <http://www.medialaw.ru>.
4. Центр защиты прав СМИ: <http://www.mmdc.ru>.
5. Фонд защиты гласности: <http://www.gdf.ru>.
6. Центр «Демос»: <http://www.demos-center.ru>.
7. Фонд «Право матери»: <http://www.mright.hro.org>.
8. Комитет против пыток: <http://www.pytkam.net>.
9. Кафедра международного права Московского государственного университета: <http://www.law.msu.su>.
10. Институт Европейского Права: <http://www.eclaw.ru>.
11. Российская академия правосудия: <http://www.raj.ru>.
12. Верховный Суд РФ: <http://www.supcourt.ru>.
13. Свердловской областной суд: <http://www.ekboblsud.ru>.
14. Квалификационная коллегии судей Свердловской области: <http://http://www.vkks.ru/?region=66>.
15. База данных Европейского суда по правам человека: <http://www.echr.coe.int/echr/en/hudoc>.
16. Информационное агентство УралПолит.Ru: <http://www.uralpolit.ru>.
17. Федеральный правовой портал «Юридическая Россия»: <http://www.lawportal.ru>.
18. СПС «КонсультантПлюс». <http://www.consultant.ru/online>.

7. Интервью

1. Г.Ю. Арапова, директор и ведущий юрист Центра защиты прав СМИ. Интервью провел А.Л. Бурков 29 января 2008 г.
2. С.И. Беляев, Президент ОО «Сутяжник». Интервью провел А.Л. Бурков 9 января 2008 г.
3. В.В. Быков, юрист Фонда защиты гласности. Интервью провел А.Л. Бурков 20 августа 2004 г.
4. Н. Ваджич, судья ЕСПЧ. Интервью провел А.Л. Бурков 26 октября 2006 г.
5. М.А. Валова, председатель Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью провел А.Л. Бурков 12 сентября 2007 г.
6. А.Г. Валтер, председатель Серовского районного суда Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 4 сентября 2007 г.
7. В.И. Винницкий, председатель Президиума Свердловской областной экономической коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 27 сентября 2007 г.
8. Г.А. Гаджиев, профессор, судья Конституционного Суда РФ. Интервью провел А.Л. Бурков 28 февраля 2008 г.
9. Н.А. Гайдайжийская, помощник первого заместителя председателя Свердловского областного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 21 сентября 2007 г.
10. С.И. Глушкова, заместитель декана юридического факультета Гуманитарного Университета в г. Екатеринбурге. Интервью провел А.Л. Бурков 13 марта 2008 г.
11. С.А. Горячева, адвокат, член Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 4 сентября 2007 г.
12. П.А. Гук, Председатель Пензенского районного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 1 декабря 2008 г.
13. А.В. Гусев, председатель Уставного суда Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 11 сентября 2007 г.
14. А.В. Деменева, консультант аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 27 сентября 2007 г.

15. А.А. Дементьев, заместитель председателя Свердловского областного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 26 сентября 2007 г.

16. В.А. Дмитриев, судья Свердловского областного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 27 сентября 2007 г.

17. «Европейская Конвенция по правам человека в российском судопроизводстве и судебной практике». Информационное сообщение Свердловского областного суда от 30 января 2008 г. // <http://www.ekboblsud.ru/print_doc.php?t=news&id=225&pd=1>.

18. А.А. Засыпкин, главный специалист аппарата Уполномоченного по правам человека Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 28 сентября 2007 г.

19. Б.Л. Зимненко, профессор Дипломатической Академии Министерства иностранных дел, член Научно-консультативного Совета при Верховном Суде РФ. Интервью провел А.Л. Бурков 28 февраля 2008 г.

20. В.П. Игнатьев, заместитель Председателя по гражданским делам Ленинского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью провел А.Л. Бурков 28 августа 2007 г.

21. Интернет-интервью с Председателем Свердловского областного суда И.К. Овчаруком «Судья должен знать все», Информационное агентство УралПолит.Ru. 30 августа 2004 г. // <http://www.uralpolit.ru/regions/svr/30-08-2004/page_29757.html> и <http://www.sutyajnik.ru/rus/news/2004/09/6-1.htm>.

22. В.А. Касьянов, адвокат, член Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

23. С.Г. Кияйкин, председатель Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью провел А.Л. Бурков 27 августа 2007 г.

24. А.Ю. Котова, представитель заявителя Ш. Интервью провел А.Л. Бурков 7 апреля 2006 г.

25. В.Н. Курченко, судья Свердловского областного суда, председатель Квалификационной коллегии судей Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 21 сентября 2007 г.

26. *Лебедев В.* В российской судебной системе открыты вакансии примерно 5000 судей. 28 июня 2004 г. // <http://www.lawportal.ru/news/news.asp?newsID=4909>.

27. Профессор С.Ю. Марочкин. Интервью провел А.Л. Бурков 7 октября 2008 г.

28. В. Марченко, председатель Фонда «Право матери». Интервью провел А.Л. Бурков 26 ноября 2007 г.

29. Т.Г. Мерзлякова, Уполномоченный по правам человека Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 28 сентября 2007 г.

30. А.М. Митин, заместитель председателя Адвокатской палаты Свердловской области, председатель Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

31. И.В. Михайлович, президент Адвокатской палаты Свердловской области. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

32. Т.Г. Морщакова, профессор, судья Конституционного Суда РФ в отставке, советник председателя Конституционного Суда РФ. Интервью провел А.Л. Бурков 28 февраля 2008 г.

33. К. Пенчева, сотрудник Совета Европы. Интервью провел А.Л. Бурков 2 сентября 2004 г.

34. И.А. Полуяхтов, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 20 августа 2004 г.

35. С.Ю. Попов, заявитель по делу Попов и Воробьев против России. Интервью провел А.Л. Бурков 12 августа 2009 г.

36. Е.В. Романова, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 4 мая 2008 г.

37. Россия была спасена от возможного поражения в Страсбурге: интервью руководителя Свердловского регионального отделения политической партии «Российская партия труда» Информационному агентству «Сутяжник-пресс» от 29 июня 2004 г.

38. Л.Н. Руденко, председатель Орджоникидзевского районного суда г. Екатеринбурга. Интервью провел А.Л. Бурков 29 августа 2007 г.

39. О.А. Садовская, заместитель председателя межрегиональной общественной организации «Комитет против пыток». Интервью провел А.Л. Бурков 27 ноября 2007 г.

40. И.В. Сиволдаев, юрист общественной приемной при Уполномоченном по правам человека РФ в Воронежской области. Интервью провел А.Л. Бурков 28 января 2008 г.

41. Т.Е. Соболева, судья Свердловского областного суда. Интервью провел А.Л. Бурков 28 сентября 2007 г.

42. Профессор П. Соломон. Интервью провел А.Л. Бурков 20 октября 2006 г.

43. Н.И. Суровцев, почетный адвокат РФ, судья в отставке, член Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

44. Б.Р. Тузмухамедов, профессор, советник судьи Конституционного Суд РФ. Интервью провел А.Л. Бурков 28 февраля 2008 г.

45. М. Фаркухарсон, сотрудник Совета Европы. Интервью провел А.Л. Бурков 2 сентября 2004 г.

46. И.Н. Федоров, заместитель председателя Свердловской областной коллегии адвокатов. Интервью провел А.Л. Бурков 25 сентября 2007 г.

47. Д. Фелдман, профессор Кембриджского университета. Интервью провел А.Л. Бурков 10 марта 2006 г.

48. Е. Финков, президент Ростовской региональной общественной организации «Труды и дни». Интервью провел А.Л. Бурков 3 сентября 2004 г.

49. Ф. Хампсон, профессор Эссексского Университета, эксперт Совета Европы. Интервью провел А.Л. Бурков 2 июня 2004 г.

50. Л.М. Чуркина, адвокат Свердловской областной коллегии адвокатов, юрист ОО «Сутяжник». Интервью провел А.Л. Бурков 11 января 2008 г.

51. А.А. Шумилов, член региональной негосударственной правозащитной организации «Ассоциация жертв судебного произвола». Интервью провел А.Л. Бурков 3 ноября 2007 г.

8. Литература

1. *Абдулаев М.И.* Согласование внутригосударственного права с международным (теоретические аспекты) // Правоведение. 1993. № 2.

2. *Арапова Г.* Сборник практики российских судов по делам о диффамации // <http://www.mmdc.narod.ru/books/book_18.html>.

3. *Биткевич В.Г.* Советское право и международный договор. Киев, 1977.

4. *Блищенко И.П.* Действие международного договора на территории СССР // Правоведение. 1968. № 6.

5. *Братусь С.И.* Предисловие // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.И. Братуся. М., 1975.

6. *Братусь С.Н., Венгеров А.Б.* Понятие, содержание и формы судебной практики // Судебная практика в советской правовой системе / под ред. С.Н. Братуся. М., 1975.

7. *Бурков А.Л.* Судебная защита прав граждан, нарушенных недействующими нормативными актами // Правоведение. 2004. № 1; <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/articles/2004/zaschita_ot_nedeystvuyschih.pdf>.

8. *Быков В.* Механизм действия статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в процессах о защите репутации в российских судах // Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006; <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

9. *Быков В., Шишкин Д.* Статья 10 Европейской конвенции о защите прав человека в гражданских процессах о защите доброго имени // Обращения в Европейский суд по правам человека: руководство для журналистов / под ред. Г.В. Винокурова, А.Г. Рихтера, В.В. Чернышова. М., 2004.

10. *В юридических* институтах. Научная сессия в Московском юридическом институте // Социалистическая законность. 1946. № 9.

11. *Верещагин А.Н.* Судебное правотворчество в России: сравнительно-правовые аспекты. М., 2004.

12. *Верещетин В.С., Даниленко Г.М., Мюллерсон Р.А.* Конституционная реформа в СССР и международное право // Государство и право. 1990. № 5.

13. *Вильнянский С.И.* Значение судебной практики в гражданском праве // Ученые труды ВИЮН IX. 1947.

14. *Вильнянский С.И.* К вопросу об источниках советского права // Проблемы социалистического права. Ученые труды ВИЮН. 1938. № 4–5.

15. *Вышинский А.Я.* Международное право и международная организация // Советское государство и право. 1948. № 1.

16. *Вышинский А.Я.* Советское конституционное право. М., 1938.

17. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. 2-е изд. М., 1946.

18. *Гинзбургс Дж.* Соотношение международного и внутреннего права в СССР и в России // Государство и право. 1994. № 3.

19. *Горбачев М.С.* Реальности и гарантии безопасности мира. М., 1987.

20. *Гук П.А.* Судебный прецедент как источник права. Пенза, 2003.

21. *Декреты* Советской власти: в 13 т. Т. 1. М., 1957.

22. *Деменева А.В.* Европейский суд: панацея от всех бед? // Судебная защита прав граждан в ее наиболее эффективных формах: мат. науч.-практ. конф. / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2003; <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/sud_zaschita.pdf>.

23. *Деменева А.В.* Защита права на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона: практика применения статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском судебном процессе // Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006; <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

24. *Деменева А.В.* Проблемы реализации индивидуальной ответственности должностных лиц за установление Европейским судом по правам человека нарушения Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод // Обязательства государств — участников Европейской конвенции о защите прав человека по исполнению постановлений Европейского суда / под ред. Л.М. Чуркиной. Екатеринбург, 2005; <http://sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr5/echr5.pdf>.

25. *Демидов В.* О роли и значении постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 3.

26. *Добрачев Д.В.* Роль судебной практики в современном арбитражном процессе // Правоведение. 2003. № 6.

27. *Дурбеневский В.* Международные договоры в конституционном прав Союза ССР // Советское право. 1925. № 4.

28. *Европейская* Конвенция о защите прав человека и основных свобод и законодательство и правоприменительная практика Российской Федерации (сравнительный анализ). Н (98)7. 1998.

29. *Европейский* суд по правам человека: избр. решения: в 2 т. / пред. ред. коллегии д-р юрид. наук, проф. В.А. Туманов. М., 2000.

30. *Европейский* суд по правам человека. Обзор деятельности за 2008 год. Секретариат Европейского суда по правам человека. Страсбург, 2009; <http://www.echr.coe.int/NR/rdonlyres/D5B2847D-640D-4A09-A70A-7A1BE66563BB/0/ANNUAL_REPORT_2008.pdf>.

31. *Жуйков В.М.* Судебная защита прав граждан. М., 1997.

32. *Игнатенко Г.В.* Международное и советское право: Проблемы взаимодействия правовых систем // Советское государство и право. 1985. № 1.

33. *Игнатенко Г.В.* Судебное применение международно-правовых норм: очерк деятельности Верховного Суда РФ // Журнал российского права. 2008. № 1.

34. *Игнатенко Г.В., Марочкин С.Ю., Суворова В.Я.* Федеральный закон о международных договорах Российской Федерации // Российский юридический журнал. 1995. № 4.

35. *Ковлер А.И.* Международная правосубъектность индивида: продолжение дискуссии // Международное право XXI века (к 80-летию И.И. Лукашука). Киев, 2006; <http://www.echr-base.ru/kovler_art.jsp>.

36. *Кожевников Ф.И.* Некоторые вопросы теории и практики международного договора // Советское государство и право. 1954. № 2.

37. *Кожеуров Я.С.* О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» // Журнал международного частного права. 2004. № 1.

38. *Колчановский Н.П.* Организационные формы, международно-правовые основы и техника современной дипломатии // История дипломатии: в 3 т. / под ред. В.П. Потемкина. Т. 3. М., 1941.

39. *Комментарий* к Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практике ее применения / под ред. В.А. Туманова и Л. Энтина. М., 2002.

40. *Комментарий* к Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации» / под ред. В.П. Звекова и В.И. Осминина. М., 1996.

41. *Конституционное* совещание: стенограммы, материалы, документы. 29 апреля — 10 ноября 1993 г.: в 20 т. Т. 11. М., 1996.

42. *Конституция* России: 10 лет применения / под ред. А.В. Деменевой, А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2004; <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/konst_10_let_primen>.

43. *Коротеев К.* Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в постановлениях Конституционного Суда Российской Федерации (московский период) // Сравнительное конституционное обозрение. 2009. № 4.

44. *Коротеев К.* Право голоса для заключенных: опасность конституционных ограничений // Бюллетень Мемориал-EHRAC. 2005. № 3; <http://www.ehracmos.memo.ru/files/bulletin-ru-3.pdf>.

45. *Куликов В.В.* Верховный Суд Союза ССР // Суд в СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1977.

46. *Курс* международного права: в 7 т. М., 1989. Т. 1.

47. *Лаптев П.А.* Правовые позиции Европейского Суда по правам человека и пенитенциарная реформа в Российской Федерации // Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека. 2006. № 4.

48. *Лебедев В.М.* Судебная власть в современной России. СПб., 2001.

49. *Лебедев В.М.* Судебная практика и развитие законодательства // Законодательство России в XXI веке. М., 2002.

50. *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 36. 5-е изд. М., 1967.

51. *Лившиц Р.З.* Судебная практика как источник права // Судебная практика как источник права. М., 1997.

52. *Лукашук И.И.* Конституция России и международное право // Общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры в практике конституционного правосудия: материалы Всероссийского совещания (Москва. 24 декабря 2002 года) / под ред. М.А. Митюкова, С.В. Кабышева, В.К. Бобровой и А.В. Сычевой. М., 2004.

53. *Лукашук И.И.* Нормы международного права в правовой системе России. М., 1997.

54. *Марочкин С.Ю.* Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Тюмень, 1998.

55. *Марочкин С.Ю.* Международное право и практика судов общей юрисдикции в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 года // Российский вестник международного права 2004 года. СПб., 2005.

56. *Марочкин С.Ю*. Применение судами России норм международного права: Десять лет после принятия Конституции РФ // Российский ежегодник международного права. СПб., 2003.

57. *Марченко М.Н.* Источники права: учеб. пособие. М., 2005.

58. *Марченко М.Н.* Источники российского права: вопросы теории и истории: учеб. пособие. М., 2005.

59. *Международное* право / отв. ред. Г.В. Игнатенко и О.И. Тиунов. М., 2002.

60. *Мешера В.Ф.* О международном договоре как источнике Советского права // Правоведение. 1963. № 1.

61. *Митюков М.А.* Судебный конституционный надзор 1924–1933 гг.: вопросы истории, теории и практики. М., 2005.

62. *О юридической* природе руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР // Советское государство и право. 1956. № 8.

63. *Орловский П.* Значение судебной практики в развитии советского государственного права // Советское государство и право. 1940. № 8–9.

64. *Памфилова Э.А.* Главная цель международного права — «принести права человека домой» // Применение Европейской конвен-

ции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. (Международная защита прав человека. Выпуск 6). Екатеринбург, 2006; <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

65. *Пейсиков В.* Годовой отчет Российской академии правосудия за 2001 год // <http://www.abanet.org>.

66. *Подузов С.* Йошкар-Олинский городской суд руководствуется нормами международного права. Веб-сайт Центра «Демос» (2006) // <http://www.demos-center.ru/projects/6B3771E/71A1FC6/71A2046/1146064135>.

67. *Право* Совета Европы и Россия: сб. док. и мат. / под ред. И.П. Скворцова. Краснодар, 1996.

68. *Применение* Европейской конвенции по правам человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006; <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

69. *Сборник* Постановлений Пленума Верховного Суда СССР 1924–1986. М., 1987.

70. *Смирнов Л.В*. Деятельность судов РФ как источника права // Журнал российского права. 2001. № 3.

71. *Смирнов Л.Н*. 50 лет Верховного Суда СССР // Верховный Суд СССР / под ред. Л.Н. Смирнова, В.В. Куликова и Б.С. Никифорова. М., 1974.

72. *Строгович М.С*. Критика и библиография // Социалистическая законность. 1946. № 11–12.

73. *Судебная* практика как источник права / под ред. Б.Н. Топорнина. М., 1997.

74. *Судебная* практика как источник права / под ред. Б.Н. Топорнина. М., 2000.

75. *Темушкин О.П., Добровольская Т.Н.* Становление и развитие Советской судебной системы // Суд в СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1977.

76. *Усенко Е.Т.* Формы регулирования социалистического международного разделения труда. М., 1965.

77. *Хлестов О.Н.* Международное право и Россия // Московский журнал международного права. 1994. № 4.

78. *Холинер Д.* Ведение дел в российских судах в расчете на разбирательство в Страсбурге // Обращение в Европейский суд по правам человека / под ред. Ф. Лича. М., 2006; <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/school/books/EHRAC_training_manual.pdf>.

79. *Хрущев Н.С.* Мир без оружия — мир без войн: в 2 т. Т. 2. М., 1960.

80. *Черниченко С.В*. Личность и международное право. М., 1974.

81. *Черниченко С.В.* Теория международного права: в 2 т. Т. 2. Старые и новые теоретические проблемы. М., 1999.

82. *Чистякова О.И.* Судебная реформа // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 8. М., 1991.

83. *Чуркина Л.М., Деменева А.В., Бурков А.Л.* Список источников на русском языке по вопросу толкования и применения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Применение Европейской конвенции о защите прав человека в судах России / под ред. А.Л. Буркова. Екатеринбург, 2006; <http://www.sutyajnik.ru/rus/library/sborniki/echr6/echr6.pdf>.

84. *Шейнин Х.Б.* Руководящие разъяснения Верховного Суда СССР — важное средство укрепления социалистической законности // Верховный Суд СССР / под ред. Л.Н. Смирнова, В.В. Куликова и Б.С. Никифорова. М., 1974.

85. *Шейнин Х.Б*. Руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда СССР и контроль за их выполнением // Высший судебный орган в СССР / под ред. Л.Н. Смирнова и др. М., 1984.

86. *Захарова Н.В.* Индивид — субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11.

87. *Зимненко Б.Л.* Решения Европейского суда по правам человека и правовая система Российской Федерации // Московский журнал международного права. 2004. № 2.

88. *Van Den Berg G.* Human Rights in the Legislation and the Draft Constitution of the Russian Federation // Review of Central and East European Law 18. № 3 (1992).

89. *Barry D.D. and Barner-Barry C.* The USSR Supreme Court and Guiding Explanations of Civil Law, 1962–1971 // Contemporary Soviet Law: Essays in Honor of J.N. Hazard / ed. D.D. Barry, W.E. Butler and G. Ginsburg. The Hague, 1974.

90. *Berman H.J.* The Spirit of Soviet Law // Washington Law Review 23. 1948.

91. *Bernhardt R., Trechsel S., Weitzel A. and Ermacora F.* Report on the Conformity of the Legal Order of the Russian Federation with Council of Europe Standards // Human Rights Law Journal 15. 1994.

92. *Black's* Law Dictionary with Pronunciations. 6th ed.; 8th reprint. Saint-Paul, Minnesota, 1998.

93. *Bowring B.* Positivism Versus Self-determination: the Contradictions of Soviet International Law // International Law on the Left: Re-examining Marxist Legacies / ed. Susan Marks. Cambridge, 2008.

94. *Bowring B.* Russia in a Common European Legal Space. Developing effective remedies for the violations of rights by public bodies: compliance with the European Convention on Human Rights // The Uppsala Yearbook of East European Law. 2005.

95. *Bowring B.* Russia's Accession to the Council of Europe and Human Rights: Compliance or Cross-Purposes? // European Human Rights Law Review. 1997.

96. *Brownlie I.* Basic Documents on Human Rights. 1992.

97. *Burkov A.* The Impact of the European Convention on Human Rights on Russian Law: Legislation and Application in 1996–2006. Vol. 45. Soviet and Post-Soviet Politics and Society. Stuttgard, 2007.

98. *Butler W.E.* Soviet Law. 2nd ed. London, 1988.

99. *Butler W.E.* The Russian Law of Treaties. 1997.

100. *Damrosch L.F.* International Human Rights Law in Soviet and American Courts, Yale Law Journal 100. 1990–1991.

101. *Danilenko G.* Implementation of International Law in CIS States: Theory and Practice // European Journal of International Law 1. 1999; <http://www.ejil.org/journal/Vol10/No1/100051.pdf>.

102. *Danilenko G.* The New Russian Constitution and International Law // American Journal of International Law 88. 1994.

103. *Ginsburgs G.* The Validity of Treaties in the Municipal Law of the «Socialist» States // American Journal of International Law 59. 1965.

104. *German* Ideology. 4 Karl Marx, Sochineniia. 1933.

105. *Gsovski V.* Soviet Civil Law. Vol. 1. Michigan Legal Studies. Ann Arbor, 1948.

106. *Foglesong T.* The Reform of Criminal Justice and Evolution of Judicial Dependence in Late Soviet Russia // Reforming Justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order, ed. Peter Solomon. Armonk, N.Y., London, 1997.

107. *Foreword* by the Registrar on the occasion of the 100th issue of the Case-Law of the Court Information Note No 100 August/September 2007.

108. *Freeman A.* Some Aspects of Soviet Influence on International Law // American Journal of International Law 62. 1968.

109. *Hazard J.N.* The Soviet Concept of International Law // The Thirty-third Annual Meeting of the American Society of International Law. Proceedings № 27. May 1945 / ed. J.N. Hazard and W.B. Stern. Washington, 1939.

110. *Hazard J.N.* The Soviet Court as a Source of Law // Washington Law Review 24. 1949. № 1.

111. *Hazard J.N.* The Soviet Union and International Law // Illinois Law Review of Northwestern University 43. 1948. № 5.

112. *Hazard J.N.* The Soviet Union and International Law // Soviet Studies 1. 1950. № 3.

113. *Hazard J.N.* The Soviet Union and the World Bill of Rights // Columbia Law Review 47. 1947. № 7.

114. *Hazard J.N.* Understanding Soviet Law Without the Cases // Soviet Studies. 1955.

115. *Human* Rights in National and International Law // The Second International Conference on the European Convention on Human Rights Held in Vienna under the Auspices of the Council of Europe and the University of Vienna / ed. A.H. Robertson. 18–20 October 1965.

116. *Janis M.* Russia and the 'Legality' of Strasbourg Law // European Journal of International Law 8:1. 1997.

117. *Koroteev K. and Golubok S.* Judgment of the Russian Constitutional Court on Supervisory Review in Civil Proceedings: Denial of Justice, Denial of Europe // Human Rights Law Review 7. 2007. Перевод на русский язык см.: *Коротеев К. и Голубок С.* Постановление Конституционного Суда об институте надзора в гражданском процессе:

отказ в правосудии, отрицание Европы // <http://www.ehracmos.memo.ru/files/Koroteev-Golubok-HRLR.pdf>.

118. *Kovler A.I.* Examiner's Independent Report and Recommendation on the PhD thesis of Mr. Anton Burkov, Wolfson College, University of Cambridge, entitled «The Current and Potential Usefulness of Regulations Made by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in Securing the Implementation of the European Convention on Human Rights by Russian Courts». Strasbourg, 28 May 2009.

119. *Lukashuk I.* Russia's Conception of International Law // The Parker School Journal of East European Law 2. 1995.

120. *Marochkin S.Yu.* International Law in the Courts of the Russian Federation: Practice of Application // Chinese Journal of International Law 6. 2007. № 2.

121. *Muehlemann E.* Report on Russia's Request for Membership of the Council of Europe // Human Rights Law Journal 17. 1996. № 3–6.

122. *Nussberger A.* The Reseption Process in Russia and Ukraine // A Europe of Rights: The Impact of the ECHR on National Legal Systems / eds. H. Keller and A. Stone Sweet. Oxford, 2008.

123. *Ovey C. and White R.* Jacobs and White, the European Convention on Human Rights. Oxford, 2002.

124. *Savitskii V.M.* Will There Be a Judicial Power in the New Russia? // Review of Central and East European Law 19. 1993. № 6.

125. *Solomon P.H.* Soviet Criminal Justice Under Stalin. Cambridge, 1996.

126. *Taracouzio N.A.* The Soviet Union and International Law: a Study Based on the Legislation, Treaties and Foreign Relations of the Union of Socialist Soviet Republics. New York, 1935.

127. *Terebilov V.* The Soviet Court. Moscow, 1973.

128. *The Cost* of Reputation. Defamation Law and Practice in Russia. London, 2007; <http://www.article19.org/pdfs/press/bahrain-article-19-condemns-the-targeting-of-human-rights-activists-and-call.pdf>.

129. *Triska J.F. and Slusser R.M.* The Theory, Law, and Policy of Soviet Treaties. Stanford, Calif., 1962.

130. *Trochev A.* All Appeals Lead to Strasbourg? Unpacking the Impact of the European Court of Human Rights on Russia. June 18, 2009. Demokratizatsiya. Vol. 17. № 2. Spring 2009; Univ. of Wisconsin

Legal Studies Research Paper № 1082 // <http://ssrn.com/abstract=1421342>.

131. *Tunkin G.I.* Theory of International Law / ed. L.N. Shestakov, W.E. Butler, trans. W.E. Butler, 2nd ed. Wildy, 2003.

132. *Uschakow A.* Sowetunion und sowjetische Privatvolkerrecht. Koln, 1964.

133. *Wagner W.* Civil Law, Individual Rights, and Judicial Activism in Late Imperial Russia // Reforming Justice in Russia, 1864–1996: power, culture, and the limits of legal order / ed. P. Solomon. Armonk, N.Y., London, 1997.

134. *Wagner W.* Marriage, Property, and Law in Late Imperial Russia. Oxford, 1994.

135. *Yearbook* of the European Convention on Human Rights. The European Commission and European Court of Human Rights. 1961. Martinus Nijhoff, 1962.

Научное издание

Бурков Антон Леонидович

КОНВЕНЦИЯ О ЗАЩИТЕ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В СУДАХ РОССИИ

Монография

Редактор Е.И. Ковальчук
Дизайн обложки Е.В. Гуров
Верстка А.В. Плотников
Корректор Л.А. Воронина
Ответственная за выпуск И.А. Бусыгина

Подписано в печать 17.02.2010
Формат 60x90/16
Гарнитура Octava
Усл. печ. л. 28,0
Уч.-изд. л. 22,5
Тираж 1000 экз.

Заказ №

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.60.953.Д.004118.04.09
о соответствии издания ОСТ 29.124-94 от 16.04.2009 г.

ООО «Волтерс Клувер»
127287, Москва, 2-я Хуторская, д. 38А, Бизнес-центр «Mirland», офис 402
Тел.: +7 (495) 721-89-51/52/53
Факс: +7 (495) 721-89-54
E-mail: office@wolters-kluwer.ru
Website: www.wolters-kluwer.ru

Книги издательства можно заказать по тел.: 8-800-200-6789
(круглосуточно; междугородный звонок бесплатно)

ПОЛЬЗОВАТЕЛЬ ParaType In Legal Use

Использованы лицензионные шрифты фирмы «ParaType»

ОАО «Московская типография № 2»
129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел.: (495) 682-24-91.